

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

34

ггательства Сибири и Дальнего Востока —
в службу народа

итайской Народной Республике —
четверть века

пония: трудные времена

овременный этап идеологической борьбы
против маоизма

Мао Цзэ-дун и Цинь Ши-хуан

известное интервью Сунь Ят-сена

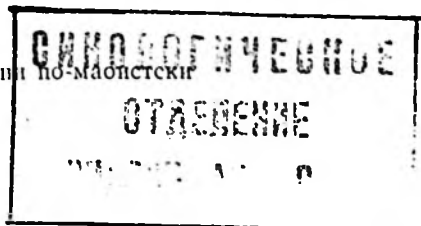
3

1974

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- Богатства Сибири и Дальнего Востока — на службу на-
роду
3 *М. С. Соломенцев*
- «КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА**
- 19 Актуальные проблемы современного Китая
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- Китайской Народной Республике — четверть века
39 *М. С. Капица*
- Вопреки интересам рабочего класса Китая
52 *Р. Макс, В. Шёбе (ГДР)*
- Произвол и насилие — основа политики маоистов
64 *Л. М. Гудошников*
- Япония: трудные времена
73 *И. И. Ивков*
- Дипломатические маневры маоистов в ЮВА
90 *М. А. Андреев*
- Пронски Пекина в Индонезии
101 *Ю. А. Алёшин*
- Бирма: курсом социалистической ориентации
111 *В. П. Кудинов*
- ИДЕОЛОГИЯ**
- Современный этап идеологической борьбы против маоиз-
ма
123 *О. Е. Владимиров*
- Мао Цзэ-дун и Цинь Ши-хуан
136 *Ван Мин*
- Субъективная социология — идейная опора маоизма
155 *Н. Г. Сенин*
- ИСТОРИЯ**
- К истории зарождения вооруженных сил китайской ре-
волюции
168 *М. Ф. Юрьев*
- КОММЕНТАРИИ**
- Реорганизация партии по-маоистски
177 *Г. А. Сергеева*

- 182 В борьбе за социально-экономический прогресс
И. А. Алексеев

КУЛЬТУРА

- 187 Советская литература в Корее (1945—1955)
В. И. Иванова

ПУБЛИКАЦИИ

- 194 Неизвестное интервью Сунь Ят-сена

ВОСПОМИНАНИЯ

- 197 Ли Да-чжао — мыслитель, революционер, интернационалист
Тин Шэн
- 205 Видный советский коммунист, участник китайской революции (в связи с 90-летием со дня рождения М. М. Бородина)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 210 Новые материалы по истории Сунского времени
Н. Ц. Мункуев
- 216 Монография о рабочем движении Японии
Г. И. Подпалова
- 218 Силой оружия и экономическим закабалением
Е. И. Кычанов
- 220 Социально-экономические проблемы китайской деревни
Г. Д. Сухарчук
- 227 Польский ученый о проблеме США — Китай
В. Б. Воронцов, В. В. Дашков

- 231 Братские коммунистические и рабочие партии разоблачают

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

- 235 Билал Назым — поэт-патриот
М. К. Хамраев
- 237 Научная конференция «Движение 4 мая»

- 239 Памяти Цюй Цю-бо
М. Г. Теплицкий

- 241 СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- 243 НОВЫЕ КНИГИ

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»
1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (н. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

Богатства Сибири и Дальнего Востока — на службу народу

М. С. Соломенцев,

*кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС,
Председатель Совета Министров РСФСР*

Период, истекший после XXIV съезда КПСС, ознаменован крупными успехами нашего народа в коммунистическом строительстве, в осуществлении ленинского генерального курса Коммунистической партии Советского Союза во внутренней и внешней политике, в выполнении намеченной съездом социально-экономической программы.

Весомый вклад в это общенародное дело вносит Российская Федерация. На основе широко развернувшегося социалистического соревнования, более полного использования резервов производства трудящиеся республики добились за три года девятой пятилетки значительных результатов в развитии экономики и культуры. Объем промышленной продукции возрос почти на 23%, валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 12%. Основных фондов введено на 154 млрд. рублей. В строй вступило свыше 600 крупных промышленных предприятий, а также значительное количество цехов и производств. Производительность труда повысилась в промышленности примерно на 19%, строительстве — на 16, в колхозах, совхозах и государственных подсобных хозяйствах — на 14,6%. За этот период розничный товарооборот возрос на 18,6%, объем бытовых услуг — на 31,2%, реальные доходы на душу населения увеличились на 14%.

Вместе с тем предстоит упорная и напряженная работа, чтобы успешно справиться с заданиями девятой пятилетки. Дальнейшее развитие экономики как в ближайшей, так и в долговременной перспективе во многом зависит от всемерного повышения эффективности общественного производства и производительности труда, улучшения размещения производительных сил и территориальных пропорций, ускоренного освоения природных ресурсов и наращивания экономического потенциала восточных районов страны.

* * *

Вопросы ускорения темпов развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока — обширного края, простирающегося от Урала до Тихого океана, постоянно находились и находятся в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства. И это закономерно, так как этот край обладает огромными природными ресурсами, что открывает самые благоприятные перспективы для дальнейшего развития здесь многих отраслей народного хозяйства. До Великой Октябрьской социалистической революции Сибирь и

Дальний Восток были глухими окраинами царской России с печально известными местами каторги и ссылки. Экономика этих районов была развита крайне слабо. Например, в 1913 г. вся валовая продукция промышленности Сибири составляла лишь 1,5% промышленного производства России. Сельскому хозяйству принадлежала преобладающая доля в экономике, но и оно было малопродуктивным. Валовой сбор зерна до революции не превышал 4—5 млн. т, что почти в полтора раза меньше, чем сейчас дает один Алтайский край.

Особенно примитивно было хозяйство коренных народностей — якутов, бурятов, алтайцев, тувинцев и т. д.

Едва тронута промышленным освоением накануне революции была и территория Дальнего Востока. При этом огромные лесные и другие природные богатства использовались хищнически.

Коренные изменения в народном хозяйстве Сибири и Дальнего Востока произошли за годы Советской власти. Стратегические вехи экономического развития восточных районов были определены экономической политикой партии. В. И. Ленин еще в 1918 г. предложил разработать комплексный проект соединения железной руды Урала с каменным углем Кузнецкого бассейна и указал на важность изучения гидроэнергетических ресурсов Сибири. «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники,— говорил В. И. Ленин,— даст основу невиданного прогресса производительных сил»¹. В плане ГОЭЛРО, разработанном по инициативе Владимира Ильича, проблемы развития производительных сил Сибири решались на основе комплексного использования сырьевых и топливно-энергетических ресурсов.

Свое конкретное воплощение ленинские идеи развития восточных районов нашли в последующих решениях партии и правительства. Так, на XVI съезде партии было решено создать новую мощную угольно-металлургическую базу — Урало-Кузбасский комбинат. Программа его создания была комплексной и не ограничивалась развитием только угольной промышленности и металлургии. Она предусматривала создание строительной базы, горного и тяжелого машиностроения, коксохимии, строительство железных дорог, возведение новых городов, решение социально-бытовых вопросов.

За короткий срок в Сибири и на Дальнем Востоке возникли новые отрасли промышленности и индустриальные центры, что позволило резко увеличить темпы развития экономики этого края. Так, в 1940 г. по сравнению с 1913 г. общий объем промышленного производства восточных районов возрос в 21 раз, в том числе Западной Сибири — в 36 раз, Восточной Сибири — в 16 раз и Дальнего Востока — в 18 раз. В целом же по РСФСР он увеличился в 8,7 раза.

Сразу после установления Советской власти правительством был принят декрет об устройстве малых народностей, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока.

За всеми этими цифрами и фактами, характеризующими ускоренное развитие экономики, крупнейшими сдвигами, которые произошли в хозяйственном и культурном строительстве края,— напряженный труд сибиряков и дальневосточников, огромная помощь, оказанная им всеми народами СССР. Без этой помощи Сибирь и Дальний Восток не имели бы тех успехов в экономике, которых они достигли к началу Отечественной войны. Сибирь и Дальний Восток, как известно, не остались в долгу. Производившиеся здесь металл и оружие помогли

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 188.

разгромить фашизм, хлеб и продукты выручали страну в тяжелые годы войны.

Яркой страницей в летописи освоения Сибири в послевоенные годы является решение ангаро-енисейской проблемы. В начале пятидесятых годов было принято решение начать освоение гидроресурсов Ангары и Енисея и на этой основе развить алюминиевую, химическую и другие отрасли промышленности. Реализация этой идеи связана со строительством таких энергетических гигантов, как Иркутская, Братская, Красноярская ГЭС. Свое дальнейшее развитие эта проблема нашла в решениях XXIV съезда партии, которые предусматривают завершение строительства Усть-Илимской ГЭС и начало строительства самой крупной в мире Саянской ГЭС и на их базе создание мощных территориально-производственных комплексов.

Новая вса в экономическом развитии Сибири связана с освоением уникальных месторождений нефти и газа на территории Западно-Сибирской равнины. Особенность этого освоения состоит в том, что вовлечение в хозяйственный оборот природных богатств осуществляется в трудных природно-климатических условиях, в местах, удаленных от промышленных центров.

Крупные долгосрочные программы экономического развития, о которых шла речь,— создание Урало-Кузбасского и Ангаро-Енисейского комплексов, нефтегазовой базы и других комплексов — оказывают огромное революционизирующее влияние на экономику всей страны, обладают рядом принципиальных особенностей. Что же это за особенности?

Во-первых, комплексный подход к освоению природных ресурсов восточных районов. Урало-Кузбасский комплекс явился определенной технико-экономической базой развития промышленности в Ангаро-Енисейском районе и на Дальнем Востоке. Это создало условия для освоения природных богатств Восточной Сибири, превращения ее в центр производства дешевой электроэнергии и продукции электроемких производств мирового значения.

Во-вторых, комплексное строительство предприятий, при котором наряду с созданием мощной производственной базы сооружаются различные предприятия обслуживания населения, жилье, детские дошкольные учреждения, школы, клубы, медицинские учреждения,— словом, все, что необходимо для труда и культурного отдыха работников предприятий.

В-третьих, принципиально новая основа освоения природных ресурсов восточных районов. Эта задача осуществляется на базе научно-технического прогресса, широкого использования новейшей техники, высокопроизводительных машин и оборудования, что позволяет значительно ускорить темпы выполнения народнохозяйственных программ. Так, для достижения годовой добычи нефти в 100 млн. т в Урало-Поволжском районе потребовалось более 20 лет. На Западно-Сибирской равнине в более сложных природных условиях (вечная мерзлота, низкие температуры, тайга, болота, удаленность от промышленных центров) для достижения годовой добычи в объеме 125 млн. т потребуются примерно 10 лет. Промышленность Сибири и Дальнего Востока в 1941—1973 гг. развивалась в 1,5 раза быстрее, чем промышленность СССР в целом.

В-четвертых, правильное использование преимуществ социализма создает возможность быстрее и эффективнее осваивать новые районы, развивать производительные силы. Плановая система хозяйства позво-

ляет наиболее рационально использовать природные, материальные и трудовые ресурсы, маневрировать ими.

Исключительно важное значение для развития восточных районов имеют решения XXIV съезда партии, в которых выдвинуты в качестве важнейших задач интенсивное использование природных богатств и ускорение темпов экономического развития восточных районов страны.

Говоря о дальнейшем освоении восточных районов РСФСР как о большой и ответственной задаче советского народа, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал, что речь идет о подлинно научном подходе к освоению огромных территорий Российской Федерации — о подходе, который сочетал бы решение актуальных задач сегодняшнего дня с учетом отдаленных перспектив развития страны. Для этого необходимо разрабатывать программы, которые увязывали бы в единое целое экономические, демографические, социально-политические, географические и другие факторы предстоящего развития того или иного региона. Одним из примеров такой программы является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о комплексном плане развития производительных сил Красноярского края на 1971—1980 годы.

Итоги прошедших трех лет девятой пятилетки свидетельствуют о том, что поставленные XXIV съездом КПСС задачи развития экономики Сибири и Дальнего Востока успешно претворяются в жизнь. Значительно увеличены производственные мощности и вырос объем пускаемой продукции во всех отраслях народного хозяйства. Вступили в действие новые нефтегазопромыслы и шахты, завершено строительство самой крупной в мире Красноярской ГЭС. Увеличилось производство нефтехимических и химических продуктов, значительно расширены мощности предприятий цветной металлургии, возросли объемы производства продукции деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, легкой и пищевой промышленности.

Сейчас в Сибири и на Дальнем Востоке действуют около 6 тысяч промышленных предприятий, которые производят продукции примерно на 50 млрд. рублей в год. На долю этих районов приходится ныне в общем объеме продукции Российской Федерации 29% электроэнергии, 26 — добычи нефти, 23 — газа, 61 — угля, 15 — стали, 18 — химических волокон, 36 — вывозки деловой древесины, 23 — целлюлозы, 20% — цемента.

Дальнейшее развитие получило сельское хозяйство. На долю Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов ныне приходится пятая часть всей сельскохозяйственной продукции, производимой в России. За 1971—1973 гг. в этих районах государством было заготовлено около 26% зерна, 21 — мяса и молока, 18% — яиц и 25% — шерсти от общего объема закупок этой продукции в целом по республике.

Достижение высоких технико-экономических показателей зависит прежде всего от всемерного повышения эффективности производства, роста производительности труда, быстреего внедрения достижений науки и техники в производство. На XXIV съезде партии особо подчеркивалось, что как с точки зрения очередных задач, так и долгосрочных перспектив на первое место выдвигается ускорение научно-технического прогресса. За минувшие три года девятой пятилетки только в промышленности восточных районов комплексно механизировано примерно 100 предприятий, 1,8 тыс. цехов и участков, внедрено 3 тысячи механизированных, поточных и автоматических линий. Эко-

номический эффект от внедрения новой техники и технологии составил около миллиарда рублей.

Ускорение научно-технического прогресса, внедрение новых методов хозяйствования и осуществление ряда других мероприятий позволили добиться высоких темпов экономического развития восточных районов. При росте общего объема промышленного производства в целом по Российской Федерации в 1973 г. по сравнению с 1913 г. в 113 раз по восточным районам он увеличился в 446 раз, в том числе по Западной Сибири — в 944 раза, Восточной Сибири — в 314 раз и Дальнему Востоку — в 214 раз.

Планом девятой пятилетки (1971—1975 гг.) намечено увеличить выпуск промышленной продукции в Западной Сибири в 1,6 раза, в Восточной Сибири — в 1,7 раза и на Дальнем Востоке — в 1,5 раза, тогда как в целом по РСФСР прирост промышленной продукции должен составить 44—47%. Ускоренными темпами здесь развиваются сельское хозяйство, строительство, транспорт, связь и отрасли, непосредственно связанные с повышением материального и культурного уровня жизни населения. Выполнение заданий девятой пятилетки еще больше увеличит вклад восточных районов РСФСР в экономический потенциал страны.

* * *

Что определяет перспективу развития экономики восточных районов? На одно из первых мест следует поставить надежную топливно-энергетическую базу. Значение энергетики как основы развития других отраслей все время усиливается. Научно-техническая революция приводит к росту энергоемкости, электроемкости продукции. В связи с этим уместно вспомнить гениальное предвидение В. И. Ленина о роли электрификации страны. Ускоренное наращивание энергетического потенциала — основа успеха в других отраслях народного хозяйства.

Роль восточных районов РСФСР в развитии энергетики определяется тем, что здесь концентрируется большая часть всех потенциальных топливно-энергетических ресурсов страны. Поскольку основным источником производства энергии в обозримый период остаются уголь, нефть, газ, гидроэнергия, атомная энергия, то можно сказать, что в перспективе восточные районы, и прежде всего Сибирь, станут энергетическим центром страны.

В результате открытия в шестидесятых годах огромных ресурсов нефти и газа на территории Западно-Сибирской равнины на карте появилась новая крупнейшая нефтегазоносная провинция. В ней сосредоточено свыше половины всех потенциальных общесоюзных ресурсов нефти и более 60% природного газа.

В 1964 г. в Западной Сибири были получены первые 209 тыс. т нефти, а в 1973 г. — уже 88 млн. т. Всего за этот период Западная Сибирь дала стране 270 млн. т нефти. За небывало короткий срок здесь была создана нефтегазодобывающая промышленность с обслуживающими ее отраслями, появились сеть трубопроводов, железных и автомобильных дорог, речные порты, пристани, аэродромы, возникли рабочие поселки и города, стал складываться новый промышленный район, которому суждено уже в ближайшем будущем занять выдающееся место в экономике страны.

Есть основания считать, что задания девятого пятилетнего плана, предусматривающие доведение добычи нефти в Западной Сибири до 125 млн. т, будут перевыполнены. В перспективе предполагается значительно увеличить годовую добычу нефти и превратить Западную Сп-

бирь в главный центр нефтедобычи Советского Союза. В недалеком будущем резко возрастет и добыча природного газа. Так, если в 1973 г. в Западной Сибири было добыто 16,4 млрд. куб. м природного газа, то уже в 1975 г. намечено получить 44 млрд. куб. м, что составит около 14% общесоюзной добычи.

На долю восточных районов РСФСР приходится около семидесяти процентов общесоюзных запасов угля. Ведущее место в добыче угля занимает Кузнецкий бассейн, обеспечивающий промышленность страны высококачественным коксующимся углем. В ближайшие годы предстоит ускорить темпы добычи угля в Канско-Ачинском и других бассейнах, запасы которых огромны.

Опережающие темпы развития топливно-энергетических отраслей в восточных районах обуславливаются не только тем, что здесь концентрируются основные запасы топлива, гидроэлектроэнергии, но и исключительно высокой естественной производительностью этих ресурсов. Расчетные затраты на производство одного киловатт-часа электроэнергии в Восточной Сибири примерно в 1,5 раза ниже, чем в Поволжском экономическом районе, который имеет самые благоприятные технико-экономические показатели использования гидроэнергетических ресурсов в европейской части страны. Особенно эффективны такие строящиеся и проектируемые крупнейшие гидроэлектростанции, как Саянская, Усть-Илимская, Богучанская, Средне-Енисейская и Осиновская.

В восточных районах имеются все необходимые условия для развития отраслей химической промышленности. Это прежде всего сырье — нефть, газ, уголь, лес, а также дешевая электроэнергия, водные ресурсы, строительные площадки. На базе нефтяных и газоконденсатных месторождений созданы заводы по производству синтетических каучуков, химических волокон, синтетических смол и пластмасс, автомобильных шин, резиноасбестовых и резинотехнических изделий и другие предприятия. Предусматривается сооружение крупных нефтехимических комплексов в районах Томска и Тобольска, ряда газоперерабатывающих заводов, строится Ачинский нефтеперерабатывающий завод, расширяются мощности на нефтеперерабатывающем заводе в Ангарске, ведется строительство Зиминского электрохимического комбината, вводится Кемеровский завод химических волокон.

Сибирь и Дальний Восток обладают уникальными рудными богатствами. По запасам многих цветных металлов эти районы не имеют себе равных. Они занимают ведущее место по запасам золота, олова, алмазов, меди, свинца, цинка, никеля, располагают значительными ресурсами железных руд. Кузнецкая металлургическая база уже давно использует железорудные месторождения Горной Шории в Западной Сибири. На территории Восточной Сибири выделяются Коршунское и Рудногорское, на Дальнем Востоке — Таежное и Гаринское месторождения железных руд. Запасы и качественная характеристика железорудных ресурсов Сибири и Дальнего Востока позволяют расценивать их как вполне надежную сырьевую базу не только для расширения уже существующих, но и для создания здесь новых металлургических заводов.

Качественные изменения во всех отраслях народного хозяйства, создание условий для ускорения научно-технического прогресса связаны с развитием машиностроительного комплекса. Машиностроение восточных районов характеризуется широкой номенклатурой выпускаемой продукции. На машиностроительных предприятиях Сибири и Дальнего Востока производятся энергетическое, горно-шахтное, горнорудное и подъемно-транспортное оборудование, изделия электротехни-

ческой промышленности, станки, инструменты и приборы, тракторы и зерноуборочные комбайны. Здесь выросли такие крупные предприятия машиностроения общесоюзного значения, как Алтайский тракторный завод, Новосибирский завод «Сибэлектротяжмаш», Красноярский комбайновый завод, Иркутский завод тяжелого машиностроения и другие.

Машиностроение в восточных районах развивается быстрее, чем другие отрасли. Однако большая часть его продукции предназначена для других районов, в то время как значительная часть потребностей народного хозяйства восточных районов покрывается за счет ввоза машин и оборудования из европейской части страны. В будущем, очевидно, следует дополнить машиностроительный комплекс Сибири и Дальнего Востока предприятиями по выпуску машин и оборудования с учетом специфических условий производства, которое в ряде районов ведется в трудных природно-климатических условиях. Сейчас принимаются меры для расширения производства машин в «северном исполнении», приспособленных к работе при низких температурах. Следует учитывать также принципиально новые масштабы производства. Например, освоение Канско-Ачинского угольного бассейна потребует создания уникальных по своему размеру разрезов мощностью в 40—60 млн. т добычи угля в год.

Немало проблем предстоит решить и в области техники транспорта, которому в районах освоения нефти и газа придется работать в условиях вечной мерзлоты и болотистой местности.

Сибирь и Дальний Восток — важнейшие лесные районы страны. На их долю приходится свыше $\frac{3}{4}$ общесоюзных запасов древесины, в том числе основные ресурсы хвойных пород. Леса отличаются богатством и разнообразием пород. В настоящее время лесозаготовительными предприятиями восточных районов РСФСР заготавливается около 120 млн. куб. м древесины, или свыше 30% общесоюзного объема лесного сырья, производится 1,2 млн. т целлюлозы и 350 тыс. т бумаги, более 160 тыс. куб. м клееной фанеры и другая продукция.

Несмотря на появление новых материалов, в перспективе ожидается большой рост потребления леса. В настоящее время задача состоит в углубленной переработке древесного сырья, резком увеличении выпуска прогрессивных видов продукции. Основными направлениями в развитии лесного и лесоперерабатывающего комплекса являются совершенствование внутриотраслевой структуры, ускоренное развитие целлюлозно-бумажного, фанерного и других производств. Самые крупные лесоперерабатывающие комплексы создаются вблизи мощных гидроэлектростанций.

Сибирь и Дальний Восток превратились за годы Советской власти в крупный район производства сельскохозяйственной продукции. В соответствии с решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, XXIII и XXIV съездов партии, последующими постановлениями Центрального Комитета партии и Советского правительства последовательно осуществляются мероприятия, направленные на укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, повышение экономической эффективности сельскохозяйственного производства на основе его интенсификации, а также на усиление материальной заинтересованности колхозников и работников совхозов в увеличении производства продукции земледелия и животноводства.

На развитие сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока за годы текущей пятилетки направляется 11,8 млрд. рублей государственных капитальных вложений. Это на 75% больше, чем за предыдущую пятилетку, и почти в три раза больше, чем за 1961—1965 годы. Кроме

того, колхозы за 1971—1975 гг. направят на капитальное строительство за счет собственных средств 3 млрд. рублей, что на 25% больше, чем за годы прошлой пятилетки.

Растет техническая оснащенность сельского хозяйства Сибири и Дальнего Востока. Тракторный парк в сельском хозяйстве этих районов за 1971—1973 гг. возрос на 10% и составлял на конец 1973 г. 234 тыс. тракторов. В колхозах и совхозах этих районов более чем на 15 тысяч машин (или на 17%) увеличился парк зерноуборочных комбайнов. Кроме того, на период уборки урожая в порядке оказания помощи в районы Западной и Восточной Сибири ежегодно направляется большое количество зерноуборочных комбайнов и автомашин вместе с комбайнерами и водителями.

За счет государственных капитальных вложений в областях и краях Сибири и Дальнего Востока строятся крупные животноводческие комплексы, птицефабрики, тепличные комбинаты. На больших площадях проводятся мелиоративные и культуротехнические работы, создаются высокопродуктивные сенокосы и пастбища. Из года в год растут поставки минеральных удобрений. Только в 1973 г. колхозы и совхозы Сибири и Дальнего Востока получили их 3,4 млн. т. против 2,2 млн. т в 1970 году.

Умелое использование помощи государства позволило колхозам и совхозам Сибири и Дальнего Востока добиться значительных успехов в развитии сельского хозяйства. Среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции в сопоставимых ценах за 1971—1973 гг. возрос по сравнению со среднегодовым объемом за прошлую пятилетку на 12%, в том числе в Алтайском крае на 22%, в Камчатской и Сахалинской областях — на 20%. В больших размерах, чем в целом по республике, возросло здесь за 1971—1973 гг. среднегодовое производство зерна, которое в этих районах увеличилось по сравнению с прошлой пятилеткой на 23%, в том числе в областях Западной Сибири на 33%, при увеличении производства его в целом по РСФСР на 8%.

Колхозы и совхозы Сибири и Дальнего Востока добились за 1971—1973 гг. заметного увеличения объема производства продуктов животноводства. Среднегодовое производство мяса за эти годы возросло по сравнению со среднегодовым производством за 1966—1970 гг. на 10%, молока — на 2, яиц — на 42, шерсти — на 17%.

В соответствии с ростом производства сельскохозяйственной продукции увеличились и государственные закупки ее. Среднегодовой объем закупок зерна в областях и краях Сибири и Дальнего Востока увеличился по сравнению с прошлой пятилеткой на 26%. Большой вклад в создание государственных ресурсов зерна внесли хозяйства Алтайского края, увеличившие среднегодовые размеры продажи зерна государству против прошлой пятилетки на 62%. Значительно увеличили против среднегодовых объемов 1966—1970 гг. продажу хлеба государству хозяйства Новосибирской и Омской областей, Красноярского края. Среднегодовые закупки скота и птицы возросли за этот период на 22%, в том числе в районе Дальнего Востока на 31%. Закупки молока увеличились на 11%, шерсти — на 19%, яиц — почти в два раза.

Быстрый рост городов и городского населения на основе ускоренного развития промышленности требует дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственного сырья и расширения предприятий по его переработке для улучшения снабжения населения продуктами питания.

Дальнейший подъем сельского хозяйства, рост урожайности, по-

вышение продуктивности связаны с укреплением всех звеньев агропромышленного комплекса, с расширением поставок сельскому хозяйству техники, минеральных удобрений, с выведением новых сортов сельскохозяйственных культур, наилучшим образом приспособленных к сибирским условиям, с развитием промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье.

Большие задачи требуется решить в области специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе индустриализации его отраслей, мелиорации земель. Наличие дешевой электроэнергии позволяет ускоренными темпами осуществлять механизацию такой трудоемкой отрасли, как животноводство. Дальнейшее наращивание мощностей по производству комбайнов позволит вовремя и без потерь убирать урожай.

За годы Советской власти были осуществлены крупные меры в целях развития железнодорожного, автомобильного, водного и авиационного транспорта. В свое время были построены и введены в эксплуатацию железнодорожные линии Туркестано-Сибирской, Среднесибирской, Южносибирской магистралей, резко увеличилась пропускная способность Транссибирской магистрали. В последние годы построены железнодорожные линии Тюмень — Тобольск, Ивдель — Обь, Тавда-Сотник, строится линия Хребтовая — Усть-Илимск.

Началось сооружение Байкало-Амурской железной дороги, которая пересечет сквозь непроходимую тайгу всю Восточную Сибирь и Дальний Восток. Эта стройка, как говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XVII съезде ВЛКСМ, имеет огромное значение. Байкало-Амурская магистраль прорезает вековую тайгу там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине. Здесь будет создан новый большой промышленный район страны, воздвигнуты новые города и поселки.

Новая железная дорога ускорит освоение ряда крупных месторождений полезных ископаемых Якутской, Бурятской АССР, Иркутской, Читинской, Амурской областей, Хабаровского края. Значение ее переоценить трудно. Второй Транссиб — это, по сути, ключ к несметным, еще не тронутым сокровищам Сибири и Дальнего Востока, второй путь к океану. Байкало-Амурская магистраль будет новой яркой страницей в летописи трудовых подвигов советского народа.

Важное значение имеет также сооружение глубоководного порта в районе Находки. Реконструируются и расширяются действующие судоремонтные предприятия, морские порты и причалы. Наряду с этим осуществляется строительство автодорог, благоустройство речных путей на Оби, Иртыше, Енисее, Лене, Амуре и их притоках. Широко используется авиация как для решения хозяйственных вопросов, так и для перевозок пассажиров.

Ускоренное развитие добычи нефти и газа, необходимость переброски значительной части добываемого топлива в другие районы страны требуют особого внимания к развитию трубопроводного транспорта. В последние годы сданы в эксплуатацию нефтепроводы Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск, Александровское — Анжеро-Судженск, газопровод Медвежье — Надым — Пунга и ряд других. Для снабжения топливом Норильского горнометаллургического комбината впервые в мировой практике в условиях вечной мерзлоты построен газопровод Мессояха — Норильск, начато строительство сверхмощного газопровода север Тюменской области — европейская часть страны.

Осуществление крупных экономических программ в восточных районах РСФСР возможно при нарастающем объеме капитальных

вложений. Только в 1966—1973 гг. объем капитальных вложений в народное хозяйство Сибири и Дальнего Востока за счет государства и кооперативных организаций составил около 93 млрд. рублей, или 27% объема капитальных вложений, направленных за эти годы на развитие народного хозяйства Российской Федерации.

На территории восточных районов республики осуществляется большая программа государственных мероприятий в области охраны водного и воздушного бассейнов, земельных ресурсов. Особенно актуальны эти меры в районах высокой концентрации промышленных предприятий. Осуществляются мероприятия по охране и рациональному использованию уникальных природных ресурсов, как, например, водных и других ресурсов озера Байкал, в котором содержится примерно $\frac{1}{6}$ часть мировых запасов пресной воды.

Рассматривая и оценивая природные богатства восточных районов, было бы неправильно считать, что здесь должны производиться все продукты, ориентировать эти районы на универсальное развитие. Повышение производительности общественного труда требует дальнейшего развития специализации и кооперации между различными регионами. В каждом крупном экономическом районе страны должны получить развитие прежде всего те отрасли, которые эффективны с точки зрения всего народного хозяйства.

Одной из главных проблем развития экономики Сибири и Дальнего Востока является необходимость применения более интенсивных методов освоения природных богатств на основе глубокой переработки сырья. Л. И. Брежнев обращал внимание на то, что повышение интенсификации производства возможно на базе разработки комплексных долговременных программ.

Для Сибири и Дальнего Востока разработка региональных программ долгосрочного развития особенно актуальна, поскольку дальнейшее освоение богатств этих районов требует огромных капитальных вложений, финансовых, материальных и трудовых ресурсов. В этой связи большое значение имеет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию производительных сил Дальневосточного и Восточносибирского экономических районов». Это постановление предусматривает комплекс мер по более эффективному размещению производительных сил, лучшему использованию сырьевых и трудовых ресурсов.

* * *

Одним из путей повышения эффективности общественного производства является улучшение организации производительных сил восточных районов, использование для этих целей такой формы организации хозяйства, как территориально-производственные комплексы (ТПК). В настоящее время в восточных районах уже в основном сформировались Кузбасский и Иркутско-Черемховский ТПК, продолжается формирование Красноярского, Братско-Усть-Илимского и Саянского комплексов.

Развитие Кузбасского территориально-производственного комплекса должно идти по линии дальнейшего углубления его специализации на угольной, металлургической и химической промышленности. Ведущее место в природных ресурсах этого комплекса сохраняется за кузнецкими углями, которые по запасам, качеству и эффективности эксплуатации занимают первое место в стране. Общие разведанные запасы кузнецких углей исчисляются в 110 млрд. т, что обеспечивает зна-

чительный рост добычи. Планом текущей пятилетки предусмотрено увеличение добычи угля на 21,9 млн. т и доведение ее к 1975 г. до 135 млн. т. При этом наиболее дешевым, открытым способом будет добыто 36,8 млн. т. Однако основная масса угля будет добываться подземным способом, поэтому большое внимание уделяется вопросам повышения уровня механизации, более полному использованию действующих мощностей.

Продолжается наращивание мощностей Западно-Сибирского металлургического завода (Запсиба), который специализируется на производстве сортового проката. Продукция Запсиба широко используется в машиностроении и строительстве, в первую очередь в восточных районах страны. В конце апреля 1974 г. на Запсибе пущен кислородно-конверторный цех с автоматизацией технологических процессов. Впервые в СССР конверторы имеют емкость 300—350 т.

Развитие химической промышленности Кузбасса происходит в основном по линии реконструкции действующих предприятий и ввода в действие Кемеровского завода химического волокна и Ленинск-Кузнецкого химического завода. Реконструкция действующих предприятий предусматривает увеличение мощностей агрегатов, внедрение новых технологических процессов и автоматических систем контроля и управления процессами.

Помимо угольной, металлургической и химической промышленности, в состав Кузбасского территориально-производственного комплекса входит ряд отраслей обслуживающего характера, а также легкой и пищевой промышленности. Все они получают дальнейшее развитие, усиливая тем самым промышленный потенциал Кузбасса, создавая благоприятные предпосылки для лучшего использования его природных и трудовых ресурсов. Особенно интересна в этом плане новостройка — Прокопьевский фарфоро-фаянсовый завод. При достижении полной проектной мощности (55 млн. изделий в год) он будет одним из крупнейших в мире предприятий такого рода. С конвейеров завода пойдет широкий ассортимент фарфоровых изделий.

В полосе, прилегающей к Транссибирской железной дороге, формируется один из самых мощных в Восточной Сибири Красноярский территориально-производственный комплекс, выполняющий роль плацдарма дальнейшего развития хозяйства отдаленных районов Сибири. Занимая выгоднейшее экономико-географическое положение в узле основных транссибирских коммуникаций (железные дороги, трубопроводы, ЛЭП, водные магистрали и др.), обладая крупнейшей в стране энергобазой в виде гидроэнергоресурсов Енисея и Ангары, а также уникального Канско-Ачинского угольного бассейна, этот комплекс концентрирует крупнейшие электро-, тепло- и водоемкие производства цветной металлургии и химии, которые не могут быть созданы с подобным экономическим эффектом ни в одном другом районе страны. Это прежде всего электрометаллургия алюминия как на привозном, так и собственном глиноземе. Уже построены глиноземный завод в Ачинске, алюминиевый завод в Красноярске, предполагается сооружение заводов в Ачинском и Канском промышленных узлах.

В состав комплекса входит и ряд крупных предприятий химической промышленности. В Красноярске созданы производства по глубокой химической и механической переработке древесины. В Ачинске строятся предприятия нефтехимического цикла с переработкой нефти соседней Томской области, в Заозерном — связанный с этим циклом завод искусственного волокна. Наконец, определяется третье направление химиче-

ского производства — электролиз поваренной соли (запасы ее в районе практически неограниченны).

Удобное транспортное положение центральной зоны Красноярского края благоприятствует формированию крупнейшего на востоке страны машиностроительного центра. Здесь уже действуют заводы тяжелого машиностроения, комбайностроения, машин для лесной промышленности, строятся заводы автотракторных большегрузных прицепов (пос. Терентьево), шоферского инструмента к машинам Волжского и Камского автозаводов (Боготол), низковольтной аппаратуры (Дивногорск) и др. Это способствует развитию и других обрабатывающих отраслей, в том числе крупных предприятий легкой и пищевой индустрии.

Среди вновь создаваемых крупных сибирских территориально-производственных комплексов особое место занимает Саянский, формирующийся на юге Красноярского края. В его основе — сооружение крупнейшей в мире Саянской ГЭС (6,4 млн. квт). Наличие эффективной энергобазы, оптимальные в Восточной Сибири природные и экономико-географические условия (близость к Кузбассу, удобные связи с другими районами Сибири и др.) благоприятствуют формированию трех новых индустриальных узлов.

В Абакано-Черногорском промышленном узле наряду с традиционными угледобычей, лесопереработкой и пищевой промышленностью планируется развитие крупного машиностроения. Здесь создается вагоностроительный комплекс, включающий и производство стального литья для других предприятий вагоностроения. Минусинский промышленный узел специализируется на электротехнике, здесь создается комплекс из 12 крупных заводов. Намечается строительство электрометаллургического комбината.

На севере Красноярского края, в далеком Заполярье, вырос мощный Норильский энергопромышленный узел, базирующийся на использовании крупных комплексных медно-никелевых месторождений с промышленным содержанием кобальта, платиноидов, различных редких металлов. Состав горнометаллургического комбината пополняется крупными рудниками (Комсомольский, Октябрьский, Таймырский), обоганительными фабриками, современными электрометаллургическими заводами и т. д. Решается важнейшая проблема узла — создание прочной и экономичной топливно-энергетической базы с использованием газа Мессояховского и других таймырских источников, а также гидроэнергоресурсов рек Хантайки, Курейки и др. Норильчане в трудных условиях заполярного Севера успешно решают задачу значительного увеличения производства меди, никеля и других металлов.

В районе слияния Ангары и Енисея намечен к формированию Нижнеангарский промышленный узел. В этом узле создаются предприятия комплексной переработки древесного сырья (использование лесных массивов Нижнего Приангарья), электрометаллургии цветных металлов на базе как местных руд (крупное Горевское свинцово-цинковое месторождение), так и привозных концентратов.

Близится к завершению формирование одного из наиболее развитых в Восточной Сибири Иркутско-Черемховского территориально-производственного комплекса. Основные предпосылки его развития: гидроэнергетические ресурсы Ангары, топливные (Черемховский и Азейский угольные бассейны), лесные и водные богатства, благоприятные природные и экономические условия (в том числе высокая степень заселенности, удобное транспортное положение и т. д.). На этой основе сложились и в перспективе будут развиваться электро- и теплоэнергетика, угольная, нефтеперерабатывающая, химическая, алюминиевая, машино-

строительная, лесоперерабатывающая, а также производства стройматериалов, легкая и пищевая промышленность.

В среднем Приангарье формируется Братско-Усть-Илимский территориально-производственный комплекс. Основа его — использование гидроэнергоресурсов Ангары и сырьевых возможностей прилегающей территории. Построена Братская станция мощностью 4,1 млн. квт, и строится Усть-Илимская примерно такой же мощности. Суммарная их выработка превысит 45 млрд. квт·ч в год при относительно низкой себестоимости энергии. Помимо электроэнергетики, основными отраслями промышленности здесь являются производство алюминия и комплексная переработка древесины. Деревообработка, гидролизное и целлюлозно-бумажное производства обеспечивают полное использование древесины. Усть-Илимский ЛПК сооружается при участии государств социалистического содружества, и немалая часть его продукции, в первую очередь целлюлозы, будет направлена в страны СЭВ. Лесопереработка определяет производственный профиль и соседнего Чунского узла.

Широкая индустриализация в послевоенные годы охватила Забайкальскую зону Восточно-Сибирского экономического района. Отсталая в прошлом часть царской России быстро превращается в индустриальный комплекс, где особое место занимают машиностроение и металлообработка, черная и цветная металлургия, легкая и пищевая промышленность. Особое внимание придается предстоящему освоению уникальных месторождений меди (Удокан) и молибдена (Жирекен) и строительству Забайкальского апатитового комбината.

В девятой пятилетке продолжается наращивание экономического потенциала Дальнего Востока при сосредоточении промышленности в уже сложившихся промышленных узлах южной части района и очаговом размещении промышленности, связанной с освоением минеральных богатств, на Крайнем Севере. Перспективы развития производительных сил района связаны с реализацией программ освоения биологических ресурсов Тихоокеанского бассейна, вовлечения в народно-хозяйственный оборот значительных природных богатств Якутии — природного газа, угля, железной руды, цветных металлов и минералов. Повышение экономического потенциала Дальнего Востока обусловлено созданием в районе на базе якутских коксующихся углей и алданских железных руд новой металлургической базы. Близость района к внешнему рынку и дефицит имеющихся здесь сырьевых ресурсов в некоторых странах Тихоокеанского бассейна — благоприятные моменты для расширения внешних экономических связей и превращения советского Дальнего Востока в крупного производителя экспортных товаров.

Одной из основных проблем освоения природных богатств Дальнего Востока является формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса. Основой для этого являются разнообразные природные богатства Южной Якутии, где расположен крупнейший на востоке страны угольный бассейн, разведанные запасы которого составляют миллиарды тонн. Большая часть из них дефицитные коксующиеся угли. Практика строительства в стране доменных печей большого объема, требующих высокопрочного кокса, придает южно-якутским углям важное значение. В 60—100 км от залежей угля находится Таежное железорудное месторождение, разведанные запасы которого составляют 1,3 млрд. т. Большое значение имеют месторождения Чаро-Токкинского района и другие, которые можно разрабатывать подземным и открытым способами. Удачное сочетание коксующихся и энергетических углей с железной рудой — благоприятное условие для создания новой металлургической базы. Южно-Якутский территориаль-

но-производственный комплекс дополняется горно-обогатительными предприятиями по добыче золота, слюды-флогопита и других полезных ископаемых.

Вовлечение в хозяйственный оборот ресурсов Южной Якутии связано со строительством железной дороги, обеспечивающей связь с Транссибирской магистралью. С созданием железнодорожной связи возникнут предпосылки и для организации в Южно-Якутском районе крупной лесозаготовительной базы, ориентированной на удовлетворение потребностей Дальнего Востока в древесине и развитие экспорта.

Якутия располагает запасами природного газа, которые позволяют создать крупную топливно-энергетическую базу. Якутский газ по качеству относится к числу лучших в стране. Он не содержит вредных примесей, имеет промышленные концентрации конденсата, этан, пропан-бутановые фракции, что благоприятствует развитию высокоэффективных производств для комплексной его переработки.

* * *

Решая задачи дальнейшего ускоренного развития производительных сил восточных районов, Коммунистическая партия принимает необходимые меры для быстреего претворения в жизнь главной задачи девятой пятилетки, намеченной XXIV съездом КПСС, — обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни населения. С этой целью осуществляются мероприятия в области повышения заработной платы, реальных доходов, улучшения жилищных и культурно-бытовых условий населения Сибири и Дальнего Востока.

В 1966—1973 гг. в восточных районах республики за счет всех источников финансирования введены в действие жилые дома общей площадью 91,1 млн. кв. метров. Только в городах и рабочих поселках средняя обеспеченность полезной площадью одного жителя за последние восемь лет возросла на 2,1 кв. метра. В широких масштабах ведется строительство школ, больниц, коммунальных и бытовых объектов, предприятий торговли и общественного питания. За счет государственных капитальных вложений за три года текущей пятилетки построены общеобразовательные школы на 440,8 тыс. ученических мест, детские дошкольные учреждения на 149,3 тыс. мест, больницы на 21,7 тыс. коек, большое число предприятий бытового обслуживания населения. Всего же планом на 1971—1975 гг. намечено ввести в действие общеобразовательные школы более чем на 800 тыс. мест, дошкольные учреждения на 310 тыс. мест и больницы на 46 тыс. коек.

Неуклонно растет население Сибири и Дальнего Востока. За 1941—1973 гг. число жителей в этих районах возросло на 8,5 млн. человек. Темпы прироста населения в восточных районах РСФСР более высоки, чем в среднем по республике.

За годы Советской власти на территории Сибири и Дальнего Востока возникли крупные города, занимающие видное место в стране. Здесь насчитывается 17 городов с населением, превышающим 200 тыс. человек. Среди городов и рабочих поселков Сибири и Дальнего Востока много новых, созданных в послевоенный период и в последние годы. Это — Ангарск, Братск, Дивногорск, Шелехов, Байкальск, Бирюсинск, Березовский, Таштагол, Каргат, Урай, Сургут, Нижневартовск, Надым, Норильск, Мирный и целый ряд других, связанных с добычей руд, угля, нефти и газа, разработкой лесных ресурсов и других природных богатств. Здесь построены театры, дворцы культуры, библиотеки, боль-

ницы, спортивные комплексы, имеется телевидение, развитой пассажирский транспорт.

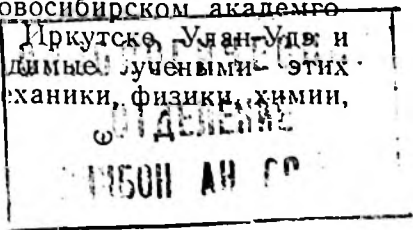
С целью привлечения и закрепления в восточных районах трудоспособного населения осуществляется широкая программа государственных мероприятий, направленных на дальнейшее повышение благосостояния населения Сибири и Дальнего Востока. Большие средства затрачиваются ежегодно на выплату районных коэффициентов и разного рода льгот, во многих отраслях хозяйства введены надбавки, связанные с продолжительной работой в северных и удаленных районах. Трудящиеся, занятые в народном хозяйстве, имеют целый ряд преимуществ по срокам ежегодно предоставляемых отпусков, исчислению пенсионного стажа и т. д.

Существенное место в программе повышения жизненного уровня трудящихся Сибири и Дальнего Востока отводится созданию новых и дальнейшему развитию производств и предприятий, связанных с выпуском товаров народного потребления. Необходимые предпосылки для увеличения производства продуктов питания и промышленных товаров созданы развитием ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства. В настоящее время на предприятиях легкой, пищевой, мясо-молочной, рыбной промышленности Сибири и Дальнего Востока в больших количествах производятся хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные ткани, обувь, трикотажные и швейные изделия, мясные, молочные и рыбопродукты, кондитерские изделия, на предприятиях других отраслей народного хозяйства производятся товары культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода.

Только в последние годы введены в эксплуатацию крупные мощности на Тюменском, Ленинск-Кузнецком и Читинском камвольно-суконных комбинатах, Кемеровском комбинате шелковых тканей, Прокопьевском фарфоро-фаянсовом заводе. Ведется строительство новых швейных и трикотажных фабрик, мясокомбинатов и молокозаводов и целого комплекса других предприятий, обеспечивающих нужды населения района. Намечается строительство прядильно-ткацкой и отделочной фабрик хлопчатобумажного объединения в г. Благовещенске, шерстопрядильной фабрики в Чите, фабрики верхнего трикотажа в Иркутской области, мясокомбинатов в Находке и Биробиджане, мясо-молочных комбинатов в Анадыре, Певеке и ряда других промышленных предприятий.

Для обеспечения роста улова рыбы и добычи других морепродуктов укрепляется материально-техническая база рыбной промышленности. Флот пополняется высокоэффективными промысловыми и обрабатывающими судами, обеспечивающими комплексную переработку улова и полное использование отходов. В ближайшее время начнется строительство судоремонтного завода во Владивостоке, базы активного рыболовства в Авачинской губе и других предприятий.

Успешное решение проблем развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока во многом зависит от организации и эффективности работы научных учреждений. Поэтому Коммунистическая партия принимает все необходимые меры для развития здесь науки, организации научных центров. Крупнейшим из них является Сибирское отделение Академии наук СССР. Это отделение включает в себя три филиала — Бурятский, Якутский и Восточно-Сибирский, 50 научно-исследовательских учреждений, расположенных в Новосибирском академгородке и в городах Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Улан-Уде и Томске. Фундаментальные исследования, проводимые учеными этих научных учреждений в области математики и механики, физики, химии,

биологии, экономики и т. д., получили широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом.

В целях дальнейшего изучения и развития производительных сил Дальнего Востока ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1970 г. приняли решение о создании Дальневосточного научного центра в городе Владивостоке. В него входит восемнадцать научных учреждений, находящихся во Владивостоке, Хабаровске, Магадане и Петропавловске-Камчатском, а также на Сахалине. Этот научный центр занимается исследованиями в области естественных и общественных наук, разрабатывает проблемы ускоренного развития экономики и производительных сил Дальнего Востока.

На современном этапе коммунистического строительства роль науки значительно повышается. Задача ученых академических институтов и вузов состоит в том, чтобы на базе фундаментальных исследований разрабатывать наиболее эффективные способы освоения природных богатств этих районов, а также готовить высококвалифицированные кадры специалистов для народного хозяйства и науки на месте. В этом вопросе достигнуты немалые успехи. В настоящее время в высшие и средние специальные учебные заведения, расположенные в восточных районах республики, ежегодно принимаются около 273 тыс. учащихся; широко развита сеть профессионально-технического образования — в училищах и профшколах готовятся рабочие кадры практически для всех отраслей народного хозяйства. Крупными центрами подготовки специалистов высокой квалификации стали Томск, Новосибирск, Иркутск и ряд других. Только в Западной и Восточной Сибири в настоящее время работает 73 высших и 407 средних специальных учебных заведений, в том числе 6 государственных университетов.

* * *

Анализ развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока показывает, что за последние десятилетия экономика этих районов растет быстрыми темпами. Это стало возможным благодаря постоянному вниманию, уделяемому Коммунистической партией, Политбюро ЦК КПСС и лично Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневым вопросам развития восточных районов страны.

Решение задач ускоренного развития народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока, поставленных XXIV съездом партии, явится еще одним крупным шагом в освоении их богатств, создаст предпосылки для нового подъема экономики и культуры этих районов. Это будет огромным вкладом в укрепление экономического могущества страны.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ЖУРНАЛА

Актуальные проблемы современного Китая

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В КИТАЕ ПРОДОЛЖАЕТ ПРИВЛЕКАТЬ ВНИМАНИЕ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, ЕЕ ИНТЕРЕСУЕТ, КАКОЙ ХАРАКТЕР ОБРЕТАЕТ НЫНЕШНЯЯ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ «КРИТИКИ ЛИНЬ БЯО И КОНФУЦИЯ», КАКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЫЯВЛЯЮТСЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕКИНСКОГО РУКОВОДСТВА, И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ. В СВЯЗИ С ЭТИМ РЕДАКЦИЯ ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ УЧЕНЫХ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ».

В беседе приняли участие:

ГУДОШНИКОВ Л. М., доктор юридических наук;

КАРЫМОВ В. Г., старший научный сотрудник ИДВ АН СССР;

КОНОВАЛОВ Е. А., доктор экономических наук;

ПЕРЕЛОМОВ Л. С., доктор исторических наук;

СЛАДКОВСКИЙ М. И., член-корреспондент АН СССР;

ТИХВИНСКИЙ С. Л., член-корреспондент АН СССР;

ФЕДОРЕНКО Н. Т., член-корреспондент АН СССР.

ВОПРОС: Как объяснить, что острая политическая борьба, происходящая в верховном руководстве КНР, приняла форму переоценки древних идеологических учений: конфуцианства и легизма, а также переоценки таких исторических деятелей, как Конфуций, Шан Ян, Цинь Ши-хуан, Дун Чжун-шу, У-ди и других, живших более двух тысяч лет назад?

ОТВЕТ: В Китае традиции играли и играют ту же роль, что и в других странах; они подвержены тем же закономерностям. В то же время они имеют свои специфические черты — значение их более глубоко. В силу того, что в Китае в отличие от других стран переход от отсталого феодального строя к капитализму задерживался, более стойкий характер сохраняли и консервативные традиции. К ним обращаются, их гальванизуют не только в периоды исторических сломов, что характерно для многих других народов. Приверженность к традициям — сложившимся нормам поведения, форме мышления, моральным и духовным ценностям, художественным образам и многому другому — стала одной из

основных черт национального характера китайцев. Родилось это не сразу, существуют определенные исторические причины, среди которых можно выделить следующие: особая роль государства (в Китае императорская система управления возникла в 3 в. до н. э. и просуществовала все время совершенствуясь вплоть до начала XX в); культ предков; конфуцианство как господствующая идеология и, наконец, система «цзун цзу» (патронимическая система социальной организации общества, основанная на кровном родстве). Все эти компоненты сосуществовали и активно функционировали на протяжении более двух тысяч лет, причем все они вместе, но на разных уровнях внедряли чувство уважения к традициям, подчинения им; необходимость ориентироваться во всех случаях жизни на традиции. Такое массивное и длительное воздействие испытали, пожалуй, немногие народы мира.

На уровне обыденного сознания и в сфере политического мышления традиции не исчезли и в XX в., да они и не могли исчезнуть. Двадцать пять лет республики — срок небольшой для такой страны, как Китай. А для малограмотного в массе крестьянства с его рутинной техникой — совсем ничтожный, лишь слегка поколебавший традиционные нормы жизни: духовные ценности, культ предков, уважение к старшим, ориентация не столько на себя, сколько на родственный коллектив — семью, патрионию, за которой остается последнее слово при решении многих важных вопросов, отчуждение от властей и т. п. Умышленно спекулируя на слепой любви крестьянства и мелкобуржуазных городских слоев к отечественной традиции, «древности», Мао Цзэ-дун оснастил свою «теорию» концепциями, примерами, мифическими, историческими и литературными героями старого Китая, противопоставляя это, когда явно, а когда и скрытно, всему некитайскому, сначала европейскому, а затем и советскому. И такая трактовка традиций была доступна пониманию «ганьбу» и военных, подавляющее большинство которых или были крестьянами, либо происходили из крестьянских семей. Подобный подход импонировал и части руководства КПК, особенно из маоистского окружения, большинство которого составляли выходцы из мелкобуржуазных слоев.

Поскольку созданный ныне в КНР военно-бюрократический режим типологически в некоторых аспектах сближается с императорской системой старого Китая, то маоисты возрождают испытанные институты, связанные с укреплением режима личной власти. Особенно активное наступление на социалистические завоевания наблюдаются в области надстройки. Маоистская концепция «гу эй цзинь юн» — использовать древность ради современности, — официально возрожденная в 1971 — 1972 гг., функционирует сейчас в качестве одного из направляющих элементов политической жизни КНР и самой КПК. Проходящая ныне кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» — наглядное свидетельство этому.

Существует довольно распространенное мнение, что «критика Линь Бяо и Конфуция» не что иное, как замаскированные нападки «левых» на «прагматиков», в частности на Чжоу Энь-лай. Действительно, античжоуэньлаевский элемент присутствовал, особенно в начале кампании, поэтому-то группировке Чжоу и пришлось включиться в борьбу. Перелом произошел, по-видимому, в конце февраля 1974 г., когда на официальном банкете, устроенном в Пекине президентом Замбии Кеннетом Каундой, Чжоу Энь-лай впервые публично высказал свое мнение об этой кампании. Он открыто похвалил критику Линь Бяо и Конфуция, назвав это «кампанией, которая приобретает общенациональный размах» и которую китайский народ, «сражаясь в приподнятом и бодром настроении, полон решимости довести до конца». Своим выступлением перед

иностранными дипломатами и журналистами Чжоу Энь-лай как бы хотел подчеркнуть, что кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» не имеет к нему никакого отношения, более того — он вместе с Мао находится в числе тех, кто руководит кампанией. Пока еще трудно делать прогнозы о конкретных изменениях в руководстве КПК и КНР, тем более что Чжоу Энь-лай оправился от недавней «болезни» и вновь начал функционировать, хотя и не так активно, как прежде. Многое зависит от реального соотношения сил, а главное — от долголетия Мао.

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» охватывает очень широкий круг проблем, связанных с госстроительством, экономикой, кадровой политикой, идеологией, внешней политикой, — по всем этим вопросам как выяснилось, существуют различные мнения. Кампания отражает и кризисное состояние в верхах и борьбу противоборствующих группировок.

Но есть еще один очень важный фактор, который мы не должны упускать, — ее направленность на будущее Китая. Длительность (почти два года), масштабность (охвачены фактически все слои населения, включая и школьников) и всеобъемлющий характер ее свидетельствуют о том, что Мао Цзэ-дун тщательно готовился к ней и возлагает на нее большие надежды. Кампания многоплановая, многослойная и преследует несколько целей — стратегических и тактических.

Можно выделить уже сейчас три следующих стратегических цели: главная — заставить народ уверовать в непогрешимость идей Мао Цзэ-дуна, в то, что его «учение» отвечает потребностям экономического и политического развития страны как в настоящее время, так и в будущем. Поэтому через всю кампанию, начиная с «Хунци» № 12 за 1972 г. (первая статья Ян Юн-го) и кончая последними (например, установочная статья в «Хунци» № 4 за 1974 г., подводная предварительные итоги кампании, — «Внимание к подведению итогов»), — всюду красной нитью проходит идея о правильности маоистской «революционной линии». И не случайно как организаторы, так и участники кампании подчеркивают ее идеологический характер. Шэнь Го-сян, редактор крупнейшей в Шанхае ежедневной газеты, заявил Сульцбергеру в конце 1973 г., во время визита последнего в КНР, что кампания критики Конфуция является «новым идейным оружием для строительства нового Китая». В новогодней передовой статье трех редакций («Хунци», «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао») от 1 января 1974 г. подчеркивалось, что в ходе этой кампании «необходимо выковать ряды теоретиков марксистов». И наконец, в передовой статье «Хунци» № 4 за 1974 г., где официально подводятся итоги первых этапов кампании, прямо говорится: «Движение критики Линь Бяо и Конфуция является революцией в области надстройки, является политической и идеологической борьбой за отстаивание марксизма против ревизионизма». Под «марксизмом» здесь имеется в виду маоизм.

Вторая стратегическая цель — создать новую концепцию «национальной судьбы» Китая, провести переоценку духовных ценностей нации и на этой базе формировать человека, свободного от пут прошлого, — активного носителя «идей Мао». Именно поэтому осуществляется фронтальная атака на ту часть духовного и исторического наследия, на те лучшие и прогрессивные традиции народа, которые могли бы в настоящее время или в будущем, после смерти Мао Цзэ-дуна, быть использованы его противниками для свержения маоизма, основываясь на национальной почве. Происходит осовременивание исторических процессов и политических теорий древности, при этом невыгодные положения замалчиваются или искажаются, фальсифицируются исторические факты. В качестве свежего примера сошлюсь на корреспонденцию агентства Синьхуа от 11 мая

этого года об императоре Цинь Ши-хуане, написанную группой критиков Пекинского университета и Политехнического университета «Цинхуа». О Цинь Ши-хуане — любимом герое Мао — написаны уже десятки статей, в некоторых из них рассказывается об исторически прогрессивной деятельности первого китайского императора, объединившего страну и осуществившего ряд прогрессивных реформ (административная, денежная, унификация письменности и т. п.). Но упор всегда делается на оправдании его жестоких методов правления, при этом подчеркивается, что именно Цинь Ши-хуан проводил «правильную линию», а его политические противники отстаивали порочную линию. В упомянутой статье конфликт между Цинь Ши-хуаном и двумя высшими сановниками, Люй Бу-взем и Лао Айем, изображен как отражение борьбы двух линий. По словам авторов статьи, Люй Бу-вэй и Лао Ай «стремились реставрировать рабовладельческий строй». Если обратиться к источникам, то мы узнаем, что это была обычная драчка за власть: Цинь Ши-хуан, достигнув совершеннолетия, убрал с пути двух любовников матери — вдовствующей царицы, ибо эта тройка не хотела делить власть с юным царем. Никакой «рабовладельческий строй» ни Люй Бу-вэй, ни Лао Ай и не пытались реставрировать. Осовременивание исторических событий осуществляется маоистами в сугубо прагматических, политических целях.

Третья стратегическая цель, связанная с предыдущими, — увековечение культа Мао Цзэ-дуна, его упрочение на националистической основе.

По замыслам маоистов, кампания рассчитана на многие годы. Одновременно кампания должна решить ряд тактических задач: оправдать «культурную революцию», усилить «левых» за счет ослабления «прагматиков», продолжать держать народ в состоянии напряжения, подорвать позиции некоторых крупных военачальников на местах, разжечь антисоветизм.

Как маоисты используют историю для разжигания в стране антисоветизма?

В этой связи наиболее показательна статья Лян Сяо «Читая «Дискуссию о соли и железе» — большой полемике между легистами и конфуцианцами в середине периода Западной Хань», опубликованная в майском номере «Хунци». Небольшой исторический экскурс: в период правления императора У-ди в 119 г. до н. э. по настоянию сановника-легиста Сан Хун-яна в Китае была восстановлена государственная монополия на соль и железо, введенная впервые еще при Цинь Ши-хуане. Эта реформа сыграла очень большую роль в усилении позиций императорской власти и укреплении ее экономического могущества. После смерти У-ди та часть господствующего класса, которая была связана с торговым капиталом, усилила борьбу за отмену казенной монополии. По ее настоянию в 81 г. до н. э. при дворе императора Чжао-ди было создано совещание, на котором должны были обсуждаться вопросы экономической политики. В столицу западноханьской империи съехалось свыше 60 сановников и известных ученых, развернувших оживленную дискуссию. Полемика эта вошла в историю Китая как «Дискуссия о соли и железе» по названию одноименной книги Хуань Куаня, написанной в конце периода Западной Хань и содержащей запись этой полемики. Конфуцианцы (Чжан Лян, Вэнь Сюэ и др.) требовали отмены государственной монополии, сторонники же легистской школы (прежде всего Сан Хун-ян) настаивали на укреплении регулирующей роли государства в экономической жизни страны и сохранении в силе указа 119 года. Дискуссия шла в традиционном духе: спорившие аргументировали свои положения ссылками на примеры из древней истории своей страны. Длительная дискуссия окон-

чилась победой сторонников Сан Хун-яна: конфуцианцам не удалось добиться отмены монополии на соль и железо, была отменена лишь монополия на вино. В центре дискуссии стояли проблемы экономические — речь шла об эффективности экономической функции государства как регулятора хозяйственной деятельности всей страны.

Посмотрим теперь, как освещается эта дискуссия в «Хунци» и на что делается упор. «В истории нашей страны, — говорится в самом начале статьи, — борьба легистов и конфуцианцев всегда отличалась особенной остротой. Дискуссия о соли и железе, созданная в 81 г. до н. э. (это случилось на шестом году правления ханьского Чжао-ди, который наследовал престол У-ди), явилась большой полемикой, которую вели между собой легисты и конфуцианцы по вопросам политики, экономики, военным делам и культуре». Прежде всего бросается в глаза небольшая перерывка — дискуссии придается характер всеобщей кампании по всем кардинальным проблемам управления, включая и вопросы военной политики. Автор статьи, осовременивая исторические события, рассматривает полемику в плане борьбы двух линий, вынося на первый план судьбу генеральной «политической линии» — линии императоров Цинь Ши-хуана и У-ди. Читателю нетрудно догадаться, что за этой линией кроется аналогия с «генеральной линией» самого Мао. «Фактическое значение борьбы, развернувшейся во время дискуссии о соли и железе, — пишет Лян Сяо, — заключалось в отстаивании или преобразовании политической линии ханьского У-ди на укрепление единого государства, в усилении централизованной власти... нападая на Цинь Ши-хуана и легистов, конфуцианцы стремились свергнуть Сан Хун-яна, преобразовать политическую линию ханьского У-ди».

Особенное недовольство вызывают у автора нападки конфуцианцев на внешнеполитическую линию У-ди по отношению к своим северным соседям — племенам сюнну. Лян Сяо обвиняет конфуцианцев в капитулянтстве, пораженчестве и нежелании воевать с сюнну. Конфликт между ханьским Китаем и сюнну изображается как противоречие между «работладельческой аристократией сюнну и большинством трудового народа Западной Хань»; войны с сюнну изображаются как «справедливые войны, направленные против захватчиков». В этих условиях император У-ди выступает как жертва агрессии, якобы стоявший на «позициях оборонительной войны». Автор статьи восхваляет У-ди за его войны с северными соседями — сюнну, которые, по его словам, «...алчно, пуская слюни длиною в три чи, зарились на Западную Хань как на кусок отборного мяса». Последняя часть фразы текстуально совпадает с той частью доклада Чжоу Энь-лая на X съезде КПК, где он, клеветая на политику Советского Союза, приписывает ему агрессивные устремления в отношении Китая. Замысел организаторов статьи ясен — попытаться убедить народ в извечной угрозе с севера, поэтому У-ди, а он является одним из любимых героев Мао, выступает ныне на страницах китайской печати в качестве защитника интересов «трудового народа». Если же мы обратимся к фактам, то увидим, что маоисты умышленно фальсифицируют исторические события. Император У-ди известен как один из активных проводников агрессивной внешней политики. Именно в период его правления, а он находился на престоле свыше 50 лет (140—87 гг. до н. э.), китайские войска значительно расширили территорию страны, захватив земли не только северных, но и южных и восточных соседей. В 124—119 гг. китайские войска захватили у сюнну обширный район на территории современной провинции Ганьсу. Особенно большое значение придавали ханьцы захваченному ими «коридору Хэси» — так назывались земли к западу от Хуанхэ в северо-западной части современной провинции Ганьсу. «Ко-

ридор Хэси» позволил им отсечь сюнну от племен цянь (тибетские племена) и открыл путь на запад. В 111—110 гг. армия У-ди захватила у народности юе (предки вьетнамцев) владения Наньюэ (современная провинция Гуандун и Гуанси и север ДРВ) и Дуньюэ (южная часть современной провинции Чжэцзян и провинция Фуцзянь); в 108 г. китайские войска заняли корейское государство Чаосянь. Такова историческая правда об «оборонительных войнах» императора У-ди. Кстати, в первые годы существования КНР, когда политика определялась решениями VIII съезда КПК, китайские историки в целом правильно оценивали политику У-ди и социальную подоплеку его войн. «Победа в войне с гуннами,— писал Шан Юэ,— способствовала росту честолюбивых захватнических замыслов ханьского У-ди. Алчный правящий класс поддерживал его экспансионистскую политику, которая отвечала интересам развивающегося торгового капитала»¹.

Обращение журнала «Хунци» к древнекитайскому императору У-ди и возвеличивание его ратных «подвигов», в частности агрессивных походов на север и северо-запад, понадобилось ныне маоистам для «обоснования» территориальных притязаний к Советскому Союзу. Это свидетельствует о том, что организаторы кампании пытаются развивать идеи прославления экспансионизма в Древнем Китае. На первом этапе кампании внимание общественности сосредоточивалось на политике Цинь Шихуана, составной частью которой было претворение в жизнь легистской идеи постоянных завоевательных походов как важного фактора функционирования сильной империи. На данном этапе маоисты обратились к деяниям У-ди, воплощавшим доктрину легистов на практике.

Фальсифицируя историческую правду, маоисты пытаются в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» придать антисоветизму извечный, неизбежный характер, дабы удобнее было проводить политику милитаризации страны.

ВОПРОС: Свои политические мероприятия маоисты обычно проводят под лозунгом «укрепления диктатуры пролетариата», иногда они говорят и о «демократической диктатуре народа». Как можно охарактеризовать сущность государственной власти в Китае?

ОТВЕТ: Власть, установленная в Китае в 1949 г., была охарактеризована во временных конституционных документах государства как «демократическая диктатура народа». Это было своеобразной эволюцией выдвинутого руководством КПК еще во время антияпонской войны лозунга «...диктатуры союза всех революционных классов»². Таким образом, лозунг диктатуры нескольких классов (в том числе и классов антагонистических) теоретически абсолютно несостоятелен.

Другое дело — демократическая диктатура народа. Выражение «диктатура народа» («демократическая диктатура революционного народа») введено в политический и научный оборот В. И. Лениным. О «революционно-демократической диктатуре низших классов» («диктатуре революционного народа») В. И. Ленин говорил еще в период первой русской революции³. Он пользовался этим термином и после Великой Октябрьской социалистической революции⁴, что позволяет относить этот термин к устоявшимся.

Однако существует принципиальное различие между ленинским и маоистским пониманием демократической диктатуры народа. По

¹ «Очерки истории Китая». М., 1959, стр. 82.

² См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 210.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 318.

⁴ Там же, т. 41, стр. 383—384.

В. И. Ленину, диктатура народа близка революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и представляет собой, по сути дела, одну из форм этой диктатуры. Революционно-демократическую диктатуру низших классов В. И. Ленин представлял как диктатуру, которую осуществляет «...пролетариат *плюс* десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелкобуржуазного существования»⁵. Народом В. И. Ленин называл «пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим»⁶. Мао Цзэ-дун отошел от ленинского понимания диктатуры народа, объявив, что это диктатура нескольких классов, в том числе и национальной буржуазии.

Вместе с тем формулировки временных конституционных документов КНР 1949 г. о союзе рабочего класса и крестьянства как основе диктатуры народа и руководящей роли в ней рабочего класса позволяли теоретически отнести ее к власти типа демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно так характеризовалась эта власть в нашей литературе начала 50-х годов. Такая характеристика правильна в отношении функций государственной власти, однако в этой диктатуре не было гегемонии пролетариата, подлинного пролетарского руководства. Ведь государственная власть народной демократии в Китае сформировалась на основе власти в освобожденных районах, представлявшей собой разнородность мелкобуржуазной революционно-демократической диктатуры. Безраздельное руководство народной властью осуществляла КПК, состоявшая в подавляющем большинстве из крестьян, прошедших военную выучку. Армия явилась и основным источником кадров государственного аппарата КНР. КПК никогда по-настоящему не ставила задачи пролетаризации государственного аппарата. Носителем пролетарской идеологии были объявлены солдаты.

Можно ли в связи с этим ставить под сомнение демократический и социалистический характер развития КНР в 50-е годы? Нет, нельзя, потому что мировая социалистическая система, являющаяся детищем и передовым отрядом международного рабочего класса, рассматривала китайскую революцию как часть мирового революционного процесса. Поэтому в связи с переходом Китая при поддержке мирового социализма на путь некапиталистического развития народная власть приобрела черты революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Всесторонняя интернациональная помощь мирового социализма в известной мере компенсировала политическую слабость китайского пролетариата.

В годы сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами в Китае была создана власть, способная стать государственным аппаратом диктатуры пролетариата. В него входили представительные органы, избираемые ими центральные и местные исполнительные органы, органы суда и прокуратуры. И хотя даже в лучшие годы функционирование этого механизма на практике далеко не всегда соответствовало социалистическим принципам организации и деятельности, наличие конституционных органов все же в немалой степени способствовало прогрессивному развитию страны. Работа государственного аппарата направлялась партийными органами, которые так же, как и государственный аппарат, строились по принципу демократического централизма.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 13.

⁶ Там же, т. 11, стр. 44.

На VIII съезде КПК в 1956 г. демократическая диктатура народа была объявлена одной из форм диктатуры пролетариата. Такое заявление, сделанное в докладе Лю Шао-ци, не соответствовало, конечно, реальному положению вещей. Однако, возможно, эта формула отражала своего рода словесный компромисс между сторонниками и противниками маоизма, которые ставили при этом совершенно различные цели. Маоисты стремились затормозить развитие буржуазно-демократической революции в социалистическую, законсервировать ее на «новодемократическом» этапе, представить демократическую диктатуру народа в качестве национальной формы диктатуры пролетариата и легализовать существование государства «новой демократии» на неопределенно длительный период. Противники же маоизма, возможно, сознательно забегали вперед в оценке характера власти, стремясь, скорее, при поддержке со стороны социалистических стран «обеспечить неуклонное превращение Китая из аграрной страны в страну индустриальную, из государства новодемократического в государство социалистическое»⁷.

То, что Мао Цзэ-дун всерьез не думал об установлении диктатуры пролетариата, было видно по первому же его крупному выступлению после VIII съезда КПК — речи «О правильном разрешении противоречий внутри народа» на Верховном государственном совещании. В этой речи Мао Цзэ-дун заявил: «Наше государство есть демократическая диктатура народа». При этом он выхолостил из диктатуры народа классовое содержание. Он сказал: «На нынешнем этапе, в период строительства социализма, к народу относятся все классы, прослойки и общественные группы, которые одобряют дело социалистического строительства, поддерживают его и принимают в нем участие»⁸, то есть, иными словами, все поддерживающие маоистскую политику. Такая формулировка допускает исключение из народа, например, рабочих, не одобряющих антирабочую политику Мао Цзэ-дуна. Вместе с тем она утверждает стабильное и, возможно, длительное существование в качестве «народа» национальной буржуазии Китая.

В дальнейшем такая интерпретация диктатуры народа привела к тому, что «культурная революция» оказалась фактически направленной против рабочего класса, тогда как национальная буржуазия стала ее привилегированным классом. В период этой беспрецедентной кампании под лозунгом «диктатура пролетариата» творились средневековые зверства, разгонялись партийные, комсомольские и профсоюзные организации, органы народной власти. Лозунг диктатуры пролетариата был подвергнут неслыханному надругательству. В ходе «культурной революции» буржуазией была объявлена большая часть работников государственного и партийного аппарата, общественных организаций. «Жэньминь жибао» писала: «Председатель Мао учит нас, что в условиях диктатуры пролетариата главным объектом революции являются представители буржуазии, проникшие в органы диктатуры пролетариата»⁹. И на этот раз диктатура пролетариата была объявлена «диктатурой народных масс», опять-таки не разделенных на классы. Массы, согласно определению Мао Цзэ-дуна, осуществляют диктатуру «над реакционными и вредными элементами». Кто эти элементы, хорошо известно

⁷ «Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период». Пекин, 1956, стр. 4 (на кит. яз.).

⁸ Мао Цзэ-дун. О правильном разрешении противоречий внутри народа. М., 1957, стр. 4.

⁹ «Жэньминь жибао», 19.VII. 1968.

из практики «культурной революции». Это прежде всего партийная и творческая интеллигенция, кадровые работники.

Ликвидация во время «культурной революции» конституционных государственных органов, органов партии и общественных организаций означала установление новой политической системы, выражающей иную классовую сущность власти. Эта новая власть, получившая в марксистской литературе название военно-бюрократической диктатуры, не выражая сейчас интересы какого-либо класса, своей социальной опорой имеет крестьянство — ошельмованные маоистами многомиллионные массы крестьян-бедняков и низших середняков, общественные идеалы которых близки к китайскому варианту феодального социализма. Их привлекают идеи уравниловки, культа сильного правителя, низведения условий труда, жизни и быта в городах до уровня, характерного для сельской местности, и т. п. Активно или пассивно ими поддерживается нажим на рабочий класс, репрессии против партийных кадров и интеллигенции. Материальные потребности этих слоев ограничены до предела, политический кругозор чрезвычайно узок.

Сама военно-бюрократическая диктатура по своей классовой и идеологической сущности является мелкобуржуазной. Ее политика и идеология свидетельствуют о стремлении преобразования общественно-экономического строя страны в духе мелкобуржуазных утопических представлений о социализме и распространении своих воззрений и практики на другие страны.

Трагедия китайского народа заключается в том, что социалистические политические институты не могут сами по себе быть гарантами развития страны (особенно такой отсталой, как Китай) по пути научного социализма. Социалистические политические институты обеспечивают подлинное социалистическое развитие страны лишь при правильном марксистско-ленинском руководстве коммунистической (рабочей) партией, твердой опоре партии на рабочий класс, как отечественный, так и международный. Опора на международный рабочий класс, мировую социалистическую систему особенно важна для отсталых стран, в которых современная промышленность не развита или развита недостаточно и где малочислен пролетариат. Вместе с тем, как показала «культурная революция» в Китае, социалистические политические институты были препятствием на пути установления военно-бюрократической диктатуры. Именно поэтому маоисты разрушили существовавшую в КНР политическую систему социалистического типа, конституционную систему государственных органов и создали армейско-партийно-административные органы военно-бюрократической диктатуры.

ВОПРОС. За последнее время специалисты по Китаю высказывают различные точки зрения относительно характера и перспектив дальнейшей эволюции социально-экономического строя КНР. Многие говорят о пагубности влияния политической надстройки современного Китая на экономический базис. Как Вы оцениваете эти явления?

ОТВЕТ. Действительно, к настоящему времени появилось много различных суждений о характере и судьбе социально-экономического развития КНР. Это связано прежде всего с огромными изменениями, которые произошли в целях и направлениях всей внутренней и внешней политики китайского государства, а также с серьезными деформациями политического строя КНР с конца 50-х годов.

Несколько упрощая и схематизируя эту сложную проблему, все точки зрения можно было бы свести к трем основным позициям.

Последователи первой точки зрения исходят лишь из «особых условий», в которых началось строительство социализма. Отсюда проистекают и многие специфические черты в социально-экономическом развитии страны, якобы не совпадающие с общими закономерностями, характерными для других социалистических стран. Все события последующих лет (например, «большой скачок», «великая пролетарская культурная революция» и т. п.), считают сторонники этой точки зрения, следует рассматривать как эксперименты, поиски национальных путей построения социализма в Китае. Они являются якобы неизбежными ввиду чрезвычайных условий, в которых развивается КНР. Любые эксцессы при таком подходе являются «нормой развития» для такой громадной и пестрой по социально-экономическим условиям страны, как КНР. И в последующих издержек развития, за которые китайскому народу придется расплачиваться. Не удивительно, что Китай, согласно этой точке зрения, выпадает из общей схемы развития по пути социалистических стран.

Сторонники второй точки зрения считают, что в КНР социализма никогда не было, нет и быть не могло. Для победы социализма в стране не вызрели «элементарные» социально-экономические условия. В Китае отсутствовал мощный, организованный рабочий класс и его авангард, незначительной была роль крупного производства в экономике, поспешный и поверхностный характер носили социально-экономические преобразования. Те процессы, которые имели место в первые годы после освобождения, не затронули коренных устоев китайского общества, не расшатали феодального, «азиатского» способа производства». Даже те коренные преобразования в социальной структуре общества, которые имели место в первые годы, являются несущественными и не оказывают решающего влияния на производительные силы. О «реальном социализме» в Китае можно будет говорить лишь тогда, когда в стране разовьется тот «минимальный» уровень производительных сил, который устоит в борьбе с мелкобуржуазной идеологией, мелкокрестьянской стихией, а современный способ производства одержит верх над рутинным базисом. Эта позиция отражает весьма пессимистическую и бесперспективную картину будущих путей развития страны.

Мы считаем, что КНР с 1949 г. вступила на длительный и труднейший путь построения социалистического общества, начала успешно решать задачи переходного периода. Однако по протяженности периода перехода и масштабности решаемых проблем перед Китаем стояли задачи, намного превосходящие таковые в других социалистических странах. Их решение облегчалось огромной интернациональной помощью Китаю со стороны Советского Союза и других социалистических стран.

То, что было сделано в первое десятилетие, было решающим шагом к социализму, необходимым и достаточным условием для построения социалистического общества. В стране была заложена первоначальная база социалистической индустриализации. Однако эти мероприятия были лишь началом, потенцией для строительства социализма. Стране предстояло преодолеть огромной трудности путь создания материально-технической базы. От этой созидательной, кропотливой работы маоисты отказались. С конца 50-х годов начинается размывание уже существовавших основ социализма. «Культурная революция» во второй половине 60-х годов завершила оформление новой политической структуры, антинародной и антисоциалистической по своему характеру.

Каково воздействие реакционной политической надстройки на экономический базис КНР? Оно может быть весьма интенсивным и пагубным ввиду огромного аппарата принуждения, находящегося в руках

маоистов или под их контролем. Кроме того, это воздействие надстройки на базис облегчается слабостью только сформировавшихся новых экономических отношений в городе и деревне. В этих условиях деформация базисных отношений (в частности, отношений собственности на средства производства, отношений распределения, форм управления и планирования) осуществляется постепенно, по мере изменения целей и задач внутренней и внешней политики государства. Длительное игнорирование основной цели экономической политики социалистического государства — подъема жизненного уровня, облегчения условий труда, — обособление «высшей цели» маоистского государства, то есть создание любой ценой, в кратчайшие сроки «мощного, процветающего Китая», на деле превращается в открытый и усиливающийся процесс милитаризации всей хозяйственной и общественной жизни, когда социально-экономические проблемы социализма не решаются вообще. В этих условиях меняется цель общественного воспроизводства, попирается действие объективных законов и тенденций развития. Успехи, достигнутые Китаем в первые годы после победы революции, ставятся на службу националистическим и гегемонистским задачам китайского руководства. Непосредственные производители все более отчуждаются от средств производства, а государственная собственность может утрачивать свои «сущностные черты», превращаясь в «государственную» собственность. Игнорирование классовых, групповых и личных материальных интересов отрицательно сказалось на темпах роста производства в последние годы. Во всем этом и заключается угроза завоевания социализма в Китае в результате изменений характера политической надстройки.

Однако до настоящего времени КНР все еще находится в полосе преобразований переходного периода к социализму. Внутри этого переходного периода могут быть и полосы прогресса, и этапы нисходящих, реакционных тенденций. Советские люди уверены, что в конечном счете в Китае возобладают тенденции развития общества по социалистическому пути.

ВОПРОС: Маоистское руководство давно пытается использовать страны «третьего мира» в своих гегемонистских великодержавных целях. Попытка давления на развивающиеся страны была предпринята маоистами, в частности, в апреле 1974 г. на VI Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам природного сырья и экономического развития, созванной по инициативе большинства стран Азии, Африки и Латинской Америки. Какую тактику избрал на этот раз Пекин для камуфлирования своих националистических претензий в отношении стран «третьего мира»?

ОТВЕТ: Прежде всего надо иметь в виду, что в последние два-три года идет активный процесс расставления окончательных акцентов во внешнеполитической платформе маоистов применительно к их сегодняшним политическим открыто антисоветским целям.

Лидеры Пекина решили, что авторитетный международный форум ООН, на котором обсуждались кардинальные проблемы развивающихся стран, — удобное место для протаскивания контрреволюционных антисоветских идей, для злобной клеветы на Советский Союз, сколачивания на этой основе блока народов «третьего мира» вокруг Китая и противопоставления его Советскому Союзу как «главному врагу».

Возьмем, к примеру, тезис главы китайской делегации Дэн Сяо-пина об основных противоречиях в мире, на базе которого он конструирует всю схему современного мира, включая оценку характера эпохи, расста-

новку главных движущих сил и т. д. В соответствии с установками X съезда КПК Дэн Сяо-пин заявил, что «весь мир охвачен потрясениями и неспокоен», что «старый порядок» подвергается «ломке и штурму», в чем и проявляется якобы обострение «различных основных противоречий в современном мире»¹.

Как же представляют себе в Пекине современный мир и его противоречия?

В. И. Ленин, давая характеристику новой эпохи после 1917 года, подчеркивал всемирно-исторический характер складывавшейся советской системы и говорил в 1920 г., что «теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга, во всемирном масштабе...»², что «...взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия»³. Мао Цзэ-дун и его сторонники еще в начале 60-х годов игнорировали факт превращения мировой системы социализма в решающий фактор развития человеческого общества, отрицали основное противоречие эпохи, выражающееся в борьбе империализма против социализма, подменяли его противоречием между империализмом и национально-освободительным движением.

Выступая в ООН, Дэн Сяо-пин отрицал не только роль, но даже само существование системы социализма, полностью исключил ее из мировых сил современности. «Социалистический лагерь, — заявил он без тени смущения, — существовавший некоторое время после второй мировой войны, перестал уже существовать...»⁴ Это абсурдное положение — краеугольный камень всей пекинской концепции современного мира, подспудно оно содержалось уже в ряде китайских программных статей 1972 г.⁵, фигурировало, правда не столь откровенно, в документах X съезда КПК⁶. Попутно Дэн Сяо-пин объявил и о распаде империализма как политической системы.

Как видим, чувство реальности совершенно изменило лидерам Пекина. Уничтожив с ходу две противоположные общественно-экономические системы, олицетворяющие два противостоящих друг другу класса, полностью игнорируя классовый подход при анализе общественных явлений, маоисты пытаются сконструировать собственную глобальную модель «конфликтного» мира, исходя из сугубо утилитарных целей. Так, в схеме, предложенной Дэн Сяо-пином, современный мир состоит будто бы из трех сторон — «трех миров». «Первый мир» — это все те же «две сверхдержавы» — СССР и США, формула, в которой Пекин пытается отождествить политику двух стран — двух систем, в корне отличных друг от друга. Делается это для того, чтобы объявить «главным врагом» Советский Союз. Сейчас уже всем известно, что декларируемый Пекином на словах двойной вектор термина «сверхдержавы» уже давно приобрел единое, только антисоветское направление.

Развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и других районов маоисты относят к «третьему миру»; развитые страны, «находящиеся между вышеуказанными двумя мирами» (надо понимать, что сюда относятся все остальные капиталистические и социалистические страны, кроме США и СССР), — это-де «второй мир».

¹ См. «Хунци», 1974, № 5, стр. 45—49.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 245.

³ Там же, т. 41, стр. 242.

⁴ «Хунци», 1974, № 5, стр. 45—49.

⁵ См. «Хунци», 1972, № 5, 6, 11.

⁶ «Жэньминь жибао», 1. IX. 1973.

Для чего понадобилась Пекину подобная фантастическая модель мира? Как и все предыдущие концепции маоистов, данная геополитическая схема носит служебный характер и полностью подчинена великодержавным целям группы Мао Цзэ-дуна — прежде всего целям борьбы с Советским Союзом. Пекин рассматривает развивающиеся страны в качестве главного стратегического резерва в своей борьбе с Советским Союзом и миром социализма.

Реальные экономические проблемы и трудности развивающихся стран, обсуждавшиеся на сессии, меньше всего волновали маоистов. Они фактически пытались сорвать работу сессии, увести обсуждение в сторону от насущно важных проблем развивающихся стран. Если судить по выступлению Дэн Сяо-пина, то «суть вопроса сырья и развития» якобы сводится к тому, чтобы «третий мир и народы различных стран» поднялись на борьбу с СССР. Этой цели и служит маоистская схема «трехполюсного мира». Она призвана идейно разоружить, сбить с толку революционно-демократические партии и все прогрессивные силы в странах «третьего мира», не дать укрепиться там марксистскому мировоззрению, оживить буржуазно-националистическую идеологию и все реакционные силы, на союз с которыми и рассчитывает Китай в своей борьбе за идейную и политическую гегемонию в этих регионах.

Предпринятый Пекином идейно-политический демарш в ООН не случаен. Он являет собой логическое звено в цепи нарастающего в Китае антисоветизма. Не случайно также и время, выбранное Пекином для данного выступления. Улучшение климата международных отношений, ощутимое усиление процессов разрядки, позитивных сдвигов в мире, помогающих решать ряд сложных проблем, прямо затрагивающих жизненные интересы развивающихся стран, прогрессирующее плодотворное сотрудничество этих стран с миром социализма, явное изменение соотношения сил в мире в пользу социализма — все эти процессы в корне противоречат политике и целям Пекина, опрокидывают его лжетеории. Ход происходящих в мире событий крайне негативно отражается на конкретных внешнеполитических акциях Пекина, сковывает его политическую инициативу. Это и вынудило маоистов попытаться сорвать курс на разрядку напряженности в мире, толкнуть развивающиеся страны на путь конфронтации с мировым социализмом, с Советским Союзом, то есть проводить линию, явно враждебную интересам народов «третьего мира» и отвечающую целям империалистических и неокOLONиалистских сил.

Характерно, что маоисты пытаются спекулировать на реально существующих острых противоречиях развивающихся стран с империализмом, препарировав их и поворачивая в антисоветское русло. Так, Пекин ведет широкую антисоветскую пропаганду среди стран — экспортеров нефти. Маоисты пытаются направить борьбу нефтедобывающих стран не против империалистических нефтяных монополий, грабящих их национальные богатства, а против «контроля», будто бы устанавливаемого «ревизионизмом». Однако вопреки рекомендациям Пекина арабские страны применили эмбарго на поставки нефти именно против империалистических государств, а отнюдь не против стран социализма, которые строят свои отношения с арабскими странами на принципах равноправия и взаимовыгодности.

Или, например, вопрос о ширине территориальных вод. Под видом поддержки требования ряда развивающихся стран об установлении 200-мильной зоны территориальных вод Пекин пытается настроить «третий мир» против Советского Союза, обвиняя его в «грабеже», в попытке установления «контроля» над морскими богатствами развивающихся стран. Пекин явно рассчитывает на столкновение интересов «больших»

и «малых» стран, на обострение напряженности в мире при широком обсуждении этих вопросов и изоляции СССР от стран «третьего мира».

Далее, делегаты ряда развивающихся стран (Гвинеи, Нигерии и др.) подвергли на сессии справедливой критике международные, империалистические компании, выкачивающие баснословные прибыли из стран «третьего мира». Дэн Сяо-пин, подхватывая эти обвинения, с ходу меняет их адрес и обрушивается уже не на империализм, а на социалистические страны, подвергает низкопробным клеветническим нападкам объединенные компании социалистических стран, успешно осуществляющие в рамках СЭВ экономическое сотрудничество с развивающимися государствами.

Однако Пекину не удается обмануть развивающиеся страны, разорвать их крепнувший союз и взаимовыгодное сотрудничество с миром социализма. Так, в 1973 г. страны СЭВ оказывали помощь 63 развивающимся государствам. Только с помощью Советского Союза в странах «третьего мира» было построено и сдано в эксплуатацию к концу 1973 г. около 2 тыс. промышленных предприятий и других объектов⁷. Хозяйственное сотрудничество молодых независимых стран с миром социализма нужно и выгодно этим странам. Оно и впредь будет успешно развиваться, ибо это — важная гарантия достижения ими экономической самостоятельности и независимого развития.

Как и следовало ожидать, сессия отвергла националистические устремления Пекина. Документы, принятые сессией («Декларация об установлении нового экономического порядка», «Программа действий»), явившиеся итогом совместного активного сотрудничества стран «третьего мира» и социалистических государств, пронизаны антиимпериалистическим, антиколониальным духом и не имеют ничего общего с концепциями, провозглашаемыми Пекином.

Общественность развивающихся стран высоко оценила принципиальную позицию социалистических стран, вставших на защиту интересов «третьего мира» и являющихся его естественным и надежным союзником, призывала к дальнейшему развитию хозяйственных связей с СССР и миром социализма.

ВОПРОС. В нынешнем году исполняется 25-летие образования КНР. За четверть века страна пережила и периоды бурного подъема, и периоды резкого спада в экономическом развитии. Как оценивается уровень экономического развития КНР в настоящее время?

ОТВЕТ. За истекшие четверть века после победы Народной революции, открывшей перспективы развития страны по пути к социализму, Китайская Народная Республика, несмотря на серьезные экономические спады в результате проведения маоистской авантюристической политики, добилась заметных успехов в области экономики. В 1973 г. объем совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства превысил уровень 1949 г. в 6 раз; уровень 1952 г., последнего года восстановительного периода, — почти в 3,5 раза, национальный доход соответственно возрос в 5,4 и в 3,4 раза. Особенно заметны успехи в области промышленности. В стране появились совершенно новые для Китая отрасли: радиоэлектроника, энергетическое, тяжелое и точное машиностроение, атомная промышленность, ракетостроение, производство автомобилей, тракторов и самолетов, качественная металлургия, алюминиевая промышленность, ряд современных отраслей химической промышлен-

⁷ «Правда», 8.VI. 1974.

ленности. По объему производства ряда видов промышленной продукции Китай занимает сегодня высокие места среди стран мира. Так, по объему производства стали он занимает седьмое место в мире, чугуна — пятое, угля — третье, электроэнергии — девятое, хлопчатобумажных тканей — первое. За истекшие 25 лет в КНР выработка электроэнергии возросла примерно в 20 раз, добыча угля — в 10 раз, нефти — почти в 300 раз, протяженность железных дорог увеличилась в 2 раза, шоссейных дорог — почти в 7 раз, судоходных речных путей — почти в 2 раза, авиалиний — в 6 раз.

В первые восемь лет (1949—1957 гг.) экономическое строительство осуществлялось на основе генеральной линии партии в переходный период, утвержденной в 1953 г. (впоследствии подтвержденной Конституцией КНР в 1954 г. и решениями VIII съезда КПК). За этот период в стране были достигнуты существенные успехи в развитии производительных сил и проведении коренных социально-экономических преобразований в городе и деревне, открывших страницу строительства социализма в Китае. За 1949—1957 гг. национальный доход страны возрос более чем в 2,5 раза, совокупная валовая продукция промышленности и сельского хозяйства — в 3 раза, среднегодовые темпы соответственно составили 12 и 15%. Среднегодовой темп прироста валовой продукции промышленности составил 23,5%. Это были очень высокие темпы. Они полностью подтвердили первостепенную важность марксистско-ленинского учения для развития Китая, важность курса на тесное всестороннее сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами.

Перспективы планомерного развития Китая по пути к социализму были сорваны мелкобуржуазным национал-шовинистическим курсом, навязанным стране Мао Цзэ-дунем.

В результате проведения в жизнь курса Мао в период 1958—1974 гг. темпы роста экономики резко снизились по сравнению с предшествующим периодом (1949—1957 гг.). Отрицательно сказались такие социально-политические и экономические потрясения, как «большой скачок», создание народных коммун, «культурная революция». На снижение темпов экономического роста существенное влияние оказывает осуществление курса на милитаризацию. В итоге во второй период (1958—1973 гг.) среднегодовые темпы роста национального дохода составили 4,8% (против 8,9% в первой пятилетке), совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 4,6% (против 11% в первой пятилетке), валовой продукции промышленности — 6,4% (против 18% в первой пятилетке). Снижение темпов прослеживается и в последние 7 лет, включающие период «культурной революции». Так, за период 1967—1973 гг. среднегодовой темп прироста в производстве национального дохода составил 4,3%, совокупной валовой продукции промышленности и сельского хозяйства — 4,4, валовой продукции промышленности — 4,8%.

В настоящее время отраслевая структура народного хозяйства Китая продолжает оставаться отсталой. Сельское хозяйство по-прежнему стоит на первом месте в создании национального дохода, а вместе с отраслями промышленности, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье, дает более 50% национального дохода. В общих затратах труда продолжает абсолютно преобладать ручной труд. Продолжают обостряться общехозяйственные диспропорции: между производством и потреблением, потреблением и накоплением, производством средств производства и производством предметов потребления, что в значительной степени объясняется жестким курсом на милитаризацию, отсутствием единой системы народнохозяйственного планирования.

Несмотря на определенные успехи, Китай продолжает оставаться отсталой в экономическом отношении страной: национальный доход на душу населения, например, в 30 раз меньше, чем в США; в 10 раз меньше, чем в Японии; в 5 раз меньше, чем в Турции; в 2 раза меньше, чем в Алжирской Народно-Демократической Республике. В 1973 г. в КНР на душу населения приходилось: электроэнергии — 112 квт·ч против 255 квт·ч в Советском Союзе в 1940 г., нефти — 41 кг против 159 кг, стали — 30 кг против 94 кг, угля — 396 кг против 849 кг, зерна — 268 кг против 495 кг.

Таким образом, за истекшую четверть века, и прежде всего за первые 10 лет после Народной революции, в области экономики Китай сделал значительный шаг вперед. Нет сомнения, что эти успехи были бы намного ощутимее, если бы не антимарксистская политика маоистского руководства, которая лихорадит страну вот уже свыше 15 лет. Особенно значительными могли быть социально-экономические изменения в жизни китайских трудящихся. Авантюристическая политика маоистов не ставила экономику в тяжелое, а иногда и критическое положение, зачеркивая тем самым результаты напряженного труда сотен миллионов тружеников. Антинародная экономическая политика Пекина со всеми ее атрибутами глубоко отрицательно сказывается на развитии народного хозяйства, снижая темпы, нарушая структуру общественного воспроизводства. Несомненно, что возврат к принципу и методам хозяйствования периода первой пятилетки существенно оздоровил бы народнохозяйственный организм страны, значительно повысил бы темпы ее экономического роста.

ВОПРОС: В чем заключаются причины и характер политической нестабильности в Китае!

ОТВЕТ: К своему четвертьвековому юбилею Китайская Народная Республика приходит в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Суть этого кризиса состоит в том, что установленный в результате военно-политического переворота 1966—1969 гг. режим обнаружил полную неспособность обеспечить устойчивое поступательное развитие китайского общества, решить насущные проблемы социального, экономического и культурного строительства, создать условия для спокойного созидательного труда народа, гарантировать неуклонный подъем его жизненного уровня.

Объективной основой политического кризиса, переживаемого китайским обществом, является растущее несоответствие между социалистическими потенциями, заложенными в первое десятилетие существования КНР, и нынешним маоистским политическим курсом, толкающим страну на путь мелкобуржуазного «казарменного социализма», шовинизма и антисоветизма. Такой курс ведет к дальнейшей деформации социалистических элементов, еще сохраняющихся в экономике и социальной структуре КНР, с одной стороны, и к обострению противоречий, изначально присущих маоистскому режиму, — с другой. Все это в совокупности усиливает общую политическую нестабильность, ставшую наиболее характерной чертой и постоянно действующим фактором внутривнутриполитического положения в Китае.

На протяжении восьми лет начиная с 1966 г., когда была развязана «культурная революция», страна почти не знает передышки от внутренней междоусобицы, навязанной партии и народу националистическим крылом китайского руководства. Содержание и направленность внутривнутриполитического курса Пекина с тех пор и по сей день определяются анти-

марксистской концепцией Мао Цзэ-дуна «продолжения революции при диктатуре пролетариата», которая в практической политике маоистов реализуется посредством установок на всемирное развертывание «классовой борьбы, борьбы двух путей, двух линий» в партии и стране¹.

Незадолго до начала нынешней кампании критики Линь Бяо и Конфуция «Жэньминь жибао» писала: «Только при наличии концепции существования классовой борьбы в течение длительного периода возможно на долгое время сохранить дух упорной и самоотверженной борьбы»². Как показывает китайская практика, назначение этой концепции сугубо утилитарно: обосновать и узаконить массовые кампании чисток партийно-государственного актива и интеллигенции по образцу «культурной революции», проводимых с целью упрочения существующего антинародного режима.

«Необходимость и неизбежность» многократного повторения в будущем политических кампаний типа «культурной революции» закреплена в новом уставе КПК, принятом X съездом партии в августе 1973 года. Тем самым, по существу, возведены в норму партийной и общественной жизни Китая репрессивные методы «культурной революции» и внутренняя междоусобная борьба. Такой политический климат благоприятствует проведению угодной маоистам внутренней политики, создает условия для политического маневрирования и социального лавирования, беспринципной игры на противоречиях различных классов и групп населения. Словом, маоизм, как показывает жизнь, может существовать, лишь опираясь на разобщенную, размытую общественную структуру, внутри которой идет постоянная междоусобная борьба. Однако такой «общественный порядок» не может быть ни долговечным, ни устойчивым. Его непрерывно подтачивают порожденные им же самим противоречия в социально-экономической и политико-идеологической областях жизни страны, действующие в качестве своеобразных катализаторов политической неустойчивости режима и находящие выход в периодических вспышках внутривнутриполитической борьбы и социальных потрясениях.

Как известно, IX съезд КПК (1969 г.), подводя итоги бурным событиям «культурной революции», поставил в качестве одной из важнейших задач партии добиваться сплочения, консолидации китайского общества под знаменем маоизма. Однако наметившийся было процесс стабилизации вызвал, с одной стороны, необходимость серьезной корректировки маоистского политического курса, приспособления его к реальным потребностям развития страны и, с другой стороны, еще в большей степени обнажил его антисоциалистическую сущность, открытое пособничество империализму. Это, как видно, послужило основной причиной обострения разногласий в китайском руководстве, приведшего к «сентябрьским событиям» 1971 года. При всем своем драматизме и кажущейся внезапности для внешнего мира эта очередная вспышка борьбы за власть в пекинской верхушке явилась закономерным и логическим выражением подспудно нараставших кризисных явлений маоистского режима, провала «генеральной линии» Мао Цзэ-дуна, пришедшей в острое противоречие с требованиями жизни, с интересами широких масс народа, с социалистическими потенциями китайского общества.

¹ Согласно официальной маоистской версии, в Китае объективно существуют и противоборствуют два пути развития — социалистический и капиталистический. Вопреки выводу VIII съезда КПК (1956 г.) о том, что вопрос «кто — кого» уже решен в Китае в пользу социализма, Мао Цзэ-дун утверждает, что «борьба двух путей» будет продолжаться весь переходный период от капитализма к социализму и все это время будет существовать опасность капиталистической реставрации. На деле «борьба двух линий» сводится к борьбе маоистов против своих политических противников.

² «Жэньминь жибао», 26. X. 1972.

В новой оппозиции к Мао Цзэ-дуну оказались даже такие его ближайшие соратники, как Линь Бяо, Чэнь Бо-да, которые, как казалось, были наиболее активными проводниками маоистского курса, в том числе и в годы «культурной революции». Попытки вновь найти виновников за провал маоистского курса среди «сторонников реставрации капитализма», какими якобы были Линь Бяо, Чэнь Бо-да и другие, явно неубедительны, и они лишь порождают новые ряды сомневающихся в «безгрешности» идей вождя.

Пекинское руководство попыталось найти выход из тупика и обеспечить дальнейшее осуществление маоистского курса с помощью паллиативных мер, в частности путем устранения ряда руководящих деятелей партии из числа тех, кто непосредственно вершил «культурную революцию»: Чэнь Бо-да, Линь Бяо и других. Тем не менее Пекину не удалось устранить причины, вызвавшие «сентябрьский кризис 1971 года», и реабилитировать «культурную революцию».

Примечательно, что если после IX съезда КПК в Китае некоторое время продолжался период относительно «мирного» развития, когда страна могла оправиться от разрушительных последствий «культурной революции», то X съезд прямо призвал, «не упуская нынешней благоприятный момент, закреплять и множить завоевания великой пролетарской культурной революции»³. В переводе с языка маоистской пропаганды это означает — бросить все силы на борьбу против политических противников маоистского курса и всех инакомыслящих.

Подобное нетерпение маоистских лидеров можно понять. Они панически боятся «мирного паралича», который, по их понятиям, «демобилизует» партию и массы, отвлекает их от «главного дела — классовой борьбы». Разрядка напряженности в стране, стабилизация политического положения «работает» против маоистов, ибо ставит их лицом к лицу с насущными проблемами социально-политического, хозяйственного и культурного строительства, решение которых вновь с неумолимой неизбежностью ведет к переоценке «маоистских ценностей», идейно-политической платформы маоизма, его великодержавного националистического курса.

Этот вопрос, насколько можно видеть из опубликованных документов, не был предметом обсуждения на маоистском съезде. И все же, судя по материалам китайской печати, он находит отражение в той ожесточенной внутренней борьбе, которая развернулась сразу после X съезда КПК в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Одной из важных причин нынешней кампании, несомненно, является вновь обострившаяся борьба за власть между различными группировками пекинского руководства.

Острое соперничество группировок — «левых», «умеренных» и военных⁴ — еще со времени «культурной революции» предопределялось неустойчивым, постоянно меняющимся соотношением сил в руководстве. (Свою кадровую политику Мао Цзэ-дун строит с таким расчетом, чтобы ни одна из группировок не получила решающего преимущества.) X съезд маоистской партии отразил заметный сдвиг в расстановке сил, явившийся результатом нового компромисса противоборствующих группировок после устранения Линь Бяо и Чэнь Бо-да. Значительно усилилось «лево-маоистское крыло руководства, всплывшее на волне «культурной революции» и представленное новым эшелонem руководителей, воспитанных

³ «X Всекитайский съезд КПК (документы)». Пекин, 1973, стр. 34.

⁴ Следует отметить, что подобное деление представляется условным, поскольку все эти группировки в той или иной мере придерживаются идейно-политической платформы маоизма.

в духе шовинистических идей Мао Цзэ-дуна. Однако новый баланс сил также оказался непрочным, поэтому уже «на второй день» после X съезда встал вопрос о новом «переделе власти» в Пекине.

«Лево»-маоистские лидеры, выступившие инициаторами кампании и опирающиеся на очевидную поддержку Мао Цзэ-дуна, по-видимому, рассчитывают еще при жизни «великого кормчего» занять ключевые посты в партийно-государственном аппарате и армии, особенно в местных органах власти, где они пока остаются в меньшинстве.

Как свидетельствует сама китайская печать, особенно анализ «преступлений», приписываемых Линь Бяо, содержание нынешней кампании выходит за рамки междоусобной борьбы в правящем лагере маоистов. По заявлению журнала «Хунци», в настоящее время в стране идет «борьба между нами и мошенниками типа Линь Бяо». Продолжающиеся «нападки на культурную революцию» другой орган маоистов «Жэньминь жибао» квалифицирует как «отражение попыток классовых врагов изменить основную линию партии и реставрировать капитализм». Иначе говоря, «ревизионистская», «реставраторская» и «капитулянтская» платформа Линь Бяо служит всего лишь мишенью в борьбе против реальных политических противников — антимаоистских элементов, еще сохраняющихся в партийно-государственном аппарате, в армии, среди интеллигенции в рядах рабочего класса.

Судя по тому, насколько широкие масштабы приняла кампания, речь идет отнюдь не о борьбе лишь против «горстки классовых врагов», как утверждает китайская пропаганда. Многих местных руководителей печать ругает за «пассивность» и даже обвиняет в «саботаже» указаний центральных властей о «расширении критики Линь Бяо», «увязывании этой критики с повседневной действительностью».

Подобное ослушание не может не тревожить Пекин, ибо оно в той или иной мере отражает недовольство политикой, ассоциируемой с именем Мао Цзэ-дуна, а это весьма серьезный симптом. Пресса, естественно, тщательно скрывает масштабы недовольства и скрытого сопротивления маоистским порядкам. Однако вновь появившиеся дацзыбао, используемые соперничающими группировками маоистов для взаимных обвинений, невольно обнажают неприглядную сущность маоистского режима, где царит беззаконие, попираются элементарные демократические права, где процветает коррупция и взяточничество, где нарушаются всякие нормы внутрипартийной демократии. Новая кампания дацзыбао напоминает о мрачных временах «культурной революции» и свидетельствует о напряженности и нестабильности внутривластного положения в стране.

На политическую обстановку в Китае все более отрицательное воздействие оказывает антисоциалистический курс Пекина на международной арене. Он характеризуется отказом от классового подхода к международным отношениям и растущим антисоветизмом, открытым блокированием с наиболее реакционными силами империализма и разрывом с социалистическим содружеством и международным коммунистическим движением. Такой курс обрекает КНР на изоляцию от революционных сил современности, лишает ее интернациональной поддержки со стороны социалистических стран — прежних друзей и союзников Китая.

Важным фактором внутривластной жизни КНР стала интенсивная идейно-политическая обработка китайского народа в духе великодержавного национализма, милитаризма и антисоветизма. Запугивание населения пресловутой «угрозой с Севера» в сочетании с курсом тотальной подготовки к войне служит для маоистского режима своеобразным громоотводом, призванным, по мысли пекинских идеологов, направлять

вовне растущее в стране недовольство маоистскими порядками и тем самым поддерживать в китайском обществе искусственно нагнетаемую напряженность.

Внутриполитическая борьба в Китае продолжается. Ее затяжной характер — свидетельство нарастающих трудностей и противоречий маоистского режима. Усилия Пекина добиться консолидации общества на идейной основе маоизма не дают результата. Маоистам до сих пор не удается «достроить» свой режим, создать адекватные маоизму государственный и общественный институты. Партия как в центре, так и на местах остается расколотой на враждующие группировки и не является руководящей силой общества. В стране фактически не соблюдается конституция. Правительство недоукомплектовано и работает без конституционного мандата. Всекитайское собрание народных представителей не собиралось более девяти лет, поэтому решения, входящие в компетенции ВСНП, принимаются в обход этого верховного органа власти. Воссозданные профсоюзы и другие общественные организации по существу не выполняют своих функций и являются политическим инструментом режима.

Все это неизбежно отражается на «состоянии умов» в китайском обществе, стимулирует рост недовольства и оппозиционных маоизму настроений, охватывающих все более широкие слои населения, и вместе с тем ведет к дальнейшему обострению борьбы в самом китайском руководстве.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Китайской Народной Республике — четверть века

М. С. Капица,

доктор исторических наук, профессор

1 октября 1974 г. исполняется 25 лет со дня образования Китайской Народной Республики. Четверть века — это время зрелости для человека, немалый это срок и для страны, даже если ее предшествующая история насчитывает несколько тысяч лет. Друзья и доброжелатели китайского народа встречают этот юбилей со смешанным чувством. Они радуются тому, что китайский народ освободился от феодально-бюрократического режима и империалистического господства. Однако их огорчает нынешняя политика руководителей КНР.

* * *

В годы антияпонской войны мне довелось работать в Чунцине, встречаться со многими крупными деятелями Коммунистической партии Китая; после победы революции я находился в Пекине и был непосредственным свидетелем первых шагов молодой народной республики. В годы последней гражданской войны в Китае был в Москве и имел прямое отношение к проблемам Китая. Я хорошо помню, с каким волнением мы в МИД СССР, как и все советские люди, следили за борьбой в Китае, с каким вниманием наша партия относилась ко всем запросам и нуждам китайских друзей.

Важной задачей на заключительном этапе освободительной борьбы китайского народа было пресечение попыток империалистических сил вмешаться в дела Китая. Мао Цзэ-дун при встрече в Чунцине 10 октября 1945 г. с послом СССР в Китае А. А. Петровым заявил, что Коммунистическая партия Китая не боится военного наступления гоминьдана, «лишь бы не вмешались американцы, это единственное, чего мы опасаемся». Наша партия, Советское правительство твердо защищали тот тезис, что китайский народ в состоянии сам решить свои проблемы, и настойчиво боролись за то, чтобы не допустить вооруженной интервенции США.

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г. советская сторона потребовала скорейшего разоружения и эвакуации японских войск и вывода американских войск из Китая. Советское правительство предложило договориться об одновременной эвакуации американских и советских войск из Китая, подчеркивало, что внутренние проблемы должны быть решены самим китайским народом. Представители СССР в ООН, советская общественность решительно осуждали вмешательство США в дела Китая, указывая на ответственность Соединенных Штатов за поддержку кровопролитной борьбы, которую развязали чанкайшистские власти.

Поскольку Соединенные Штаты прибегли к интервенции в Китае, советской стороной были приняты практические меры для противодей-

ствия такой политике. Северо-восточные провинции Китая, освобожденные в августе 1945 г. Советской Армией, стали главным районом борьбы против гоминьдановского режима. Советский Союз не позволил гоминьдановским войскам занять район Порт-Артура — Дальнего, откуда они рассчитывали нанести удар с фланга по Народно-освободительной армии, дислоцировавшейся в Северо-Восточном Китае. Между СССР и освобожденными районами Китая устанавливались тесные экономические связи. Из СССР поступали продовольствие для населения и военные грузы. Советский Союз помог восстановить железные дороги на Северо-Востоке Китая, подготовить и сформировать железнодорожные части, которые сыграли важную роль в восстановлении коммуникаций для продвигавшейся на юг Народно-освободительной армии Китая.

В августе 1949 г. ЦК КПК обратился к Советскому правительству с просьбой направить в Китай советских специалистов для оказания организационно-технической помощи в восстановлении и развитии народного хозяйства на освобожденной территории. Советский Союз немедленно командировал соответствующих работников. Уже первая группа (около 250 чел.) включала специалистов, которые разрабатывали функции будущих министерств и ведомств и участвовали в практической работе по организации управления народным хозяйством. Другие специалисты помогали организовывать работу непосредственно на крупных промышленных предприятиях.

Когда на освобожденной территории Китая вспыхнула эпидемия чумы, противоэпидемические отряды, прибывшие из СССР, быстро ликвидировали ее. При продвижении Народно-освободительной армии в южные районы войска страдали от малярии. По просьбе китайского командования в течение двух суток советские самолеты доставили около тонны хинина. Таких примеров бескорыстной помощи СССР китайскому народу было много.

Имея за спиной прочный тыл — Советский Союз, Народно-освободительная армия, набравшись сил, в 1948 г. перешла в контрнаступление, которое в конечном счете завершилось падением гоминьдановского режима и освобождением Китая.

Энергичную поддержку освободительной борьбе китайского народа оказывали другие братские страны, все мировое коммунистическое движение.

Героизм китайского народа, его решимость завоевать свободу и независимость и активная международная поддержка явились главными слагаемыми успеха. Победе китайского народа способствовала благоприятная международная обстановка, и прежде всего мощь Советского Союза, всей мировой социалистической системы. «Если бы не существовало Советского Союза, — писал Мао Цзэ-дун в 1949 г., — если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии, если бы не было усиливающейся борьбы угнетенных стран Востока, если бы не было борьбы народных масс в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и в других капиталистических странах против правящей реакционной клики, если бы не было всех этих факторов, то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет. Точно так же невозможно было бы закрепить победу после ее достижения»¹.

¹ Мао Цзэ-дун. О диктатуре народной демократии. М., 1949, стр. 9.

С глубоким удовлетворением в СССР встретили созыв в сентябре 1949 г. Народного политического консультативного совета Китая и принятые им решения. В Декларации НПКС отмечалось, в частности, что правительство КНР, объединившись с миролюбивыми и свободолюбивыми государствами, нациями и народами и в первую очередь с Советским Союзом и странами новой демократии как со своими союзниками в совместной борьбе против империалистических заговоров, направленных на провоцирование войны, будет вести борьбу за длительный мир во всем мире².

* * *

Становление и укрепление Китайской Народной Республики происходили при самом активном участии СССР, других братских стран. Они считали своим интернациональным долгом помочь молодой народной республике стать на ноги и двинуться по пути социализма.

1 октября 1949 г. в письме Советскому правительству министр иностранных дел КНР Чжоу Энь-лай сообщил об образовании КНР и от имени правительства КНР предложил установить дипломатические отношения с СССР.

2 октября Советское правительство заявило о своем неизменном стремлении к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и решении установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

Советский Союз, таким образом, был первым государством, которое приветствовало образование КНР и признало ее.

Вслед за Советским Союзом Китайскую Народную Республику признали: 3 октября — Болгария, 4 октября — Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, 5 октября — КНДР, 7 октября — МНР, 21 ноября — Албания. 16 января 1950 г. к ним присоединилась ДРВ, 25 октября — ГДР.

Из молодых национальных государств народную республику первой признала Бирма (16 декабря 1949 г.), за ней — Индия (30 декабря), Пакистан (4 января 1950 г.), Цейлон (6 января), Афганистан (12 января), Индонезия (27 марта).

Признание КНР прежде всего соседними странами Юго-Восточной и Южной Азии объяснялось тем, что эти страны, как правило, сами недавно освободились от колониального господства и симпатизировали освобождению Китая. При этом они надеялись, что новый Китай будет проводить политику дружбы и сотрудничества, а не политику экспансии и вмешательства в их внутренние дела, что было характерно для политики китайских императоров.

Из западных держав о признании КНР заявили Англия, Норвегия, Дания, Финляндия, Швейцария, Голландия. США выжидали некоторое время, присматривались к политике КНР, затем возглавили борьбу против признания КНР и всемерно стремились не допустить ее в ООН.

Китайский народ приступал к строительству новой жизни не только в условиях разрухи, явившейся результатом японской агрессии и многолетних гражданских войн, но и в условиях глубокой экономической отсталости страны. Положение отягчалось тем, что чанкайшисты, скрывшиеся на Тайване, с помощью США осуществили морскую блокаду и вели воздушную войну против КНР. Длительное время сохранялась серьезная опасность военного вторжения с участием США.

Как и в годы освободительной борьбы, в этот период китайский народ нуждался в самой широкой и всесторонней помощи и поддержке со

² См. «Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы». М., 1950, стр. 52.

стороны революционных сил мира и прежде всего со стороны Советской страны и других социалистических стран. Помощь социалистического лагеря китайскому народу явилась ярким образцом пролетарского интернационализма.

Следует отметить, что в первые годы после образования КНР даже те китайские руководители, которые во время Великой Отечественной войны Советского Союза позволяли себе иронизировать по поводу трудностей на советско-германском фронте и высказывали неверие в победу СССР в тех условиях, приветствовали поддержку мирового социализма. Но если преобладающая часть партии и трудящиеся видели в этой поддержке ключ к социалистическому переустройству китайского общества, то указанные деятели руководствовались сугубо националистическими соображениями. Они стремились использовать помощь и поддержку для наращивания экономической и военной мощи, с помощью которых могли бы осуществить свои гегемонистские цели.

Оказывая всестороннюю помощь и поддержку КНР, социалистические страны ориентировались на объективную тенденцию развития китайской революции по социалистическому пути.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи и соглашения между СССР и КНР, подписанные 14 февраля 1950 г., были пропитаны духом братства и социалистического интернационализма. Они закладывали серьезную основу для всестороннего сотрудничества между СССР и КНР. «Подписание Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и СССР не только оказывает огромнейшую помощь в строительстве нового Китая, — говорил Мао Цзэ-дун 13 февраля 1951 г., — но и является мощной гарантией в борьбе против агрессии и за сохранение мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире».

Во исполнение союзного договора Советский Союз в срочном порядке направил в Китай авиационные дивизии, которые сразу же пресекли налеты чанкайшистской авиации. Во время войны в Корее из СССР в Китай прибыли новые авиационные соединения. Благодаря их действиям американская авиация не смогла безнаказанно нарушать воздушное пространство КНР. Многие советские летчики пали смертью храбрых на китайской земле.

Советский Союз оказывал помощь в формировании новых родов войск Народно-освободительной армии и создании оборонной промышленности. Советские генералы и офицеры передавали свой опыт управления войсками, обучали командный состав НОАК, тысячи китайских офицеров закончили военные академии и училища в СССР.

Быстро расширялось экономическое сотрудничество. Из СССР в счет кредитов шло комплектное оборудование предприятий, с каждым годом рос товарооборот, широкий размах приняло научно-техническое сотрудничество. В Китае трудились тысячи советских специалистов.

Значительную помощь КНР в экономическом строительстве оказывали другие социалистические страны. При их содействии в Китае сооружалось около ста крупных промышленных предприятий и других объектов.

Социалистические страны широко сотрудничали в своей внешнеполитической деятельности, совместно вырабатывали и осуществляли политику, направленную на упрочение мировой социалистической системы, оказание помощи национально-освободительному движению и сохранение всеобщего мира. Они решительно осудили агрессию США в отношении КНР, осуществляющуюся одновременно с войной в Корее, и оккупацию острова Тайвань, вели настойчивую борьбу против дискриминации КНР, за восстановление ее прав в ООН и в других международных ор-

ганизациях, добивались привлечения Китая к решению важных международных проблем.

Китайская Народная Республика в свою очередь поддерживала международные акции СССР, других братских стран. Она пришла на помощь Корейской Народно-Демократической Республике, вместе с СССР содействовала освободительной войне во Вьетнаме. Она поддерживала усилия СССР, европейских социалистических стран, направленные на укрепление безопасности в Европе и на Ближнем Востоке. Китай приветствовал заключение Варшавского договора, одобрял предложения по ограничению вооружений, в 1958—1960 гг. высказывал идею о заключении пакта о мире между государствами Азии и бассейна Тихого океана.

В 1954 г. Китай и Индия подписали документы, в которых были сформулированы пять принципов мирного сосуществования в качестве основы отношений между ними. Эти же принципы в то время определяли отношения Китая с Бирмой, Пакистаном, Индонезией. КНР приняла активное участие в Бандунгской конференции, продемонстрировав там политическую гибкость и готовность содействовать созданию в Азии и в Африке обстановки мира и дружественного сотрудничества. Такая позиция подняла престиж КНР и привела к установлению дипломатических отношений с рядом развивающихся стран.

Выражая готовность установить нормальные отношения с развитыми капиталистическими странами, КНР в то же время разоблачала империализм и колониализм, подавление демократических свобод. Ее политика носила острый антиимпериалистический, принципиальный характер.

Определяя внешнеполитическую линию, VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.) в «Основных положениях Программы» указал на то, что КПК «выступает за политику сохранения мира во всем мире и мирного сосуществования стран с различным строем... Партия прилагает усилия для развития и укрепления дружбы со странами лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом, укрепляет солидарность пролетарского интернационализма, изучает опыт мирового коммунистического движения, поддерживает борьбу коммунистов, прогрессивных элементов и трудового народа всех стран, направленную на обеспечение прогресса человечества, воспитывает своих членов и народ в духе интернационализма, выраженного в призыве «Пролетарии всех стран, соединитесь!»³.

Делегация КПК во главе с Мао Цзэ-дуном приняла участие в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в 1957 г., по ряду вопросов она уже тогда занимала весьма странную позицию. В частности, китайский руководитель легкомысленно и цинично рассуждал о термоядерной войне. Тем не менее делегация подписала принятые на совещании документы, в которых подчеркивался долг коммунистических партий свято хранить и крепить единство мировой социалистической системы, добиваться упрочения боевого союза трех основных революционных потоков современности и выражалась уверенность в способности народов мира предотвратить развязывание империалистами новой мировой войны.

Чувствуя уверенность в своей безопасности, которую обеспечивал союз с могучим Советским Союзом, а также опираясь на опыт и помощь братских стран, Китайская Народная Республика быстро избавлялась от остатков полуфеодального режима и успешно строила новое общество. К концу 1952 г. была завершена аграрная реформа, уровень экономики

³ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», М., 1956, стр. 510—511.

достиг высшего довоенного уровня. К концу 1956 г. были в основном закончены социалистические преобразования в городе и деревне. Успешно была выполнена первая пятилетка (1953—1957 гг.). Она характеризовалась быстрым ростом промышленного производства (19,2% в год), увеличением более чем в два раза индустриальной базы, достижением в 1957 г. рекордного урожая (185 млн. т зерновых). С помощью СССР в Китае были созданы новые отрасли промышленности: авиационная, автомобильная, тракторная, радиотехническая, тяжелое и точное машиностроение, приборостроение, многие предприятия химической промышленности, были модернизированы и развиты энергетическая, угольная, нефтеперерабатывающая и нефтедобывающая, целлюлозно-бумажная, легкая, пищевая промышленность, транспорт.

На VIII съезде КПК Мао Цзэ-дун так характеризовал обстановку, позволившую КНР добиться столь больших успехов: «Если говорить в международном масштабе, то наши победы были одержаны благодаря поддержке возглавляемого Советским Союзом лагеря мира, демократии и социализма и глубокому сочувствию со стороны миролюбивых народов всего мира»⁴.

* * *

Отличительной чертой внешней политики социалистических государств является классовый подход как при анализе политики различных государств, так и при выработке своей политики. Классовый подход означает, что политика социалистического государства должна базироваться на принципах социалистического интернационализма. Характеризуя международные отношения после Октябрьской революции, В. И. Ленин говорил на II Конгрессе Коммунистического Интернационала: «...взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистских наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия... Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями...»⁵

Начиная с 1959 г., и особенно 1960 г., китайские руководители стали действовать вопреки принципам социалистического интернационализма. Они отошли и от принципа мирного сосуществования.

Успехи в экономическом строительстве, укрепление внешней безопасности КНР привели часть китайского руководства к заключению, что пора практически приступить к осуществлению своих геополитических устремлений, которые они откладывали до времени. Осуществление своих заветных чаяний они мыслили следующими методами:

резкий скачок в экономическом развитии под лозунгом построения коммунизма в 3—5 лет должен был, по их мысли, за короткий срок сделать Китай самой мощной державой в мире;

утверждение «идей Мао» в качестве руководящей идеологии для стран Азии, Африки и Латинской Америки, являющихся, по их оценке, «главной зоной революционных бурь»;

превращение социалистического содружества и коммунистического движения в инструменты осуществления гегемонистских планов Пекина;

противодействие разрядке международной напряженности и провоцирование международной напряженности и даже войны между США и

⁴ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». М., 1956, стр. 4.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 242.

СССР, между НАТО и организацией Варшавского Договора, что облегчило бы достижение Китаем мировой гегемонии.

Речь шла не о возникновении разногласий между частью китайского руководства и коммунистическими партиями других стран относительно трактовки или путей практического применения тех или иных положений марксизма-ленинизма. Новая линия Пекина означала разрыв с марксизмом-ленинизмом.

Такой курс, естественно, встретил сопротивление со стороны марксистов-интернационалистов внутри КПК, но они были один за другим ошельмованы.

Пренебрежение объективными законами общественного развития, игнорирование опыта социалистического строительства привели к тому, что «большой скачок» провалился, создание коммун и переход в деревне к уравниловке серьезно осложнили продовольственное положение. Китайским руководителям пришлось отложить свои эксперименты и заняться «урегулированием». Только стала экономика обретать к 1965 г. нормальный ритм, как разразилась «культурная революция», которая вновь в значительной степени парализовала экономическую жизнь.

Если, как уже отмечалось, среднегодовой прирост промышленного производства составлял в первую пятилетку 19,2%, то, по подсчетам западных ученых Р. М. Филда и Томаса Раевски, среднегодовой темп в 1957—1965 гг. равнялся 5—6% (9—10%), в 1965—1972 гг. — 8,5—8,9% (9,9%)⁶. Китайские руководители сами сообщили, что в 1973 г. прирост был 8,2%.

Такие темпы для страны со сравнительно небольшим объемом производства крайне низки. При нормальном развитии и соблюдении социалистических принципов они могли бы быть в два раза больше.

По оценке американских экономистов Лю Да-чжуна и Е Кун-цзя, валовой национальный продукт в расчете на душу населения в Китае (если взять 1957 г. за 100%) в 1962 г. составлял 87—90%, в 1965 г. — 101—111, в 1970 — 107,2—129%⁷. Прирост всего лишь на 7,2—29% за 14 лет! Это меньше, чем во всех соседних капиталистических странах, даже весьма отсталых. Среднегодовые темпы роста на душу населения в Китае составляют 0,5—1,6%, в Индии — 1,2, на Филиппинах — 2, в Таиланде — 5,4%⁸.

Узким местом в экономике Китая является сельское хозяйство. Стоимость продукции, создаваемой сельским хозяйством, возросла по сравнению с 1957 г. в пределах 4,9—12%. Рост сельскохозяйственной продукции за это время составил 16%, а население увеличилось на 30%. Потребление на душу населения с 1957 по 1970 г. выросло всего лишь на 4,3% (с 115,3 до 120,3 юаня в постоянных ценах 1952 года)⁹.

Факты говорят за себя. Они показывают, что Китай лишен возможности использовать преимущества социалистического строя для ускорения развития. Дорого же обошлись Китаю неоправданные эксперименты, волюнтаризм, отход от социалистических принципов хозяйствования, разрыв экономического сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами!

К не менее тяжелым для Китая последствиям привел поворот Пекина в области международных отношений. Внешняя политика стала беспринципной, подверженной крутым поворотам в угоду эгоистичным интересам.

⁶ "Current History", September 1973.

⁷ "American Economic Review", vol. 63, 1973, № 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Выступив в начале 60-х годов с критикой «слева» позиции КПСС и других коммунистических партий, китайские теоретики стремились показать, что в силу своей «революционности», «свежего опыта борьбы» Пекин должен задавать тон революционным силам современности. Когда не удалось навязать свою платформу мировым революционным силам и превратить социалистический лагерь в орудие своей политики, руководители Китая перешли к другим формам борьбы.

Посредством интриг и подрывной деятельности правящая верхушка в Пекине попыталась развалить социалистическое содружество, развести государства по их национальным квартирам, а затем собрать вокруг Пекина тех, кого удастся. Китайская агентура пыталась расколоть коммунистические партии, создать пропекинские группы, рассчитывая в дальнейшем объединить их в «интернационал» с центром в Пекине. Основной огонь направлялся против КПСС и СССР.

Усилилось вмешательство Китая в дела развивающихся стран. «В конце 50-х годов усилия Китая, направленные на укрепление своего влияния в Южной и Юго-Восточной Азии, приняли такую форму, которая напоминала колониальное прошлое этих стран: разжигание племенных и религиозных распрей и сепаратистских настроений», — писала индийская «Амрита базар патрика» 10 апреля 1974 г. Вмешиваясь в дела многих стран «третьего мира», призывая к «народным войнам», те, кто определял политику в Пекине, допустили военный конфликт с Индией, которую они рассматривали как препятствие к укреплению своих позиций в Азии, и заняли враждебную позицию в отношении почти всех правительств стран Азии и Африки, включая страны социалистической ориентации.

«Международная напряженность... более выгодна нам и менее выгодна империалистам», — рассуждал китайский руководитель в сентябре 1958 г. «Даже если разразится термоядерная война, человечество создаст на развалинах нынешнего мира еще более прекрасный мир», — часто могли слышать подобные сентенции иностранные посетители Пекина. Китайские руководители пытались дискредитировать политику мирного сосуществования, отказывались участвовать в любых акциях, направленных на обуздание гонки вооружений, всячески провоцировали обострение международной обстановки, особенно отношений между СССР и США.

Такой образ действий привел Китай к международной изоляции. Внутри страны стала расти оппозиция такому курсу. Опираясь на армию и используя обманутую молодежь, националистическая группа разгромила партийные комитеты в центре и в ряде провинций. Чтобы облегчить этот переворот, китайские руководители постарались разжечь националистические чувства, устроив в марте и августе 1969 г. вооруженные провокации на китайско-советской границе.

Хунвэйбины призывали к «культурной революции» во всех странах. «Пекин — это центр мировой революции, штаб, из которого Мао Цзэдун руководит китайской и мировой революцией», — писала «Вэньсюэчжань бао» 21 апреля 1967 г. Однако бесчинства хунвэйбинов в Бирме, Непале, Шри Ланка, Индии, в некоторых странах Африки, дикие оргии, которые устраивались у иностранных посольств в Пекине, вызвали международное осуждение и привели к небывалому падению авторитета Китая.

Пришлось вновь менять тактику, методы, чтобы добиться стратегических целей. Внешняя политика припудривается. В то же время происходит резкий сдвиг вправо. Политика приобретает открыто антикоммунистический характер, основной задачей на какое-то время становится нор-

мализация отношений с империалистическими державами и максимально возможное сближение с ними. Приглушаются призывы к «народным войнам» в странах Азии и Африки, поскольку это мешало бы такому сближению. Руководители КНР заявляют, что Китай тоже является развивающейся страной, что было расценено в мире как заявка в новой упаковке на гегемонию в Азии и Африке. Китайские руководители вновь заговорили о том, что Китай-де за мирное сосуществование.

Но обстановка в мире развивается не так, как хотелось бы китайским руководителям. Укрепляется и становится все более сплоченным и могущественным социалистическое содружество. Распадаются пропекинские раскольнические группы. Ряд стран Азии и Африки проводит политику социалистической ориентации. Большую победу одержал вьетнамский народ, добившись соглашения о прекращении войны и восстановлении мира. Завершается процесс нормализации отношений между Индией, Бангладеш и Пакистаном. Крепнут позиции арабских стран, развитие обстановки на Ближнем Востоке в значительной степени переведено в русло политического урегулирования.

Подписаны договоры СССР, ПНР, ГДР и ЧССР с ФРГ, заключено соглашение четырех держав по Западному Берлину, что позволило подвести черту под второй мировой войной. Успешно работает совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Важный сдвиг произошел в отношениях между СССР и США, расширяется советско-японское сотрудничество.

Все эти прогрессивные процессы в мире идут без КНР, вопреки сопротивлению ее нынешнего руководства. Китайские власти отказались от совместных усилий социалистических стран по оказанию помощи борющемуся Вьетнаму. Их политика объективно поощряла реакционную политику режима Яхья Хана в Восточной Бенгалии и враждебные Индии нападки, что привело к войне. Озлобленные провалом, китайские руководители выступили с угрозами в адрес Индии и в течение двух лет блокировали принятие Бангладеш в ООН. Пекин всячески хотел вызвать большую войну на Ближнем Востоке в расчете на конфронтацию между СССР и США или хотя бы на приостановку международной разрядки. Тщетными оказались попытки Пекина сорвать заключение и ратификацию договоров социалистических стран с ФРГ и торпедировать европейское совещание. В отчаянии китайские руководители даже стали утверждать вопреки тому, что они говорили в течение нескольких лет подряд, будто «военные приготовления» СССР направлены не против Китая, а против Западной Европы, что в Европе сосредоточены три четверти вооруженных сил Советского Союза. Они горюют по поводу провала на выборах в Англии консерваторов и устроили бывшему премьеру Англии Хиту в Пекине торжественный прием. Они злорадствуют по поводу некоторых трудностей, возникших для правящей коалиции в ФРГ, и зовут в Пекин баварского ультра Штрауса. Они не скрывали надежд, что после кончины Ж. Помпиду Франция отойдет от голлистского курса и будет больше ориентироваться на НАТО. Они призывают западные державы к укреплению НАТО против организации Варшавского Договора, расстраиваются из-за кризиса, переживаемого «Общим рынком», и клеветают на Совет Экономической Взаимопомощи, пытаются убедить в «опасности» принятия общеевропейским совещанием позитивных решений. Много заявлений было сделано против идеи безопасности в Азии на коллективной основе. Они уговаривают США не выводить войска из Азии и Дальнего Востока. В стремлении не допустить углубления советско-японского сотрудничества они подогревают территориальные притязания на Южные Курилы и даже предлагают создать союз Японии и Китая, который дей-

ствовал бы и против СССР, и против США. На X съезде КПК (август 1973 г.) Чжоу Энь-лай откровенно ратовал за сохранение международной напряженности и предрекал новые «коренные потрясения» в мире.

Такой курс не может принести долговременных дивидендов Пекину.

Известно, что в последние годы многие капиталистические страны признали Китайскую Народную Республику и установили с ней дипломатические отношения; КНР стала членом ООН. Однако обструкционистская политика руководства Китая, его стремление использовать международные организации в своекорыстных целях ведут к тому, что государства «третьего мира» и даже развитые капиталистические страны в свете нынешних тенденций в мире не хотят и не могут вступить в далеко идущие соглашения с Китаем на базе негативизма и антисоветизма, отличающих политику Пекина. Об этом красноречиво говорит потеря интереса к выступлениям китайских представителей в ООН, так как эти выступления не содержат конструктивных предложений. В результате Китай оказывается в изоляции при обсуждении в ООН важных проблем. Делегат Барбадоса У. Рэмси заявил на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «В ходе общих дебатов и в кулуарах мы слышали высказывания, в которых содержались сомнения относительно доброй воли и целей Советского Союза. Мы не разделяем таких высказываний, касающихся мотивов СССР. Мы считаем эти высказывания недостойными и нечестными, противоречащими всему историческому поведению Советского Союза в вопросах оказания помощи развивающимся странам и укреплению международного мира и безопасности».

* * *

Подводя итоги развития КНР за четверть века, уместно подробнее сказать о советско-китайских отношениях. Советский Союз всегда придавал большое значение советско-китайской дружбе и не жалел усилий для ее укрепления. СССР не только помог обеспечить безопасность КНР. СССР был главной опорой КНР в развитии народного хозяйства. Советский Союз предоставил Китаю долгосрочных кредитов на сумму свыше 1816 млн. рублей. Следует отметить, что наивысшая ставка по кредитам составляла 2% годовых, в то время как в мировой практике того времени кредиты выдавались преимущественно на уровне свыше 4%. Значительная часть советских кредитов была предоставлена на условиях 1% годовых или без начисления процентов. Погашение кредитов производилось поставками товаров традиционного экспорта.

Из Советского Союза поставлялись в Китай в счет кредитов и в рамках торгового товарообмена машины и оборудование, запасные части, черные и цветные металлы, химпродукты, нефть и нефтепродукты и многие другие товары, необходимые для развития китайской экономики. Советский Союз также получал из Китая в больших объемах такие нужные для нашего народного хозяйства товары, как руды и концентраты цветных металлов, химтовары, текстильное сырье и полуфабрикаты, сырье растительного и животного происхождения, продовольственные товары, промышленные товары народного потребления.

За десятилетие (1954—1963 гг.) Советский Союз передал Китаю более 24 тыс. комплектов научно-технической документации, в том числе проекты на 1400 крупных современных предприятий. Использование советского научно-технического опыта позволило Китаю в короткий срок и на высоком техническом уровне осуществить подъем многих отраслей экономики и заложить основы социалистической индустриализации. В свою очередь применение китайского опыта в некоторых областях на-

родного хозяйства было полезным для Советского Союза, хотя объем переданной документации был невелик (за 1954—1963 гг. СССР получил от КНР около 2 тыс. комплектов технической документации).

В течение 1951—1962 гг. в СССР прошли обучение, научную подготовку и практику около 11 тыс. китайских инженеров, техников и квалифицированных рабочих, около 1 тыс. ученых. Более 11 тыс. китайских студентов и аспирантов закончили советские высшие учебные заведения (при этом Советское правительство взяло на себя 50% расходов на обучение).

Значение этой помощи особенно понятным станет, если учесть, что капиталистические страны осуществляли эмбарго на торговлю с Китаем и КНР нигде не могла получить оборудование для строительства предприятий и научно-технический опыт. Руководители КНР высоко оценивали помощь и поддержку СССР и отмечали подлинно дружественный характер отношений между СССР и КНР. В частности, беседуя с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко в ноябре 1957 г., Мао Цзэ-дун подчеркивал, что из советско-китайских отношений устранены все элементы, неприемлемые для Китая, и что отношения наших стран ничто не омрачает.

Когда китайские руководители взяли курс на разрыв с КПСС и СССР, советская сторона предлагала в спокойной обстановке обсудить возникшие разногласия, прекратить полемику. Однако лидеры Китая расчетливо и последовательно вели дело к ухудшению отношений с КПСС и СССР. Вначале китайские руководители рассуждали о том, что между КПК и КПСС «девять пальцев» за единство и лишь «один палец» символизирует расхождение; в середине 60-х годов, несмотря на то что отношения по межпартийной линии еще сохранялись, Пекин заявил, что между КПК и КПСС «не существует того, что объединяет, а существует лишь то, что разъединяет».

Вся деятельность китайской пропаганды, включая прессу, радио и телевидение, была направлена на то, чтобы извратить внутреннюю и внешнюю политику нашей партии и Советского государства. Особое место в маоистской пропаганде отводится разжиганию великодержавных националистических настроений среди китайского населения путем выдвижения территориальных притязаний к СССР. В этой связи усиленно развивается тема «территориального реестра» к Советскому Союзу, о котором Мао Цзэ-дун говорил в 1964 году. Вновь и вновь перечисляются «неравноправные договоры», по которым Россия более ста лет назад якобы «захватила» свыше 1,5 млн. кв. км «китайской территории».

Несмотря на иступленный антисоветизм Пекина, Советский Союз неизменно предпринимает попытки завязать конструктивный диалог с КНР по государственной линии. Советским людям дороги судьбы социалистических завоеваний в Китае, они искренне хотят восстановления дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Интересам советского и китайского народов, интересам всех народов отвечал бы выход из того тупика, в котором оказались отношения между СССР и КНР по вине пекинских руководителей.

Еще в 1964 г. советская сторона внесла предложение об организации встречи на высшем уровне между советскими и китайскими представителями. Это предложение было повторено дважды в 1965 г. С трибуны XXIII съезда КПСС было заявлено, что советская сторона готова на высоком уровне обсудить и решить все вопросы, возникшие между Советским Союзом и Китаем.

Когда китайское руководство прервало все партийные связи, Советское правительство неоднократно выступало с предложениями о встречах

и переговорах на высоком уровне между представителями СССР и Китая по государственной линии. Встреча на уровне глав правительств 11 сентября 1969 г. в Пекине была осуществлена по инициативе правительства СССР. Во время беседы с Чжоу Энь-лаем была достигнута договоренность о новых подобных встречах в случае необходимости. 8 июля 1970 г. советской стороной был поставлен вопрос о встрече глав правительств. В июне 1973 года китайской стороне вновь официально была выражена готовность к проведению переговоров между советскими и китайскими представителями на любом, в том числе и на самом высоком уровне. Эти предложения остались без ответа.

Советский Союз выдвинул ряд практических предложений, реализация которых могла бы значительно улучшить климат в советско-китайских отношениях. Советское правительство в 1969, 1970, 1971 и 1973 гг. предлагало правительству КНР заключить соглашения, нормализующие отношения между нашими странами. Проект договора о неприменении силы, переданный китайской стороне 15 января 1971 г., предусматривал, что СССР и КНР «не будут применять друг против друга вооруженную силу с использованием любых видов оружия, включая: а) обычное, б) ракетное, в) ядерное». Проект договора о ненападении (14 июня 1973 г.) содержал обязательства сторон не совершать нападения друг на друга с применением любых видов оружия на суше, на море и в воздухе, а также не угрожать таким нападением.

Все эти предложения остались нереализованными. В то же время китайские власти призывают народ поглубже закапываться в землю в связи с выдуманной ими угрозой нападения со стороны СССР.

В 1972 г. Советский Союз заявил, что он готов строить связь с Китаем на базе принципов мирного сосуществования, если руководство КНР не считает возможным идти на большее в отношениях с социалистическим государством, каким является СССР. Советскими организациями и официальными лицами на различных уровнях неоднократно выдвигались перед китайской стороной конкретные предложения о восстановлении и развитии практических связей между двумя странами, в том числе о возобновлении приграничной торговли, о восстановлении прежней практики ремонта советских судов на китайских верфях, о подписании долгосрочного торгового соглашения между двумя странами, о возобновлении комплектных поставок, о налаживании сотрудничества между академиями наук, о восстановлении сотрудничества в области здравоохранения, об активизации деятельности между обществами дружбы, об обмене корреспондентами центральных газет и т. п. И эти предложения были оставлены без ответа или отвергнуты. Руководство КНР со своей стороны ни разу не выступило ни с одной мало-мальски позитивной инициативой.

Как известно, с 20 октября 1969 г. в Пекине идут советско-китайские переговоры по пограничным вопросам. Руководители КНР заявляют, что в советско-китайских отношениях они считают пограничное урегулирование главной проблемой. Однако вот уже почти пять лет Пекин блокирует переговоры по пограничным вопросам своими ультимативными требованиями, в том числе о переносе под видом выдуманных «спорных районов» границы на ряде участков в глубь Советского Союза. Судя по всему, они не заинтересованы в решении вопросов, связанных с уточнением на отдельных участках советско-китайской границы, хотя еще в 50—60-х годах заявляли, что никакой пограничной проблемы с СССР у них нет, а существующие небольшие вопросы легко решить.

Чтобы оправдать перед мировым общественным мнением нежелание

улучшать советско-китайские отношения, руководство Китая изобрело два «заколдованных круга».

«Первый из них заключается в том, что руководство КНР ставит любой поворот в наших отношениях к лучшему в зависимости от пограничного урегулирования. Оно заявляет, что, прежде чем решать какой-либо вопрос в советско-китайских отношениях, нужно добиться прогресса в решении «пограничной проблемы». Прогресс же в их понимании состоит в том, чтобы Советский Союз принял ряд абсурдных, неприемлемых условий, например еще до переговоров признать китайские территориальные притязания и др. Поскольку же советская сторона решительно отвергает все эти надуманные претензии китайского руководства, то Пекин отказывается решать и другие вопросы советско-китайских отношений.

Второй «заколдованный круг» относится к нашим предложениям о заключении договора о неприменении силы или договора о ненападении. Китайские представители заявляют, что, дескать, нет необходимости в достижении подобных соглашений, поскольку между СССР и КНР существует Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. Когда же мы предлагаем подтвердить обязательства, вытекающие из этого договора, Пекин отвечает отказом. В то же время в беседах с иностранными представителями китайские официальные лица называют договор 1950 года «клочком бумаги». Такова, с позволения сказать, логика маоистов»¹⁰.

Эти «заколдованные круги» созданы явно искусственно. Можно и должно остановить и процесс ухудшения советско-китайских отношений, сосредоточить усилия на улучшении отношений. И в решениях XXIV съезда КПСС, и в ряде заявлений советских руководителей подчеркивались стремление и готовность нормализовать межгосударственные отношения с Китайской Народной Республикой на основе взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности, равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга. Дело — за китайской стороной.

* * *

Китайской Народной Республике — четверть века. Жизнь показывает, что дела в Китае шли успешно, когда он следовал марксистско-ленинскому курсу. Он оказался в обстановке перманентного кризиса, когда его руководители отбросили этот курс и пытаются навязать партии, стране националистический курс развития.

Китайским руководителям пора бы понять, что нынешняя политика не сулит им ничего хорошего. От социалистических стран Пекин отмежевывается, а Советский Союз даже изображается «главным врагом»; прикинуть полностью и открыто к империалистическим государствам — значит потерять последние остатки «революционности» и стать пешкой в международных маневрах империализма; страны «третьего мира» выменяют заявки Пекина на лидерство, не доверяют ему и не намерены вступать в какой-либо блок под его эгидой. Подлинные интересы строительства новой жизни в Китае решительно требуют возвращения к политике, основанной на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

¹⁰ О. Борисов. Кто мешает нормализации. — «Известия», 15.V. 1974.

Вопреки интересам рабочего класса Китая

Р. Макс, В. Шёбе (ГДР)

Историческая миссия пролетариата является объективной реальностью всемирной истории XIX и XX вв. Создание мировой социалистической системы — величайшее политическое и социальное достижение международного рабочего класса. Существование мировой социалистической системы и ее успешное политическое и экономическое развитие представляют собой решающую материальную и идеологическую предпосылку осуществления исторической миссии рабочего класса в странах, отставших в своем социально-экономическом развитии.

Еще в 1918 г. В. И. Ленин говорил о том, что в отсталой стране легче начать революцию, «потому что гнил ее противник, потому что неорганизована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки»¹. Дело в том, что в стране с низким уровнем развития производительных сил и обусловленной этим незрелой социальной структурой, а следовательно, и незрелой идейно-политической надстройкой еще не получили должного развития предпосылки для построения социализма.

К числу отсталых стран относился и Китай накануне революции. История Китайской Народной Республики показывает, что построение социализма в тех случаях, когда минуется стадия развитого капиталистического общества, осложняется, что возникают крупные общественные проблемы, вытекающие из количественной и качественной слабости рабочего класса.

Рабочий класс Китая, как главный носитель революционных преобразований к моменту образования КНР, занимал скромное место в социальной структуре китайского общества. По данным официальной статистики, в 1949 г. в стране было всего лишь около 3 млн. рабочих, причем значительная часть из них трудилась на мелких и средних предприятиях легкой промышленности и на транспорте. Связанное с крупным производством ядро рабочего класса было чрезвычайно малочисленным.

Большинство китайских рабочих были выходцами из крестьян и других мелкобуржуазных слоев общества, которые поддерживали интенсивные социальные и идеологические связи с крестьянством и непролетарскими прослойками в городах. В рабочем классе Китая господствовало влияние мелкобуржуазной и крестьянской идеологии и чрезвычайно слабо были развиты пролетарская классовая сознательность, понимание собственных классовых интересов, целей и исторической роли рабочего класса. Под влиянием мелкобуржуазной националистической политики группы Мао Цзэ-дуна связь КПК с рабочим классом до Народной революции была также очень слабой. По социальному составу партия была, в сущности, крестьянской. Лишь в наиболее развитом в промышленном

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 252.

отношении районе страны — Северо-Восточном Китае, где после освобождения Советской Армией в 1945 г. при поддержке КПСС стали укрепляться связи КПК с рабочим классом, процент рабочих в партии к концу 1949 г. достиг 7,2; в других частях страны он был значительно ниже.

Учитывая феодальную отсталость Китая, чрезвычайно низкий социально-экономический, идеологический и культурный уровень рабочего класса, КПК было нелегко организовать его политически. Достаточно сказать, что в 1949 г. уровень грамотности рабочих и служащих в Китае был еще крайне низким.

Развитие КНР по пути социализма со всей необходимостью выдвигало перед китайским обществом в качестве одной из важнейших объективных предпосылок построения социализма в стране задачу формирования и становления китайского рабочего класса в социально-экономическом и идейно-политическом отношениях, задачу превращения его в ведущий класс общества, руководящую силу в союзе пролетариата и крестьянства. Это была для КНР коренная социальная проблема. Однако в ходе этого процесса, в период завершения антиимпериалистической антифеодальной демократической революции и начавшегося перехода к социалистической революции, существовало значительное несоответствие между социально-экономическим и идейно-политическим уровнем китайского рабочего класса, с одной стороны, и возраставшей в тот период объективной необходимостью утверждения ведущей роли пролетариата в обществе — с другой. В этих условиях КПК должна была приложить все усилия для того, чтобы установить самые тесные связи с мировым коммунистическим движением, с другими социалистическими странами, чтобы, используя их опыт, превратить рабочий класс Китая в главную политическую и социальную силу. Другими словами, КПК должна была создать все условия для количественного и прежде всего качественного развития китайского рабочего класса, а также для одновременной перестройки всей отсталой социальной структуры, которая окружала рабочий класс Китая и отрицательно влияла на него.

Разрешение этой коренной социальной проблемы объективно требовало в процессе создания основ социализма в Китае развития и укрепления диктатуры пролетариата; повышения уровня политической организованности рабочего класса, укрепления его пролетарской классово сознательности, осознания им своей исторической роли и общественных целей; преимущественного и непрерывного развития современной крупной промышленности, роста ядра китайского рабочего класса, повышения степени его концентрации; решительного укрепления связей рабочего класса с современными производительными силами; последовательной социально-экономической и идейно-политической ориентации на ядро пролетариата «фланговых зон» рабочего класса, то есть тех групп рабочих, которые трудятся на предприятиях с относительно слабой степенью концентрации и самым различным уровнем развития производительных сил. Решающее значение для выполнения всех этих задач имела идейно-политическая и экономическо-техническая поддержка Китая со стороны других социалистических стран.

Идейно-политическая помощь со стороны мировой системы социализма является важным фактором, способствующим росту уровня политической организованности рабочего класса, решающим условием для роста пролетарского классового сознания, когда партии надо преодолеть или же нейтрализовать влияние мелкобуржуазной идеологии и укоренить дух пролетарского интернационализма.

Экономическая же и научно-техническая помощь со стороны мировой системы социализма необходима для создания материальных основ со-

циализма в Китае как объективной основы, ускоряющей процесс созревания социалистических взглядов у китайских рабочих и укрепляющей их связь с современными производительными силами.

Экономическая, научно-техническая и идейно-политическая помощь мировой системы социализма в решающей степени определяет общий темп процесса социально-экономического развития и социалистических преобразований в Китае. Укрепление политических, экономических и идеологических отношений с миром социализма совершенно необходимо для непрерывного развития страны по социалистическому пути. Развитие по социалистическому пути страны должно быть обязательно связано с развитием мировой системы социализма.

Мелкобуржуазный националистический курс Мао Цзэ-дуна и его окружения находится в прямом противоречии с этим объективным условием общественного развития. Этот курс направлен на то, чтобы искусственно отгородить китайский рабочий класс от международного рабочего движения и подчинить его усиленному натиску мелкобуржуазной идеологии. Решающим политическим и идеологическим исходным пунктом маоистской политики является стремление создать субъективные условия для достижения своих великодержавно-шовинистических целей с помощью огромного потенциала рабочей силы страны. Маонисты пытаются использовать в своей политике отсталую социальную структуру, учитывая при этом, что формирование рабочего класса в Китае все еще не завершилось и что в стране имеется огромная мелкобуржуазно-крестьянская масса. Маонисты пытаются использовать это обстоятельство для того, чтобы унифицировать и нивелировать население страны в социальном и идеологическом отношении, превратить китайский народ в податливый и послушный инструмент великодержавной шовинистической политики. Это нашло выражение в утверждении Мао Цзэ-дуна о том, что китайский народ — это «лист чистой бумаги», на котором «можно написать самые новые и самые прекрасные нероглифы, нарисовать новейшие и прекраснейшие картины»².

Из основополагающих социально-политических установок маонистов вытекало, что организация общества должна быть подобна армейской. Всеобщая социальная функция армии, как пример для всего народа, была четко определена в период «культурной революции» в лозунгах: «Весь народ учится у армии» и «Весь народ — солдаты». Создание военно-бюрократической диктатуры в ходе «культурной революции», ликвидация КПК, разрушение конституционных порядков, отказ от принципов демократического централизма представляют собой наиболее яркие свидетельства подобной политической практики. Эта политика оказала большое воздействие на положение китайского рабочего класса. В 1964 г., например, на промышленных предприятиях и на транспорте по армейскому образцу были созданы политотделы не для организационной работы, а для более строгого политического и идеологического контроля над рабочим классом. Во время «культурной революции» на предприятия стали направляться кадровые военнослужащие. Они фактически поставили предприятия под контроль армии.

В социально-экономическом отношении китайский рабочий класс, согласно пониманию маонистов, должен быть «приравнен» к понятию «массы». Это на языке маонистов означает, что существующие различия в условиях труда, уровне жизни, в идеологии между рабочими и крестьянами должны изменяться в сторону сближения с крестьянской психологией и крестьянским образом жизни. Еще в сентябре 1958 г. Мао Цзэ-дун

² «Хунцзи», 1958, № 1, стр. 3.

потребовал, ссылаясь на пример сталелитейных предприятий Ухани, чтобы к подобным индустриальным гигантам были присоединены сельскохозяйственные предприятия и воинские части. Общественно-политический смысл этого требования проявился в директиве Мао Цзэ-дуна от 7 мая 1966 г., представляющей собой один из важнейших документов маоистов. В этой директиве говорится, что хотя рабочие главным образом и трудятся в промышленности, но «там, где имеются для этого условия, они должны быть заняты и сельскохозяйственным производством... как, например, рабочие нефтеразработок в Дацине». Крестьяне-коммунары, согласно этой директиве, должны не только трудиться в сельском хозяйстве, но «обязаны коллективно создавать небольшие фабрики, с тем чтобы трудиться на них в качестве рабочих».

Быть «и рабочим и крестьянином» — вот общественно-политическая цель, к осуществлению которой призывает Мао Цзэ-дун. Этот социальный статус должен быть распространен на все сферы общественных отношений и категории населения, в том числе интеллигенцию. Роль политического инструмента в достижении поставленной цели, как указывалось в директиве Мао Цзэ-дуна от 7 мая 1966 г., играет армия. Она служит примером дисциплины и унификации для всего народа, общественно-политическим компонентом маоистской категории «гун-нун-бин», то есть единства «рабочих, крестьян и солдат».

В настоящее время китайский рабочий класс не в состоянии играть руководящей роли в обществе, поскольку у рабочего класса КНР насильственно отнята его боевая марксистско-ленинская партия и профсоюзы; рабочий класс отстранен в Китае от политического руководства страной; марксизм-ленинизм подменяется «идеями» Мао; китайский рабочий класс изолирован от международного рабочего движения и его детища — мировой системы социализма.

В создавшихся условиях прерван процесс становления китайского рабочего класса и превращения его в основную социальную и политическую силу китайского общества, начавшийся в первые годы после образования КНР. Таким образом, в настоящее время в КНР наблюдается резкое несоответствие между объективной исторической необходимостью и социально-политической реальностью, глубокое противоречие между политикой группы Мао по отношению к рабочему классу и объективными требованиями общественного развития Китая. Это противоречие воздействует в свою очередь на маоистскую политику и вынуждает маоистов постоянно прибегать ко все новым маневрам, компромиссам и поправкам к своему курсу. Нынешние китайские руководители в проведении своей политики вынуждены в известной степени считаться с объективными законами общественного развития. Они пытаются согласовать свои субъективистские политические устремления с объективными требованиями общественной жизни. Так, с одной стороны, они направляют свои усилия на то, чтобы создать относительно нечеткую по своей социальной структуре «массу» в качестве послушного, легко исполняемого политического инструмента, растворить различные классы и социальные слои китайского общества, и прежде всего рабочий класс, в этой «массе», нивелировать его в социальном и идеологическом отношениях с крестьянством. С другой стороны, законы общественного развития вынуждают маоистов развивать крупную промышленность, что приводит не только к количественному и качественному росту всего рабочего класса, но в особенности его ядра — пролетариата, связанного с современным производством. Увеличение степени концентрации рабочего класса, так же как и его консолидации, находит свое отражение и в деятельности самих рабочих. Такой характер развития — помеха на пути политики социального «нивелиро-

вания» рабочего класса, которую проводят маоисты для осуществления своей общественно-политической цели, а именно свести статус рабочего класса страны до социального положения крестьянства. Между тем марксизм-ленинизм учит приобщать крестьян к крупному производству.

Растущее в экономическом отношении значение рабочего класса является следствием закономерного развития производительных сил, неразрывных связей между этим классом и современными производительными силами.

Группировка Мао Цзэ-дуна стремится во все большей степени использовать китайский рабочий класс в интересах своей великодержавно-шовинистической политики. Она усиленно пытается интегрировать этот класс в систему военно-бюрократической диктатуры, рассчитывая расширить свою социальную базу. Следовательно, нынешнее китайское руководство сводит общественную роль рабочего класса к простой производительной силе и мешает выполнять ему свою историческую роль, создавать общественные отношения, соответствующие его исторической сущности. В этом смысле маоистские лидеры хотят помешать тому, чтобы наряду с растущим экономическим значением китайского рабочего класса одновременно возрастала бы и становилась более действенной его роль как социальной силы.

«Культурная революция» явилась фронтальным наступлением маоистов на материальные, социальные и политические интересы и достижения китайского рабочего класса. На ее первой стадии был уничтожен конституционный порядок страны, разгромлены коммунистическая партия и профсоюзы. Рабочие нередко оказывали ожесточенное сопротивление при попытках маоистов захватывать предприятия. Рабочие, руководители профсоюзных организаций, местные партийные работники и члены руководства предприятий создавали «рабочие группы». Мао Цзэ-дун и его сторонники, пытаясь расколоть китайский рабочий класс, создавали так называемые «бунтарские организации», большей частью из ущемленных в социальном отношении подсобных и сезонных рабочих. Их науськивали на кадровых рабочих и специалистов, на ту часть рабочего класса Китая, которая была связана с современным производством и чей труд отличается более высокой квалификацией. Одновременно с этим Мао Цзэ-дун и его окружение развернули кампанию против «экономизма», направленную прежде всего против требований о повышении жизненного уровня рабочих, против законных материальных требований китайских трудящихся.

В ходе второй стадии «культурной революции», начавшейся в феврале 1967 г., группа Мао Цзэ-дуна поставила перед собой цель после разгрома конституционных основ государства создать новые, маоистские органы власти — «революционные комитеты». Теперь для Мао Цзэ-дуна и его окружения стоял вопрос о создании и консолидации своей военно-бюрократической диктатуры. Изменилась и тактическая линия группы Мао Цзэ-дуна по отношению к китайскому рабочему классу. Она перешла от политики фронтального наступления на жизненные интересы рабочего класса к политике «задабривания», то есть своекорыстного использования его в качестве политического и прежде всего экономического инструмента для упрочения своей власти. Уже в марте 1967 г. Чжоу Энь-лай говорил об «индустриальных рабочих как руководящей силе». Летом 1968 г. маоисты стали широковещательно пропагандировать указание Мао Цзэ-дуна о том, что «рабочий класс должен руководить всем».

Дальнейшее развитие событий в КНР показало, что маоисты рассматривают использование экономических возможностей рабочего класса и его насильственную интеграцию с военно-бюрократической диктату-

рой в качестве стратегии, рассчитанной на длительное время. Для достижения поставленной задачи Мао Цзэ-дун и его окружение не ограничиваются только контролем над этим классом, так сказать, извне. Китайское руководство настойчиво ищет такие методы и формы воздействия на рабочий класс, которые позволили бы оказывать влияние на него изнутри.

Этот курс маоистского руководства непосредственно связан с его стремлением извлечь как можно больше выгод из социалистических производственных отношений, созданных в стране до 1958 г.

На этом пути проводится экономическая мобилизация рабочего класса в маоистском понимании назначения и целей производства. Маоистами поставлена задача добиться того, чтобы китайский рабочий отождествлял себя с экономической целью производства, то есть чтобы он понимал и активно трудился ради укрепления маоистского режима. Рабочими должна четко осознаваться взаимосвязь между производственными достижениями и основным направлением политического курса Мао Цзэ-дуна. В их сознании должно укрепиться позитивное идеологическое отношение к этим взаимосвязям, что в свою очередь призвано стимулировать его трудовые успехи. Подобный подход находит свое выражение в таких лозунгах, как «быть красным и одновременно быть специалистом». При этом маоисты, как и прежде, рассматривают идеологию как непосредственную производительную силу. Рабочих, кадровых работников и специалистов призывают изучать философские произведения Мао, чтобы «уметь соединить революционный энтузиазм с научным подходом к делу»³.

«Правильность идеологической и политической линии, — говорится в подобных случаях, — решает все»⁴. Труд должен быть точным, а продукция — соответствовать требованиям, предъявляемым к качеству и ассортименту. При этом подчеркивается, что «вопросы качества и ассортимента — это не только технические, но и политические вопросы, вопросы линии...»⁵.

Подобные примеры должны подчеркивать единение производства с политическими целями маоистского руководства, устанавливать четко очерченные масштабы политического поведения китайских рабочих⁶.

Чтобы повысить производственную активность рабочих и одновременно укрепить исходящую из маоистских целей определенную политическую мотивацию экономических достижений, китайские лидеры вынуждены предоставлять рабочим право участвовать в принятии ряда решений на своем непосредственном участке работы⁷. Рабочие, например, могут принимать участие в решении ряда технических и организационных вопросов, непосредственно касающихся их и вопросов производственной экономики. Проводится это под лозунгом «Усиливать ответственность рабочих». В печати особенно подчеркивается необходимость активной роли рабочих в связи с внедрением принципа бережливости. Средства массовой информации сообщают о примерах, когда благодаря принятым рабочими решениям были сэкономлены значительные финансовые средства⁸. На различных предприятиях в соответствии с указанием Мао «необходимо организовать трудовое соревнование и награждать героев труда и активистов», практикуется своеобразная форма внутрипроизводст-

³ «Хунци», 1972, № 10, стр. 48.

⁴ Там же.

⁵ «Хунци», 1972, № 8, стр. 55.

⁶ «Жэньминь жибао», 2. IV. 1972; 2. V. 1972; 2. VI. 1972.

⁷ «Хунци», 1972, № 10, стр. 50.

⁸ Там же, стр. 48.

венного соревнования, цель которого — повышение уровня производства, снижение себестоимости и экономия материалов⁹.

Все эти элементы вовсе не означают, что маоисты — сторонники социалистических методов руководства народным хозяйством. Они вынуждены проводить в жизнь такие мероприятия под давлением объективных требований общественного развития, в особенности растущего экономического значения китайского рабочего класса. Они, по существу, вырваны из рук пекинских политиков силой обстоятельств общественной жизни. С другой стороны, нынешние китайские руководители пытаются с их помощью создать дополнительные экономические резервы, с тем чтобы значительно эффективнее использовать китайский рабочий класс в целях своей антисоциалистической, великодержавно-шовинистической политики. Проведением этих мероприятий в жизнь маоисты пытаются достигнуть единства экономической мобилизации, идейно-политического контроля и политического манипулирования.

Для того чтобы иметь возможность осуществлять подобную тактику по отношению к китайскому рабочему классу, нынешнее пекинское руководство все в большей степени нуждается в какой-то организации рабочего класса. По этой причине существует установка создавать в производственных подразделениях своеобразные группы, ядро которых состоит из наиболее опытных на производстве рабочих. Задачей этих групп является поддержка деятельности руководства в различных областях: в финансовых вопросах, в вопросах повышения качества продукции, улучшения порядка и охраны труда, контроля за выпуском продукции¹⁰. «Жэньминь жибао» представила читателям, например, «группу из пяти» с угольной шахты Датун, занимающейся как экономическим обеспечением производственного процесса, так и вопросами агитации и пропаганды и проблемами повседневной жизни коллектива предприятия¹¹. Здесь речь идет о вопросах, которыми формально призваны заниматься профсоюзы или близкие им органы.

На многих предприятиях маоисты учредили «конференции рабочих представителей», которые являются эрзац-профсоюзами. На примере трансформаторного завода в Шэньяне можно судить о соотношении между общим числом рабочих и численностью членов «конференции рабочих представителей»: 1 : 10 — таково приблизительно это соотношение¹².

В качестве задач «конференций рабочих представителей» в китайской печати называются: изучение трудов Мао Цзэ-дуна, «массовая революционная критика» (политический контроль и маоистское «воспитание»), организация «участия масс в управлении предприятием», вопросы спорта, культуры и уровня жизни, работа с женщинами¹³.

«Конференции рабочих представителей» созданы главным образом лишь на предприятиях. Одновременно маоистское руководство активизирует свои усилия по созданию общенациональных маоистских «профсоюзов». Об этом свидетельствуют проведенные в Пекине и Шанхае в апреле 1973 г. «конференции профсоюзов» и учрежденные после них городские «профсоюзные комитеты».

Новые «профсоюзы» обязаны проводить «генеральную линию Мао Цзэ-дуна», вести работу по идейно-политическому «воспитанию» рабочего класса. Они фактически должны стать «школой идей Мао Цзэ-дуна» и принципиально отличаться от существовавшей до «культурной револю-

⁹ «Жэньминь жибао», 4.X. 1972.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 30.V. 1972.

¹¹ «Жэньминь жибао», 15.III. 1972.

¹² "China Quarterly", 1972, № 52, p. 717.

¹³ Там же.

ции» национальной федерации профсоюзов, которой они официально противопоставляются.

Создавая новые «профсоюзы», китайское руководство преследует цель оформить организационно свое стремление к максимальному использованию рабочего класса в качестве производительной силы и способствовать усилению идейно-политического контроля над ним. Маоисты стремятся превратить «профсоюзы» в инструмент осуществления антисоциалистического и антисоветского курса, проводимого Мао Цзэ-дуном и его окружением.

С другой стороны, в ходе этого процесса становится очевидным, что маоисты в своем стремлении внедриться в ряды китайского рабочего класса не могут обойтись без того, чтобы не использовать традиционные формы организации рабочего класса. Данный процесс также отражает объективно возрастающее социальное и экономическое значение рабочего класса. Не случайно поэтому маоисты стали выдвигать в соответствии с указанием Мао Цзэ-дуна из рядов рабочих кадровых работников¹⁴. Они должны стать эффективным инструментом, обеспечивающим укрепление влияния окружения Мао Цзэ-дуна на китайский рабочий класс, и играть роль трансмиссии между маоистским руководством и его органами, с одной стороны, и рабочими массами — с другой.

Выбор новых кадровых работников из рабочих происходит прежде всего с учетом двух критериев: их производственного опыта и сознательного понимания борьбы «двух линий»¹⁵. Новых функционеров маоисты ставят на различные должности и заставляют выполнять руководящую работу на производстве. Китайская печать сообщала, например, что на рудном комбинате в Гуйчжоу руководящие посты получили 45 рабочих. Из них 9 стали руководителями комбината и рудников, 36 возглавили бригады¹⁶.

Пропаганда Пекина пытается внушить людям, будто руководящая роль рабочего класса может быть обеспечена только в условиях идейно-политического подчинения его группе Мао. Китайское руководство в данном случае пытается использовать социалистические производственные отношения в стране для того, чтобы создать у китайского рабочего класса иллюзию, будто он является «хозяином в доме». При этом маоисты пытаются затушевать фактическую политическую бесправность рабочего класса Китая правом участия его в управлении в пределах цеха, бригады и т. д. Однако этот процесс может в конце концов создать опасную в идеологическом и политическом отношении ситуацию для группы Мао. Ведь призывы к активности рабочих в конечном итоге могут привести к их заинтересованности в более широких общественных взаимосвязях. Поэтому маоисты усиленно пытаются предотвратить развитие этой тенденции, «канализировать» ее в нужном для себя направлении. Они добиваются этого двумя путями.

Во-первых, все в большей степени изолируют китайский рабочий класс от марксистско-ленинского мировоззрения, для того чтобы трудящиеся КНР не в состоянии были бы понимать общественные взаимосвязи крупного масштаба, осознать объективно неизбежную классовую сплоченность всех рабочих, свою объективную историческую миссию, классовые интересы, социальную и политическую сущность.

Во-вторых, они предпринимают энергичные усилия для того, чтобы китайский рабочий воспринимал действительность общественной жизни в искаженном, иллюзорном виде. Для этого маоисты возводят свои полити-

¹⁴ «Хунцзи», 1972, № 10, стр. 68.

¹⁵ Там же, стр. 69.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 27.V. 1972.

ческие цели в ранг объективных законов общественной жизни, отождествляют пролетарскую идеологию с маоистской политикой.

Маоистские лидеры пытаются систематизировать свои идейно-политические взгляды и создать из них более или менее стройную идеологическую концепцию. Все более активно организуется изучение «идей Мао Цзэ-дуна», создается целая система специальных учебных пособий, к которым привлекается все большее число кадровых работников и рабочих¹⁷. На курсах первостепенное значение придается вопросам борьбы «двух линий», которые рассматриваются в тесной взаимосвязи с маоистской концепцией «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата», псевдонаучному обоснованию маонизма.

В настоящее время маоисты предпринимают энергичные усилия, чтобы укрепить роль своей партии на промышленных предприятиях¹⁸. В связи с указанием Мао Цзэ-дуна «партийная организация должна составлять впечатление из прогрессивного в пролетариате» делается попытка создать впечатление, будто партийные организации на предприятиях являются непосредственно возникшими из рядов рабочего класса¹⁹. Однако, как показывает практика, в партию принимаются рабочие и работницы, которые в первую очередь соответствуют критериям маоистской идеологии, и именно таких членов партии, по утверждению китайской печати, стало в настоящее время значительно больше на предприятиях, чем было до «культурной революции».

И в этом вопросе нынешнее китайское руководство наталкивается на целый ряд серьезных трудностей, поскольку в период «культурной революции» кадровые работники на предприятиях, представители инженерно-технического персонала, кадровые рабочие и рабочие-специалисты подверглись нападкам со стороны маоистов, и теперь они испытывают недоверие, страх перед ответственностью и репрессиями. Во многих случаях наблюдается непонимание того, каким образом взгляды и позиции, клеймившиеся во время «культурной революции», как, например, стремление к повышению профессиональной квалификации, сегодня поощряются. До сих пор широко распространено равнодушие трудящихся к результатам своего труда, пассивность и недисциплинированность²⁰.

Недовольство, наблюдаемое в настоящее время в китайском рабочем классе, связано прежде всего с опытом, непосредственно приобретенным трудящимися в определенных периоды реальной общественной жизни Китая, и в меньшей степени это связано с пониманием крупных политических взаимосвязей²¹.

Роль молодых рабочих на предприятиях является серьезной проблемой для маоистского руководства. Дело в том, что число молодых рабочих на промышленных предприятиях значительно возрастает. По данным советского ученого Салтыкова, молодежь составляет около 25% рабочих на промышленных предприятиях. На отдельных заводах, как, например, на шанхайском котлостроительном, ее численность составляет около половины всех рабочих²². Средства массовой информации Пекина сетуют на слабую дисциплинированность молодых рабочих и проявления в их рядах анархизма²³. По данным китайской прессы, в этой среде рабочего

¹⁷ «Жэньминь жибао», 1.V. 1972.

¹⁸ «Хунци», 1970, № 1, стр. 72.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 1.VII. 1972.

²⁰ «Жэньминь жибао», 14.X. 1972.

²¹ См.: А. Л а р и н. Рабочий класс. — «Проблемы положения рабочего класса», 1972, № 3, стр. 32 и сл.

²² См.: Г. С а л т ы к о в. Молодые и старые рабочие в современном Китае, там же, № 2, стр. 78.

²³ «Жэньминь жибао», 14.X. 1972.

класса наблюдается сопротивление новым мерам повышения эффективности труда, контролю за качеством, побригадным расчетам и т. д. Молодые рабочие завода по производству полосовой стали в Гуйчжоу, например, квалифицируют систему контроля за качеством как выражение недостаточного доверия к массам со стороны маоистского руководства²⁴. Часто подобные настроения являются последствием «культурной революции», когда у части китайской молодежи возникли иллюзии относительно того, что она — застрельщик так называемой «революции». Эти настроения, видимо, бытуют еще в среде китайской молодежи, и она постоянно вступает в конфликт с реальной действительностью, которая подавляет ее авангардистские устремления.

Не случайно, что в связи с этим маоистское руководство вынуждено усиливать политико-идеологический контроль над молодыми рабочими. В Китае сегодня создается своеобразная система «шефства» рабочих старших по возрасту над молодыми под лозунгом «Укрепляйте роль старых рабочих»²⁵. Маоисты пытаются с ее помощью «дисциплинировать» молодых рабочих в таком духе, который соответствовал бы осуществлению их политических и экономических целей. Для повышения трудовой дисциплины вводятся все новые и новые производственные инструкции взамен анархических лозунгов периода «культурной революции»: «Разбить все старое!» и «Инструкции — бесполезны». На их основании строго пресекаются случаи нарушения дисциплины. Они обязывают рабочих повышать производительность своего труда, обеспечивать режим строжайшей экономии, глубже проникать в суть политики и идеологии маоистов.

Группа Мао, руководствуясь своей концепцией — народ — это свободно управляемый инструмент великодержавно-шовинистической политики, — делает все, чтобы жизненный уровень китайских трудящихся оставался низким. Она направляет на благо рабочего и повышение его жизненного уровня лишь самое минимальное из того, что она извлекает из его труда. Результаты труда китайских трудящихся направляются главным образом на развитие материально-технической базы великодержавной шовинистической политики руководства КНР. До сих пор лозунг Мао Цзэ-дуна о необходимости «нескольких десятилетий упорной борьбы», сопряженной «с прилежанием китайских рабочих и их нетребовательностью», является директивным. Печать маоистов призывает трудящихся КНР упорно трудиться, жить в условиях больших ограничений, быть «буйволами своего народа» ради того, чтобы «наша страна стала богатой и могущественной». В качестве образчика человеческого поведения, как мы видим, пропагандируются буйволы, ибо они «работают с величайшей энергией, а довольствуются малым»²⁶.

18 сентября 1973 г. телеграфное агентство Синьхуа сообщило, что средняя годовая заработная плата рабочих и служащих КНР составляет 650 юаней. Иначе говоря, она достигла уровня 1957 г. При ее подсчете, однако, не принималась во внимание заработная плата молодых рабочих и подсобных, жалование которых в соответствии с законом от 9.II.1958 г. не должно превышать доход крестьянина плюс разница между жилищными минимумами города и деревни.

По сей день основной формой материального стимулирования в Китае является 8-ступенчатая система выплаты заработной платы с различными уровнями ставок, согласно которой различие в оплате труда рабочих незначительно. Китайская печать, например, сообщала, что «ради укрепления решимости рабочих и крестьян и упорчения их союза зара-

²⁴ См.: Г. С а л т ы к о в. Указ. соч., стр. 77.

²⁵ Там же, стр. 93.

²⁶ "Peking Rundschau", 1972, № 34, S. 6—7.

ботная плата рабочих и служащих устанавливается не на слишком высоком уровне»²⁷. Во время «культурной революции» была отменена премиальная система оплаты труда рабочих. Начиная с октября 1972 г. китайское руководство снова пропагандирует главным образом при организации соревнований введение премий и других видов материального поощрения.

В Китае произошло существенное ограничение общественного потребления в результате перекалывания расходов с централизованных государственных фондов на производственные фонды. Это касается прежде всего ассигнований на нужды образования, которые фактически возложены на плечи самих предприятий. Дотации предприятий на детские учреждения и другие объекты коммунального обслуживания постоянно снижаются, поскольку на предприятиях растет процент низкооплачиваемых рабочих, а текущие расходы ограничиваются, резко сокращаются расходы на создание новых объектов коммунального обслуживания, сокращаются фонды потребления.

Материальное положение рабочих на многих мелких предприятиях, созданных без помощи государства после 1957 г., значительно хуже, нежели на больших современных промышленных предприятиях²⁸. В 1965 г. в одной корреспонденции, например, сообщалось, что отличительной чертой малых предприятий является то, что они не требуют дополнительных затрат на социальные нужды, не нуждаются в детских садах, столовых и т. д.²⁹

Трудовые доходы и общественное потребление на нужды таких категорий рабочих, как сезонные и рабочие по договорам, сознательно занижаются маонистами до уровня жизни крестьян. Исходя из своей основной социально-политической концепции, маонистское руководство пытается пропагандировать понятия «и рабочий и крестьянин» как тип универсальной общественно-политической социальной модели, в широких масштабах унифицировать жизненный уровень рабочего класса, низводя его до жизненного уровня китайского крестьянства.

Существенно ущемляет материальный уровень жизни китайского рабочего класса политика принудительного хранения вкладов в сберегательных кассах. Она охватывает весьма широкий круг трудящихся и систематически проводится в форме кампании, с помощью которой маонисты принуждают рабочих и служащих постоянно увеличивать денежные вклады в сберкассы, ограничивая тем самым их потребление. Эта политика практически сводит на нет такие дополнительные материальные поступления в бюджет семьи рабочего, как премия и другие виды материального поощрения.

Осуществляя на практике свою социально-политическую концепцию на максимальное снижение жизненного уровня трудящихся Китая, маонисты все в большей степени впадают в противоречие с достигнутым своей главной цели: возможно быстрого развития производства, поскольку замораживание низкого уровня жизни рабочих препятствует экономической мобилизации рабочего класса, его максимальному использованию в качестве производительной силы. Речь идет здесь о противоречии между маонистским идеалом образа жизни и требованиями, выдвигаемыми общественным развитием; это одна из форм проявления общего противоречия между маонистским субъективизмом и объективными реальностями обще-

²⁷ "Peking Rundschau", 1971, № 47, S. 14.

²⁸ Annemarie Eber. Die materielle Lage der chinesischen Arbeiterklasse seit 1957. — "Deutsche Aussenpolitik, Sonderheft Klassen und Klassenbeziehungen in der Volksrepublik China". Berlin, 1971, S. 125.

²⁹ «Лаодун», 1965, № 9, стр. 7.

ственной жизни. Это противоречие вынуждает окружение Мао Цзэ-дуна маневрировать, обращать больше внимания на условия и охрану труда, на создание дополнительных медицинских точек, на улучшение деятельности сферы услуг, как, например, создание ремонтных мастерских в магазинах розничной торговли, расширение торговой сети. В последнее время стали очевидными и усиливающиеся попытки качественного и количественного роста производства товаров массового потребления.

Подобное маневрирование показывает, до какой степени экономические требования трудящихся КНР вынуждают пекинских лидеров идти им на уступки. Но эти шаги призваны служить также и целям социальной демагогии, с помощью которой маонисты надеются завуалировать политическое бесправие китайских трудящихся, стимулировать их позитивное отношение к маонистской диктатуре, с тем чтобы полностью подчинить их ей.

* * *

В настоящее время в рядах китайского рабочего класса, как мы видим, наблюдается целый ряд противоречивых тенденций социального развития: диалектическое единство процесса формирования и деформирования, или, иначе говоря, деклассирования; численный рост рядов рабочего класса происходит под влиянием маонистской политики без органичного перехода от переходных форм и крайних зон к ядру рабочего класса, и поэтому процесс этот носит явно негативный характер, так как ухудшается социальный профиль рабочего класса Китая. Неблагоприятно протекает и процесс организации рабочего класса в стране, поскольку наличие двух секторов в промышленности — государственного и местного подчинения — обуславливает раскол рабочего класса, усугубляющийся растущим влиянием региональных факторов, гетерогенностью и дифференцированностью рабочего класса, растущей идеологической и социально-психологической разнородностью и противоречивостью различных слоев и групп внутри самого рабочего класса Китая. С возрастающим проникновением непролетарской идеологии в ряды рабочего класса КНР ухудшается его идеологический профиль, поскольку он во все большей степени утрачивает пролетарское мировоззрение, понимание исторической роли собственного класса и своих классовых интересов. Одновременно с данным процессом, протекающим в условиях интенсивной социальной и национальной демагогии, маонисты прикладывают все свои усилия к тому, чтобы изолировать рабочий класс Китая от международного рабочего движения. При таких обстоятельствах весь процесс политического и идеологического формирования китайского рабочего класса находится в настоящее время на стадии свертывания, дальнейшего сокращения его боевой мощи.

С другой стороны, динамика экономического развития КНР во все возрастающей степени зависит от рабочего класса, поэтому заметно обостряется объективное противоречие между возрастающим значением рабочего класса как производительной силы и маонистского курса на лишение его политических прав и идеологического разоружения. Таким образом, обостряется объективное противоречие между китайским рабочим классом и существующей политической системой маонистов.

Исторический опыт международного рабочего движения свидетельствует, что противоречия подобного характера решаются всегда в пользу рабочего класса, что та сила, которая выступает против него, обречена на гибель. Настанет время и для китайского рабочего класса разрешить это противоречие.

Произвол и насилие — основа политики маоистов

О попрании права и законности в КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции»

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук*

В течение последних пятнадцати лет Китайская Народная Республика стала ареной трагических событий, поставивших под угрозу прежние завоевания китайской революции. В частности, большой деформации были подвергнуты правовая система и законность. Коренные принципы и положения социалистического права были объявлены «буржуазным хламом». Под знаком вульгаризаторских «идей Мао Цзэ-дуна» началось разрушение права и законности, установленных в результате победы народной революции и образования КНР.

Нарушения законности и правопорядка особенно широкий характер приняли во время «культурной революции» — беспрецедентной кампании, направленной против конституционных органов государства и уставных органов ЦПК и массовых организаций трудящихся. В эти годы повседневным явлением стал кровавый террор против революционных кадров, работников науки, культуры и образования. Этот террор проводился штурмовыми отрядами хунвэйбинов и цзаофаней, за спиной которых стояли и действиями которых руководили военные.

Террор маоистских штурмовиков был легализован резолюцией XI пленума ЦК КПК в августе 1966 г., то есть когда «культурная революция» была уже в разгаре. Относительно небольшая группа членов и кандидатов в члены ЦК КПК, не составлявшая даже необходимого кворума для созыва заседания, растворялась в массе военных и «революционных учащихся» — хунвэйбинов.

Один из пунктов многословной резолюции пленума, призывавшей к развертыванию «культурной революции», был в известном смысле уникален — «революционные учащиеся» заранее освобождались от ответственности за все совершенные «в ходе движения» преступления и правонарушения, кроме «убийств, отравлений, поджогов, вредительства, хищения государственных тайн и контрреволюционных преступлений», да и то если «действительно имеются тому доказательства»¹. Практика же действий хунвэйбинов пошла значительно дальше — они безнаказанно совершали и убийства.

Возникает вопрос: каким образом в Народном Китае руководящим органом коммунистической партии мог быть принят документ, легализующий произвол и беззаконие? Как могли быть так жестоко попрапы человеческие и гражданские права в стране, называющей себя социалистической?

¹ «Жэньминь жибао», 9.VIII. 1966.

Прежде всего обратимся к событиям, предшествовавшим «культурной революции».

В феврале 1949 г. директивой ЦК КПК было запрещено использование судами и другими органами освобожденных районов гоминьдановского свода «люфа цюаньшу» («полная книга шести законов»), включавшего кодифицированные отрасли права, то есть те отрасли, по которым были изданы кодексы законов². При революционном преобразовании общества неизбежен слом старого права, однако полная и притом одновременная отмена старых законов требовала усиленного правового строительства. Этого в Китае не произошло. Поэтому работники суда подпольно применяли старое законодательство и даже придерживались феодальных обычаев при рассмотрении дел. Следует иметь также в виду, что до судебной реформы 1952—1953 гг. в судах КНР работали старые служащие и процветала подпольная («черная») адвокатура. Все это в значительной степени стало возможным потому, что государство не оказывало судам должной правовой помощи.

В последующие годы наметилась борьба двух тенденций в области правового дела. Благодаря влиянию опыта СССР и других социалистических стран, благодаря усилиям марксистско-ленинского руководства в КПК и в юридических кругах настойчиво пробивала себе дорогу прогрессивная тенденция. Она вела к формированию современной правовой системы в Китае. Однако маоистские силы всемерно противодействовали этой тенденции. Для них было характерно полное пренебрежение к праву и законности.

На первой сессии VIII съезда КПК в 1956 г. в выступлении председателя Верховного народного суда, члена Политбюро ЦК КПК Дун Би-у были вскрыты социальные корни такого рода взглядов. «Мелкая буржуазия, — говорил Дун Би-у, — является самой многочисленной из всех классов нашего общества. Большую часть членов нашей партии также составляют выходцы из мелкой буржуазии... Мелкая буржуазия легко поддается настроениям пренебрежения ко всякой законности. Идеология мелкой буржуазии легко смыкается с анархизмом. Мы можем сказать, таким образом, что всякие взгляды, выражающиеся в пренебрежении к законности, по сути своей являются отражением анархистской идеологии мелкой буржуазии»³. Этот анализ правилен, но к сказанному надо добавить, что Мао Цзэ-дун и часть руководителей КНР стали проводить традиционную политику пренебрежения к праву и законности, которая была характерна для правителей старого Китая. Маоисты менее всего хотели связывать себя строгими правовыми рамками.

Все это не означает, конечно, что в те годы совсем не издавались законы и другие нормативные акты. Они издавались. И в этом была большая заслуга марксистско-ленинских сил КПК, выступавших против линии Мао. В числе таких законов следует прежде всего назвать Конституцию КНР 1954 г., а также законы об организации органов государственной власти, суда и прокуратуры. Это были законы социалистическо-

² Текст директивы ЦК КПК «Об отмене гоминьдановской полной книги шести законов и установлении принципов юстиции освобожденных районов» был, в частности, опубликован в «Учебных материалах по истории государства и права Китая (гоминьдановское реакционное правление в период второй гражданской революционной войны)», изданных Народным университетом Китая в 1956 г. Основные положения директивы вошли в Инструктивный приказ № 8 Народного правительства Северного Китая. — «Сборник № 1 законов и постановлений Народного правительства Северного Китая». 1949, стр. 181.

³ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». М., 1956, стр. 251.

го типа. Они учитывали опыт правового развития в СССР и других социалистических странах и вместе с тем отражали китайскую специфику.

В первые годы эти законы проводились в жизнь. Однако на пути были как объективные трудности — недостаток подготовленных кадров, низкий уровень грамотности и культуры и т. п., — так и трудности субъективного порядка. Маоисты не были заинтересованы в демократизации государственной и общественной жизни КНР и стремились выхолостить демократическое содержание в работе конституционных институтов.

В соответствии с конституционными принципами в первые годы существования КНР создавалась и система судебно-прокурорских правоохранительных органов. При этом широко использовался опыт СССР и других социалистических стран. В 1955 г., например, большая группа работников юстиции КНР ознакомилась с опытом СССР и затем опубликовала серию книг, подробно освещавших работу органов юстиции в СССР, опыт подготовки юридических кадров и организацию научной работы в области юридических наук. В высших и средних политико-юридических учебных заведениях КНР преподавалось советское право. Значительную часть выпускавшейся в стране юридической литературы составляли переводы советских правовых работ.

Важной вехой в области правового строительства КНР явилось третье Всекитайское совещание работников юстиции (1956 г.). На нем подчеркивалась необходимость дальнейшего укрепления законности в стране. В частности, на основании рекомендаций совещания в 1956 г. было издано «Постановление Постоянного комитета ВСНП об установлении надзора за контрреволюционными элементами только на основании решения суда» (ранее надзор устанавливался административным решением органов общественной безопасности).

Однако в целом правовое строительство в КНР велось недостаточно. В Китае не было, например, принято ни одного кодекса законов. Меры наказания при рассмотрении уголовных дел определялись, в частности, на основании закрытых инструкций, в которых обобщался опыт судебной практики. В 1957 г. было объявлено о введении проекта уголовного кодекса. Этот проект не был опубликован. Он рассылался по судам и ничем не отличался от закрытых инструкций. Закрытой инструкцией определялся и порядок рассмотрения судебных дел. Существовало и много других правовых предписаний, распространяемых в закрытом порядке по государственным учреждениям. Постепенно такой порядок стал нормой государственной жизни. Число публикуемых законов и других нормативных актов сначала сократилось, а затем их перестали публиковать вовсе.

На первой сессии VIII съезда КПК была выражена озабоченность неудовлетворительным положением с изданием законов: «У нас отсутствуют крайне необходимые нам, сравнительно полные основные нормативные акты, например Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, процессуальные кодексы, Законы о труде, Закон о землепользовании и др. ...Если и дальше будет продолжать существовать или надолго затянется положение, когда отсутствует система законов, то это, безусловно, станет серьезным недостатком»⁴. Резолюция съезда по политическому отчету требовала: «Государство должно, исходя из потребностей, постепенно и систематически выработать совершенные законы, все государственные органы и государственные служащие должны строго соблюдать законы государства, с тем чтобы демократические права полностью охранялись государством»⁵.

⁴ «Материалы VIII Всекитайского съезда КПК», стр. 247, 248.

⁵ Там же.

Тревога, выраженная на съезде по поводу состояния законности в стране, не была напрасной. На пути проведения социалистических преобразований и повышения в связи с этим роли права было много трудностей, связанных с преодолением тяжелого наследия прошлого, в частности забитости крестьянства, общей культурной отсталости, юридической безграмотности широких слоев населения.

Как известно, В. И. Ленин постоянно подчеркивал неразрывную связь законности с уровнем культуры народа и придавал большое значение тому, чтобы использовать законность для повышения культуры народных масс⁶. В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов он писал: «...научить бороться *культурно* за законность, ничуть не забывая границ законности в революции. Зло не в этом *теперь*, а в *тѣмѣ* беззаконий»⁷.

К этой мысли В. И. Ленин обращался не раз, отмечая, что само по себе принятие законов, создание тех или иных органов еще не решает дела. Преодоление культурной отсталости вообще и правовой безграмотности в особенности является необходимым условием укрепления законности. Для того чтобы трудящиеся могли использовать и защищать свои демократические права и свободы, бороться с бюрократизмом, взяточничеством и другими отрицательными явлениями в жизни общества, они должны знать и уметь применять соответствующие правовые нормы.

Народному Китаю предстояло сделать еще многое для того, чтобы социалистические принципы государственно-правового развития были претворены в жизнь. Однако курс, разработанный на VIII съезде КПК, не стал курсом дальнейшего развития страны. Маоистская группа в руководстве КПК свернула страну на путь мелкобуржуазного авантюризма, неотделимого от произвола и беззакония.

Готовя авантюристический «большой скачок», маоисты начали в июне 1957 г. массовую политическую кампанию борьбы с «буржуазными правовыми элементами», первоначально направленную против буржуазной интеллигенции из демократических партий. Однако вскоре эта кампания была перенесена в ряды коммунистической партии и государственные учреждения, где она вылилась в репрессии и по отношению к коммунистам, искренне стремившимся выполнять решения VIII съезда КПК, развивать демократию в государственной и общественной жизни страны, расширять сотрудничество с Советским Союзом и активно изучать его опыт социалистического строительства. Особенно тяжелый удар в те годы был нанесен по юридическим учреждениям. Многие работники суда, прокуратуры, государственного контроля были сняты с постов и отнесены к числу «пролезших в партию правых элементов». Их обвиняли в том, что они отстаивали конституционные положения при осуществлении правосудия, независимость судей и подчинение их только закону, стояли за централизованное подчинение органов прокуратуры и государственного контроля и независимость их в осуществлении ими своих функций. Под предлогом борьбы с «буржуазными юридическими конструкциями» были отброшены прогрессивные, демократические правовые принципы и институты на том лишь основании, что в буржуазной юридической литературе или действующем буржуазном праве содержатся аналогичные формулировки. Так, было объявлено «буржуазным» и поэтому неприемлемым положение, согласно которому уголовная ответственность наступает лишь за действия, предусмотренные законом как преступления; был сочтен «буржуазным» и отвергнут принцип, по которому человек не считается

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 171.

⁷ Там же, стр. 465.

виновным, пока его вина не доказана в установленном законом порядке, и т. д.

Отказ от демократических принципов маонисты маскировали фарисейской заботой о «руководящей роли партии» и «массовой линии». Так, принцип независимости судей критиковался ими за то, что он якобы подрывает руководящую роль партии, поскольку партийные комитеты, по мнению маонистов, имеют право при рассмотрении конкретных дел давать указания судам. Апологеты маонизма заявляли: «Отрицать партийное руководство в конкретном деле — значит отрицать это руководство вообще»⁸.

Партийное руководство, как известно, не имеет ничего общего с вторжением в решение конкретных судебных дел. Законы выражают политику партии. И если судьи строго подчиняются закону при разрешении конкретных судебных дел, то тем самым они в своей деятельности осуществляют политику партии.

Известно, что В. И. Ленин решительно выступал против того, чтобы решение партийного комитета по конкретному делу являлось партийной директивой для суда и предопределяло судебное решение⁹.

В Китае давно произошла подмена суда партийным руководством. Считалось в порядке вещей, если секретарь местной парторганизации отстранял судью и решал за него судебное дело. Наоборот, об этом писали как о положительном факте¹⁰.

Во время «большого скачка» в судебной практике Китая выносились необоснованные решения. Маонисты расправлялись со всеми, кто хотя бы в малейшей степени был действительным или потенциальным противником их авантюристической политики. Они стремились запугать народ и тем самым предотвратить взрыв недовольства, вызванный провалами в экономике и политике.

Для того чтобы «облегчить» репрессии в период подготовки «большого скачка», Государственным советом КНР было принято постановление от 1 августа 1957 г., согласно которому каждый гражданин КНР по решению административных органов мог быть заключен в воспитательно-трудовой лагерь без суда и следствия на любой срок. И действительно, через воспитательно-трудовые лагеря прошли многие миллионы граждан КНР, в том числе практически вся интеллигенция некитайской национальности.

В период «большого скачка» был нанесен большой удар и по правам китайских трудящихся. Рабочие, крестьяне, служащие, оказавшиеся на казарменном положении, были лишены тогда всех видов отпусков, а иногда и выходных дней. Их рабочий день был увеличен на несколько часов без выплаты сверхурочных. На предприятиях, в учреждениях и сельскохозяйственных коммунах проводилась милитаризация труда, шло формирование народного ополчения. Так, в годы «большого скачка» были попораны конституционные права и свободы граждан КНР.

В китайской политико-юридической литературе того периода возникла концепция о допустимости постоянного выхода за пределы законов. Ведущий китайский правовой журнал так излагал эту «теорию»: «Непрерывное революционное движение масс, руководимое партией, и стремительное развитие строительства, при котором «один день равняется двадцати годам», непрерывно выходит за пределы некоторых нормативных установлений, статей закона... С нашей точки зрения, это нормальное

⁸ См.: И. Д. Перлов. Отход от демократических принципов правосудия в КНР. — «Советское государство и право», 1968, № 1, стр. 77.

⁹ См. «Ленинский сборник», XXXVI. М., 1959, стр. 362—363.

¹⁰ «Чжэн фа яньцзю», 1958, № 6, стр. 57.

явление»¹¹. Требование усилить надзор за законностью маонисты рассматривали как попытку «ослабить диктатуру» и квалифицировали его как проявление буржуазного юридического мировоззрения, как правоуклонистскую деятельность¹².

Право в КНР стало рассматриваться исключительно как орудие подавления, необходимое лишь «для борьбы с врагами народа»¹³.

Маонисты исказили саму суть марксистского понимания права. Известно классическое определение права, данное К. Марксом, согласно которому право есть возведение в закон воли господствующего класса. В этом определении подчеркнуты не только классовый и волевой признаки, но также и нормативный — воля должна быть выражена в законе. Маонисты давно отбросили из определения права нормативный признак. Вот, например, какие взгляды пропагандировались в «Жэньминь жибао» еще за несколько лет до «культурной революции»: «Наше право имеет двойного рода форму законов — сформулированных и несформулированных. Считать правом одни лишь сформулированные законы — значит слишком сузить его... Установление или санкционирование (закона. — Л. Г.) государством не является обязательным критерием социалистического права в нашей стране»¹⁴.

Пренебрежение к нормативной форме законности — это лишь часть того правового нигилизма маонистов, который они насаждают в стране.

Чем же теоретики маонизма предлагают руководствоваться при применении уголовного наказания? Критерии уголовного наказания они предлагают искать в работах Мао Цзэ-дуна, главным образом в его речи на заседании Верховного государственного совещания в 1957 г.: «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа». Крайне неопределенные, расплывчатые указания, приведенные в этой работе, о том, кого надо относить к «народу», а кого к «врагам», должны, по мнению маонистских «правоведов», заменить точные признаки преступлений, оснований и условий ответственности, установленные законом. Стали пропагандироваться положения и из других работ Мао Цзэ-дуна, относящихся еще к 20-м годам, например из его доклада «Об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань». Один из тезисов этого доклада взят на вооружение современной судебной практики Китая. Он гласит: «Чтобы выпрямить, надо перегнуть; не перегнешь — не выпрямишь»¹⁵. Нужно ли говорить, что этот тезис, перенесенный в сферу работы политико-юридических органов, привел лишь к грубым нарушениям законности.

Подведение «теоретической» базы под акты произвола и беззакония особенно усилились в период, предшествовавший «культурной революции», во время кампании «социалистического воспитания», сопровождавшейся репрессиями. В начале 1965 г. журнал «Чжэн фа яньцзю» выступил со следующими указаниями для работников политико-юридических органов: «Все чисто юридические предосторожности и излишние церемонии, связывающие массы и не соответствующие революционной борьбе, надо без малейшего сожаления отбросить. Надо ясно представлять, что все необходимые нормативные установления, процедурные порядки предназначены для борьбы с врагами, а не для того, чтобы связывать нас самих. Мы должны применять революционную точку зрения классовой борьбы, а не метафизически относиться к различным установлениям за-

¹¹ «Чжэн фа яньцзю», 1958, № 6, стр. 44.

¹² «Чжэн фа яньцзю», 1963, № 3, стр. 28.

¹³ Там же.

¹⁴ «Жэньминь жибао», 24.VI. 1962.

¹⁵ См.: Ма о Ц з э - д у н. Избр. произв. М., т. I, стр. 44.

конов...»¹⁶ Маонисты требовали от работников суда, прокуратуры и общественной безопасности поступать по формуле «Как скажет председатель Мао, так я и сделаю»¹⁷. По отношению к тем, кто не проявлял особого рвения в проведении установок Мао Цзэ-дуна, принимались самые строгие меры. Так, например, за полтора года, предшествовавших «культурной революции», почти все руководящие работники Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры, их филиалов в Тибете были сняты с работы, такая же участь постигла судебно-прокурорских работников провинциального уровня, а также Пекина и Шанхая.

«Культурная революция» явилась настоящей вакханалией. Особенно наглядно проявилось нигилистическое отношение маонистов к праву. Так, «дацзыбао» выпускников юридического факультета Пекинского университета писала: «Что же мы учили? Советское гражданское право, советское уголовное право, уголовно-процессуальное право, буржуазное государственное право, историю государства и права зарубежных стран, историю государства и права Китая и т. д. Названий действительно много, полно всякой всячины, а систематического преподавания избранных произведений Мао Цзэ-дуна не было... По-настоящему говоря, на юридическом факультете социалистического университета идеи Мао Цзэ-дуна должны командовать всем, произведения председателя Мао должны быть основным, главным учебным материалом...» Худшей вульгаризации не придумать.

В период «культурной революции» маонисты расширили число органов и организаций, выполнявших карательные функции, и полностью ликвидировали государственные правоохранительные органы — суд и прокуратуру. Отрядам хунвэйбинов и цзаофаней было дано право производить аресты, устраивать «митинги борьбы» над своими жертвами, подвергать пыткам кадровых работников, ученых, деятелей культуры и искусства¹⁸.

Хунвэйбины громили помещения органов юстиции и общественной безопасности. В сентябре 1966 г., например, ими было разгромлено помещение Верховного народного суда. Цзян Цин оправдывала погромы маонистских штурмовиков. На встрече с хунвэйбинами 18 декабря 1966 г. она заявила: «Войска общественной безопасности, прокуратура, Верховный суд — все это органы, пришедшие к нам от капиталистических государств. Они стоят над партией, над правительством; все они в конечном счете устанавливают надзор над нами, поставляют на нас черные материалы, все они являются бюрократическими органами. На протяжении последних лет они неизменно противостоят председателю Мао»¹⁹.

Карательные функции в период «культурной революции» широко осуществлялись и армией, из которой выделялись специальные «войска поддержки левых». При помощи этих войск подавлялось сопротивление рабочих разгону партийных и народных комитетов. Карательные функции выполняли и военно-контрольные комитеты, и отряды миньбинов (ополченцев).

В период «культурной революции» продолжалось слияние органов общественной безопасности, суда и прокуратуры, начавшееся еще во время «большого скачка». Они были поставлены под военный контроль и назывались «гун-цзянь-фа» (общественная безопасность, прокуратура, суд), или «комиссией по искоренению контрреволюции». К концу «культурной революции» объединенные карательные органы маонистской дик-

¹⁶ «Чжэн фа яньцзю», 1965, № 1, стр. 19.

¹⁷ Там же, 1966, № 1, стр. 18.

¹⁸ См., например: В. Георгиев. Кровь на школьной стене. — «Литературная газета», 1967, № 23, стр. 14.

¹⁹ «Цзуго», 1968, № 56, стр. 31—32.

татуры получили наименование «органы (комитеты, отделы, штабы) диктатуры пролетариата» или просто «органы диктатуры».

«Проект временных революционных правил ревкома провинции Шаньси» — редкий в практике «культурной революции» нормативный документ (март 1967 г.) — так определял функции объединенного карательного органа маоистской диктатуры: «Комитет диктатуры пролетариата является высшим исполнительным органом провинции Шаньси. Он исполняет все функции общественной безопасности, прокуратуры, суда... решительно карает за контрреволюционные преступления, наносит удары по уголовным преступникам». Разумеется, подобное объединение органов, деятельность которых должна происходить не только во взаимодействии, но и «под контролем одних органов в отношении других», увеличило возможности произвола.

Во время «культурной революции» обыденным явлением в жизни страны стали массовые «митинги-судилища», происходившие обычно на стадионах. Количество судилищ особенно возрастало в периоды обострения затянувшегося политического кризиса. В этом отношении была особенно отмечена весна 1968 г., когда шло формирование провинциальных «ревкомов». 26 апреля 1968 г. в Чанчуне, например, на стадионе был устроен «суд» над большой группой работников, обвинявшихся в выступлениях против «штаба Мао». Шесть человек на этом «суде» были приговорены к смертной казни, а остальные — к длительному тюремному заключению. Такое же судилище состоялось 27 апреля в Шанхае на площади, получившей имя «культурной революции». Семь человек, обвиненных в нападках на Мао Цзэ-дуна и Линь Бяо, были приговорены к смертной казни и тут же расстреляны (Шанхайское радио сообщило, что хунвэйбины во время казни «прыгали от радости»). Эта средневековая сцена передавалась в Шанхае по телевидению.

Публичные казни совершались и в ряде других городов страны, однако больше всего маоисты устраивали их в тех районах страны, где основное население пеханьского происхождения. По сути дела, это было истребление местных национальных кадров²⁰. В административном центре Внутренней Монголии Хух-Хото, например, многих местных кадровых работников приговаривали к смертной казни за «преступные» связи с первым секретарем парткома и председателем Народного комитета Внутренней Монголии Уланху.

Накануне IX съезда КПК объектами массовых судилищ явились хунвэйбины. Они подвергались суровым карам за самовольное возвращение, за попытки восстановить свое прежнее влияние в своих организациях, ставших уже в глазах маоистских властей нелегальными и «контрреволюционными». По сообщениям зарубежной печати, 27 января 1969 г. на одном из стадионов Пекина после судебного митинга были публично казнены 19 юношей. Несколько позднее радио Тайюаня сообщило, что в городе Янчэнсян состоялись судебные митинги, на которых присутствовало 50 тыс. человек. Они также закончились приведением в исполнение смертных приговоров²¹.

«Сентябрьский кризис» 1971 г. также сопровождался массовыми судилищами, объектами которых на этот раз стали командиры Народно-освободительной армии Китая, подозреваемые в связях с бывшим «премьером» Мао-Цзэ-дуна — Линь Бяо.

Все эти судилища проводились без судебной процедуры, ее заменили митинги ревущих толп, на которых у подсудимых нет никакой возмож-

²⁰ См. «Правда», 9.V. 1968.

²¹ «Правда», 24.II. 1969.

ности на защиту. Им оставалось лишь стоять на высоких помостах с плакатами на шее, на которых описывались их чаще всего мнимые преступления, и слушать одну за другой обвинительные речи.

Во время «культурной революции» проявлением высшей политической «сознательности» стало считаться надругательство над трупами казненных. Массовые судилища и театрализованные казни, заимствованные из далекого средневековья, маоисты используют для поддержания в стране атмосферы страха. Произвол обезличенной толпы, подстрекаемой специальными уполномоченными пекинских властей, превозносится ныне в Китае как «массовая линия» и «демократия высшего типа».

Новую интерпретацию в период «культурной революции» получили конституционные права и свободы граждан КНР. Так, проявлением «высшей, невиданной ранее демократии» были объявлены преступные действия хунвэйбинов и цзаофаней, их расправа над государственными и партийными работниками; как проявление «наивысшей свободы слова» преподносились митинги, на которых поносились «вывоченные» партийные и административные работники, ученые, деятели культуры и искусства. «Наивысшим проявлением свободы печати» были названы «дацзыбао», в которых содержались клеветы и доносы. «Наивысшей формой проявления свободы собраний и союзов» были объявлены собрания хунвэйбинов и цзаофаней. А произвол и беззаконие «культурной революции» определены как практика «массовой демократии в условиях диктатуры пролетариата».

* * *

Сейчас, когда прошло уже свыше четырех лет после IX съезда КПК и окончания «культурной революции», нет никаких признаков того, что Китай возвращается к стабильным правовым нормам и законности. Это подтверждается материалами и документами X съезда КПК, проходившего в конце августа 1973 г. Ни в одном из документов съезда не говорится о правовом строительстве и установлении законности в стране. Наоборот, в Отчетном докладе, зачитанном Чжоу Энь-лаем на съезде, чинимые маоистами расправы возводятся в закон. «Борьба двух линий в партии... — подчеркивается в докладе, — будет существовать еще длительное время, она будет повторяться еще десять, двадцать, тридцать раз... Это не зависит от воли людей»²². Так подводится «теоретическая» база под возможность новых и неизбежных в условиях режима военно-бюрократической диктатуры репрессий против действительных или мнимых противников маоистского политического курса.

Современный Китай в любое время может вновь погрузиться в пучину массового произвола и беззакония, которыми отличалась «культурная революция». Правовые органы страны бездействуют, обязательные нормы поведения граждан и работы руководящих органов определяются закрытыми инструкциями и указаниями, которые часто исходят от органов, не имеющих права такие нормы создавать. Отсутствие стабильности в области права и законности прямо отражает отсутствие политической стабильности в стране, ибо право является концентрированным выражением политики.

²² «Жэньминь жибао», 1. IX. 1973.

Япония: трудные времена

И. И. Ивков

После быстрых темпов развития экономики в течение последних двадцати лет Япония неожиданно для многих оказалась перед лицом серьезных экономических трудностей. Еще год назад казалось, что Япония и впредь будет удивлять мир своими высокими темпами экономического развития. Нашлись даже футурологи, которые возвестили, что XX век — «век Японии».

Приход к власти кабинета Танака был также прокомментирован как наступление «эры благоденствия» в развитии японского государства, которая будет отмечена еще более высокими темпами развития экономики и улучшением положения широких масс трудящихся. В плане Танака, получившем название «реконструкция японских островов», была выдвинута широкая программа перестройки экономики страны, которая предусматривала рассредоточение промышленности, ликвидацию диспропорций в развитии отдельных отраслей хозяйства, устранение последствий урбанизации, меры против загрязнения атмосферы и т. п.

Буржуазная пропаганда подняла на щит план Танака и не жалела красок, чтобы изобразить его как надежный путь восходящего развития японской экономики.

Следует признать, что на первом этапе план Танака приветствовался не только крупным бизнесом, надевшимся погреть руки на его реализации, но и нашел довольно широкий отклик в различных слоях страны. Многие министерства и ведомства в большой спешке стали разрабатывать конкретные меры по реализации основных идей плана. Министерство финансов предложило увеличить госбюджет на 30% для осуществления главного пункта плана — перебазирования промышленных предприятий на периферию. При премьер-министре на правах совещательных органов были созданы Совет по проблемам реконструкции японских островов, штаб национального земельного развития и другие органы.

В начале 1973 г., опираясь на план Танака, правительство выступило с широковещательной программой создания «общества всеобщего благоденствия», в которой основной упор делался на высокие темпы развития экономики, расширение экспорта товаров, создание развитой инфраструктуры внутри страны, проведение некоторых мер социального характера. Однако не прошло и года, как стало ясно, что эта программа — очередной пропагандистский прием, рассчитанный на повышение авторитета ЛДП и улавливание голосов избирателей.

Страна оказалась во власти жестокой инфляции, попала в эпицентр валютно-финансового хаоса, терзающего капиталистический мир, столкнулась с серьезным энергетическим кризисом, грозящим тяжелыми последствиями. Экономическое «чудо» Японии обернулось замедлением темпов экономического роста, за которым вырисовываются признаки более широкого экономического спада.

Трудности, переживаемые страной в настоящее время, со всей убедительностью показали, что открытые Марксом и Лениным экономические законы развития капитализма в полной мере сказываются и в Японии. Быстрое наращивание ее экономического потенциала и превращение страны за короткий срок во вторую по валовому национальному продукту державу капиталистического мира — конкретное проявление действия в современных условиях закона неравномерности развития капиталистических стран в эпоху империализма. К настоящему времени Япония в основном исчерпала временные преимущества, которыми она располагала в послевоенный период своего развития, и оказалась примерно в одинаковых условиях с другими развитыми капиталистическими государствами. В ближайшей перспективе она вряд ли может рассчитывать на появление каких-то особых факторов, которые бы позволили ей двигать свою экономику прежними темпами. Сейчас можно говорить о том, что время высоких темпов роста японской промышленности подходит к концу.

Сейчас как в Японии, так и за ее пределами не выступают с прогнозами, что она обгонит Советский Союз и США еще до конца нынешнего века и станет «самой могущественной страной мира». Один из токийских банкиров так охарактеризовал положение: «Самый продолжительный в истории экономический кутеж наконец кончился. Похмелье будет хоть и не смертельным, но не из приятных»¹. «Быстрое развитие экономики, — признает министр финансов Фукуда, — которое наблюдалось в Японии в прошлом, будет теперь невозможно, поскольку мир уже не может позволить Японии поглощать значительную долю своих ресурсов».

Действительно, экономика Японии оказалась в весьма трудном положении. Капитанам японской промышленности придется решить много сложных проблем, связанных с обеспечением источников сырья, поисками дополнительных рынков, а также заняться выработкой более эффективных методов управления промышленностью и новых форм хозяйственных связей с зарубежными странами.

Конец экономического «чуда»

Замедление темпов развития экономики показало, что экономическое «чудо» развивалось на зыбкой основе, что промышленный бум строился на искусственно созданной конъюнктуре. При первом же ударе обнажились все структурные противоречия экономики, уродливость ее послевоенного развития. Положение, сложившееся в экономике, можно назвать застойным, а в отдельных отраслях промышленности кризисным. Многие крупнейшие предприятия страны сокращают производство, увольняют рабочих и служащих, тысячи мелких и средних фирм объявляют себя банкротами.

По сообщениям японской печати, в стране сокращается производство нефтеперерабатывающей и цементной промышленности, снижаются выработка электроэнергии и выплавка стали, падает производство автомобилей, пластмасс, удобрений, бумаги, алюминия и т. п.

Особо тяжелые последствия для экономики может иметь разразившийся энергетический кризис. После введения арабскими странами эмбарго на поставку нефти в Японию экономика страны оказалась на грани катастрофы. Угроза острой нехватки нефти почти парализовала

¹ "US news and World report", 1.IV. 1974.

деловые круги, которые готовились к длительному спаду деловой активности и резкому сокращению промышленного производства.

Хотя нефтяное эмбарго отменено и арабская нефть вновь потекла в Японию, никто из ответственных деятелей в Японии не преуменьшает тех серьезных трудностей, которые предстоит ей преодолеть в будущем.

Сокращение поставок и увеличение цены на нефть не может не сказаться на работе почти всех отраслей промышленности и транспорта Японии. По подсчетам Бюро экономического планирования Японии, при 10—16-процентном сокращении импорта нефти продукция металлообрабатывающей промышленности уменьшится на 18,7%, стали — на 7,7, легковых машин — на 5,4, производство цемента — на 15,4, этилена — на 18,2, производство алюминия — на 16, бумажной массы — на 7,7%. Экспорт может сократиться до 5%².

Характеризуя положение, сложившееся в японской экономике, американский журнал «Ньюсуик» недавно писал: «Нет никаких сомнений в том, что Япония совершенно неожиданно для себя оказалась зажатой в железные экономические тиски, от которых трещат кости. Поперхнувшись внезапным арабским нефтяным бойкотом, Голиаф начал кашлять, и кризис быстро стал приобретать политические черты»³.

Для такого вывода американского еженедельника имеется вполне достаточно оснований. Ведь Япония ввозит 97% сырья, необходимого для обеспечения работы промышленных предприятий, и 60% потребляемого населением продовольствия. Даже если Японии удастся импортировать то же количество нефти, что и в 1973 г., то возросшая стоимость этой нефти неизбежно подорвет конкурентоспособность японских товаров на мировых рынках, что не может не сказаться на общем состоянии всей японской экономики.

Японии придется израсходовать около 17—18 млрд. долл. на нефть, которую она будет импортировать в ближайшие 12 месяцев, то есть заплатить в два с лишним раза больше, чем за год до этого, когда нефть обошлась ей в 8 млрд. долларов⁴.

Повышение цен на сырую нефть серьезно беспокоит японский деловой мир, который уже испытывает нехватку валютных средств. «Несмотря на смягчение режима сокращения поставок, — заявил президент компании «Идэмицу косан» Масанори Исида, — для нас это ничто. Если при этом цены на нефть станут выше, неизвестно, сможем ли мы из-за возможных затруднений импортировать хотя бы то количество нефти, которое требуется ее потребителям в нашей стране»⁵.

Вместе с тем правящие круги Японии используют нефтяной кризис как удобный предлог для оправдания ухудшившегося положения в экономике, особенно роста цен и усиления инфляции. Деловые круги и правительственные деятели пытаются навязать общественному мнению ту точку зрения, что ухудшение экономической конъюнктуры — это чуть ли не стихийное бедствие, вызванное удорожанием энергетического сырья. «Для правительства ЛДП, — недавно писал японский журнал «Экономисуто», — нефтяной кризис в какой-то мере сыграл роль «божественного ветра»⁶.

Нефтяной кризис действительно привел японскую экономику к серьезному расстройству, волны которого еще окончательно не улеглись,

² "Far Eastern economic review", 17.XII. 1973.

³ "Newsweek", 17.XII. 1973.

⁴ «Экономисуто», 16.IV. 1974.

⁵ "New York times", 25.I. 1974.

⁶ «Экономисуто», 16.IV. 1974.

но он не является единственной причиной ухудшающегося экономического положения Японии и повышения стоимости жизни.

Две ревальвации иены в течение менее чем двух лет затронули положение всех слоев японского народа. Кроме того, нажим Вашингтона, потребовавшего выравнивания в платежах между двумя странами, привел в прошлом году к значительному сокращению валютных резервов (с 19 до 14 млрд. долл.), которые продолжают таять. На февраль 1974 г., как сообщает японская печать, они составляют немногим более 10 млрд. долларов. В прошлом году, по данным газеты «Нью-Йорк таймс», страна впервые за многие годы имела пассивное сальдо платежного баланса в сумме 13,4 млрд. долл.⁷ Этот показатель дефицита резко контрастирует с активным сальдо в размере 2,9 млрд. долл., с которым был сведен платежный баланс в 1972 финансовом году, а также с рекордным активным сальдо в размере 8043 млн. долл., которое имела Япония в 1971 г. Дефицит торгового баланса в январе и феврале 1974 г. составил 1,5 млрд. долл.⁸ В январе 1974 г. Япония имела дефицит платежного баланса в сумме 1,9 млрд. долл., а в феврале 1,2 млрд. долл. Однако деловые круги выражают надежду, что в результате новой кампании за расширение экспорта (в первую очередь стали, судов, автомашин и текстиля) страна будет иметь активное сальдо торгового баланса в размере около 3 млрд. долл. в финансовом году, который закончится 31 марта 1975 г.⁹

Кроме нефти, Япония испытывает хроническую нехватку других видов промышленного сырья — коксующихся углей, железной руды, марганца, меди и других цветных и редких металлов, бокситов, каучука, хлопка, шерсти и т. п. Постоянная зависимость страны от импорта сырьевых материалов грозит стране большими неприятностями. В конце 1973 г. сообщалось, что важнейшая для Японии металлургическая промышленность имела запасы сырья на 15—20 дней, была сокращена выдача горючего судам, многие из которых не могли выйти из портов загрузки, у бензоколонок выстраивались очереди такси, которым отпускалось на одну треть меньше бензина против обычной нормы. До сих пор остаются потушенными рекламы в торговых кварталах Токио и других городах страны, продолжают действовать введенные ранее ограничения в отоплении в учреждениях и жилищах и т. п. Цены на бензин и керосин и другие нефтепродукты поднялись почти в два раза¹⁰.

Предсказывается, что продукция отдельных отраслей промышленности может сократиться на 30%, а темп роста валового национального продукта — упасть до одного процента¹¹.

Американский журнал «ЮС нью энд Уорлд рипорт» придерживается более оптимистической точки зрения. Он высказывает предположение, что реальный рост японской экономики за 12 месяцев, которые окончатся 31 марта 1975 г., составит 2,5%¹².

Некоторые японские экономисты считают, что правительство сознательно проводит политику нулевого прироста экономики, которая будет продолжаться в течение одного-двух кварталов, с тем чтобы замедлить процесс инфляции. В дальнейшем эта политика может осуществляться с некоторыми послаблениями, что приведет к постепенному оживлению экономической конъюнктуры.

⁷ "New York times", 16.IV. 1974.

⁸ "US news and World report", 1.IV. 1974.

⁹ Там же.

¹⁰ «Асахи симбун», 26.XII. 1973.

¹¹ "Newsweek", 17.XII. 1973.

¹² "US news and World report", 1.IV. 1974.

Однако никто сейчас не берется точно предсказать, каков будет прирост японской экономики в предстоящие годы. Большинство специалистов придерживается точки зрения, что он будет на уровне других развитых капиталистических стран. Но никто уже не обещает японской экономике 10-процентный прирост, которым был отмечен взлет японской экономики в последние 15 лет.

Если раньше японская экономика опережала другие развитые страны по темпам роста производства, то теперь она обгоняет их по темпам роста инфляции и цен на товары массового потребления. Только за 10 месяцев 1973 г., еще до наступления нефтяного кризиса, рост оптовых цен составил 15%. За истекший год они возросли на 29% (Канада — 22%, США — 18, Франция — 15%)¹³. Не уступает Япония места своим конкурентам и по темпам роста розничных цен, которые возросли за минувший год более чем на 20%¹⁴. Особенно высоки цены на продукты питания. За истекший год они возросли на 45,7%. Так, цены на овощи в общем поднялись на 30%, а на отдельные виды (соевые бобы, картофель) на 80%. Сахар подорожал на 50%, рыба — на 14%, а отдельные ее виды — в два раза, мука — на 70%, говядина — на 30%, цена на растительное масло возросла в два раза¹⁵.

Руководитель внешнеторгового отдела министерства земли и леса заявил недавно, что с годами потребление калорий японским народом может сократиться в два с половиной раза по сравнению с 1970 г. Япония способна в настоящее время обеспечить потребности населения в белке на 62% и в жирах на 32%¹⁶.

Инфляция не ограничивается только ростом цен на продовольственные товары. Цены на одежду были на 17% выше, чем в 1972 г.

Согласно сведениям, опубликованным научно-исследовательским институтом Номура, индекс оптовых цен в 1974 финансовом году подскочит на 40% по сравнению с 1973 г., а индекс потребительских цен возрастет за год на 54,4%¹⁷.

Дороговизна, свирепствующая в Японии, затронула и сферу медицинского обслуживания. По решению министерства здравоохранения и социального обеспечения плата за оказание врачебной помощи в поликлиниках и больницах страны повышена в среднем на 19%. Как сообщает медицинский ежемесячник «Джэпэн медикл газетс», операция аппендицита и послеоперационное лечение в больнице теперь будут стоить 40 000 иен (для наглядности укажем, что средняя зарплата рабочего равна 80 000 иен). Ежемесячник подчеркивает, что за обращение к врачу в «неурочное время» — поздно вечером или рано утром, а также в выходные и праздничные дни — пациент вынужден будет платить в 10 раз больше, чем это было до сих пор.

В связи с энергетическим кризисом в конце прошлого года в стране развернулась небывалая спекулятивная горячка на рынке наиболее дефицитных товаров массового потребления. Крупные фирмы-производители и владельцы торговых компаний стали придерживать и скупать муку, растительное масло, сахар, мыло, стиральные порошки, в результате чего цены на эти товары резко подскочили. Спекулятивные махинации приняли такой размах, что они привлекли внимание правительства и парламента Японии, а также политических партий и общест-

¹³ «Экономисутто», 16.IV. 1974.

¹⁴ «Правда», 28.I. 1974.

¹⁵ «Токко симбун», 29.XII. 1973.

¹⁶ Там же.

¹⁷ "Far Eastern economic review", 17.XII. 1973.

венных организаций. Руководство Генсовета профсоюзов (СОХЕ) обратилось к рабочим с призывом выявлять махинации дельцов-спекулянтов и выносить их на суд общественности.

Правительство вынуждено было выступить со специальным заявлением, в котором содержалось требование к бизнесменам-спекулянтам прекратить дальнейшее разжигание инфляционной лихорадки. Созданная правительством специальная комиссия по «справедливой торговле» потребовала от 12 крупных японских нефтяных компаний аннулировать заключенное в ноябре 1973 г. соглашение о повышении цен на нефть. Газеты отмечают, что эти компании взвинтили цены на нефть на 30—40% под предлогом нефтяного кризиса. Однако не только эти компании греют руки на инфляции и росте цен. По официальным данным, прибыли других крупных компаний выросли в минувшем году по сравнению с 1972 г. в два раза и более.

Широкое распространение получила практика заключения подпольных соглашений об установлении повышенных цен на многие виды товаров. По требованию оппозиционных партий было проведено официальное расследование этих злоупотреблений. Однако вряд ли в условиях капиталистической системы возможно пресечь антисоциальную деятельность крупных монополий, единственным двигательным мотивом которых является нажива.

«Все эти явления, — писал журнал «Экономисуто», — в течение прошлого года происходили на наших глазах. Это такие явления, которые можно было бы коротко охарактеризовать как расстройство самого механизма воспроизводства экономики. Они убеждают каждого, что инфляция достигла этапа крайнего кризиса»¹⁸.

Выдвинутый премьер-министром план «реконструкции японских островов», поставивший целью перераспределение промышленности и населения по всей стране, вызвал спекулятивную горячку на земельные участки. Крупные компании и корпорации, занимающиеся недвижимостью, стали скупать землю на случай рассредоточения промышленности, в результате чего цены на землю только в 1973 г. выросли на 35%.

По данным крупнейшего коммерческого банка страны Мицуи, цены на земельные участки в пригороде Токио, а также в районах вдоль частных железнодорожных линий, идущих на север и запад из центрального Токио, поднялись в 70—90 раз в среднем за последние 19 лет, в то время как цены на потребительские товары увеличились приблизительно в три раза за этот же период.

Настоящим бичом жизни населения Японии стало небывалое загрязнение воздуха, земли и воды. Многочисленные слои населения протестуют против плана Танака из опасения, что вся Япония будет загрязнена промышленными отходами и превратится в сплошную клоаку. Многие японцы боятся, что реализация плана «реконструкции островов» откроет для промышленного вторжения самые отдаленные районы страны, и они также превратятся в индустриальное пекло, в котором уже живут и трудятся миллионы их соотечественников, работающих на предприятиях, расположенных вдоль Тихоокеанского побережья от Токио до Кобэ. Отмечено много случаев, когда администрация городов отказывается выдать разрешение на строительство предприятий, потому что население опасается, что огнедыщащие трубы новых заводов вскоре отравят окружающую среду, принесут местным жителям не процветание, а бесчисленные бедствия.

¹⁸ «Экономисуто», 16.IV. 1974.

Еще более серьезную проблему для японцев представляет жилищный кризис. Достаточно сказать, что квартирная плата возросла за последние 5—7 лет более чем на 70%.

Создавшаяся в стране обстановка вызывает тревожные настроения среди широкой японской общественности, порождает неуверенность в завтрашнем дне. «Все это время мы были лишь карточным домиком», — сказал один видный политический деятель корреспонденту американского журнала «Ньюсуик»¹⁹.

«У меня такое впечатление, что мы быстро разоряемся», — говорит Сайнисиэ — вице-президент компании «Даймоно фудс инкорпорейтед»²⁰.

«Японцы сегодня напоминают Сизифа, который видит, как камень, который он поднял на вершину горы, вновь покатился вниз»²¹, — недавно писал американский журналист Д. Кин.

Анализируя положение в промышленности, внутренней и внешней торговле и сельском хозяйстве, Бюро экономического планирования Японии пришло к выводу, что правительство должно предпринять срочные меры, чтобы преодолеть «самые большие за последние годы трудности в экономике страны. В противном случае положение станет критическим»²².

В поисках выхода

Оказавшись перед лицом серьезного энергетического кризиса, правящие круги Японии развернули бурную активность в поисках топливных ресурсов. Для этого необходимо было прежде всего отрегулировать отношения с основными поставщиками нефти — арабскими странами, зачислившими Японию в ряд государств, враждебно относящихся к их национально-освободительной борьбе против израильской агрессии.

Япония оказалась перед необходимостью занять новую позицию в отношении арабско-израильского конфликта, то есть вопреки воле США стать на сторону арабов. Правительство Танака вынуждено было сделать специальное заявление, что Япония поддерживает справедливое дело арабских народов и будет содействовать мирному решению ближневосточного кризиса на основе известных решений ООН. Генеральный секретарь кабинета министров Никайдо заявил, что Япония впервые изменила свою внешнюю политику, не проконсультировавшись предварительно с США.

Срочно были разработаны планы экономического сотрудничества с арабскими странами. В обмен на поставки соответствующего количества нефти японские представители предложили Саудовской Аравии осуществить строительство ряда крупных объектов на общую сумму в 400 млн. долл. Японцы договорились с Египтом о предоставлении 300 млн. долл. на расчистку Суэцкого канала и строительство различных промышленных комплексов. Ираку был обещан кредит на сумму один миллиард долларов для сооружения завода по производству сжиженного газа, строительства нефтеперегонных заводов и трубопроводов в обмен на ежегодные поставки на протяжении 10 лет 100 млн. т сырой нефти. Были обещаны большие кредиты Сирии, Иордании, Алжиру, Ливии, Ирану на развитие нефтедобычи, строительство нефтеперерабатывающих заводов, нефтехимических комплексов, шоссейных и железных до-

¹⁹ "Newsweek", 17. XII. 1973.

²⁰ "Business week", January 1974.

²¹ "New York times magazine", 3. III. 1974.

²² «Правда», 9. XII. 1973.

рог, плотин и других объектов²³. Новые обязательства, взятые Японией после возникновения нефтяного кризиса, составляют в общей сложности около 4 миллиардов долларов.

Нефтяной голод и недостаток других видов сырья вынудил премьер-министра Танака совершить осенью 1973 г. поездку по странам Юго-Восточной Азии, располагающим большими запасами сырьевых ресурсов — нефти, каучука, железной руды, бокситов и т. п. Японский капитал уже глубоко проник в экономику этих стран, которые важны для Японии не только как источники сырья, но и как рынок сбыта готовой продукции и сфера приложения капитала. Особый интерес японские монополии проявляют к странам АСЕАН (Индонезия, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Сингапур). Одна лишь Индонезия поставляет 15% топлива, потребляемого Японией. Доля Японии в общем товарообороте этих стран составляет 22%. Кроме того, частные капиталовложения Японии в экономику стран АСЕАН достигли почти одного миллиарда, а государственные кредиты составляют около 1,5 млрд. долларов²⁴.

Стремясь как можно больше продавать, Япония имеет огромное активное сальдо в торговом балансе со странами ЮВА. На государства этого района приходится более одной пятой всей внешней торговли Японии. Именно в этих странах за последнее время растет недовольство неравноправными торгово-экономическими связями с Японией, поскольку она ввозит в два раза больше своих товаров, чем импортирует из этих стран. В результате этого общий дефицит стран ЮВА в торговле с Японией стремительно растет: с 300 млн. долл. в 1966 г. он подскочил до 2,5 млрд. в 1971 г.

Население Индонезии, Таиланда и других стран ЮВА неоднократно бойкотировало японские товары, выражая возмущение такой торговой политикой Японии. Растущая зависимость стран Юго-Восточной Азии от японских монополий вызывает активное противодействие со стороны народов этого региона. Бывший премьер-министр Малайзии Абдул Рахман, характеризуя японских бизнесменов, сказал, что это «люди, с которыми трудно найти общий язык, неприятные и не очень благородные. Когда они дают вам что-нибудь одной рукой, они берут вдвое больше другой»²⁵. В 1970 г. от своей торговли со странами Юго-Восточной Азии Япония получила свыше 2 млрд. долларов прибыли. Эта прибыль, согласно предположениям французской газеты «Монд», должна составить в 1980 г. около 9 млрд. долл.

Балансы почти всех этих стран в торговле с Японией дефицитны для них и чрезвычайно благоприятны для Японии. Филиппинский импорт из Японии составил в 1970 г. 41,6% всего импорта этой страны, таиландский — 34,6, индонезийский — 25,8, бирманский — 23,4%²⁶. Японские монополии планируют инвестировать в Азии в ближайшее время 10 млрд. долл., имея в виду постепенно избавиться свою страну от грязных производств. Премьер-министр Сингапура Ли Куан-Ю заявил в мае 1973 г. японским журналистам: «Если вы хотите экспортировать ваши дымы и туманы, чтобы превратить Японию в замечательные парки и сады, страны, которым не нравится такой экспорт, могут обернуться против вас»²⁷.

Вся Юго-Восточная Азия встревожена тем, что Япония эксплуатирует этот район как рынок сбыта для своих готовых изделий и источ-

²³ "Far Eastern economic review", 3.XII. 1973.

²⁴ «Правда», 11.I. 1974.

²⁵ "Le Monde", 8.9.I. 1974.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

ник сырья. «Буря протестов против визита премьер-министра Танака в Бангкок, Куала-Лумпур и Джакарту, — писала газета «Акахата», — наглядно свидетельствует, сколь сильное недовольство вызывает в этих странах неокOLONиалистская экспансия, осуществляемая монополистическими кругами Японии»²⁸.

Японские деловые круги ищут выход из создавшегося положения еще на одном направлении. Сокращение валютных запасов и растущий дефицит торгового баланса толкают японские «дзайбацу» на расширение экспорта в страны развитого капитализма — США и Западную Европу, где они стремятся больше продавать, чем покупать.

Однако в торговой войне против американских и западноевропейских конкурентов Япония постепенно теряет свое главное преимущество — более низкую стоимость товаров, основанную на непрерывном повышении производительности труда и сравнительно низкой заработной плате. Высокая норма эксплуатации японского рабочего позволяла японским монополиям широко осуществлять политику экспортного демпинга. Однако и этот козырь в руках монополий начинает терять силу по мере обострения классово-й борьбы японских рабочих за повышение заработной платы и приближение ее к нормам оплаты труда, принятым в странах развитого капитализма.

Новые попытки Японии поправить свои дела за счет форсирования экспорта в США встретили решительное сопротивление со стороны американских властей. Помощник государственного секретаря Ингерсолл предостерег японцев от попыток резко расширить свой экспорт на американский рынок с целью заработать доллары для оплаты вздорожавшей ближневосточной нефти. Он подчеркнул, что японцы должны проявлять сдержанность, чтобы не допустить нарушения равновесия в торговле с Соединенными Штатами. Активное сальдо Японии, напомнил он, омрачило отношения между Токио и Вашингтоном в последние годы. Японский министр торговли и промышленности Накасонэ вынужден был заверить правительство США, что у Японии нет намерения организовывать кампанию содействия расширению экспорта, которая снова привела бы к появлению активного сальдо в торговом балансе Японии с Соединенными Штатами.

Настойчивые усилия японских монополий расширить экспорт своих товаров в страны Западной Европы, переживающие большие экономические трудности, также имеют мало шансов на успех, хотя следует признать, что Япония овладела значительной частью западноевропейского рынка. В 1972 г. темпы роста экспорта Японии в Западную Европу в два раза превышали рост ее импорта из Европы. Несбалансированность торговли вызывает новую волну антияпонских настроений. Поездка премьер-министра Танака во Францию, ФРГ и Англию осенью прошлого года не рассеяла подозрений западноевропейских бизнесменов относительно подлинных намерений японских «дзайбацу». Нельзя не согласиться с газетой «Майнити», которая, касаясь проникновения японских товаров в страны Западной Европы, еще в марте 1973 г. писала, что это вызовет отпор со стороны этих стран и что «рано или поздно между Японией и странами Западной Европы возникнет такая же экономическая война, какая развернулась сейчас между Японией и США»²⁹.

Японские монополии возлагают определенные надежды на расширение экономических связей с Китаем. Общий объем торговли между

²⁸ «Правда», 20. I. 1974.

²⁹ «Майнити», 23. III. 1973.

двумя странами в 1973 г. превысил 2 млрд. долл. Однако эксперты из министерства торговли и промышленности Японии считают, что китайский рынок не решает проблемы японского экспорта. По имеющимся подсчетам, максимальная сумма экспорта и импорта между двумя странами к 1980 г. не превысит 3 млрд. долл., что составит не более 3% во внешнеторговом обороте Японии.

Перспективным партнером Японии в области торговых отношений и делового сотрудничества является Советский Союз, располагающий огромными запасами сырьевых ресурсов, в том числе нефти и газа, в которых так остро нуждается японская экономика. Советский Союз мог бы стать стабильным источником минерального топлива для Японии на длительную перспективу. Японский деловой мир проявляет большой интерес к совместной разработке энергетических ресурсов Сибири и советского Дальнего Востока.

В апреле 1974 г. в Токио успешно завершились советско-японские переговоры, связанные с осуществлением проектов сотрудничества в развитии природных ресурсов Сибири. Подписан протокол о предоставлении Японией Советскому Союзу долгосрочного банковского кредита на сумму 1050 млн. долл. для разработки южнокутских углей, разведки природного газа в Якутии и разработки лесных ресурсов на территории советского Дальнего Востока. Реализация этих крупномасштабных проектов заложит стабильную базу для дальнейшего развития экономических связей между двумя соседними странами. В повестке дня стоят и другие крупные проекты советско-японского экономического сотрудничества — поставка в Японию тюменской нефти, строительство в Восточной Сибири крупного целлюлозного комбината и т. п.

Однако в правящих японских кругах еще имеются силы, которые не проявляют дальновидности в отношении перспектив советско-японского экономического сотрудничества, что мешает расширению деловых контактов между двумя странами на основе равенства и взаимной выгоды.

Показательным в этом отношении является шум, поднятый японской прессой в связи с тем, что советская сторона решила транспортировать к Тихоокеанскому побережью тюменскую нефть, о поставках которой ведутся переговоры, не по нефтепроводу, а частично по железной дороге. Строительство Байкало-Амурской магистрали с выходом на Тихоокеанское побережье уже началось силами и средствами Советского Союза и будет закончено в намеченные сроки.

Противники советско-японского экономического сотрудничества пытаются набросить тень на искренность Советского Союза, обвиняя его в том, что он стремится получить у японского правительства кредиты, предназначенные якобы не для поставок нефти, а для строительства железной дороги, имеющей-де стратегическое значение. Они договариваются до того, что строительство БАМ будто бы создает угрозу безопасности Китая и самой Японии?!

Видный деятель ЛДП Исида, посетивший в апреле с. г. Советский Союз и имевший встречу с Л. И. Брежневым, в интервью с корреспондентом газеты «Санкэй симбун» заявил, что «не доверять Советскому Союзу в стабильности поставок нефти — это глупость». Нельзя не согласиться с отповедью г-на Исида противникам советско-японской дружбы.

Сейчас, когда страна столкнулась с серьезными экономическими трудностями, японские экономисты и деловые люди заняты поисками новых средств стимулирования экономической деятельности. Они считают, что Япония по-прежнему должна строить свою экономику на

импорте сырья и экспорте готовой продукции, так как она может прокормить свое более чем 100-миллионное население только на базе широкого развития внешнеторговых связей и эффективного экономического сотрудничества.

Правящие круги Японии пришли к выводу, что в создавшихся условиях интересам страны будут отвечать принципы свободной торговли, «не допускающей дискриминации или протекционистских ограничений». Деловой мир по-прежнему возлагает надежды на конкурентоспособность японских товаров, основанную на высокой норме эксплуатации японских трудящихся, трудолюбии японского народа, дисциплине труда и традиционно сложившемся высоком уровне квалификации японского рабочего класса.

Выступая за принцип свободной торговли, Япония почти полностью либерализовала свою торговлю, сохранив контроль над импортом всего для 32 статей, и на все 100% либерализовала свой капитал. Правда, японское правительство обусловило закон о либерализации рядом поправок, которые не допускают установления полного иностранного контроля над национальными предприятиями.

Тем не менее, стремясь к установлению новой системы хозяйственных связей, Япония делает главную ставку на форсированный вывоз капитала. Уже в 1972 г. темп прямых капиталовложений за границей резко возрос и достиг 2338 млн. долл., что в 2,7 раза выше уровня 1971 г. Общая же сумма японских капиталовложений в зарубежных странах с 1951 г. увеличилась до 6777 млн. долл. По оценкам японских экономистов, к 1980 г. объем японских инвестиций за рубежом составит 25—30 млрд. долл.³⁰

Деловой мир берет курс на то, чтобы японский капитал пустил глубокие корни в ключевых отраслях экономики соответствующих стран. Японский журнал «Пэсифик комьюнити» в статье «Япония и весь мир» дает целую серию рекомендаций японским инвеститорам, как проникать в экономику зарубежных стран и каким образом прибирать их к рукам. Он ратует за то, чтобы инвестирующие японские компании стремились к «гармоничному взаимодействию» с экономикой других стран, чтобы японские капиталовложения «способствовали укреплению их социальной структуры».

Не подлежит сомнению, что японские монополии будут выводить за пределы своей страны наиболее грязные производства и энергоемкие предприятия, создавать в зарубежных странах промышленные комплексы, которые работали бы на базе местного сырья и с использованием местных рабочих, чей труд будет оплачиваться значительно ниже труда японских рабочих.

Правительство Танака призвало деловые круги, профсоюзы и печать поддержать программу из трех пунктов, которая, как он надеется, поможет Японии преодолеть нынешние трудности. Эта программа предусматривает:

переход от выпуска продукции тяжелой и химической промышленности к выпуску сложнейшей технической продукции;

более интенсивные усилия для обеспечения поставок основных видов сырья для японской промышленности;

размещение за границей предприятий, которые вызывают загрязнение окружающей среды, потребляют много энергии или занимают большие участки земли.

³⁰ "Pacific community", October — December 1973.

В качестве примера реализации этой программы можно привести строительство на Филиппинах фирмой «Кавасаки стил» завода стоимостью 100 млн. долл., который будет перерабатывать австралийскую железную руду для использования в японских доменных печах.

Вторым направлением новой экономической политики Японии, как это видно из высказываний представителей крупного бизнеса, является пересмотр очередности задач в промышленности, то есть принятие курса на предпочтительное развитие тех отраслей экономики, которые будут базироваться на новейших достижениях научно-технического прогресса — электротехника, оптика, счетно-решающие устройства, космическая техника, нефтехимия и т. п.

Один японский бизнесмен сказал, что в будущем «мы будем экспортировать меньше листовой стали и больше компьютеров».

Япония, бесспорно, будет искать новые источники энергии внутри страны. Уже сейчас принимаются меры по форсированному строительству гидро- и атомных электростанций, увеличивается добыча угля, разворачивается работа по использованию солнечной энергии, силы ветра и морских приливов и т. п.

Большинство экспертов по японской экономике сходится на том, что основным путем выхода из создавшегося положения будет по-прежнему интенсификация производства и усиление эксплуатации японских трудящихся. Уже сейчас в стране ведутся широкие поиски перестройки управления промышленными предприятиями, в основе которых лежит так называемая рационализация производства, то есть изыскание более тонких и эффективных средств эксплуатации рабочего класса. На многих предприятиях, продукция которых не пользуется спросом, вводятся, например, принудительные «дни отдыха», которые не оплачиваются, а на заводах, выпускающих продукцию, приносящую прибыль, ставится задача повышения производительности труда путем ускорения движения конвейеров.

Президент компании «Хитати» предупредил рабочих, что «на протяжении предстоящих пяти лет мы будем осуществлять рационализацию, стремясь к увеличению объема работы каждого нашего сотрудника вдвое»³¹. Чтобы победить в конкурентной борьбе не только внутри страны, но и на международных рынках, японские монополии проводят мобилизацию резервов и всех средств для ведения торговой войны, которая принимает ожесточенный характер. Именно путем усиления эксплуатации трудящихся японские монополии надеются одержать верх над своими американскими и западноевропейскими партнерами в жестких схватках на мировых рынках.

Деловые круги Японии рассчитывают раньше других капиталистических стран найти выход из нынешних экономических трудностей не только на путях более гибкого и лучше закамуфлированного экономического неокOLONиализма, но прежде всего за счет усиления потогонной системы на своих национальных предприятиях. Журнал «Пэсифик комьюнити» выражает уверенность, что «Япония, пожалуй, в состоянии произвести необходимые изменения в промышленности быстрее, чем другие развитые страны»³².

Смогут ли японские бизнесмены перестроить свой стиль и методы работы и провести перестройку своей промышленности раньше и с большей эффективностью, чем их партнеры-конкуренты, покажет будущее.

³¹ «Литературная газета», 13.II. 1974.

³² "Pacific community", October — December 1973.

Обострение социальных противоречий

Спад промышленного производства, неустойчивость японской иены, энергетический кризис, нехватка сырьевых ресурсов, безудержная инфляция и рост цен на товары ведут к углублению всех социальных противоречий современного японского общества и прежде всего к обострению противоречий между трудом и капиталом.

Японский рабочий класс всегда подвергался особо жестоким формам эксплуатации. Быстрые темпы роста японской экономики за последние двадцать лет не сопровождались такими же темпами роста заработной платы. Хотя Япония вышла на второе место в капиталистическом мире по общему объему валового промышленного продукта, по доходу на душу населения она все еще плетется в хвосте развитых капиталистических государств. В особо тяжелом положении находятся рабочие средних и мелких предприятий, сезонные рабочие и женщины. Их зарплата, как правило, составляет примерно половину заработка кадровых рабочих.

В условиях спада деловой активности японские монополии ищут выход из создавшегося положения на путях проведения рационализации производства, в ходе которой проводится сокращение рабочих мест и повышение интенсификации труда. Впервые за многие годы в Японии появилась армия безработных, которая уже насчитывает в своих рядах около 600 тыс. человек. Предполагается, что в ближайшее время будет уволено около 300 тыс. кадровых рабочих и к концу года Япония будет иметь один миллион безработных³³.

В ответ на наступление крупного капитала на жизненные права трудящихся рабочий класс Японии спланирует свои ряды и мобилизует неорганизованную часть трудовых слоев населения на развертывание борьбы за повышение их жизненного уровня, за мир, труд и социальный прогресс. Традиционное «весеннее наступление» рабочего класса Японии, которое обычно начинается в феврале, в этом году развернулось на месяц раньше и с самого начала приняло массовый характер.

Созданный в начале января с. г. Комитет совместных действий выдвинул курс борьбы, состоящий из пяти требований: повышение зарплаты на 30 тыс. иен и введение общего для всей страны минимума заработной платы; введение 40-часовой рабочей недели с двумя выходными днями; противодействие рационализации и интенсификации труда, обеспечение гарантированной занятости; улучшение пенсионного дела, введение системы страхования; восстановление права на забастовку рабочих и служащих государственных учреждений.

В специальном заявлении Комитета совместных действий подчеркивалось, что организованные рабочие, участвующие в «весеннем наступлении», должны возглавить весь народ и подняться на защиту жизни народа, страдающего от гнета монополистического капитала и правительства либерально-демократической партии. Необходимо сплотить в первую очередь профсоюзы, а также политические партии, демократические организации, все слои народа и бороться в защиту жизни трудящихся, против роста цен, за улучшение социального обеспечения.

В соответствии с призывом Комитета совместных действий в Японии создан «Народный совет координации борьбы против инфляции, роста цен и падения жизненного уровня населения», в состав которого вошли более 80 ведущих профсоюзов, общественных организаций и политиче-

³³ «Труд», 5.11. 1974.

ских партий, включая КПЯ и СПЯ. Впервые в истории рабочего движения религиозная партия Комэйто выступила в поддержку требований рабочих и создала комитет поддержки весенней борьбы.

Как всегда, в первых рядах борьбы японского пролетариата выступает Генеральный совет профсоюзов (СОХЭ), объединяющий 4,3 млн. рабочих и служащих. В курсе действий на 1974 г., принятом на 47-м чрезвычайном съезде, указывается, что «весенняя борьба 1974 г. существенно отличается от весенней борьбы прошлых лет, проходившей в обстановке форсированного роста экономики страны», и подчеркивается, что нынешняя борьба должна принять «радикальный характер». В одобренной съездом декларации указывается, что «чем тверже будет наша решимость, чем шире будет развиваться наша борьба, тем, несомненно, упорнее будет стремление властей и капитала подорвать наши ряды всеми возможными средствами, включая соглашения, раскол и предательство». Нет сомнения, что забастовочная борьба, несмотря на все трудности, продемонстрировала силу японского пролетариата, его решимость защищать жизненные интересы всех трудящихся страны.

Генеральный секретарь СОХЭ С. Оки заявил, что забастовки продолжительностью от одной недели до 10 дней парализуют Японские острова. а председатель этого профцентра С. Итикава подчеркнул, что в ходе «весеннего наступления» нельзя ограничиваться повышением зарплаты на 30 тыс. иен, необходимо превратить «весеннее наступление» в решительное политическое сражение за свержение кабинета либерально-демократической партии и учреждение прогрессивного коалиционного правительства.

Первая волна «весеннего наступления» японских трудящихся началась 26 января в форме демонстраций и митингов. 26 марта прокатилась вторая волна забастовочных выступлений. Если в первой стачке приняло участие 530 тыс. человек, входивших в 18 отраслевых профсоюзов, то во второй — около 2,5 млн. рабочих и служащих, представлявших 63 отраслевых профсоюза. Только 31 марта в демонстрациях в поддержку требований трудящихся участвовало около 1,5 млн. человек.

В третьем по счету забастовочном выступлении, проходившем в середине апреля, приняло участие 180 профсоюзов, выведших на улицу около 10 млн. трудящихся. Это была самая крупная общенациональная забастовка в истории японского рабочего движения. Наиболее активной силой общенациональной забастовки, начавшейся 11 апреля, были железнодорожники, металлисты, связисты, шахтеры, учителя, работники почты, служащие радио и телевидения.

Произошел известный сдвиг влево и во Всеяпонской федерации труда (Домэй), находящейся под реформистским руководством партии демократического социализма. Хотя руководство Домэй не приняло участия в единых выступлениях трудящихся, входящих в другие профцентры, оно вынуждено было пойти на проведение параллельных действий, ограничив выступления своих профсоюзных организаций выдвижением чисто экономических требований. Однако один из ведущих профсоюзов, входящих в Домэй, — профсоюз моряков, — принял решение об отказе от обязательной поддержки партии демократического социализма, ратующей за «сотрудничество труда и капитала». В принятом на X съезде Домэй документе указывалось, что правительство и финансовые круги должны нести ответственность за ущерб, причиненный трудящимся инфляцией и дороговизной, и выдвигалось требование об увеличении зарплаты на 25 тыс. иен в месяц.

Забастовочное движение, развернувшееся в этом году в условиях спада деловой активности в ведущих отраслях промышленности и не-

бывалой за последние 20 лет инфляции, носило исключительно боевой и массовый характер. Новым моментом в классовых схватках этого года являлось то, что участники забастовочного движения не ограничивались выдвиганием требования о повышении зарплаты, а во главу угла ставили вопросы о предотвращении дальнейшего роста цен, обуздании инфляции, об увеличении пособий для беднейших слоев населения.

В ходе антиимпериалистической борьбы рабочий класс укрепляет связи с другими демократическими, антимонополистическими силами и движениями. В этом году «весеннее наступление» отмечалось небывалой солидарностью с участниками забастовочного движения, которая проявлялась со стороны различных массовых организаций — студенческих организаций, потребительских союзов, творческой интеллигенции, домохозяек, представителей средних слоев населения.

О размахе и остроте выступлений рабочего класса в этом году свидетельствует тот факт, что правительство Японии вынуждено было пойти на значительное увеличение зарплаты различным категориям трудящихся и дать согласие на создание специального комитета для рассмотрения вопроса о предоставлении права на забастовку рабочим и служащим государственных учреждений.

Эта победа особо убедительно демонстрирует силу и солидарность японского рабочего класса, потому что накануне «весеннего наступления» деловые круги были решительно настроены против какого-либо увеличения заработной платы. Федерация японских предпринимателей (Никкэйрэн) опубликовала специальное заявление, в котором говорилось, что «в результате нефтяного кризиса японская экономика поставлена в критическое положение, и, следовательно, предприниматели не могут согласиться с требованиями профсоюзов о повышении зарплаты на 30 и более процентов. Японскому народу следует быть готовым к некоторому снижению жизненного уровня»³⁴.

Однако, вынужденные пойти на уступки, японские предприниматели пытаются компенсировать «потери» путем повышения цен на потребительские товары. Уже появляются сообщения, что в связи с повышением зарплаты рабочих на промышленных предприятиях оптовые цены возросли на 8,8%, а розничные цены на 11,4%. Япония, как вынужден признать премьер-министр Танака, «превращается в общество с высокой стоимостью рабочей силы».

Буржуазная пропаганда пытается убедить обывателя в том, что виновниками дороговизны и инфляции в стране являются чрезвычайные требования рабочих об увеличении зарплаты. Идеологи монополистической буржуазии пытаются доказать, что благополучие трудящихся зависит от процветания японской экономики, что во имя этого они должны жертвовать своими «эгоистическими интересами», то есть не участвовать в забастовочном движении и не выдвигать требований об улучшении своего жизненного уровня. Об этом-де позаботятся владельцы предприятий и правительство. Они призывают к «сотрудничеству» труда и капитала в рамках единой большой японской «семьи».

Созданная в Японии широкая сеть средств массовой информации, координируемая и направляемая из единого центра, используется для того, чтобы отвлечь массы от острых внутренних проблем и доказать, что классовый подход к решению социально-экономических вопросов якобы не отвечает национальным интересам японского народа.

Во главе забастовочного движения японских трудящихся выступают СОХЕ и другие профсоюзы, коммунистическая и социалистическая партии, которые объединяют свои усилия для защиты интересов трудо-

³⁴ «Ёмиури», 22. 1. 1974.

вого народа и оказания отпора наступлению монополистического капитала на жизненные права и интересы рабочего класса. Массовые выступления японских трудящихся в нынешнем году имели особое значение еще и потому, что они развертывались в преддверии выборов в верхнюю палату японского парламента, которые состоялись в июле 1974 г.

Правящие круги испытывают немалую тревогу по поводу исхода этих выборов. А исход таков, что правящей либерально-демократической партии не удалось сохранить большинства в верхней палате. На последних выборах она потеряла 8 мест и располагает теперь лишь половиной депутатских мест в палате советников. ЛДП набрала и 40% голосов.

Крупного успеха на прошедших выборах добились левые партии страны — КПЯ и СПЯ. Особо большой успех выпал на долю КПЯ, которая почти удвоила свое представительство в верхней палате. Сейчас она имеет 20 депутатских мандатов вместо 11 до выборов. Заметно укрепила свои позиции и Социалистическая партия Японии. Вопреки разного рода пророчествам исход выборов показал, что СПЯ не только не уменьшила свое представительство в верхней палате, но увеличила его. Сейчас социалисты имеют в палате советников 62 депутатских места вместо 59, которыми они располагали до выборов.

Японская печать расценила итоги выборов как серьезное поражение ЛДП. Газета «Асахи», например, предсказывает, что «будущее системы Танака полно трудностей», отмечает «усиление критики внутри ЛДП» и признает, что «совместные действия оппозиционных партий вступают в новый этап». Не менее категоричные суждения высказывала и другая влиятельная газета, «Ёмиури», которая также считает, что ЛДП испытывает «чувство кризиса ввиду поражения на выборах». Она подчеркивает, что «оппозиционные партии будут играть ведущую роль в парламенте».

Политические обозреватели отмечают, что причиной поражения консерваторов является недовольство широких народных масс политикой ЛДП, которая не принимает необходимых мер, направленных на сдерживание непрескращающегося роста цен и усиливающейся инфляции в стране.

Следует отметить, что за последнее время наблюдается устойчивая тенденция снижения влияния либерально-демократической партии, которая получает на выборах все меньше голосов. Сейчас уже почти все крупные города Японии (Токио, Осака, Киото, Нагоя, Йокогама, Сэндай и др.), в которых проживает более 30% населения страны, управляются представителями прогрессивных сил.

В японском парламенте создается новая расстановка сил, оппозиционные партии ставят под все большую угрозу монополию ЛДП на управление парламентом, которой она пользовалась на протяжении всего послевоенного периода.

Большую опасность для себя правящая ЛДП видит со стороны Компартии Японии, которая собирает растущее количество голосов на выборах, имевших место за последние 10 лет. Если на общенациональных выборах 1967 г. КПЯ получила 4,7% голосов, то в 1969 г. — уже 6,8% голосов, а на состоявшихся в декабре 1972 г. выборах в нижнюю палату за кандидатов от компартии проголосовало 10,5% избирателей. На выборах в муниципальное собрание Токио в июне 1973 г. депутаты-коммунисты оказались самой многочисленной группировкой. Успехи, достигнутые компартией внутри страны, отражают растущее недовольство широких народных масс политикой монополистического капитала и ЛДП, несущих ответственность за нынешнее тяжелое положение, сложившееся в стране.

В Японии все чаще можно слышать высказывания о том, что в предстоящем десятилетии основная политическая борьба за власть в стране будет вестись между ЛДП — партией крупного капитала и КПЯ, выражающей интересы рабочего класса и других слоев японских трудящихся. Коммунистическая партия Японии, выдвинув лозунг создания демократического коалиционного правительства, выступает за сплочение всех прогрессивных сил страны, за проведение широких единых действий с другой влиятельной левой партией — Социалистической партией Японии, стоящей на позиции борьбы против крупного монополистического капитала и выступающей в защиту жизненных интересов японских трудящихся. Потенциальным участником единого фронта может быть и партия Комэйто, связанная с широкими массами средних и полупролетарских слоев населения. В области внешней политики программа коалиционного правительства, за создание которого выступают коммунисты, предусматривает отказ от военного союза Японии и США, проведение политики нейтралитета, развитие дружественных отношений со всеми странами. Во внутренней политике предлагается осуществить мероприятия для повышения жизненного уровня трудящихся, прекращения инфляции, решения жилищной проблемы, улучшения работы транспорта, демократизации политической жизни и руководства экономикой, установления демократического контроля над банками и монополистическими предприятиями.

Социалистическая партия Японии, являясь основной оппозиционной партией в парламенте, выдвинула реалистическую программу в области внешней политики. Она выступает за мир и безопасность в Азии, решительно борется против империалистической агрессии в Индокитае и других районах мира, выступает в защиту мирной конституции, за развитие страны по пути мира, демократии и социального прогресса.

Концепция СПЯ по вопросу создания демократического правительства близка к позиции Коммунистической партии. СПЯ выступает за создание народного анtimoнополистического фронта борьбы против ЛДП и формирование на его основе народного коалиционного правительства. Это правительство, по мнению СПЯ, не будет социалистической властью, но оно должно своей деятельностью открыть путь к социалистическим преобразованиям.

Натиск трудящихся на позиции монополистического капитала ставит на повестку дня вопрос о единстве действий не только демократических сил, но и всех оппозиционных партий.

Некоторые японские политические наблюдатели высказывают предположение, что подрыв позиций партии монополистического капитала повлечет за собой перегруппировку сил в консервативном лагере и приведет к выдвижению на первый план промежуточных сил. В этом случае, по их мнению, в Японии может образоваться на более широкой политической основе центристское правительство, которое под давлением масс вынуждено будет вносить определенные коррективы в свою политику как внутри страны, так и на международной арене.

Ослабление влияния либерально-демократической партии открывает перспективы для сплочения всех анtimoнополистических сил на основе передовых программных установок левых партий, для продвижения страны по пути мира и социальных реформ.

Дипломатические маневры маоистов в Юго-Восточной Азии

М. А. Андреев

Маоистская дипломатия рассматривает Юго-Восточную Азию как сферу преимущественного влияния Китая. Нормализовав в 1972 г. свои отношения с ведущими тихоокеанскими странами развитого капитализма, Пекин теперь намерен открыть двери азиатских развивающихся стран для прямого воздействия на ход их социально-экономического прогресса. За первую половину 1973 г. в зарубежные страны выезжало 230 китайских делегаций, из них 43 делегации — в развивающиеся страны Азии. Особое внимание маоистская дипломатия сейчас уделяет странам Юго-Восточной Азии.

В Пекине ссылаются на существовавшую в прошлом, порой чисто символическую, вассальную зависимость соседних азиатских стран от Китая и на этом основании выдвигают обширные территориальные претензии к этим странам. Пекинские геополитики в полной мере учитывают благоприятные географические факторы, обеспечивающие Китаю непосредственный и широкий контакт с такими государствами, как Бирма и Лаос. В непосредственной близости от Китая расположены и некоторые другие государства Юго-Восточной Азии. Как любят говорить в Пекине, Китай и соседние страны соединяют одни реки и горы. В условиях отсутствия у Китая мощного современного военно-морского флота благоприятное географическое положение представляет особую ценность для китайских стратегов. С китайской стороны границы нередко расположены экономически развитые провинции, со стороны соседей, наоборот, лежат все еще слабо освоенные и редконаселенные районы. По обе стороны границы Китая с Бирмой и Лаосом проживает население аналогичных этнических групп. В Юго-Восточной Азии дополнительно к этому существует 13-миллионное китайское меньшинство, пользующееся сильным экономическим и политическим влиянием в странах его нынешнего пребывания и частично ориентирующееся на Пекин.

Китайская граница на юго-востоке на многих участках еще не определена и зачастую не охраняется соседями должным образом, что делает ее весьма уязвимой для нарушений и даже пересмотра китайской стороной. На юго-востоке к Китаю прилегает несколько малых стран, которые к тому же не очень дружны между собой¹, что позволяет Пекину рассчитывать на успех его традиционной политики «натравливания одних варваров на других». По мнению некоторых западных экспертов, соседней с Китаем государством с их многонациональным населением и породившим искусственными границами, оставшимися от колониального прошлого, недостаточно жизнеспособны и могут быть в перспективе поглощены их более сильным северным соседом².

¹ A. Lamb. *The Asian frontiers. A Study in a Continuing Problem*. London, 1968. p. 220.

² C. P. Fitzgerald. *The Southern Expansion of the Chinese People*. London, 1972, p. 210.

Маоистская дипломатия учитывает и огромные политические изменения в послевоенной Юго-Восточной Азии, но опять-таки исходя из своих гегемонистских устремлений. Для Китая существенно не образование многочисленных независимых государств, а уход с азиатской политической арены колониальных держав, которым в прошлом он не мог противостоять в развитии своей традиционной экспансии на юго-восток. По мнению одного из английских геополитиков, которое, по-видимому, разделяют и маоисты, «может быть, мы переживаем сейчас переходный период между системой границ старых европейских империй и новой системой границ американской и китайской сфер влияния на Азиатском континенте. Первая стадия этого процесса — передача власти европейцами азиатским властям — сейчас закончена. Следующая стадия — определение территориальных пределов азиатской власти и природы американского и китайского влияния на нее, — может быть, начинается именно сейчас»³. Провал американской агрессии в Индокитае, сокращающееся американское присутствие в Азии в сочетании с начавшимся китайско-американским сближением, нормализацией отношений между Китаем и другими тихоокеанскими империалистическими державами, наконец, выход Пекина на международную арену позволяют предполагать, что сейчас мы имеем дело с началом осуществления очередной программы установления гегемонии Пекина в Юго-Восточной Азии.

Нельзя сбрасывать со счетов и экономические мотивы этой экспансии. В старом, дореволюционном Китае всегда с завистью смотрели на крупные ресурсы лесоматериалов, каучука, нефти и риса, сосредоточенные в соседней Юго-Восточной Азии. Эти ресурсы остаются остродефицитными и в современном Китае.

Наконец, нужно учитывать, что движение на юго-восток на протяжении последних столетий было одним из традиционных и излюбленных направлений экспансии Китая.

При разработке программы осуществления своих гегемонистских устремлений маоистская дипломатия учитывает эти и, вероятно, многие другие факторы. Маоистское руководство Китая уже давно не скрывает своих экспансионистских планов в отношении азиатских развивающихся стран. После прихода к власти Мао Цзэ-дун неоднократно подчеркивал, что «Китай — это центр тяжести Азии» и только он может гарантировать защиту интересов и равноправное положение Азии в мировой политике⁴. В Пекине не устают повторять, что «Китай высится исполнимом на востоке земного шара», подчеркивая тем самым особую роль Китая на Азиатском континенте. В 1949 г. на конференции представителей профсоюзного движения стран Азии китайский делегат заявил, что все народы Азии, борющиеся за национальное освобождение, должны следовать путем Мао Цзэ-дуна, выразив, по существу, претензию на руководящую роль Китая в революционном движении азиатских народов⁵.

В 1956 г. в беседе с итальянскими коммунистами Мао заявлял, что было бы лучше, если бы компартии Старого континента не занимались революционным движением в Азии, не высказывали по его проблемам своего мнения, предоставив китайцам разрабатывать идеологию и методы революционной борьбы на Азиатском континенте⁶. Осенью 1971 г. Чжоу Энь-лай в беседе с французским журналистом заявил: «Мы име-

³ A. L a m b. The Asian frontiers. A Study in a Continuing Problem. London, 1968, p. 228.

⁴ J. D. S i m m o n s. China's world. The Foreign Policy of a Developing State. New York, 1970, p. 15.

⁵ «Новое время», 1971, № 33.

⁶ «Азия и Африка сегодня», 1972, № 6.

ем больше прав говорить об азиатских проблемах, но у нас и большее бремя на плечах... Мы несем в Азии особую ответственность»⁷.

Но дело не только в словах. Территориальные претензии Китая на всю континентальную и часть островной Юго-Восточной Азии и проводимая в духе этих претензий приграничная политика нынешнего руководства Китая свидетельствуют о настойчивом стремлении Пекина превратить Юго-Восточную Азию в зону своего преимущественного влияния.

Если в 50-х годах в Юго-Восточной Азии Китай придерживался курса мирного сосуществования с соседними государствами, то в 60-х годах он активно насаждал в регионе тактику так называемой «народной войны», сводившуюся к самому бесцеремонному вмешательству во внутренние дела независимых государств Юго-Восточной Азии. Эта тактика не принесла Пекину ни усиления его влияния, ни тем более установления китайского контроля в соседних странах.

Наоборот, к 70-м годам межгосударственные отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии либо резко обострились либо даже прекратились. Такие государства, как Таиланд и Филиппины, не имели дипломатических отношений с КНР с момента ее образования и запрещали любые контакты своих граждан с Китаем. Малайзия и Сингапур, поддерживая торговые связи с Пекином, вместе с тем не шли на установление дипломатических отношений с ним. Индонезия поддерживала довольно активные связи с КНР до 1967 г., когда они были заморожены по инициативе индонезийской стороны из-за причастности Пекина к событиям 30 сентября 1965 г. В результате эксцессов «культурной революции» в Рангуне Бирма в течение нескольких лет отказывалась от нормализации отношений с Китаем, и они были восстановлены только осенью 1971 г. Сложными остаются отношения Китая с Лаосом и Камбоджей. По сути дела, большинство государств Юго-Восточной Азии закрыло свои двери для Китая, опасаясь его подрывной деятельности в своем доме.

Изоляция Китая в Юго-Восточной Азии в сочетании с напряженными отношениями с рядом государств в Южной Азии производит самое неблагоприятное впечатление на африканские и латиноамериканские развивающиеся страны, поскольку в формировании своих отношений с Китаем они оглядываются на опыт соседних с Китаем азиатских развивающихся стран, где внешнеполитические цели и методы Пекина в отношении национально-освободительного движения наиболее полно и выпукло обнаружили свою подлинную суть. О каком лидерстве Пекина в развивающихся странах может идти речь, если он не смог успешно развивать межгосударственные отношения даже со своими соседями в Азии? Неурегулированность межгосударственных отношений со странами Юго-Восточной Азии ставит под сомнение искренность намерений Пекина в отношении всех развивающихся стран.

С другой стороны, изоляция Китая в регионе тормозит реализацию великодержавных устремлений маоистского руководства и непосредственно в Юго-Восточной Азии, поскольку отсутствие прямых торговых и дипломатических отношений с ведущими государствами этого региона лишает маоистскую дипломатию многих средств воздействия на соседние азиатские страны. В частности, маоистская дипломатия в нынешних условиях не может полностью использовать такой свой козырь, как зарубежная китайская буржуазия. Пекин хотел бы более активно подключить ее к борьбе за свою гегемонию в районе, а это невозможно

⁷ «Опасный курс». Вып. 4. М., 1973, стр. 273.

без учреждений китайских посольств и консульств в странах Юго-Восточной Азии.

Наконец, начавшееся сокращение американского военного присутствия США в Юго-Восточной Азии существенным образом меняет ситуацию в этом районе и, по расчетам маоистских дипломатов, открывает Китаю новые возможности для реализации великодержавных планов на его южных границах.

В этих условиях Пекин счел целесообразным для себя предложить государствам Юго-Восточной Азии нормализацию межгосударственных отношений на основе принципов мирного сосуществования, которые он еще вчера клеймил как несостоятельные и непригодные. Особый акцент китайская дипломатия делает на установление и развитие контактов со странами, входящими в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — Малайзией, Индонезией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами. Как известно, при учреждении этой ассоциации одной из ее необъявленных, но четко просматривающихся целей было сдерживание экспансии Китая на юго-восток. Этот аспект деятельности АСЕАН отчетливо прослеживается и сейчас в тщательной координации китайской политики стран — членов этой ассоциации. В частности, пятерка стран с 1972 г. обменивается информацией о контактах своих представителей с китайской стороной и о своих намерениях в отношении нормализации отношений с Китаем. Правда, эта координация китайской политики в рамках АСЕАН не исключает различий в подходе стран — участниц АСЕАН к Китаю. Эти разногласия проявились, в частности, при голосовании вопроса о приеме КНР в ООН. По этому вопросу Малайзия и Сингапур голосовали «за», Филиппины — «против», а Индонезия и Таиланд воздержались от голосования⁸.

Действуя по принципу «худой мир лучше доброй ссоры», страны Юго-Восточной Азии положительно откликнулись на китайское предложение. Учитывая реальность выхода Китая на азиатскую политическую арену после визита Никсона в КНР, эти страны признали необходимость модернизации своих внешнеполитических доктрин путем установления дипломатических отношений с Пекином. Юго-Восточная Азия надеялась тем самым положить конец вмешательству Пекина во внутренние дела некоторых стран, направить внешнеполитические акции Пекина в русло традиционной дипломатии, лучше поддающейся контролю со стороны местных властей, и тем самым стабилизировать внутривосточное положение в регионе.

Страны района полагают, что активное включение Китая в региональные дела позволит им расширить внешнеэкономические связи и стабилизировать национальные платежные балансы. Однако в целом в позиции стран Юго-Восточной Азии в вопросе о нормализации отношений с Китаем определяющими остаются политические, а не экономические мотивы. Многие азиатские лидеры не скрывают своих опасений по поводу вероятных экспансионистских намерений Пекина в Юго-Восточной Азии и хотели бы сковать эти устремления маоистской дипломатии путем нормализации межгосударственных отношений с Китаем на базе принципов мирного сосуществования. Эту задачу они считают особенно актуальной после окончания войны в Индокитае, опасаясь усиления китайского вмешательства в дела Таиланда, Малайзии и Сингапура⁹.

После появления Китая в ООН и особенно после визита Никсона в КНР в феврале 1972 г. начались негласные контакты азиатских дипломатов с китайскими представителями в штаб-квартире ООН по вопро-

⁸ "The China Quarterly", 1972, № 49, p. 202—203.

⁹ "The Straits Times", 6.VIII. 1973.

сам нормализации межгосударственных отношений Китая и стран Юго-Восточной Азии. Параллельно этому развернулась кампания «пинг-понговой дипломатии». Эта кампания состояла в довольно активном обмене неофициальными делегациями спортсменов, деловых людей и специалистов между Китаем и некоторыми странами Юго-Восточной Азии. Иногда это были первые за послевоенный период неофициальные контакты с китайскими представителями. Как правило, в состав этих делегаций, помимо спортсменов, бизнесменов и различных специалистов, входили с обеих сторон высокопоставленные чиновники дипломатических, внешнеторговых и иных ведомств, имевшие поручения обсудить нелегкие проблемы нормализации отношений между Китаем и азиатскими странами. Особый размах «пинг-понговая дипломатия» получила между Китаем, с одной стороны, и Таиландом, Малайзией, Сингапуром и Филиппинами — с другой. Были детально выяснены позиции сторон по вопросу о нормализации межгосударственных отношений и намечен круг и график необходимых для достижения этой цели мероприятий.

Среди стран — участниц АСЕАН инициативу нормализации отношений с Китаем взяла на себя Малайзия.

Создается впечатление, что Таиланд, который на первых порах был самым жестким противником нормализации отношений с Китаем среди членов АСЕАН, сейчас также форсирует установление дипломатических отношений с Пекином¹⁰.

Новая гражданская администрация Таиланда одной из первоочередных внешнеполитических задач считает именно нормализацию отношений с Китаем и идет на новые уступки Китаю в преодолении имеющихся препятствий. Ожидается, что установление дипломатических отношений между Таиландом и Китаем произойдет в 1975 г.

Филиппинское правительство обнаруживает серьезные сомнения в целесообразности быстрой нормализации отношений с Китаем и, похоже, не спешит с этим делом.

Индонезия, которая «заморозила» дипломатические отношения с Китаем в октябре 1967 г., сейчас в принципе выступает за возобновление дипломатических отношений, но также предпочитает не форсировать события. Сингапур придерживается наиболее осторожного графика нормализации отношений с Китаем, не желая возбуждать подозрительность своих соседей излишней поспешностью в своей китайской политике. В мае 1973 г. премьер-министр Ли Куан Ю заявил: «Я хочу уступить честь первым установить дипломатические отношения с Китаем моим соседям»¹¹. В ноябре 1973 г. он высказался по этому поводу еще определеннее: «Сингапур признает Китай лишь после того, как это сделают другие страны — участницы АСЕАН, так как в Индонезии, Малайзии и Таиланде существуют подозрения, что Сингапур — это третий Китай». Действительно, в ряде стран района убеждены, что после нормализации отношений с Китаем Сингапур может стать новым плацдармом для китайской экспансии в районе. Мотивируя позицию Сингапура по этому вопросу, министр иностранных дел Раджаратнам заявил, что поспешное установление дипломатических отношений с Китаем может «ограничить гибкость Сингапура в его внешней политике» и подогреть подозрения соседних стран в том, что Сингапур является «третьим Китаем»¹².

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Китай, проявляя уступчивость, нормализовал свои отношения с империалистическими

¹⁰ "Bangkok Post". 27.VII. 1973.

¹¹ "Far Eastern Economic Review", 1.X. 1973, p. 36.

¹² "The Straits Times", 23.V. 1973.

державами Тихоокеанского бассейна сравнительно быстро — в течение 1972 г.

Вместе с тем его жесткость на переговорах с представителями стран Юго-Восточной Азии зашла так далеко, что после трехлетних усилий только Малайзия сейчас подписала соглашение об установлении дипломатических отношений с Китаем, а остальные страны региона пока боятся сделать этот шаг. Это отнюдь не случайно.

В ходе «пинг-понговой дипломатии» выявились серьезные противоречия между Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Последние заявили, что нормализация их отношений с Китаем невозможна без твердого и недвусмысленного отказа Пекина от материальной и идеологической поддержки партизанских движений в странах региона. Представители Таиланда, Малайзии, Филиппин и Индонезии утверждают, что они располагают неопровержимыми доказательствами вмешательства Пекина во внутренние дела этих стран путем поддержки партизанских движений, покровительства деятельности подпольных антиправительственных радиостанций с китайской территории и предоставления политического убежища противникам правительств стран региона. Таиландские представители утверждали, что антиправительственное партизанское движение на северо-востоке страны инспирируется и материально обеспечивается из-за китайского кордона, а подпольная радиостанция «Голос свободного тайского народа» ведет передачи с китайской территории.

Малайзийские лидеры заявляли о том, что партизанское движение на таиландско-малайзийской границе и в Восточной Малайзии получает поддержку из Пекина. По их мнению, радиостанция «Голос революции» ведет свои антиправительственные передачи с территории Южного Китая. С аналогичными обвинениями в адрес Пекина выступают и представители Индонезии и Филиппин. В несколько абстрактной манере то же утверждает и Сингапур. Как заявил министр обороны Сингапура: «Китайские лидеры... будут всегда утверждать корректные межправительственные отношения, но они никогда не забывают подчеркнуть, что имеются и другие виды отношений (между народами и между партиями). Именно по каналам этих отношений они могут предоставить поддержку повстанцам. Эта поддержка примет форму поставок оружия, денег и подготовки кадров»¹³.

В ответ на эти обвинения китайские дипломаты уклоняются от обсуждения вопроса о своей причастности к партизанским движениям в странах Юго-Восточной Азии, стремясь скрыть свое вмешательство во внутренние дела соседних стран.

Столь жесткая позиция Пекина по этому вопросу побудила азиатских руководителей к некоторым уступкам, но они по-прежнему требуют от Пекина отказа от вмешательства во внутренние дела азиатских стран.

Гражданская администрация Таиланда, сменившая осенью 1973 г. военную диктатуру Т. Киттикачона, отмечала одна из таиландских газет, сняла свои условия о прекращении поддержки таиландских партизан Китаем и антиправительственных передач подпольной радиостанции с территории Китая как предварительных требований нормализации отношений с Китаем. По мнению новой администрации, «Таиланд и Китай могут нормализовать свои отношения, несмотря на идеологические разногласия, если обе стороны согласятся не вмешиваться в дела друг друга»¹⁴.

¹³ "Far Eastern Economic Review", I.X.1973, p. 34.

¹⁴ "Nation", 8.XI. 1973.

В Малайзии теперь утверждают, что активность партизанского движения во многом зависит от состояния отношений между малайской и китайской группами населения и удачное урегулирование отношений между ними позволит удерживать партизанское движение на контролируемом уровне¹⁵.

Индонезийское правительство также несколько видоизменило свою позицию по этому вопросу. По сути дела, Индонезия теперь настаивает лишь на прекращении поддержки Пекином лидеров компартии, оказавшихся в эмиграции в Пекине.

Под давлением согласованных требований Бангкока, Куала Лумпура, Джакарты, Сингапура и Манилы маоистская дипломатия вынуждена была весной 1974 г. взять на себя обязательство не поддерживать более антиправительственные партизанские движения в Таиланде, Малайзии и Индонезии.

Еще дальше маоисты пошли в этом вопросе во время визита малайзийского премьер-министра в Китай в мае — июне 1974 г. В беседе с гостем Мао Цзэ-дун полностью отмежевался от левого партизанского движения в этой стране, заявив, что это — «внутреннее дело Малайзии, и малайзийцы могут тут делать все, что угодно». Тем самым Китай, который ранее упорно навязывал революционному крылу национально-освободительного движения в этой стране (да и во многих других странах Азии) левацкую, ошибочную тактику вооруженной борьбы в условиях отсутствия революционной ситуации и таким образом объективно ослаблял прогрессивные силы в этой стране, сейчас нанес этим силам новый удар в спину ради достижения своих гегемонистских целей в Юго-Восточной Азии. Это заявление Мао Цзэ-дуна послужило сигналом для начала очередной антикоммунистической кампании местной реакции в некоторых азиатских странах. В ряде стран вновь раздаются призывы вести борьбу против прогрессивных сил до их полного уничтожения. Эти призывы воплощаются, в частности, в новые карательные акции против прогрессивных сил. Так маоизм совершил новое предательство интересов азиатского революционного движения и в очередной раз поставил его в трудное положение.

В лихорадочных попытках сколотить блок азиатских развивающихся государств под эгидой Китая маоистское руководство отказывается от поддержки левых сил в Юго-Восточной Азии, ищет новую националистическую основу отношений со своими соседями, чтобы усыпить их бдительность и поставить их под свой контроль. С этой целью Пекин и дает сейчас гарантии, которые ценой предательства левых сил в Юго-Восточной Азии открывают ему доступ в соседние азиатские страны.

Однако эти заверения отнюдь не исключают возможности вмешательства Пекина во внутренние дела соседних стран в других формах.

Это тем более вероятно еще и потому, что в Юго-Восточной Азии Пекин располагает массовой опорой в лице 13-миллионного китайского меньшинства.

Уже сейчас, до нормализации дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии, Китай, эксплуатируя особые отношения с местной китайской буржуазией, получает от нее около 180 млн. долл. ежегодно в виде семейных переводов, инвестиционных вкладов и иных взносов, и эти 180 млн. долл. являются ничем не компенсируемой потерей для экономики Юго-Восточной Азии. Надо полагать, что, утвердившись в соседних странах, китайские посольства потребуют от местной китайской буржуазии не только увеличения суммы этих переводов, но

¹⁵ "Far Eastern Economic Review", 1.X. 1973, p. 34.

и поставят перед нею более опасные для национального суверенитета стран Юго-Восточной Азии цели.

Как считают некоторые специалисты по Китаю, зарубежные китайцы «могут быть использованы Пекином для свержения установленных правительств или для развязывания гражданских беспорядков, позволяющих пропекинским силам захватить власть с помощью и под твердым контролем зарубежных китайцев. Они могут быть призваны для мобилизации общественного мнения против установленных правительств или для оказания влияния на правительства в поддержку китайской политики или против того, что считается ущербом для китайских интересов в странах пребывания зарубежных китайцев»¹⁶.

В ходе переговоров о нормализации отношений с Китаем страны Юго-Восточной Азии поставили и этот вопрос перед китайскими представителями. Китай не дает удовлетворительных гарантий в ответ на эти тревожные запросы соседних азиатских стран. В беседе с министром иностранных дел Индонезии Маликом во время парижского совещания по Вьетнаму китайский представитель ограничился сообщением о том, что Комитет по делам зарубежных китайцев в Пекине распущен¹⁷.

Однако ни для кого не секрет, что в огромной бюрократической машине современного Китая, конечно, имеется достаточно подразделений, с успехом могущих выполнять и дальше функции распущенного Комитета по делам зарубежных китайцев. Даже Малайзия, достигшая наибольшего среди стран района прогресса в нормализации отношений с Китаем, не может избавиться от мучительных раздумий по поводу этой сложной проблемы. «Сохраняется понятная озабоченность, — пишет одна из малайзийских газет, — которую роспуск пекинского бюро по делам зарубежных китайцев не устраняет»¹⁸.

В своих обращениях к зарубежным китайцам в Юго-Восточной Азии Пекин в последнее время демагогически призывает их к строгому уважению законодательства стран пребывания и принятию местного гражданства, но это никого не обманывает: в прошлом было много случаев, когда Пекин в перспективных с его точки зрения ситуациях давал зарубежным китайцам инструкции совсем иного рода и зарубежные китайцы стремились их выполнить.

Ход «пинг-понговой дипломатии» показал, что китайские капиталисты в Юго-Восточной Азии оказывают горячий прием прибывающим китайским делегациям, ратуют за скорейшую нормализацию отношений стран Юго-Восточной Азии с Китаем, готовы активно включиться в прямую торговлю с Китаем в качестве агентов китайских внешнеторговых организаций, активизируют сотрудничество с Пекином. Это позволяет сделать вывод о том, что после появления Китая в Юго-Восточной Азии проблема взаимоотношений между китайскими меньшинствами и местным населением стран района скорее усложнится и обострится, чем пойдет на убыль. В своей геополитической игре в Юго-Восточной Азии Пекин обязательно использует козырную карту, какой для него остается зарубежная китайская буржуазия в странах региона. Естественно, что он сейчас уклоняется от детального обсуждения своей будущей политики в этом вопросе с заинтересованными странами района. Об опасных для Юго-Восточной Азии намерениях Пекина говорят его конкретные поступки.

¹⁶ "Far Eastern Economic Review", I.X. 1973, p. 31.

¹⁷ S. Fitzgerald. China and the Overseas Chinese. A study of Peking's changing policy, 1949—1970. London, 1972, p. 189—190.

¹⁸ "Straits Times", 6.IV. 1973.

В последнее время Пекин развернул усиленное внедрение своей агентуры в страны Юго-Восточной Азии через Гонконг. В 1973 г. с одобрения китайских властей в Гонконг выехало свыше 50 тыс. эмигрантов. Среди них примерно треть составляют китайские репатрианты, вернувшиеся в Китай в конце 50-х — начале 60-х годов из Индонезии, Малайзии, Филиппин и других стран региона и прошедших там соответствующую подготовку. Как правило, это активные участники «культурной революции» в возрасте до 40 лет. Таким образом, до установления дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии Пекин стремится внедрить своих эмиссаров в китайские меньшинства соседних государств, с тем чтобы опереться на них в своей будущей работе среди зарубежных китайцев.

Пекин спешит с этим делом, потому что после нормализации отношений со странами Юго-Восточной Азии подобные акции, являющиеся открытым вмешательством во внутренние дела других государств, вызовут вполне естественные протесты соседних стран.

Не просто складываются и торговые отношения.

Страны Юго-Восточной Азии обнаруживают большой интерес к установлению прямых торговых отношений с Китаем. Учитывая огромные возможности китайского рынка, они хотели бы расширить поставки своих традиционных и новых товаров в Китай и тем самым содействовать развитию своего национального экспорта. Страны региона, далее, надеются на закупку китайских товаров по более низким ценам и использование конкурентного фактора на своем национальном рынке, где сейчас хозяйничают японские, американские и западноевропейские монополии. С налаживанием прямой торговли с Китаем страны Юго-Восточной Азии связывают надежды на улучшение состояния своих платежных балансов. Они намереваются лишить гонконгских и сингапурских посредников, которые сейчас осуществляют экспортно-импортные операции стран Юго-Восточной Азии с Китаем, комиссионных прибылей и тем самым полнее реализовать выгоды международного разделения труда. В ходе предварительных переговоров представители стран Юго-Восточной Азии выражали пожелания, чтобы торговля с Китаем осуществлялась на сбалансированной основе, без существенного дефицита экспортно-импортных операций для обеих сторон. Они считают целесообразным осуществление внешнеторговых сделок с Китаем через местные государственные внешнеторговые компании, которым должно принадлежать монопольное или хотя бы регулирующее право совершения этих сделок.

По этому вопросу выявились существенные противоречия между странами Юго-Восточной Азии и Китаем.

В странах региона существуют многочисленные китайские торговые компании, которые готовы тесно сотрудничать с Китаем в продвижении его товаров на рынки соседних стран. Можно ожидать, что после устранения запретов и ограничений на экспорт китайских товаров в Юго-Восточную Азию эти китайские компании обеспечат быстрый рост китайского экспорта в указанные страны. Это приведет к дальнейшему росту дефицита внешнеторгового оборота стран района с Китаем. В этом случае надежды указанных стран на получение выгод от прямой торговли с Китаем могут смениться откровенным разочарованием и даже крупными валютными потерями.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что многие кажущиеся очевидными выгоды прямой торговли с Китаем на деле оказываются не столь уж очевидными. По мнению тайландской печати, в Таиланде не слишком много товаров, которые бы заинтересовали КНР и которые

она не может закупить на других рынках. КНР может купить товары, аналогичные тайландским, в других странах Юго-Восточной Азии. Например, конкурентом Таиланда в торговле оловом и каучуком является Малайзия, что же касается основного экспортного продукта — риса, то КНР, скорее, является самообеспечивающейся страной. Во всяком случае, она не раз экспортировала рис на такие традиционные для Таиланда рынки, как например, Гонконг¹⁹. Таким образом, сомнительные надежды на рост экспортной выручки стран региона в результате торговли с Китаем омрачаются перспективой массового наплыва китайских товаров на рынки Юго-Восточной Азии.

Пекин широко применяет и другие средства, призванные ускорить проникновение Китая в Юго-Восточную Азию. Он официально одобряет некоторые аспекты деятельности Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), члены которой в прошлом высказывались за придание этой ассоциации антикитайской направленности.

Пекин не упускает случая, чтобы сыграть на экономических затруднениях стран Юго-Восточной Азии и подтолкнуть их к сближению с Китаем. Так, например, в условиях повышения фрахтовых ставок иностранными судовладельцами при перевозке внешнеторговых грузов стран региона Пекин предлагает свои суда для перевозок грузов Малайзии, Сингапура и Филиппин по сниженным тарифам. В прошлом году он предложил свой рис Индонезии и Филиппинам, испытывавшим продовольственные затруднения. Сейчас, в условиях обострившегося энергетического кризиса, он сулит заинтересованным азиатским странам свою нефть. Как известно, Пекин не может похвастаться наличием у него крупных ресурсов этих товаров и услуг, что предопределяет временный характер этих акций. Тем не менее ради достижения политического эффекта и ускорения нормализации отношений со странами Юго-Восточной Азии он идет на подобные акции, порождая в соседних странах преувеличенные иллюзии относительно возможностей их экономического сотрудничества с Китаем.

В ходе подготовки к нормализации межгосударственных отношений со странами Юго-Восточной Азии Пекин проявляет великодержавный подход к проблемам соседних стран, допускает акты шантажа в отношении этих стран. Так, китайская сторона пошла на временное прекращение запланированных ранее контактов с Таиландом после того, как она не смогла добиться полной отмены декрета № 53, запрещающего контакты между тайландскими и китайскими организациями и гражданами. Китайские представители считают, что поправки к декрету № 53 носят «недостаточный» характер и «враждебны» по отношению к КНР²⁰. Как известно, тайландская сторона недавно пересмотрела декрет и теперь разрешает эти контакты с позволения местных властей. Пекину сейчас этого показалось уже мало, и он применил тактику откровенного устрашения Таиланда. Это ли не вмешательство во внутренние дела Таиланда?

Для обеспечения эффективного контроля над внешнеторговыми операциями с Китаем правительства стран Юго-Восточной Азии намерены осуществлять все экспортно-импортные операции с Китаем через специально созданные государственные внешнеторговые компании. Подобные компании уже созданы в Малайзии («Пернас»), Сингапуре («Интрако») и на Филиппинах («Нетракор»). Государственную торговую компанию для торговли с Китаем хотят создать и в Таиланде.

¹⁹ "Financial Post", 31.VIII. 1973.

²⁰ "Bangkok Post", 2.X. 1973.

Указанные компании должны, по замыслам местных властей, стать монопольными исполнителями экспортно-импортных операций с китайскими внешнеторговыми организациями.

Однако Пекин, располагающий мощными прокитайскими лобби во внешней торговле стран Юго-Восточной Азии, не намерен считаться с подобным регулированием его торговых отношений в районе. В частности, во время весенней ярмарки в Гуаньчжоу в апреле — мае 1972 г. китайская сторона демонстративно игнорировала намерения малайзийской государственной корпорации «Пернас» монополизировать импорт китайских товаров в Малайзию, заключив с нею контракты на общую сумму только в 2 млн. мал. долл., в то время как с частными малайзийскими компаниями объем сделок достиг 16 млн. долл. При этом представители внешнеторговых организаций КНР заявили, что они не намерены прерывать свои деловые связи с «традиционными поставщиками китайских товаров в Малайзию» из числа китайских фирм²¹. Фактически это был отказ китайской стороны признать за корпорацией «Пернас» право на монопольную продажу китайских товаров в Малайзии. Аналогичную позицию китайская сторона заняла и после решения таиландского правительства монополизировать экспортно-импортные операции с Китаем в руках создаваемой для этой цели государственной внешнеторговой компании²².

Из тактических соображений Пекин пока не ставит широко вопрос о своих территориальных претензиях в Юго-Восточной Азии, но в странах региона не забывают о существовании в Пекине карт, где вся континентальная и часть островной Юго-Восточной Азии рассматриваются как китайская территория.

Как показал военный конфликт на Парасельских островах в январе 1974 г., эта тревога народов Юго-Восточной Азии отнюдь не беспочвенна. Провозглашая на словах свою готовность регулировать спорные вопросы с соседями путем мирных переговоров, маоисты на практике решают эти вопросы силой оружия и уже создали новый очаг напряженности в Южнокитайском море. Похоже, что именно Юго-Восточную Азию Пекин считает наиболее перспективной с точки зрения удовлетворения его территориальных претензий к соседям.

Остается фактом, что Китай продолжает вмешательство во внутренние дела соседних стран и, как показывают предварительные переговоры в ходе «пинг-понговой дипломатии», нет гарантий прекращения этого вмешательства на будущее. Остается фактом, что после проникновения в страны региона Пекин получит возможность прямого контакта с местной китайской буржуазией и использует последнюю в своих гегемонистских устремлениях. Нельзя отрицать, что уже сейчас маоистская дипломатия пытается говорить с представителями стран Юго-Восточной Азии с позиции силы, добиваясь максимально выгодного для себя решения обсуждаемых вопросов.

В нынешних условиях изоляции в Юго-Восточной Азии маоистская дипломатия ставит пока перед собой более или менее умеренные цели, но кто поручится, что потом Китай не пойдет дальше.

Нетрудно предсказать, что после нормализации отношений со странами района Пекин будет оказывать еще больший и жесткий нажим на эти страны, добиваясь от них односторонних уступок. Мы стоим на пороге нового этапа борьбы Пекина за превращение Юго-Восточной Азии в сферу преимущественного влияния Китая.

²¹ "Straits Times", 29.IV. 1973.

²² "Bangkok Post", 25.IX. 1973.

Происки Пекина в Индонезии

Ю. А. Алёшин

В последнее время маоистское руководство предпринимает усилия к восстановлению позиций КНР в Юго-Восточной Азии, в частности в Индонезии. Возврат к «нормальной дипломатии» свидетельствует о признании Пекином провала его политики шантажа и давления, приведшей к утрате китайского влияния в этом районе, особенно в годы «культурной революции». И хотя внешнеполитический курс группы Мао Цзэ-дуна стал сейчас более гибким и дифференцированным, он, по существу, как и прежде, всецело подчинен гегемонистским целям.

Подтверждением этому может служить история китайско-индонезийских отношений на протяжении последних двух десятилетий. Китайское руководство неизменно стремилось решать вопросы, касающиеся отношений с Индонезией, исходя исключительно из своих собственных интересов. Его подход к этой стране характеризуется великоханьской надменностью. Вмешательство КНР во внутренние дела Индонезии неоднократно служило причиной острых осложнений между Пекином и Джакартой. В результате — неровность, зигзагообразность и даже кризисное состояние этих отношений: периоды сближения сменялись периодами вражды и отчуждения.

Испытательный полигон для маоистской «революционной модели»

Повышенный интерес Китая к Индонезии нетрудно понять. Индонезийский архипелаг, являясь самым большим на земле, занимает важное стратегическое положение на стыке двух материков и океанов. Его недра таят громадные запасы важных полезных ископаемых. Еще в начале нашей эры архипелаг привлекал взоры китайских богдыханов. Затем сюда устремился поток иммигрантов из Китая. Среди них были и те, кто бежал от нищеты на родине, и те, кто искал прибыльную сферу приложения капитала. Сейчас китайское национальное меньшинство в этой стране превышает 4 млн. человек.

Победа народной революции в Китае создала благоприятные предпосылки для установления и развития его отношений с Индонезией. Уже в апреле 1950 г. Индонезия, сама только что завершившая антиколониальную войну, объявила о признании КНР. С приходом к власти в Индонезии в 1953 г. правительства во главе с видным деятелем национально-освободительного движения Али Састроамиджой отношения между обеими странами развивались по восходящей линии. Наряду с посольством в Джакарте КНР учредила также консульские представительства в городах Медан (о. Суматра), Банджармасин (о. Калимантан) и Макас-

сар (о. Сулавеси). Подписанное во время Бандунгской конференции стран Азии и Африки в апреле 1955 г. китайско-индонезийское соглашение о двойном гражданстве проживающих в Индонезии китайцев ознаменовало собой шаг вперед в отношениях между двумя странами. На международной арене Китай и Индонезия вместе со странами социалистического лагеря и развивающимися государствами вели борьбу против империализма, за упрочение международной безопасности.

Однако уже в тот период пекинские руководители прозрачно намекали, что Китай-де имеет «исторические права» на Юго-Восточную Азию, куда в прошлом заходили войска китайских завоевателей. Маоисты требовали, чтобы индонезийский народ следовал по «пути Мао Цзэ-дуна», навязывали Коммунистической партии Индонезии свою программу борьбы¹.

Эти вождедения маоистов не замедлили сказаться в их практических делах. В конце 50-х годов, когда индонезийское правительство запретило иностранцам (на 92% представленным лицами китайской национальности)² торговать в сельской местности страны, из Пекина в адрес Джакарты раздалась такие окрики, которые поставили отношения Китая с Индонезией на грань разрыва. Между тем этот шаг индонезийцев полностью входил в их внутреннюю компетенцию и был направлен исключительно на защиту интересов местного сельского населения от эксплуатации и конкуренции со стороны китайских торговцев, спекулянтов и ростовщиков. Как говорилось в письме министра иностранных дел Индонезии Субандрио министру иностранных дел КНР Чень И от 9 декабря 1959 г., решение индонезийского правительства имело целью «защитить большинство индонезийского народа от тех групп, которые стремятся к прибыли и наживе за счет большинства народа».

Отбрасывая прочь классовый подход в оценке положения, группа Мао Цзэ-дуна всецело солидаризировалась с эксплуататорами из числа китайского населения в Индонезии. Правительство КНР направило через свое посольство в Джакарте указание китайскому национальному меньшинству не подчиняться распоряжениям индонезийских властей. Именно в это время индонезийские руководители зафиксировали появление первых нелегальных пунктов военного обучения китайцев на Западном Калимантане. Напряженность в китайско-индонезийских отношениях наносила ущерб общему фронту антиимпериалистического движения, делу борьбы за мир и безопасность народов.

В период режима «направляемой демократии» в Индонезии (1959—1965 гг.) отношения между двумя странами пережили пору сближения, что объяснялось надеждами Пекина добиться осуществления своих целей. Еще в августе 1965 г. Мао Цзэ-дун заявлял на заседании Политбюро КПК о необходимости для Китая «заполучить» Юго-Восточную Азию, поскольку этот район «очень богат, там очень много природных ископаемых», и «в будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности». Стремясь к достижению этого, пекинское руководство повело весьма коварную политику в отношении Индонезии. Группа Мао Цзэ-дуна пыталась, и порой небезуспешно, увлечь руководящие круги индонезийской мелкой буржуазии на путь авантюризма в международной политике и, учитывая их амбициозность, отводила им важную роль в ре-

¹ См.: Л. Кириченко. Доктрины и практика внешней политики Пекина. — «Новое время», 1971 г., № 30; А. Д. Костиков. Политическая картография на службе великодержавного национализма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4.

² "Pos Kota", 17.I.1974.

ализации своих целей в Юго-Восточной Азии. Правительство Сукарно положительно реагировало на заигрывания Пекина.

Поворот во внешней политике Индонезии в сторону сближения с Китаем в те годы имел свои причины. Тогдашнее индонезийское руководство остро нуждалось в громких внешнеполитических лозунгах для отвлечения внимания народных масс от назревших внутренних социально-экономических проблем. Мелкобуржуазной элите Индонезии пришлось по душе псевдореволюционные «теоретические» формулы маоистов о национально-освободительном движении как главной силе современности.

Однако это не означало, что цели китайских и индонезийских правящих кругов были полностью тождественны. Выступая временным попутчиком и даже проводником великодержавного шовинизма Пекина, индонезийский национализм уже тогда таил в себе зародыши собственных далеко идущих планов.

Маоизм был привнесен на индонезийскую землю под прикрытием революционной фразы. Широко насаждалась мысль о том, что развитие процессов, происходящих на мировой арене, определяется лишь противоречием между национально-освободительным движением и империализмом. Утверждалось, что это противоречие как в фокусе наиболее остро проявляется в Юго-Восточной Азии, где к тому же якобы находится наиболее слабое звено в цепи империализма.

При посещении Джакарты в ноябре 1964 г. Чень И поддержал националистическую доктрину Сукарно о «новых нарождающихся силах». Велась срочная подготовка к провозглашению «оси Джакарта — Пекин» с явным расчетом «нанизать» на эту «ось» другие страны Юго-Восточной Азии, окружив их с севера и юга. К 1965 г. смыкание с Пекином привело к тому, что Индонезия выступила против принципов мирного сосуществования в международных отношениях, вышла из ООН, а ее отдельные руководящие деятели опустили до враждебных выпадов в адрес стран социалистического содружества, Индии и других развивающихся государств. Таким образом, Индонезия стала проводить внешнюю политику, которая уже не отражала интересов индонезийского народа.

Из Пекина экспортировались не только идеи, но и рекомендации, как их выполнять. Попытка воплотить на практике указания Пекина обернулась преступлениями против индонезийского народа. Его авангарду — Коммунистической партии Индонезии — прежде всего пришлось дорогой ценой расплачиваться за авантюризм группы Мао Цзэ-дуна. «Ошибочная концепция, — отмечают индонезийские коммунисты, — породила ошибочные действия. Вторя голосу из-за моря, индонезийские маоисты столкнули партию на авантюристический путь. Они сделали Индонезию испытательным полигоном маоистской «революционной модели», и в результате этого «эксперимента» около миллиона человек погибло, коммунистическое и революционное движение Индонезии было отброшено далеко назад и до сих пор испытывает на себе последствия этих событий. Таков «результат» политики и амбиций пекинского руководства, попытавшегося вопить когти великодержавного шовинизма в Индонезию»³.

После драматических событий октября 1965 г. в Индонезии кривая китайско-индонезийских отношений стремительно пошла вниз.

Джакартские власти раскрыли в среде китайского национального меньшинства широко разветвленную сеть специальных служб КНР, непосредственно причастную, как утверждалось, к политическому кризису

³ «Второй фронт борьбы. Война, мир, революционное движение и концепции маоистов». — «Проблемы мира и социализма», 1973, № 11, стр. 55.

в Индонезии. В ответ китайские лидеры развернули шумную антииндонезийскую кампанию. Она велась самыми различными методами, в том числе путем многочасовых направленных радиопередач на индонезийском языке и массовых засылок в Индонезию по почте и контрабандным путем печатной литературы. В основном эта кампания была направлена на защиту лиц китайской национальности, замешанных в событиях 1965 г., и на пропаганду маоистских концепций применительно к Индонезии, что, по сути дела, явилось продолжением грубого вмешательства в дела страны. Такая деятельность Пекина привела к закрытию в марте 1966 г. бюро агентства Синьхуа в Джакарте. В апреле того же года индонезийские власти запретили работу китайских школ. Прекратилось издание всех газет на китайском языке, за исключением одной, контролируемой местной администрацией.

Китайские провокации дали ультраправым силам в Индонезии повод к нагнетанию антикоммунистической истерии в масштабе всей страны.

В разгар «культурной революции» в Китае в 1967 г. помещение индонезийского дипломатического представительства в Пекине подверглось разгрому. Попирая нормы международного права, хунвэйбины допустили хулиганские действия против сотрудников индонезийского посольства. В Джакарте индонезийские студенческие и молодежные организации не преминули подтвердить аналогичными акциями свое право на взаимность и штурмовали здание китайского посольства. Прокатившаяся по многим городам Индонезии волна антикитайских манифестаций нередко выливалась в погромы имущих слоев китайского национального меньшинства. В этой обстановке в октябре 1967 г. правительство Индонезии, а затем и КНР отозвало штаты своих посольств из Пекина Джакарты, объявив о прекращении между собой дипломатических отношений, которые, таким образом, оказались «замороженными». Были закрыты и все китайские консульские представительства в Индонезии. Интересы КНР в Индонезии стала представлять Румыния, а индонезийские дела в Китае вела Камбоджа.

Так произошло давно назревавшее столкновение между индонезийским национализмом и великодержавным шовинизмом Пекина.

Пекин меняет свои методы

После прекращения двусторонних отношений правительство Индонезии направило свои усилия на то, чтобы воспрепятствовать КНР вмешиваться во внутренние индонезийские дела. Власти Джакарты имели основания проявлять на сей счет особое беспокойство.

Как известно, на территории КНР функционирует несколько центров военной и политической подготовки повстанцев из развивающихся стран. Они обучаются не столько для борьбы против колониализма, сколько для осуществления особых целей Пекина в «третьем мире». Среди других зарубежных «учеников» Мао активное участие в состоявшемся в 1968 г. в Пекине «международном семинаре» прокитайских партий и групп приняли их индонезийские единомышленники⁴. Среди индонезийских маоистов особое рвение в проведении линии Пекина проявлял бывший посол Индонезии в КНР Джавото.

⁴ См.: «Политика группы Мао Цзэ-дуна на международной арене». — «Коммунист», 1969, № 5.

Главным средством осуществления Китаем своей подрывной деятельности и усиления влияния в Индонезии становится использование китайского национального меньшинства. В местных индонезийских газетах публикуются сведения о расширении сети нелегальной маоистской агентуры из числа китайских иммигрантов. На Западном Калимантане (где проживает свыше 400 тыс. китайцев), вдоль границы с Сараваком, продолжают выступления вооруженных отрядов пропекинских элементов. До сих пор индонезийские власти перехватывают в прибрежных зонах контрабандные суда, переправляющие на Калимантан оружие из Китая. В феврале 1974 г. командование военного района о. Суматры сообщило, что КНР засылает прошедших специальную подготовку в Пекине китайцев для участия в антиправительственных акциях⁵.

Остается весьма острым вопрос о положении китайского национального меньшинства в Индонезии. Социально-экономическая обособленность этой категории лиц, многие из которых не имеют определенного гражданства, нередко служит причиной расовых и социальных эксцессов. Среди индонезийцев сильны чувства антипатии и неприязни к китайской буржуазии, которая, как они хорошо помнят, еще в колониальные времена совместно с голландцами жестоко угнетала местное население. Да и сейчас позиции китайской буржуазии в экономике Индонезии по масштабу и размерам намного превосходят возможности индонезийской национальной буржуазии. Поэтому предубеждение против лиц китайской национальности имеет в своей основе сугубо классовые причины. В руках китайцев, по существу, находится почти вся городская розничная торговля, значительная доля банковского дела и промышленного производства⁶. Согласно некоторым источникам, китайцы контролируют от 70 до 80% массы денег, находящихся в обращении в Индонезии⁷. Из среды китайских иммигрантов в основном выходят кадры экономических и технических специалистов, банковских и финансовых работников и т. п. Активно сотрудничающие с Пекином эксплуататорские слои китайской буржуазии рассматриваются маоистами как «патриотические элементы»⁸, иначе говоря, как «пятая колонна» Китая в азиатских странах.

Вспыхивающие время от времени в Индонезии антикитайские выступления являются не только проявлением недовольства засильем китайцев в экономике страны, но и формой выражения протеста против растущего социального неравенства. Классовый протест эксплуатируемых масс против китайских предпринимателей искусственно подогревается настроениями национальной розни и расовой нетерпимости против китайцев, которых обвиняют в антипатриотизме, близости к Пекину или Тайбею, игнорировании индонезийского культурного наследия и традиций, высокомерии по отношению к коренному населению и т. п. Особенно крупные вспышки антикитайских выступлений произошли в августе 1973 г. в Бандунге, а также в январе 1974 г. в Джакарте и нескольких других городах страны.

В последние 3—4 года индонезийское правительство стремится сдерживать антикитайские выступления. Это стремление объясняется и желанием сохранить престиж, и чисто практическими соображениями: китайские погромы наносят, как правило, ощутимый ущерб хозяйственной жизни страны. Сознывая важность роли китайцев в экономике страны, некоторые представители правящих кругов налаживают с ними тесные

⁵ "Angkatan Bersendjata", 4.II. 1974.

⁶ А. Ю. Юрьев. Индонезия после событий 1965 года. М., 1973, стр. 202—206.

⁷ Peter Polomka. Indonesia since Sukarno. Blackburn, 1971, p. 173.

⁸ М. А. Андреев. Зарубежная китайская буржуазия — орудие Пекина в Юго-Восточной Азии. М., 1973, стр. 32.

деловые связи, создают для китайских предпринимателей благоприятный климат и ограждают их от погромов и нападков. Пекин, конечно, не упускает случая воспользоваться подобной ситуацией. По его инструкциям китайское национальное меньшинство расширяет контакты и связи во всех социальных прослойках индонезийского общества. В сфере их деятельности нередко оказываются видные фигуры индонезийского режима.

Однако, несмотря на участвовавшие случаи сращивания национального и китайского капитала, в целом среди подавляющего большинства правящей верхушки Индонезии по-прежнему велики чувства опасения перед Китаем и его мощной агентурой в ведущих секторах индонезийской экономики. Джакартская газета «Нусантара», например, указывала не так давно на прямую угрозу засилья китайского капитала в торговле и экономике страны и критиковала правительство, политика которого привела к превращению китайского национального меньшинства в «потенциальную опасность»⁹. По словам генерального прокурора Индонезии Али Саида, проблема китайцев, не имеющих индонезийского гражданства, является в настоящее время одной из наиболее острых.

Сделав упор на использование китайских иммигрантов в Индонезии, пекинское руководство одновременно изменило тон своей внешнеполитической пропаганды на эту страну.

Как известно, переход Китая к откровенному флирту со странами Юго-Восточной Азии сопровождается некоторым приглушением призывов к развертыванию «вооруженной борьбы» и «народных войн». Давая рекомендации «революционным армиям» в азиатских странах продолжать «затяжную войну» с опорой, однако, на собственные силы, Пекин преследует двоякую цель: с одной стороны — показать своим приверженцам, что по-прежнему их поддерживает, а с другой — представить китайское руководство как бы посторонним наблюдателем, чтобы не препятствовать нормализации отношений КНР с правительствами государств этого района¹⁰.

Но эти маневры отнюдь не означают серьезного намерения китайского руководства пересмотреть свои взгляды. По существу, оно придерживается все тех же концепций, лишь слегка завуалировав их. По-прежнему маоисты стремятся вовлечь государства Юго-Восточной Азии в фарватер своей великодержавной политики. Пекин усиленно пытается найти себе союзников в развивающихся странах, наладить с ними дипломатические и экономические отношения, используя более изощренные методы, без грубого вмешательства во внутренние дела и открытого навязывания своих идей.

При этом китайское правительство не скупится на заверения о невмешательстве во внутренние дела стран района. Как сообщил представитель МИД Индонезии, некоторое время назад министр иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэй уведомил своего индонезийского коллегу А. Малика о решении Китая прекратить поддержку индонезийских «коммунистических повстанцев». Аналогичные высказывания китайские лидеры делали, касаясь коммунистов в других странах ЮВА, тем самым подтверждая свою двурушническую, а по существу предательскую линию в отношении освободительного движения в ЮВА.

Тем не менее в индонезийских правящих кругах нет единого мнения по вопросу о нормализации отношений с Китаем. Часть этих кругов,

⁹ «Nusantara», 26.I. 1973.

¹⁰ См.: Г. В. Апалин. Пекин и «третий мир». — «Международная жизнь», 1972, № 11.

связанная с набирающей силу в новых, благоприятных для нее условиях «молодой» бюрократической буржуазией, видит в «размораживании» отношений с Китаем неиспользованные возможности для личного обогащения. Представители этих кругов подчеркивают, что Китай уже не является носителем идеологии научного социализма и отошел от международного коммунистического движения, что воззрения его руководителей во многом близки взглядам буржуазных националистов. Странники форсированного урегулирования «китайского вопроса» призывают к восстановлению контактов (прежде всего экономических) с КНР. Они утверждают, что ослабление китайско-индонезийских торговых связей нанесло Индонезии ощутимый ущерб. Ссылаясь на выгодные торговые отношения между Малайзией и Китаем, газета «Мердека», отражающая интересы упомянутых кругов индонезийской буржуазии, призвала следовать этому примеру¹¹.

В расчете на эти заинтересованные круги КНР предпринимает пока шаги к расширению косвенной торговли с Индонезией через Сингапур и Гонконг. Судя по всему, Пекин намерен придать этой торговле такие масштабы, которые заставят Джакарту пойти на оформление официальных экономических отношений. Преследуя цель завоевать позиции на индонезийском рынке во что бы то ни стало, Китай поставил Индонезии текстиль, керамические изделия, проволоку и другие товары по ценам на 10—40 процентов ниже японских.

Одна близкая к индонезийскому МИД газета, видимо, не без основания отмечала, что «сближение с Китаем начнется преимущественно в области экономических связей»¹². Как показывают факты, маоисты полным ходом осуществляют свои замыслы. По данным агентства Антара, за одиннадцать месяцев 1972 г. Индонезия закупила в Гонконге китайские товары на сумму свыше 147 млн. гонконгских долл., или почти пятую часть экспорта КНР через Гонконг¹³.

Другая часть индонезийского руководства, которая отражает интересы «старой» торговой буржуазии, традиционно связанной с мусульманскими предпринимателями и феодалами, выступает против активизации экономических связей с Пекином, так как опасается китайской конкуренции. Эту позицию разделяют и те представители правящих кругов, которые видят в китайском гегемонизме серьезную угрозу для суверенитета и безопасности своей страны. Они сознают, что если не предпримут необходимых предварительных мер, то Индонезия может оказаться один на один с Китаем. Рассматривая маоистский Китай как силу, враждебную странам Юго-Восточной Азии, руководители Индонезии в своей китайской политике учитывают интересы других стран района. Они не могут не отдавать себе отчета в том, что всякое одностороннее сближение с Китаем отрицательно скажется на отношениях со всеми партнерами по региональному сотрудничеству. Вместе с тем индонезийские правящие круги усматривают в китайском экспансионизме серьезное препятствие для своих планов закрепить за Индонезией роль ведущей силы в этом районе.

Эффективное средство противодействия великодержавным замыслам руководителей КНР правящие круги Индонезии видят в согласованных усилиях стран — членов АСЕАН. Вот почему они настояли на необходимости согласовать предварительно вопрос о возможной нормализации отношений Индонезии с Китаем, с другими членами АСЕАН. Как

¹¹ "Merdeka", 25.V. 1971.

¹² "Indonesian Observer", 15.III. 1973.

¹³ ANTARA, 29.I. 1973.

сообщалось, участники ассоциации условились, что «размораживание» индонезийско-китайских отношений последует лишь после завершения другими странами — членами АСЕАН подготовки к установлению с КНР дипломатических отношений.

Представители этих кругов публично высказываются против поспешности в восстановлении связей с КНР. Под заголовком «Из Пекина дует новый ветер» индонезийская газета «Нусантара» писала еще в 1971 г.: «То, чего не удалось достигнуть насильственными методами, они (маоисты) пытаются теперь достигнуть с помощью новой политики, политики улыбок. По сути дела, такая политика гораздо опаснее...»¹⁴

Поскольку Пекин продолжает вмешательство во внутренние дела суверенных государств и создает беспорядки в ряде районов Юго-Восточной Азии, заявил тогда же бывший председатель индонезийского парламента А. Шейху, необходимо сохранять бдительность и не торопиться с нормализацией отношений с Китаем. Аналогичную точку зрения высказал руководитель комиссии парламента по вопросам обороны, безопасности и иностранных дел И. Рошади. Президент Сухарто указал в ноябре 1972 г., что подрывные действия КНР в Индонезии не прекратились¹⁵.

Поддержание нормальных отношений между двумя странами, основанных на принципах взаимности и не направленных против интересов третьих государств, само по себе естественно и закономерно. Зондаж о нормализации китайско-индонезийских отношений начался в 1970 г. через дипломатические представительства КНР в Париже и Гааге. Это было время заметной активизации внешнеполитической деятельности Пекина. По словам А. Малика, Индонезия была готова возобновить отношения с Китаем при условии, что последний прекратит свою подрывную деятельность, перестанет вести антииндонезийскую кампанию по радио и в печати и воздержится от вмешательства во внутренние дела страны.

С восстановлением прав КНР в ООН открылись новые каналы для нормализации китайско-индонезийских отношений. Заместитель председателя парламента Индонезии Домопраното сообщил в ноябре 1972 г., что непосредственные контакты с китайской стороной поручено поддерживать главе индонезийского представительства при ООН в Нью-Йорке А. Сани и руководителю Европейского отделения ООН в Женеве И. Тайебу¹⁶.

Обсуждению вопросов восстановления китайско-индонезийских отношений была посвящена встреча А. Малика с министром иностранных дел КНР Цзи Пэн-фэем в Париже в январе 1973 г. Выступая на открытии сессии Народного консультативного конгресса 12 марта 1973 г., президент Сухарто подтвердил, что Индонезия готова восстановить дипломатические отношения с КНР, если Китай откажется от враждебных выпадов и прекратит оказывать помощь и содействие антиправительственным силам¹⁷. В июне 1973 г. А. Малик заявил, что «размораживание» отношений между КНР и Индонезией находится на завершающей стадии¹⁸.

Главным препятствием к нормализации отношений, указывал министр, остается китайская подрывная деятельность¹⁹. Несмотря на это, джакартская администрация сделала благожелательный жест в адрес Китая, отменив в ноябре 1973 г. запрет на въезд в страну китайских

¹⁴ "Nusantara", 27.VII. 1971.

¹⁵ "New Standard", 20.XI. 1972.

¹⁶ "Suara Karya", 13.XI. 1972.

¹⁷ "Address by the President of the Republic of Indonesia", Djakarta, 1973, p. 18.

¹⁸ "Angkatan Bersendjata", 15.VI. 1973.

¹⁹ "Indonesia Raya", 25.VI. 1973.

должностных лиц и дав тем самым «зеленый свет» для участия представителей КНР в созывавшейся по линии ЮНЕСКО межправительственной конференции по политике в области культуры в Азии и в других мероприятиях международных организаций в Индонезии. «На встрече с Цзи Пэн-фэем я пояснил, — сказал А. Малик, — что Индонезия будет приветствовать участие КНР в работе конференции ЮНЕСКО в декабре 1973 г. в Джокьякарте. Но, по-видимому, КНР сознает, что была бы принята «кисло» и поэтому не участвовала в этой сессии»²⁰.

Демонстрируя свою готовность к возобновлению дипломатических отношений с Китаем, Индонезия ожидает проявления аналогичного подхода и со стороны КНР. Печальный опыт прошлого дает Индонезии основание заручиться гарантиями обеспечения своих национальных интересов от новых возможных посягательств Китая.

Комплекс вопросов, подлежащих предварительному урегулированию между сторонами, охватывает не только названные выше требования Индонезии о прекращении вмешательства в ее внутренние дела. Среди них можно назвать также вопрос о характере будущих взаимоотношений материкового Китая с китайским национальным меньшинством в Индонезии, о лояльности этого меньшинства по отношению к индонезийскому государству, о судьбе индонезийско-тайваньских связей (получивших широкое и разностороннее развитие), об индонезийской политической эмиграции в Китае и т. п. Пекин явно не желает связывать себе руки какими-либо обязательствами перед Индонезией. В то же время он, видимо, не может предложить Индонезии какого-либо конкретного плана нормализации двусторонних отношений. То обстоятельство, что закрытые китайско-индонезийские переговоры о восстановлении отношений длятся уже пятый год, свидетельствует об их очевидной сложности.

На перспективе «размораживания» двусторонних отношений не может не сказываться и подход правительств КНР и Индонезии к главным проблемам современности, по большинству которых они придерживаются различных, а порой даже противоположных позиций. При антикоммунистической направленности внутренней политики режима Индонезия по ряду основных международных вопросов занимает более позитивные позиции, чем Китай.

Правящие круги Индонезии имеют в своем распоряжении более чем достаточно фактов, свидетельствующих о том, что в основе внешнеполитического курса нынешнего китайского руководства, как и прежде, лежат его гегемонистские, великодержавные устремления, глубокая враждебность делу упрочения всеобщего мира и безопасности, делу разрядки напряженности.

Вооруженный инцидент в Южно-Китайском море у Парасельских островов в январе 1974 г. был расценен в Индонезии как новое доказательство склонности КНР решать спорные вопросы силой оружия. В связи с этим индонезийская пресса высказывала озабоченность использованием КНР вооруженной силы в непосредственной близости от индонезийских границ и призывала тщательно наблюдать за всеми маневрами Китая в южном направлении²¹.

Индонезия выступает в пользу положительного решения таких международных вопросов, в отношении которых точка зрения Китая является негативной. Сюда относятся: разрядка напряженности на мировой арене в целом; урегулирование европейских проблем; всеобщее и полное разоружение; запрещенное использование и испытаний ядерного оружия;

²⁰ "Angkatan Bersendjata", 21.XII. 1973.

²¹ "Kompas", 24.I. 1974.

созыв Всемирной конференции по разоружению и др. В то время как Индонезия в числе большинства участников XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН голосовала за принятие предложения о сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности на 10%, Китай голосовал против.

Индонезия решительно осуждает испытания ядерного оружия в КНР. Китай же продолжает наращивать ядерный потенциал, который может быть использован им как средство нажима на страны ЮВА. «Отклонение Китаем предложения о разоружении, — отмечалось в передовой газете «Джакарта Таймс», — является разочаровывающим и достойным сожаления. Большинство государств мира сейчас хотят прекращения ужасающей гонки вооружений и реализации идеи о всеобщем и полном разоружении с тем, чтобы можно было бы обеспечить международный мир и безопасность»²².

Китайское руководство не брезгует и ролью провокатора среди стран Юго-Восточной Азии. Пекин подталкивает их к сколачиванию замкнутой политической, экономической и военной группировки, которая была бы направлена против социалистических стран. Именно в этих целях маоисты спекулируют на идее стран АСЕАН о нейтрализации района Юго-Восточной Азии, противопоставляя ее советскому предложению о создании в Азии системы коллективной безопасности.

Действуя таким образом, Пекин стремится отравить политическую атмосферу в Юго-Восточной Азии, которая становится непосредственным участником кардинальных перемен, открывающих новые перспективы упрочения мира и безопасности. Победа вьетнамского народа, меры к достижению национального согласия в Лаосе, успехи патриотов Камбоджи, конструктивные инициативы Советского Союза и других социалистических государств способствуют созданию здесь благоприятной обстановки для разрядки напряженности. Индонезия, Бангладеш и другие страны выступили за участие всех азиатских стран в обсуждении советского предложения о создании системы коллективной безопасности в Азии.

Комментируя поездку Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Индию в ноябре 1973 г., министр иностранных дел А. Малик сказал, что этот визит окажет чрезвычайно важное воздействие на обстановку в Азии в целом, в том числе на Индонезию, и будет способствовать укреплению мира в районе Юго-Восточной Азии.

Несмотря на преграды и препоны, искусственно создаваемые врагами мира, позитивные сдвиги, происходящие сейчас в Азии и на мировой арене, способствуют дальнейшей консолидации сторонников разрядки напряженности, прокладывают путь к превращению Азии в континент мира и сотрудничества народов.

²² "The Jakarta Times", 4.X. 1973.

Бирма: курсом социалистической ориентации

В. П. Кудинов

Многие события в жизни 29-миллионного бирманского народа вызывают интерес у прогрессивных сил. 3 января 1974 г., в канун 26-й годовщины независимости Бирмы, в стране объявлено о вступлении в силу новой конституции. Бирманский Союз провозглашен Социалистической Республикой. 27 января — 10 февраля 1974 г. в Бирме прошли всеобщие выборы в Народное собрание (парламент) и Народные советы (местные органы власти). В марте 1974 г. Революционный совет — орган власти революционной демократии на переходный период — сложил с себя свои полномочия и передал бразды правления Народному собранию, которое избрало Государственный совет и утвердило состав Совета министров.

Все эти события, завершающие важный этап в деятельности бирманских революционных демократов, имеют истоком март 1962 г. Тогда к власти в Бирме пришел Революционный совет, провозгласивший целью построение социалистического общества. Он был организован патриотически настроенными руководителями бирманской армии, выросшей в ходе освободительной борьбы и сохранившей патриотические и революционные традиции. В среде военных руководителей Революционного совета постепенно происходила поляризация сил, в результате которой укреплялись прогрессивные, левые революционно-демократические элементы из средних слоев. Они возглавили проведение социально-экономических и политических преобразований, соответствующих общенациональным интересам и классовым целям крестьян и рабочих, всех трудящихся. Таким образом, в Бирме процесс перехода на некапиталистический путь начался с создания новой политической надстройки.

Революционный совет пришел к власти в обстановке обострения классовой борьбы внутри страны и противоречий всей бирманской нации с империализмом. В тот момент Бирманский Союз находился фактически на грани распада из-за подогреваемого извне сепаратизма феодалов национальных окраин. Прервав развитие бирманского общества по пути капитализма, которым его вело буржуазно-феодалное руководство, Революционный совет, во-первых, защитил общенациональные интересы, ликвидировав опорные пункты иностранного капитала на бирманской земле, устранив политическое и идеологическое влияние империализма; во-вторых, предпринял шаги по обеспечению классовых интересов рабочих, крестьян и всех трудящихся, ограничил эксплуататорские вожделения местных предпринимателей, ростовщиков, перераспределил землю в пользу тех, кто ее обрабатывает. Доходы от национализированных и вновь созданных в государственном секторе предприятий во всевозрастающем размере используются в Бирме на общенародные нужды: на ирригацию, народное образование, здравоохранение, на развитие социального обеспечения, национальной культуры и т. д.

Революционному совету не все мероприятия в социальной и экономической областях удалось довести до конца, однако принципиальная оценка классово направленных осуществляемых им преобразований ясна, а именно они проводились в интересах трудящихся города и деревни. Естественно, что власть Революционного совета, носившая форму революционной военной диктатуры, получила поддержку трудящихся. Однако задачи углубляющейся социальной революции требовали расширения социальной базы прогрессивного режима, демократизации органов власти. Надо отдать должное руководителям Революционного совета: они с самого начала подчеркивали временный, переходный характер власти военных. «Революционный совет, — говорилось в его постановлении от 4 июля 1962 г. о создании Партии бирманской социалистической программы (ПБСП), — считает, что естественным руководителем революции должна быть революционная политическая партия»¹.

Эта партия по замыслу руководителей Революционного совета и должна была подготовить и провести всеобщие выборы в народные органы власти на основе разработанной ею новой бирманской конституции. 2 марта 1974 г. Совет осуществил передачу власти Народному собранию. В бирманской печати в связи с этим подчеркивалось, что «передача власти в руки ее законных владельцев — рабочих и крестьян — это лишь начало строительства государства социалистической демократии, но отнюдь не его заключительная стадия»².

ПБСП как массовая партия существует с 1971 г. (до этого на правах членов в нее входило около 20 человек). Она объединяет (по состоянию на конец октября 1973 г.) около 524 тыс. человек. Среди них более 107 тыс. членов и 416 тыс. кандидатов. Кроме того, свыше 825 тыс. из числа так называемых «друзей партии» подали заявления о приеме³. Более половины членов партии — это военные и государственные служащие. Удельный вес и политическая роль рабочих и трудящихся крестьян пока незначительны. На вопросы качественного состава партии обращают внимание и бирманские руководители. Выступая с заключительным словом на II съезде ПБСП (октябрь 1973 г.)⁴, ее председатель У Не Вин подчеркнул, что «в партию еще не привлечены все те, кто предан идеям «бирманского пути к социализму» и кто мог бы улучшить ее состав качественно». «Мы не можем быть удовлетворены существующим положением с членством в партии, — сказал У Не Вин, — мы должны постараться влить в нее свежую кровь»⁵. Он призывал к улучшению кадровой и идеологической работы в партии, усилению внимания к экономической и профессиональной учебе ее членов, а также к избранию в руководящие органы способных и преданных работников.

За два с лишним года партия утвердилась в качестве руководящей силы бирманского общества, провела ряд важных политических мероприятий, в числе которых — выработка новой конституции и организация референдума по ней, подготовка и проведение выборов, всеобщая перепись населения и т. д.

¹ Цит. по: "The Working People's Daily", 25.VI. 1973.

² «Ботатаун», 15.XII. 1973.

³ А. М а л о в. Бирма на пути прогресса. — «Новое время», 1974, № 1, стр. 14.

⁴ На съезде отмечалось, что при наличии в стране 3 млн. «рабочих» они составляют всего 11% общего числа членов ПБСП. Учитывая, что понятие «рабочие» в Бирме толкуется расширительно — к ним относятся все работающие по найму, очевидно, что действительный процент рабочих в рядах ПБСП и вовсе ничтожен. При наличии 7,5-миллионного крестьянского населения, говорилось на съезде, крестьяне в ПБСП составляют всего 2%.

⁵ "The Working People's Daily", 9.X. 1973.

С формирования ПБСП как массовой партии, по-существу, и начался процесс «передачи власти народу». Ее представители постепенно вводились в состав государственных органов, руководимых военными, — Комитетов администрации и безопасности, в суды, в министерства и другие учреждения.

Члены, кандидаты и «друзья партии» составили ядро тех 50 тыс. активистов, которые разъясняли на местах проект конституции, тех 490 тыс. добровольных работников переписи в апреле 1973 г., тех 2 млн., которые приняли участие в подготовке выборов⁶. Само нарастание числа активистов политических кампаний, руководимых ПБСП, говорит о последовательной политике партии по воспитанию кадров.

Оценка роли ПБСП в жизни современного бирманского общества в его переходный период была дана в приветствии ЦК КПСС II съезду ПБСП: «Превращение ПБСП в правящую партию бирманского общества будет содействовать ускорению процесса революционно-демократических преобразований в Бирме в интересах рабочего класса, трудового крестьянства и всех национальных патриотических сил»⁷. Бирманские газеты называли приветствия КПСС и других коммунистических и рабочих партий социалистических стран «эликсиром для бирманской социалистической программы»⁸.

II съезд ПБСП подвел итог всему предшествовавшему периоду развития бирманского общества под руководством Революционного совета и закрепил в своих решениях достигнутые за этот период завоевания революционно-демократической власти.

Съезд принял директивы по 4-летнему экономическому плану, а также по 20-летнему плану развития, который рассматривается в Бирме как экономическая программа на весь переходный период: «Переходный период к социалистической цели может составить от 20 до 30 лет»⁹.

II съезд ПБСП сыграл важную роль в подготовке заключительного этапа «передачи власти» гражданским органам, окончательно утвердив порядок проведения референдума по конституции и выборам.

Решение о подготовке новой конституции было принято еще на I съезде ПБСП в июне — июле 1971 г. Эта работа проводилась в несколько этапов.

Сначала специальная Конституционная комиссия образовала 9 рабочих групп для выработки принципов новой конституции и 15 так называемых «полевых групп», возглавляемых членами Революционного совета, министрами. Эти группы выезжали в различные районы страны для сбора предложений с мест. О размахе работы на первом этапе говорят следующие цифры, приведенные в докладе председателя Конституционной комиссии, Генерального секретаря ЦК ПБСП Сан Ю: «Полевые группы» провели собрания, в которых участвовали 105 тыс. человек и было выдвинуто 345 предложений. 1415 человек прислали свои предложения непосредственно в комиссию. На этой основе был составлен первый проект конституции, вынесенный на широкое обсуждение общественности. По первому проекту поступило около 50 тыс. замечаний¹⁰.

Лишь третий проект комиссии был вынесен в октябре 1973 г. на рассмотрение II съезда ПБСП и рекомендован им для обсуждения на референдуме, в котором приняли участие свыше 14 млн. избирателей. Консти-

⁶ "The Working People's Daily", 25.VI. 1973.

⁷ «Правда», 8.X. 1973.

⁸ «Хантавади», 15.X. 1973; «Лоута пьнду пейэни», 14.X. 1973.

⁹ «Лоута пьнду пейэни», 14.XII. 1973.

¹⁰ "The Working People's Daily", 25.VI. 1973.

Таблица 1

Итоги референдума*

№ п/п	Национальные (пыннэ) и собственно бирманские (тайн) области	Количество районов (мьонэ)	Имеющие права голоса	Количество проголосовавших	Число голосов, поданных за конституцию	В процентах
1	Область Сагайн	38	1 605 792	1 592 679	1 453 637	90,52
2	Область Теннасерим	10	364 870	348 514	335 716	92,01
3	Область Пегу	28	1 672 679	1 658 005	1 626 557	97,24
4	Область Магве	25	1 435 291	1 903 964	1 803 328	97,44
5	Мандалайская область	29	1 918 941	1 903 964	1 803 328	93,98
6	Рангунская область	39	1 623 004	1 549 321	1 549 321	95,46
7	Область Иравади	26	2 248 671	2 232 172	2 139 558	95,15
8	Качинская национальная область	18	329 517	295 100	226 842	68,84
9	Национальная область Кая	6	55 263	44 882	39 243	71,01
10	Каренская национальная область	7	347 986	279 862	270 335	77,69
11	Чинская национальная область	9	156 105	153 331	148 924	95,40
12	Монская национальная область	10	664 478	650 814	602 180	90,62
13	Араканская национальная область	17	844 019	808 097	726 616	86,09
14	Шанская национальная область	52	1 491 639	1 092 134	990 436	66,40
15	Жители Бирмы, находящиеся за границей	—	1 781	1 647	1 606	90,17
	Итого . . .	314	14 760 036	14 094 360	13 312 801	90,19

* «Лоутэ», 1974, № 2.

ституция получила одобрение огромного большинства населения, собрав 99,19% голосов¹¹ (см. табл. 1).

Бирманская пресса сообщала, что референдум прошел в обстановке большой активности трудящихся. Во многих рабочих кварталах Рангуна, например, как писала газета «Ботатаун», все избиратели проголосовали за 1—2 часа после открытия пунктов для голосования¹². Это расценивается в Бирме как заслуга партийных организаций, которые вели большую агитационно-пропагандистскую работу, привлекли для участия в ней более 300 известных писателей, журналистов и артистов. На 261 357 пунктах дежурили сотни тысяч кандидатов и членов партии, членов Народных рабочих и Народных крестьянских советов, полмиллиона активистов Красного Креста и молодежной организации «Ланзин». Всего в этой важной политической кампании участвовало, как пишут бирманские газеты, 2 613 570 человек¹³.

Успешное проведение референдума разрушило планы враждебных сил, которые пытались воспользоваться существующими в стране экономическими трудностями. Накануне и в дни референдума они развернули активную антиправительственную кампанию. Член Комиссии по проведению референдума У Тейн Пе Пьин, известный общественный деятель, писатель и журналист, объясняет успех референдума, во-первых, тем, что «новая конституция выражает основные интересы всего трудового народа», во-вторых, «правильной тактикой» организаторов референдума. Поясняя, в чем состояла эта тактика, У Тейн Пе Пьин писал, что ПБСП сумела объединить усилия представителей демократических слоев всех национальностей — «независимо от их политического прошлого» — «во имя построения государства социалистической демократии»¹⁴.

Главное теперь состоит в том, чтобы на деле претворять в жизнь провозглашенные конституцией прогрессивные цели и принципы.

Конституция закрепила успехи, достигнутые бирманской революцией на этапе решения ею общедемократических задач. Главное теперь состоит в том, чтобы на деле претворять в жизнь провозглашенные конституцией прогрессивные цели и принципы.

Социализм объявлен целью государства (ст. 5), о принципах его строительства говорится следующее: «Экономическая основа государства — социалистическая экономическая система» (ст. 6), «государственная структура основывается на социалистической демократии» (стр. 7). Конституция провозглашает ликвидацию в Бирме эксплуатации человека человеком и одной национальной группы — другой (ст. 8), защиту государством интересов трудящихся (ст. 9). Она предусматривает национализацию средств производства (ст. 19) и устанавливает исключительную собственность государства на все природные ресурсы и землю (ст. 18)¹⁵.

Положения конституции подкрепляются теми социально-экономическими преобразованиями, которые Революционный совет уже провел. Это база для дальнейшего продвижения вперед. К 10-й годовщине со дня прихода к власти Революционного совета на долю государственного сектора в Бирме приходилось производства электроэнергии — 100%, горнорудной промышленности — 74, строительной промышленности — 66,

¹¹ «Известия», 31.1.1974.

¹² «Ботатаун», 17.XII.1973.

¹³ «Ботатаун», 15.17.XII.1973.

¹⁴ «Ботатаун», 18.XII.1973.

¹⁵ «Конституция Социалистической Республики Бирманский Союз», Рангун, 1973 (на бирманск. яз.).

обрабатывающей промышленности — 42,5, внешней торговли — 100%. Вся финансовая система находится в руках государства. Революционным советом национализировано 15 425 частных предприятий¹⁶.

Вместе с тем, отражая объективные условия существования многоукладной экономики в течение известного периода и в будущем, конституция допускает деятельность частного национального капитала, если это «не подрывает социалистическую экономическую систему» (ст. 20).

Конституция провозглашает равенство всех национальностей перед законом, право на свободное развитие национальной культуры, языка и литературы (ст. 21, 22). По своему государственному устройству Социалистическая Республика Бирманский Союз представляет собой унитарное государство, состоящее из 7 национальных (пъинэ) и 7 собственно бирманских (тайн) областей (ст. 31). Во главе тех и других находятся Народные советы. Автономия национальных областей касается вопросов развития национальной культуры и обучения на родном языке. Этой ограниченной автономией, возможно, и объясняется более низкий в национальных областях (по сравнению с собственно бирманскими) процент проголосовавших за конституцию.

По конституции установлено, что высший орган законодательной власти — однопалатное Народное собрание (пъиду хлюдо) (ст. 32). В Государственном совете — высшем органе исполнительной власти — предусмотрено представительство для каждой национальной и каждой собственно бирманской области: по одному депутату из числа членов Народного собрания от этих областей (ст. 64)¹⁷.

Конституция провозглашает широкие общественно-политические свободы и права граждан: свободу слова, печати и права участия в разрешенных политических, классовых, массовых и социальных организациях.

Конституция особо закрепляет руководящую роль ПБСП. В статье 11-й указано, что «в государстве существует однопартийная система. ПБСП является единственной руководящей политической партией». «Причина существования однопартийной системы, — объяснил Сан Ю, — в том, чтобы дать возможность массам трудового народа, включая крестьян и рабочих, объединить усилия в строительстве социализма»¹⁸.

Новую конституцию Бирмы можно считать большим успехом национально-демократических сил, ориентирующихся на социализм. С принятием конституции и созданием выборных органов власти завершился процесс создания новой политической надстройки. Что касается проблем ликвидации экономической отсталости, подъема экономики и жизненного уровня населения, то они по-прежнему не решены.

За 12 лет пребывания Революционного совета у власти в экономическом базисе произошли значительные изменения, государственный сектор занял ключевые позиции, в нем вырос объем производства¹⁹.

Однако этот процесс сопровождался сокращением производства в частном секторе, столь быстрым и неожиданным, что государственный сектор в условиях отсталой страны не смог его компенсировать.

Поэтому, несмотря на известные достижения в социальной области, экономика страны в целом испытывает большие трудности (см. табл. 2,

¹⁶ «Азия и Африка сегодня», 1972, № 3, стр. 2; «Ботатаун», 7.XII. 1973.

¹⁷ На первой сессии Народного собрания Государственный совет был избран в составе 28 человек. Председателем Государственного совета (президентом страны) избран У Не Вин, секретарем (вице-президентом) — генерал Сан Ю.

¹⁸ "Forward", 15.V. 1973.

¹⁹ Бирманская газета «Хантавади» 24.II. 1974 г. писала, что предприятия государственного сектора выпустили в 1973 г. продукцию на общую сумму 7300 млн. чжа (в 1962—3500 млн. чжа), а объем государственной торговли за этот период увеличился с 740 млн. до 1370 млн. чжа.

3) и находится ныне в критическом состоянии²⁰. Однако это не означает срыва прогрессивных целей революционно-демократического руководства в переустройстве общества, как иногда пытаются утверждать недруги некапиталистического пути Бирмы.

В самой Бирме неблагоприятные явления в области экономики объясняют неудачной для страны мировой конъюнктурой, неблагоприятными погодными условиями ряда последних лет, повстанческим движением, неповоротливостью существующего бюрократического аппарата²¹.

Таблица 2*

Темпы ежегодного прироста
валового национального продукта (в %)

1950—1951	1954—1958	1958—1962	1962—1966	1966—1970
6,97	4,03	6,01	3,33	3,56

* «The Working People's Daily», 8.XI. 1973.

Все это, конечно, справедливо. Но основные причины экономических неудач, на наш взгляд, заложены в переоценке руководством Революционного совета роли политики и недооценке значения экономических факторов в развитии общества. Это особенно заметно на опыте первых 5 лет

Таблица 3*

Средний доход на душу населения (в чжа)

1961/62	1962/63	1969/70	1970/71	1971/72	1972/73 Предварит. оценка
324	364	372	380	381	377

* «Доклад бирманского правительства народу о бюджете на 1973/74 год». Ран-гун, 1973. стр. 18 (на бирманск. яз.)

деятельности Революционного совета. Тогда были допущены серьезные просчеты. Например, преждевременно национализирован ряд отраслей с не крупным и совсем мелким капиталом, в частности большая часть розничной торговли. Неподготовленным оказался и процесс кооперирования.

Подобные ошибки и промахи систематически обсуждаются в Бирме. При этом некоторые предлагают делать ставку на привлечение иностранного капитала. Кое-что на этом пути уже сделано, страна получила американские, японские и западногерманские кредиты.

Раздаются и другие голоса, призывающие больше внимания уделять экономическим факторам в руководстве хозяйством, глубоко изучать сущность проблем переходного периода, наделенного чертами и старой и новой общественно-экономической формации, периода, через который нельзя перескочить и законы которого нельзя игнорировать. Об этом сви-

²⁰ Как свидетельствует «Доклад бирманского правительства народу о бюджете на 1973/74 год», прирост национального продукта в 1972/73 году составил 2,2%, в то время как прирост населения — 2,3% (стр. 1).

²¹ «The Working People's Daily», 22.X. 1973; 8.XI. 1973.

детельствует обсуждавшаяся на II съезде ПБСП 20-летняя экономическая программа, на которую в Бирме возлагают большие надежды.

Выступая на II съезде ПБСП, председатель партии У Не Вин призвал «оживить экономку с помощью 20-летнего и 4-летних планов»²², выдвинув три основные задачи 20-летнего плана: 1) вдвое поднять за этот срок жизненный уровень населения; 2) преобразовать страну из аграрной в аграрно-индустриальную; 3) развивать «социалистические производственные отношения»²³.

Таблица 4

Удельный вес отдельных отраслей народного хозяйства
в валовом национальном продукте (в %)*

Отрасль	1973/74	1993/94 (план)
Земледелие	25,7	20,9
Животноводство и рыбное хозяйство	7,8	6,3
Лесное хозяйство	2,6	2,1
Добывающая промышленность	1,2	1,3
Обрабатывающая промышленность	11,5	22,1
Электротехника	0,7	1,4
Строительство	1,9	2,4
Транспорт	5,8	7,8
Связь	0,3	0,4
Финансы и кредит	1,2	1,0
Социальные услуги и управление	9,2	7,7
Сдача в аренду жилых помещений и другие услуги	7,1	5,9
Торговля	25,0	20,5

* «Лоута пьиду нэйзин», 6.XI. 1973.

Установлена следующая последовательность выполнения важнейших задач 20-летнего плана: развитие земледелия, животноводства и рыбного хозяйства, лесного хозяйства. Экспорт их избыточной продукции; создание промышленности для переработки увеличивающегося объема сельскохозяйственной продукции, а также для производства тех видов продукции, которые сейчас импортируются; расширение добывающей промышленности и создание тяжелой промышленности.

Ключевым вопросом считается создание резервов риса для экспорта с целью увеличения валютных поступлений. Значительное увеличение экспорта риса в ближайшие годы названо на II съезде ПБСП стратегической задачей второго четырехлетнего плана экономического развития (1974/75—1977/78 гг.)²⁴. Трудности с накоплением экспортных излишков объясняются не столько колебаниями урожая, сколько из года в год снижающимся объемом государственных закупок риса (см. табл. 5, 6).

Чтобы стимулировать продажу риса, правительство Бирмы 10 мая 1973 г. сняло государственный контроль над торговлей рисом и пшеницей внутри страны. В октябре 1973 г. были повышены в среднем на 40% государственные закупочные цены на рис и введена свобод-

²² "The Working People's Daily", 9.X. 1973.

²³ «Правда», 8.XI. 1973.

²⁴ "The Working People's Daily", 8.XI. 1973.

ная торговля его излишками после обязательной продажи определенного минимума государству²⁵.

Нормы обязательной продажи производителями риса государству установлены в Бирме впервые. Как писали бирманские газеты, они введены для того, чтобы обеспечить устойчивый рост уровня экспорта и гарантировать тем самым плановые поступления инвалюты в бюд-

Таблица 5

Производство риса (млн. т)*

1961/62	1964/65	1969/70	1970/71	1971/72	1972/73 (предварит. оценка)
6,7	7,37	7,8	8	8	7,24

* «Доклад бирманского правительства народу о бюджете на 1973/74 год». Рангун. 1973, стр. 57.

Таблица 6

Объем государственных закупок риса (в млн. т)*

1964/65	1965/66	1966/67	1967/68	1968/69	1969/70	1970/71	1971/72	1972/73**
4,01	3,24	2,01	2,16	3,0	2,96	2,95	2,21	1,24

* «Доклад бирманского правительства народу о бюджете на 1973/74 год». Рангун. 1973, стр. 140—141.

** Предварительная оценка, в том числе закупки риса кооперативам.

Таблица 7

Экспорт Бирмы (млн. чжа)*

1961/62	1962/63	1963/64	1964/65	1967/68	1970/71	1971/72	1972/73 (первое полугодие)
1271	1270	1141	1089	520	591	686	296,5

* «Доклад бирманского правительства народу о бюджете 1973/74 г.». Рангун. 1973, стр. 149; «Чжемоун», 17. XI. 1973.

жет. Газета «Чжемоун» отметила, что вторым 4-летним планом предусмотрено «создать излишки продукции, которые позволяли бы довести ежегодный экспорт до суммы 1 млрд. чжа»²⁶. Насколько серьезна эта проблема для страны, можно судить хотя бы по тому, что начиная с 1964/65 финансового года экспорт Бирмы постоянно снижался и в 1967/68 г. составил всего 520 млн. чжа (см. табл. 7)²⁷. Это стало одной из основных причин трудностей в выполнении экономических планов.

В связи с третьей основной задачей 20-летнего плана, которой является «создание социалистических производственных отношений»,

²⁵ «Лоута пьиду пейзин», 19.X. 1973.

²⁶ «Чжемоун», 17. XI. 1973.

²⁷ Там же.

должны произойти, говорится в директивах II съезда, изменения в структуре форм собственности. Если в 1973/74 финансовом году доля государственного сектора составит 34,8%, кооперативного — 8,5, частного — 56,6, то к 1973/94 году доля госсектора составит 48, кооперативного — 26, частного — 26%²⁸.

Целью этой экономической программы переходного периода объявлено «в течение 20 лет заложить экономические, социальные и политические основы социализма»²⁹. Ее авторы позаботились о том, чтобы подчеркнуть антикапиталистическую направленность предусмотренных ею экономических преобразований и мер: «20-летний долгосрочный план Бирманского Союза не является проектом или программой, которые характерны для капиталистических стран»³⁰.

Знакомая с 20-летней программой, нельзя не обратить внимания на то, что в ней учтены некоторые допущенные ранее ошибки, в частности недооценка экономических факторов. Впервые в документах, касающихся принципов работы государственных предприятий, прямо говорится: «Организовать работу предприятий на коммерческих принципах, считая получение прибыли критерием успешной деятельности; применять систему материального стимулирования»³¹. Директивы призывают «эффективно поощрять капиталовложения со стороны частных предпринимателей».

Меры, предпринимаемые в рамках положений новой конституции и имеющие целью использовать в общенациональных интересах частный капитал, вызвали известное оживление частного предпринимательства. Например, уже за первый месяц после опубликования этого постановления только в 4 районах Рангуна (Чжауктада, Пабадан, Лата и Ланмадо) зарегистрировалось около 400 мелких предпринимателей — владельцев пошивочных и мебельных мастерских, парикмахерских, закусовых и т. д.³². Вместе с тем обладатели более крупного капитала не спешили вкладывать его в экономику, опасаясь за судьбу своих вкладов. Очевидно, они ждут принятия соответствующих законодательных актов, гарантирующих частные капиталовложения.

Одновременно среди некоторой части предпринимателей появились надежды на реставрацию прежних порядков. Подобные надежды высказывались и в некоторых органах буржуазной печати Запада. Доклад о директивах по долгосрочному экономическому планированию, сделанный ЦК ПБСП на ее II съезде, опроверг эти домыслы врагов социалистического пути Бирмы³³.

Политика использования частного национального капитала в экономическом строительстве Бирмы не имеет в виду допуск национальной буржуазии к власти. В этом отношении в стране существует ряд законов, запрещающих участие эксплуататорских элементов в массовых организациях и в кооперативах. Социально-экономические преобразования, осуществленные Революционным советом, в значительной мере подорвали политические и экономические позиции эксплуататорских классов. Бирманская революция развивается в конкретных исторических условиях, когда на международной арене все больше обозначается перевес сил социализма над капитализмом, сил мира

²⁸ "The Working People's Daily", 6.XI. 1973.

²⁹ «Лоута пьиду нейзин», 5.XI. 1973.

³⁰ «Лоута пьиду нейзин», 8.XI. 1973.

³¹ Там же.

³² «Лоута пьиду нейзин», 13.XI. 1973.

³³ «The Working People's Daily», 5.XI. 1973.

и социального прогресса над империалистической политикой подавления свободы народов и неоколониалистского грабежа. Как часть всемирного процесса национального и социального освобождения, эта революция имеет естественных союзников в лице стран социализма, всех революционных и демократических сил.

В наши дни международная атмосфера в большей степени, чем раньше, благоприятствует решению трудных задач политического и экономического развития, которые стоят перед Бирмой. Разрядка напряженности, за которую последовательно борются СССР и другие социалистические страны, все миролюбивые государства, способствует делу национального и социального освобождения народов Азии.

Изменилось к лучшему положение и на бирманско-тайландской границе. Между бирманской и тайландской сторонами возникло большее взаимное понимание в отношении совместных действий против подрывной деятельности каренских и шанских феодальных сепаратистов и реакционной бирманской эмиграции. Нетерпимым признано пребывание У Ну в Бангкоке. Тайландские власти в последнее время выдали Бирме, по ее требованию, главаря китайско-шанских мятежников, действовавших в районе бирманско-тайландской границы, «опиумного короля» так называемого «Золотого треугольника» Ло Син-ханя и некоторых его сообщников³⁴. Бирманская сторона оценила этот шаг как проявление добрососедства, поскольку между двумя государствами нет соглашения о выдаче государственных преступников.

Однако враждебные бирманской революции внешние силы не оставляют попыток помешать ей. Это, с одной стороны, воинствующие империалистические круги, стоящие за правыми буржуазными и феодально-сепаратистскими силами, действующими внутри Бирмы и за ее пределами. С другой стороны, это маоистское руководство Китая, поддерживающее повстанцев организации «Белый флаг» и некоторые национальные группы, реакционное руководство которых следует за Пекином.

В период референдума и подготовки к выборам феодально-сепаратистские и правые буржуазные элементы, добивающиеся восстановления былых привилегий, а также «лево»-экстремистские вооруженные группы «Белого флага» одновременно выступили на востоке, юге и севере страны. В их арсенале были угрозы, диверсии, саботаж и убийства. Их жертвами стали активисты избирательной кампании и рядовые избиратели.

Бирманские газеты писали, что целью поддерживаемых Пекином повстанцев было создание «освобожденного» района на северо-востоке страны и что в их рядах находились «иностранцы командиры и советники со значками Мао Цзэ-дуна»³⁵. Операции против этих групп, в ходе которых были захвачены китайские пленные, оружие и документы пекинской фабрикации, не оставили сомнений в том, что бирманских повстанцев поддерживает маоистский Китай³⁶.

Очевидно, что Пекин, стремясь к укреплению своего влияния в этом районе мира, ведет двуличную политику в отношении независимой Бирмы, как, впрочем, и в отношении ряда других стран Азии. Официально он заверяет бирманское правительство в дружбе и же-

³⁴ «Известия», 8.VIII.1973. «Золотой треугольник» — глухой район северного Таиланда, средоточие опиумных плантаций, крупный центр нелегального производства наркотиков.

³⁵ «Лоута пьиду пейанн», 18.XII.1973.

³⁶ «Известия», 22.XII.1973 г.; «Правда», 1.III.1974.

лании развивать взаимовыгодные отношения с ним и в то же время поддерживает реакционные антиправительственные силы.

Характерное для Пекина бесцеремонное обращение с границами и территорией своих южных соседей проявляется и в отношении Бирмы. Китайские пограничные претензии к Бирме возникли еще в 1956—1957 гг., когда Пекин потребовал «вернуть» Китаю 70 тыс. кв. км бирманской территории³⁷, которую он рассматривает в целом как «васальную» еще со времен китайских императоров. Причем и действует он здесь в духе средневековых властителей «Поднебесной», вмешиваясь в дела Бирмы, угрожая ей и распоряжаясь частью ее территории. По сообщениям зарубежной печати, на территории Бирмы и сейчас находится несколько тысяч китайских солдат, размещенных в радиусе 50 миль от китайской границы³⁸.

Пекин использует антибирманские настроения феодально-общинных кругов национальных меньшинств, лишенных Революционным советом былых феодальных привилегий.

Группа бирманских журналистов, посетившая в декабре 1972 г. район Лашио — Коканг на северо-востоке Бирмы, обнаружила, что с китайской стороны ведется контрабандная торговля. И она ведется так широко, что серьезно подрывает экономическую политику правительства в этих районах. Как выяснили эти журналисты, здесь в последнее время вообще наблюдается засилье китайских торговцев³⁹. Бирманские журналисты обнаружили также, что из плодородной долины Чжайтоуна (Кентунг) бирманский рис контрабандой уходит за кордон⁴⁰. Оказывается, пропекинские повстанцы заставляют местное население сдавать часть риса китайским войскам. Описанные факты в сопоставлении с сообщениями о присутствии китайских солдат заставляют задуматься: не происходит ли в некоторых северных районах Бирмы «тихой», «ползучей» оккупации части ее территории китайским населением с ведома и по заданию Пекина?

Конечно, китайская политика в отношении Бирмы — это неблагоприятный фактор с точки зрения условий развития бирманской революции. Но она определяет сегодня международные позиции Бирмы.

Бирманская революция пользуется поддержкой Советского Союза и других социалистических стран.

Принципиальный и последовательный курс СССР на поддержку борьбы народов за свое национальное и социальное освобождение со всей убедительностью подтвердил и XXIV съезд КПСС. «КПСС неизменно верна ленинскому принципу солидарности с народами, борющимися за национальное и социальное освобождение,— говорится в Резолюции съезда,— как и прежде, на полную поддержку нашей страны могут рассчитывать борцы против оставшихся колониальных режимов. Особое значение съезд придает расширению сотрудничества со странами социалистической ориентации»⁴¹. Укрепление союза сил социализма и национальной демократии — это требование сегодняшнего дня. Оно на пользу всем силам мирового революционного процесса, в том числе национально-демократическим движениям в молодых государствах.

³⁷ «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 60—61.

³⁸ «Правда», 21.III.1974.

³⁹ Те й н Пе Мь и н. Ашемья тайн тагвин. Рангун, 1973, стр. 15—18.

⁴⁰ «Ботатаун», 21—22.XI.1973.

⁴¹ «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». М., 1971, т. II, стр. 223.

ИДЕОЛОГИЯ

Современный этап идеологической борьбы против маоизма

О. Е. Владимиров

На современном этапе идеологическая борьба с маоизмом — важный фактор укрепления единства международного коммунистического и рабочего движения, действенной интернациональной поддержки дела социализма в Китае.

Ущерб, наносимый маоистами делу мира и социализма, измеряется сегодня не только тем, что они дают возможность классовым противникам использовать политический вес КНР. Он выражается и в том, что идеология маоизма активно эксплуатируется проповедниками антикоммунизма, «левыми» и правыми оппортунистами, поборниками «национальных моделей» коммунизма.

Усилиями маоцзэдуновской группировки в Китае создается политический режим, отвечающий лишь тем извращенным представлениям о социалистическом общественном строе, которые насаждаются антикоммунистической пропагандой. Экономические бедствия, произвол, внешнеполитические авантюры, порожденные действиями Мао Цзэ-дуна и его окружения, конечно, не имеют отношения к идеям научного социализма Маркса, Энгельса, Ленина, вдохновляющим коммунистическое движение. Но такого рода карикатуру на социализм империалистическая пропаганда старается изобразить естественным следствием социалистической революции.

Марксистско-ленинские партии не могут занимать по отношению к событиям в Китае позицию равнодушного наблюдателя по той причине, что там сейчас поставлены на карту социалистические завоевания трудящихся. Встать на такую позицию «нейтральности» значило бы забыть свой интернациональный долг перед народом Китая, перед Китайской коммунистической партией. Те же самые чувства интернациональной солидарности, которые заставляли коммунистов и революционеров всего мира, в том числе нашу партию, всех советских людей, оказывать всемерную помощь китайскому народу в его революционной борьбе и строительстве социализма, не позволяют нам сегодня бесстрастно взирать на деятельность Мао Цзэ-дуна и его группы, играющих судьбой социализма в Китае.

Вот почему требуется решительное и последовательное разоблачение маоизма как идеологии, в корне враждебной интернационалистскому мировоззрению рабочего класса. Приходится считаться с тем фактом, что марксисты-ленинцы вынуждены вести борьбу на два фронта — и против империализма, и против маоизма, который, прикрываясь революционной фразеологией, знаменем марксизма-ленинизма, фактически выступает пособником империалистических сил.

Китайский вопрос в современных условиях перестал быть проблемой, затрагивающей лишь отношения между СССР и КНР, как пытаются представить дело ревизионисты и их подголоски. Отношение

к теории и практике маоизма и его творцу, четкая классовая позиция по этому вопросу стали своего рода водоразделом между друзьями и недругами Советского Союза, между подлинными марксистами-ленинцами и оппортунистами.

Опираясь на плодотворные итоги международного Совещания 1969 г., марксистско-ленинские партии дали отпор попыткам маоистов расколоть коммунистическое движение в организационном отношении. Были парализованы и распались многие зарубежные пропекинские группировки. Маоизм оказался в состоянии изоляции в мировом коммунистическом движении, в международных прогрессивных демократических организациях. Однако борьба против теории и практики маоизма еще далека от завершения.

Антимарксистские взгляды маоистов по вполне понятным причинам с сочувствием встречены всеми врагами коммунизма. По этому поводу не раз высказывались такие фигуры, как Бжезинский, Менерт, Шварц, Шрам и т. д. В последнее время еще более четко обозначилось идейно-политическое смыкание маоизма с антикоммунизмом, правым и «левым» ревизионизмом, реформизмом и различными разновидностями реакционного национализма. Буржуазная пропаганда, многие десятки лет злобно клеветавшая на социализм, ныне приняла позу доброжелателя «китайской модели социализма», восхваляя «культурную революцию», подчеркивая, что она была направлена на «сохранение Китая для социализма».

Антикоммунистические теоретики активно включились в работу, чтобы доказать связь маоизма и пресловутой «культурной революции» с марксизмом. Так, например, американский синолог М. Линдсей утверждает, что «большой скачок» и «культурная революция» якобы логически вытекают из марксистского учения о базисе и надстройке. Другой американский китаист, Дж. Арчер, в недавно выпущенной хвалебной книжке о Мао Цзэ-дуне утверждает, будто «культурная революция» была задумана для того, чтобы «закалить молодежь в революционных боях и предотвратить возможность перерождения коммунизма...». В опубликованной американскими учеными Э. Уилрайтом и Б. Макафэрлейном работе под названием «Китайский путь к социализму» хотя и содержится вынужденное признание, что до 1958 г. Китай при помощи Советского Союза, «используя советскую модель экономической стратегии, добился значительных успехов в деле социалистического строительства», сделана попытка изобразить СССР виновником последующих трудностей Китая, вызванных, как известно, лишь и только лишь авантюристической политикой Мао. Эти авторы утверждают, что политика «культурной революции» и маоизм «опережают» и «предопределяют» ход социально-экономических преобразований человеческого общества. Подобные идейки протаскиваются также в работах Т. Треджера, У Юань-ли и многих других буржуазных китаеведов.

Антикоммунисты и ревизионисты в последнее время на все лады расхваливают политику группы Мао, усердно стараются создать приукрашенный образ маоистского Китая. Побывав в нескольких «маоистско-потемкинских» городах или деревнях, эти люди умиляются по поводу достижений режима Мао, восхищаются, например, «обилием овощей на рынке», «достойным уровнем жизни народа» и т. д., умалчивая, однако, о том, что продовольствие в КНР распределяется по карточкам, что рабочие получают мизерную заработную плату, что более 20 млн. человек содержатся или в лагерях принудительного труда, или в так называемых школах перевоспитания («школы 7 мая»).

Ревизионисты и оппортунисты правого и «левого» толка вслед за буржуазными теоретиками дружно включились в хор прославления «культурной революции». Это явление получило название «гародизации маоизма». Французский правый ревизионист Р. Гароди пытается трактовать маоистскую «культурную революцию» как «новую» революционную модель социализма. Разрыв маоизма не только с марксизмом-ленинизмом, но нередко даже с элементарной логикой Гароди стремится оправдать «историческими условиями» развития Китая, особенностями «крестьянской модели социализма».

Эту тенденцию смыкания маоизма с теориями сторонников ревизионизма всех мастей и откровенных антикоммунистов имел в виду Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, когда говорил: «Именно на националистические тенденции, и в особенности те из них, которые принимают форму антисоветизма, буржуазные идеологи, буржуазная пропаганда охотнее всего делают ныне ставку в борьбе против социализма и коммунистического движения. Они подталкивают оппортунистические элементы в компартиях к своего рода идеологической сделке. Они как бы говорят им: докажите, мол, что вы антисоветчики, а мы будем готовы провозгласить, что вы-то и есть подлинные «марксисты» и занимаете вполне «самостоятельные позиции»¹.

Международное коммунистическое движение, сознавая всю ответственность перед мировым революционным движением, перед историей, взяло на себя груз многолетней и тяжелой борьбы против маоизма. Было очень важно раскрыть перед международной общественностью идейную порочность теории и практики маоизма, показать его абсолютную несовместимость с марксизмом-ленинизмом. И эту задачу марксистско-ленинские партии выполняют с честью, что особенно наглядно проявилось на московском Совещании 1969 года.

Весьма существенной стороной разоблачения маоизма является анализ содержания и направленности «идей Мао Цзэ-дуна» с точки зрения трех составных частей марксизма-ленинизма — философии, политической экономии, научного социализма. Существует мнение, что маоизм как доктрина весьма противоречив и эклектичен, что он не заслуживает того, чтобы к нему подходили со столь высокой меркой. Это мнение не беспочвенно. Однако нельзя не учитывать того, что имеются определенные и довольно многочисленные круги прогрессивной общественности, которые считают маоизм как минимум «китаизированным марксизмом» или даже «новым словом в марксизме». Эти круги с осуждением относятся к подрывным акциям китайского руководства в коммунистическом движении и в антиимпериалистической борьбе. Они открыто говорят о своем возмущении злым антисоветизмом китайского руководства. Вместе с тем они отождествляют группу Мао Цзэ-дуна, идеологию маоизма с китайской революцией, завоеваниями социализма в Китае, теми большими социально-экономическими изменениями в стране, которые произошли после образования КНР, особенно в первое десятилетие.

Есть еще случаи, когда принципиальная и острая критика теории и практики маоизма рассматривается чуть ли не как вмешательство во внутренние дела Китая, а борьба коммунистических партий против маоизма иногда квалифицируется как «антикитайская кампания». Иной раз раздаются призывы к терпимости, к снисхождению, к «пониманию», смахивающему на беспринципность. При этом утверждается, что,

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М., 1973, стр. 339.

дескать, неизбежные всплески национализма в Китае со временем пройдут и все станет на свои места. Заявляется также, что если маоизм очистить от антисоветизма и некоторых националистических крайностей, то он вполне сойдет за марксизм-ленинизм.

Сторонники подобных точек зрения рассматривают существо маоизма и идейно-политическую борьбу марксистско-ленинских партий против этого течения через призму крайне ошибочного понимания. Они не особенно стремятся проникнуть в суть позиции маоизма по коренным проблемам мирового развития и строительства социализма, в глубину тех проблем, вокруг которых идет принципиальная борьба.

Все это свидетельствует о необходимости показать с позиции марксистско-ленинского учения, что марксизм и маоизм — вещи абсолютно несовместимые. Это общее положение требует всесторонней теоретической разработки. В. И. Ленин говорил, что верное теоретическое решение обеспечивает прочный успех в агитации.

Важное значение в борьбе с маоизмом приобретает вопрос о выработке единых и точных концепций в оценке маоизма, с одной стороны, и необходимости давать отпор попыткам маоистов дискредитировать и опошлить основные понятия марксистско-ленинского учения — с другой.

Мы не можем быть спокойными созерцателями, когда маоизм и маоисты демагогически извращают и компрометируют такие марксистские понятия, как «диктатура пролетариата», «культурная революция», «социализм», «интернационализм», «коммунистическая партия», «революция».

Как известно, в качестве идейного завещания В. И. Ленин оставил работу «О значении воинствующего материализма». Для марксистов-ленинцев, как и прежде, полностью сохраняет свое значение призыв подходить к нашим идейным противникам именно с позиций воинствующего материализма, то есть принципиально. В борьбе против маоизма необходимо исходить из того, что суть дела не в отдельных ошибках Мао Цзэ-дуна и его окружения. От ошибки, как известно, никто не застрахован.

Суть дела в позиции, а позиция эта и с классовой, и с теоретической, и с политической точек зрения является антимарксистской, антисоциалистической.

Поэтому, когда критику маоизма сводят к осуждению отдельных ошибок и практических действий Мао Цзэ-дуна, не указывая на то, что эти действия и ошибки есть отражение главной линии маоизма, то такая критика мало чем помогает принципиальной борьбе с маоизмом. Скорее, она уводит от такой борьбы и объективно помогает маоизму продолжать эксплуатировать марксизм-ленинизм, социалистические лозунги в своих корыстных целях.

IX и X съезды КПК и последующие события в Китае ознаменовали собой новую, более опасную фазу в политике руководящей верхушки Китая, полностью обнажили подлинную социальную сущность и политическую направленность «маоизма». Из уклона внутри мирового коммунистического движения маоизм превратился в особое политическое течение, враждебное социализму, и выступает ныне как один из опаснейших противников мирового коммунистического движения.

Социальная природа «маоизма» определяется его связью с мелкобуржуазными, непролетарскими слоями китайского общества, их идеологией, психологией, характером и привычками.

Хорошо известно, что мелкобуржуазные политические течения могут быть разными не только по идейной оболочке, но и по основной

политической направленности. В этом отражаются сложность и противоречивость самой природы мелкой буржуазии, ее идеологии и политики.

С одной стороны, рабочий класс видит в мелкобуржуазных массах, в первую очередь в крестьянстве, своего естественного союзника. Сегодня значение союза международного рабочего класса и социалистического содружества с мелкобуржуазными массами, прежде всего трудовым крестьянством Азии, Африки, Латинской Америки, становится главным условием победы социализма в мировом масштабе.

С другой стороны, марксизм-ленинизм никогда не идеализировал мелкую буржуазию. Еще Ленин подчеркивал ее двойственный характер. Наряду со жгучей ненавистью к угнетателям, способностью к революционному порыву ей свойственны слабая организованность, неясность представлений об идеале общественного устройства и путях достижения своих целей, политическая неустойчивость, выражающаяся в колебаниях от ультрареволюционных взрывов к отчаянью и разброду, восприимчивость к отсталым или даже реакционным идеям. Именно из этого понимания характера мелкой буржуазии исходил Ленин, когда учил рабочее движение, что «историческая задача пролетариата — переваривать, перевоспитывать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него», чтобы он всеми силами сопротивлялся попыткам мелкобуржуазных идеологов «навязывать свои «теории», свое мирозерцание, т. е. свою ограниченность рабочей партии...»². Марксисты-ленинцы всегда видели в руководящей роли рабочего класса непременное условие своего союза с мелкобуржуазными слоями трудящихся.

В Китае рабочему классу пока не удалось обеспечить себе такую роль. Наоборот, усилиями маоцзедуновского руководства мелкобуржуазные взгляды и установки были воплощены в официальную политику партии и государства. При этом важной особенностью «маоизма» является то, что в нем нашли свое выражение мелкобуржуазные взгляды и установки самой дурной разновидности. Они отягощены пережитками феодального прошлого, крайним национализмом и шовинизмом, которые выражают настроения наиболее отсталых и опасных в политическом смысле прослоек класса китайской мелкой буржуазии.

«Маоизм» является, в частности, большим шагом назад от наследия Сунь Ят-сена, которого Ленин по праву считал «подлинным выразителем крестьянской демократии». Это шаг назад к старым китайским традициям военного произвола и деспотизма. Сейчас очевидно, что «маоизм» выражает интересы не столько крестьянской демократии, сколько иных мелкобуржуазных течений.

Многое говорит за то, что маоцзедуновская группировка действует в духе традиций и методов старых китайских милитаристов. Дело не меняется оттого, что ее путь к военному деспотизму был положен через различные ультралевые, сектантские и догматические лозунги, шумную критику мнимого «ревизионизма» других коммунистических партий, крики о непримиримости в борьбе против империалистов.

События в Китае с особой силой показали, что на мелкобуржуазной почве могут вырастать политические течения, которые не только перестают быть союзниками пролетариата, но и становятся его противниками.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 107.

История нашей партии давала такие примеры. Хотя в целом революционному рабочему классу России удалось установить союз с крестьянством, что и обеспечило его победу, история советской страны знает немало эпизодов, когда мелкобуржуазные политические течения и организации превращались в злейших врагов рабочего класса и социалистической революции. Достаточно напомнить о левоэсеровских бунтах, махновщине, Кронштадтском мятеже. Теперь нечто подобное происходит в Китае, где политическое течение «маоизма» подняло «бунт» против социалистического строя, превратилось в противника социалистического содружества, мирового рабочего и коммунистического движения.

Это оказалось возможным в силу ряда объективных условий развития Китая. Но решающую роль здесь сыграл субъективный фактор, о чем уже неоднократно отмечалось в наших публикациях.

Особо вредные последствия для внутренней жизни Китая и его внешней политики имел культ личности Мао Цзэ-дуна, который уже многие годы тяжелым бременем давит на КПК и весь китайский народ. Одним из его проявлений были и остаются жестокие репрессии в отношении всех несогласных с Мао, его «идеями» и политикой. Еще в 1941—1944 гг. в КПК была проведена так называемая «кампания по упорядочению стиля», в ходе которой были деморализованы или физически уничтожены тысячи честных коммунистов, единственная «вина» которых состояла в том, что они критиковали диктаторские методы Мао Цзэ-дуна, не принимали многих его «идей», выступали за укрепление интернационалистических связей с другими коммунистическими партиями, в первую очередь с КПСС.

После победы революции культ личности Мао Цзэ-дуна принимал все более уродливые формы, перерастая в настоящее идолопоклонство, которое требовало все новых и новых жертв. Чистки и репрессии в партии продолжались и достигли своей кульминации во время пресловутой «культурной революции» и нынешней кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

Все это и создало благоприятные условия для узурпации власти в партии и стране группировкой Мао Цзэ-дуна, осуществления контрреволюционного переворота и установления военно-бюрократической диктатуры этой группировки.

В целом для понимания соотношения марксизма-ленинизма и маоизма имеет важное значение ленинское определение природы мелкобуржуазной идеологии, стихийно склоняющейся к социализму. «Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм... крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов»³. Используя отдельные категории марксизма-ленинизма (диалектика, материализм, социализм, диктатура пролетариата и т. п.), маоизм наполняет их своим, антимарксистским содержанием. Идея и лозунги маоизма в зависимости от потребности момента метафизически переносятся из одной сферы в другую, возводятся в абсолют и на практике обычно ведут к провалам.

* * *

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 88.

Социальный облик, социальная природа тех или иных политических течений выявляются уже в их идеологии. Это заставляет коммунистическое движение внимательней приглядеться к «идеям Мао Цзэ-дуна», тем более что руководимая им группировка в китайском руководстве заявляет, что они «являются вершиной марксизма-ленинизма в современную эпоху».

Уже сами такие претензии, как отмечалось выше, и вызывают необходимость сопоставить марксизм-ленинизм с «маоцзэдунизмом», с «идеями Мао».

Разумеется, было бы упрощением утверждать, что в многочисленных работах Мао Цзэ-дуна вообще нет ничего от марксизма. На протяжении многих лет он старался выступать как марксист — иначе и не могло быть, если учесть, что Мао работал в коммунистической партии, связанной с мировым коммунистическим движением, вел упорную и длительную борьбу за право стать ее руководителем. Надо учитывать и то обстоятельство, что в начале 50-х годов сочинения Мао Цзэ-дуна задним числом подвергались основательному редактированию и в них многое было исправлено, пополнено более зрелыми теоретическими положениями. Другой вопрос, что и в переработанном варианте изложение многих марксистских положений было далеко не безупречным — каждому компетентному читателю не может не броситься в глаза немало ошибок, вульгаризаций и извращений марксизма-ленинизма.

Но, говоря о соотношении «идей Мао Цзэ-дуна» с марксизмом, сегодня никак нельзя сводить дело к вопросу, были ли вообще в его трудах марксистские положения и есть ли в них ссылки на произведения Маркса, Энгельса, Ленина (кстати, цитируются они много реже, например, Конфуция и других древних китайских мудрецов и старых китайских притч). Речь идет о другом — какое мировоззрение пытается нынешнее маоистское руководство привить китайским трудящимся в виде «идей Мао», какую идеологию оно противопоставляет идеям мирового коммунистического движения.

Это главное. И здесь как раз и обнаруживается подлинное отношение правящей группировки Китая к марксизму-ленинизму.

Никто, конечно, не ожидает, чтобы идейная платформа Мао Цзэ-дуна и его единомышленников ни на йоту не отличалась от идеологии других коммунистических партий. Идеология КПК неизбежно должна была нести на себе печать своеобразия китайской жизни и выдвигаемых ее объективными условиями специфических задач. В конце концов не кто иной, как Ленин, ожидал самостоятельной работы мысли от поколения марксистов, вступившего в борьбу в ту эпоху, когда на политическую арену вышли многомиллионные массы крестьянства. В связи с этим Ленин ставил задачу «перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа», «опираясь на общекommунистическую теорию и практику... применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»⁴.

Именно поэтому поначалу не вызывал особого беспокойства выдвинутый Мао Цзэ-дуном лозунг о необходимости «китаизировать» марксизм. Однако постепенно стало выявляться, что речь шла отнюдь

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 329—330.

не о том, чтобы научиться применять и пропагандировать это учение в соответствии с конкретными условиями Китая, с учетом уровня культуры и образованности масс, наконец национальных традиций духовной жизни. «Китаизация» марксизма на деле оказалась путем к его подмене — подмене тем набором идей, которые как раз и составляют сущность «маоизма».

«Идеи Мао» трудно воспринимать как цельное и оригинальное учение — речь, скорее, идет о мировоззрении, к которому вполне применимы слова Маркса о бакунизме: «поверхностная, надерганная отовсюду мешанина». И тем не менее — это определенная идеология, которая противопоставляется марксизму-ленинизму по всем коренным проблемам и направлениям, по всем главным составным частям этой научной теории.

Возьмем, например, вопрос о соотношении марксистско-ленинской философии и маоизма. Методологической основой маоистской идеологии и политики является извращенное толкование и абсолютизация противоречий. Фетишизация социальных противоречий, непонимание их подлинной природы есть отражение противоречивости самого общественного бытия мелкобуржуазных слоев города и деревни, под влиянием которых находился и находится Мао Цзэ-дун. «Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное, как воплощенное общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является на практике...»⁵

Марксистские теоретики, которые есть во всех коммунистических партиях, также без особого труда уличат Мао Цзэ-дуна в том, что, например, диалектику он, по существу, подменяет типично мелкобуржуазными софизмами вроде того, что «бедность лучше богатства», «война есть путь к миру» и т. д., и в то же время извращает марксистскую теорию познания и основные законы диалектики. Не вызывает у них сомнений и тот факт, что Мао Цзэ-дуну оказались чужды идеи диалектического материализма. Отказываясь считаться с материально-техническими и экономическими условиями как основой социальных преобразований, игнорируя реальные интересы широких масс, «маоизм» практически порывает с материалистическим пониманием истории и превращается в некую разновидность субъективного идеализма.

Разрыв Мао Цзэ-дуна и его единомышленников с марксизмом в коренных вопросах мировоззрения нельзя объяснить лишь слабой философской подготовкой и недостаточной теоретической зрелостью или только сильным влиянием мелкобуржуазных взглядов. Дело, скорее, в другом — в намерении лишь прикрыться марксизмом, а на деле использовать его авторитет для обоснования политики, не имеющей ничего общего с марксизмом, с интересами трудящихся.

Особенно наглядно это проявляется в важнейшем вопросе об объективных закономерностях развития общества. Если говорить о сути «маоизма» как мировоззрения, то она состоит прежде всего в доведенном до предела субъективизме, волюнтаризме, выражает стремление «обмануть» историю, «перехитрить» объективные закономерности общественного развития.

Ахиллесовой пятой маоистов можно считать их подход к вопросам экономической теории и политики. Для каждого, кто читал произведения Мао Цзэ-дуна, ясно, что для него даже школьные истины из области политэкономии остались тайной за семью печатями. Кроме

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 412.

цветистых определений типа: «империализм — бумажный тигр» и лозунгов о «большом скачке» и «народной коммуне», кроме глубокомысленных указаний, что в развитии экономики надо «идти на двух ногах», «держаться за два конца и толкать середину», ничего другого в «идеях Мао» по вопросам экономической теории найти невозможно.

То, что маоистами выдается за «теорию» — это набор субъективных установок относительно политического, идеологического воздействия на производителя и экономический механизм, набор, выражающий идеалы мелкобуржуазного, «казарменного социализма». Маоистские установки противоречат объективным потребностям развития народного хозяйства Китая и основным законам социализма — прежде всего закону планомерного, пропорционального развития, принципам неуклонного роста производительности труда и распределения по труду. Поэтому-то за каждой попыткой претворить маоистские догмы в жизнь, так сказать в «чистом» виде, следует катастрофический провал. Так было в период «большого скачка» в 1958—1959 гг., так было и в период «культурной революции».

Ничего общего маоизм не имеет с научным коммунизмом. Он представляет собой набор субъективных установок о насильственном преобразовании общества в духе мелкобуржуазных и националистических взглядов на социализм. Идеино-теоретическая ограниченность маоизма наглядно проявилась в его неспособности предложить позитивную программу деятельности, сколько-нибудь последовательную и стабильную ориентацию партии и страны на длительную перспективу. Характерно, что X съезд КПК обошел полным молчанием основные проблемы, вставшие перед партией и страной после «культурной революции».

Научному социализму Маркса, Энгельса, Ленина совершенно чужда идея искусственного заострения обстановки, перескакивания через этапы, не исчерпанные до конца, не изжитые массами. Великая роль революционной активности, признаваемая всеми коммунистами, никогда не смешивалась марксистами-ленинцами с пустым «революционаризмом» или «боевизмом» (термины, которые применял В. И. Ленин для характеристики сползания от революционной теории к революционной фразе).

Между тем так называемые «идеи Мао Цзэ-дуна» вроде, например, модного лозунга «Бунт — дело правое» есть именно подмена марксистской научной теории анархизмом, тем, что в России получило название эсеровщины, и им подобными политическими взглядами. Марксистские революционеры никогда не называли себя «революционерами-бунтовщиками», они никогда не призывали к «крайним действиям» во что бы то ни стало, никогда не утверждали, что цель оправдывает средства. Такие идеи были распространены лишь в мелкобуржуазных политических течениях, которые колеблются между революцией и реакцией.

Многие лозунги Мао Цзэ-дуна, например «острие против острия», «политика — командная сила», «винтовка рождает власть» и другие, представляют собой грубейшее извращение пролетарской теории классовой борьбы, сведение ее к давно раскритикованной марксизмом теории насилия. Даже путь к решению задач социалистического строительства китайские идеологи сводят к «напряжению революционной воли», а возникающие объективные препятствия, ведущие к неудачам, рассматриваются как результат чьих-то злонамеренных действий.

Из этой маоцзэдуновской философии родились в Китае устрашающее развитие средств принуждения, боязнь всякой независимой мысли и слова, их безжалостное подавление. Не имея верного компаса в сложных классовых отношениях современного Китая, мнимореволюционная политика маоцзэдуновского правительства переходит в традиционное государ-

стенное насилие над массами. Худшие элементы общества пользуются этой системой демагогии и устрашения для своих низменных, карьеристских целей. Да и сама политика Мао не стесняется в средствах. Для нее характерны всяческие инсценировки и провокации, «стрельба по своим», полная беспринципность — одним словом, такие приемы, которые в корне были отвергнуты марксизмом еще в эпоху его борьбы с анархистами в Первом Интернационале.

Маонизм — полный антипод ленинизму, всем марксистским традициям общественной мысли.

Научный социализм Маркса, Энгельса, Ленина есть вывод из всей предшествующей духовной культуры человечества и в то же время ее высшее достижение. Классики марксизма подчеркивали, что созданная ими социалистическая теория является не стихийным отрицанием современной цивилизации, а сочетанием высших результатов науки с рабочим движением. Под именем культурной революции Ленин понимал решительную победу над неграмотностью и дальнейший духовный подъем народных масс к высотам культуры.

В противоположность ленинизму маонизм чужд и враждебен гуманистическим, демократическим традициям не только мировой, но и собственно китайской культуры. Он проповедует все самое примитивное, пытается консервировать культурную отсталость и просто неграмотность сотен миллионов китайцев, ибо в таких условиях легче насаждать слепое поклонение Мао Цзэ-дуну, легче отгораживать народ новой китайской стеной от влияния передовой культуры других народов.

Таким образом, если всерьез говорить о соотношении «идей Мао» с научной теорией Маркса, Энгельса, Ленина, то «идеи Мао» нельзя назвать иначе, как карикатурой на марксизм. Ленин всегда отмечал лицемерие, присущее таким карикатурам. Если взять «сборники изречений Мао Цзэ-дуна», то можно найти здесь и некоторые обычные марксистские положения, вообще говоря правильные. Но в том-то и дело, что в хороших, правильных словах с поразительным лицемерием, а часто и с коварством вкладывается прямо противоположный смысл.

Говорится о диктатуре пролетариата, а на деле проводится политика, направленная на полное отстранение китайского рабочего класса от управления государством, полное игнорирование реальных интересов рабочего класса. От этого марксистского понятия в Китае, по существу, остается лишь одна часть — диктатура. Пролетариат же оказывается не при чем. Под словом «дискуссия» подразумевается оплевывание людей, не имеющих возможности возразить на выдвигаемые против них обвинения и вынужденных под угрозой насилия признавать свои мнимые ошибки.

Во всем этом проявляется едва ли не главная отличительная черта «маоизма» — вопиющий разрыв между словом и делом.

Вопреки всему духу марксизма Мао Цзэ-дун и его группа сделали из идеологии не руководство к действию, а своего рода официальную религию, которая ни к чему не обязывает и ни в чем не сдерживает пекинских правителей, но в то же время служит им для того, чтобы удерживать в духовной узде народ, чтобы оправдывать и освещать любой зигзаг в их политике.

Идеология маоцзэдуновской группировки в ее нынешнем виде — это отнюдь не марксизм, отнюдь не пролетарское мировоззрение. Это — антипод научного социализма. При переходе к социалистическому строительству все больше начали обнаруживаться мелкобуржуазная ограниченность и теоретическая беспомощность «маоизма». И что еще хуже, «маонизм» постепенно вырождался в орудие военно-бюрократического режима, насаждавшегося Мао Цзэ-дуном и его окружением, вырождался в

идеологично оголтелого социал-шовинизма и милитаризма. Именно об этом свидетельствует вся практика маонизма в области внутренней и внешней политики. И именно потому, что она дискредитирует научный социализм, классовые враги пролетарского научного социализма и хвалят на все лады маонизм и некую маонистскую «модель социализма».

Маонизм является непримиримым противником социализма, его антиподом. Поэтому, ведя с ним решительную борьбу, марксисты-ленинцы выполняют свой классовый интернациональный долг и перед китайскими трудящимися.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что руководители КПК в своей «теоретической» эволюции и политической практике прошли бесславный путь.

В отношении к марксизму-ленинизму они начали с того, что объявили своим руководством к действию «сочетание всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», а пришли к тому, что, по существу, отбросили марксистско-ленинское учение и провозгласили «идея Мао Цзэ-дуна» новым, высшим этапом развития человеческой мысли.

В вопросах борьбы между двумя мировыми системами они начали с путаных рассуждений о «промежуточных зонах», а дошли ныне до того, что объявили социалистическую систему «несуществующей» и вступили в сговор с лагерем империализма.

В международном революционном движении они начали с того, что стали обвинять все марксистско-ленинские партии и многие отряды национально-освободительного движения в «недостаточной революционности» и «боязни империализма», а докатились до прямого классового предательства, раскольнической деятельности в коммунистическом движении, нанесения ударов в спину борцам за национальное освобождение и открытой смычки с самыми реакционными силами.

Внутри КНР они начали с преувеличения значения национальных особенностей и утверждения о возможности «построить коммунизм» чуть ли не за 3 года, а дошли до того, что разрушили народно-демократический общественный строй, установили жесткую диктатуру военно-бюрократической группировки и отодвинули строительство социализма на неопределенное время.

В советско-китайских отношениях они начали с утверждения о том, что разногласия составляют «один палец из десяти», а дошли до вооруженных провокаций и попыток «отлучить» СССР от социалистической системы, приклеить первой в истории социалистической стране, строящей коммунизм, ярлык «социал-империализма».

Идейно-политическая борьба против теории и практики маонизма ни в коей мере не противоречит принципиальной готовности стран социалистического содружества к нормализации и широкому развитию межгосударственных отношений с КНР. Борьба за развитие отношений с Китаем на принципиальной основе — это также активная форма противодействия маонизму.

Такой курс способствует изоляции наиболее оголтелых шовинистических элементов в Китае, постепенной консолидации тех сил в КНР, которые рано или поздно выступят за возвращение Китая на путь научного социализма и сотрудничества с социалистическими странами.

Борьба марксистов-ленинцев против теории и практики маонизма ничего общего не имеет с какой-либо антикитайщиной. Эта принципиальная борьба носит подлинно интернационалистический характер. Мы ведем борьбу не против Китая, а за народный Китай. Разоблачая маонистскую политику, вскрывая ее провалы, мы тем самым оказываем позитив-

ное влияние на нынешнее положение в КНР, показываем необходимость возврата к научной классовой внутренней и внешней политике как единственному выходу из того тупика, в который завел страну антисоциалистический, гегемонистский курс группы Мао-Цзэ-дуна. Мы с глубоким уважением относимся к китайскому народу, его лучшим достижениям в области строительства новой жизни, культуры и т. д.

* * *

В борьбе, которая развернулась в Китае, решается коренной вопрос — вопрос о самом направлении развития этой страны, о судьбах революционных завоеваний китайских трудящихся.

Конечно, «маоизм» — это очевидно сегодня — не имеет исторических перспектив ни как международное политическое течение, ни как идеология и политика для Китая. Будучи по своей природе мелкобуржуазным политическим течением, «маоизм» вместе с тем противоречит кровным интересам самих мелкобуржуазных масс, прежде всего крестьянства. Будучи выражением крайнего национализма, это течение вместе с тем полностью противоречит национальным интересам китайского народа. «Маоизм» не дает ответа ни на один реальный вопрос, выдвигаемый жизнью. Он перекрывает Китаю пути к прогрессу, обрекает эту страну на застой и даже попятное движение.

Непрочность, недолговечность этого политического течения заложена в самой его идеологии, в самом его политическом механизме. Замкнув все на личности одного человека, связав с ним свои судьбы, превратив руководителя в какое-то подобие живого бога, маоизм сам предопределяет краткосрочность своего существования и обрекает себя на неизбежное вырождение.

Историческая обреченность маоизма предопределяется следующими основными обстоятельствами:

расширением рядов современного промышленного рабочего класса в Китае, повышением его сознательности, развитием деятельности сохранившихся пролетарских элементов в рядах КПК, усилении пролетарского влияния на крестьянскую массу;

неизбежным обострением противоречия между интересами широких масс крестьянства и маоистским режимом с его казарменно-принудительными методами;

активным влиянием мировой социалистической системы, международного коммунистического и рабочего движения на социально-экономические, политические и идеологические процессы в современном Китае;

дальнейшей разрядкой напряженности, происходящей под решающим воздействием сил социализма и мира.

И тем не менее нельзя не видеть большой опасности, которая заключена в маоизме для будущего Китая.

Китайская компартия, китайский народ переживает сейчас критический период в своей истории. От них будет зависеть, по какому пути пойдет страна.

Китайским коммунистам, китайскому народу есть что защищать, есть за что бороться. Одна из платформ этой борьбы — генеральная линия партии на построение социализма в Китае, выработанная VIII съездом КПК. В документах съезда в качестве основной цели всей работы партии определено «максимальное удовлетворение материальных и культурных потребностей жизни народа». В решениях съезда подчеркивалось, что в своей деятельности партия руководствуется марксизмом-ленинизмом и видит свою задачу в том, «чтобы планомерно развивать па-

родное хозяйство, как можно быстрее осуществить индустриализацию страны, систематически и последовательно проводить техническую реконструкцию народного хозяйства». Партия ставила своей целью «бороться за дальнейшее развитие демократической жизни и дальнейшее совершенствование демократического строя в стране». Определяя внешнеполитический курс Китая, VIII съезд КПК выдвинул задачу «продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии».

Выражая веру нашего народа в китайских трудящихся, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев подчеркивал, что нынешние события в Китае — исторически преходящий этап его развития, что, несмотря на все трудности, дело социализма в Китайской Народной Республике победит.

Мао Цзэ-дун и Цинь Ши-хуан¹

Ван Мин

После X съезда на страницах китайской печати началось безудержное превозношение Цинь Ши-хуана. Ради прославления Цинь Ши-хуана предают анафеме Конфуция.

Зачем и как Мао Цзэ-дун превозносит Цинь Ши-хуана

Восхваление Цинь Ши-хуана Мао Цзэ-дун начал с прославления таких событий из истории его деспотического господства, которые известны под названием «фэншу кэнжу» («сожжение книг и закапывание ученых»). 28 сентября 1973 г. «Жэньминь жибао» напечатала статью под заголовком «Фэншу кэнжу бянь» («В защиту «фэншу кэнжу»»), специально воспевающую «сожжение книг и закапывание ученых». Ее автор, подписавшийся как «Ши Дин», в начале статьи пишет:

«Сожжение книг и закапывание ученых» было важным политическим событием в период правления Цинь Ши-хуана. Относительно этого события до сих пор в истории очень много комментариев. Хотя мнения не у всех совпадали, большинство людей считало, что сожжение книг и закапывание ученых, осуществленные Цинь Ши-хуаном, были деспотическими и жестокими действиями, реакционными мероприятиями, непосредственно приведшими к гибели династии Цинь».

Далее он приводит слова из произведения известного литератора и политического деятеля Ханьской династии Цзя И «Об ошибках династии Цинь», характеризующие «сожжение книг и закапывание ученых» как «отказ от пути прежних правителей, предание огню учений ста школ, чтобы одурманить народ», «книги сожжены, а наказания ужесточены», «поэтому следовало ожидать скорой гибели династии». Автор признает, что «взгляды Цзя И имели большое влияние в истории». Затем он приводит полностью стихотворение известного поэта Танской династии Чжан Цзе под названием «Ямы книжных костров» («Фэншукэн»):

Бамбук и шелк ² в огне сгорели, —
Исчезло и могущество империи.
И напрасно горные заставы и бурные реки
Со всех сторон жилище дракона ³ оберегали.
Не успел остыть пепел костров,
Как в Шаньдуне смута поднялась.
Хотя Лю Бан и Сян Юй
Книг, в общем-то, не читали.

¹ Первый император династии Цинь — Ин Чжэнь (259—210 гг. до н. э.).

² Бамбук и шелк здесь обозначают книги, так как в ту эпоху книги писались на бамбуке и шелке.

³ Жилище дракона обозначает столицу циньского императора.

Автор разъясняет, что это стихотворение «говорит о том, что в результате сожжения книг и закапывания ученых Цинь Ши-хуаном, Циньская империя пришла в упадок и пала под ударами Лю Бана и Сян Юя». Вслед за этим автор категорически заявляет, что он совершенно не согласен с оценкой Цзя И, Чжан Цзе и др. Он считает, что сожжение книг и закапывание ученых Цинь Ши-хуаном были «прогрессивными мерами» и что «книги сжигали во имя идейного единства», а «гибель династии Цинь не имеет отношения к сожжению книг и закапыванию ученых». Спрашивается: в чем же в действительности причина гибели Циньской династии? Автор в своей статье все же не мог не написать верного вывода, которого единодушно придерживались как в древности, так и сейчас. Он пишет: «Династия Цинь погибла потому, что жесточайшие казни и наказания привели к всеобщему беспокойству в стране», то есть суровые законы и жестокие пытки и казни вызвали «тревогу у стар и млад во всей Поднебесной»⁴. Далее еще более отчетливо говорится: «Циньская династия погибла в результате обострения противоречия между феодальными правителями и широкими народными массами. Восстание Чэнь Шэна и У Гуна было революционной борьбой против феодалов-эксплуататоров и ускорило гибель Циньской династии. Так что Циньская империя была свергнута крестьянской революцией».

Во всех статьях, прославляющих Цинь Ши-хуана, их авторы сознательно писали так, чтобы все фразы, восхваляющие Цинь Ши-хуана, отнесли в то же время Мао Цзэ-дуна. Цинь Ши-хуана изображали таким образом, чтобы он напоминал современного Мао Цзэ-дуна, а Мао Цзэ-дуна — чтобы он был похож на древнего Цинь Ши-хуана.

Некоторые зарубежные наблюдатели совершенно правильно отмечают: подобные статьи написаны, если не лично Мао Цзэ-дуном, то по меньшей мере по его приказам и согласно его воле; иначе никто не посмел бы на страницах китайской печати ставить на одну доску известного первого деспотического тирана в истории Китая Цинь Ши-хуана и Мао Цзэ-дуна.

Зададимся теперь вопросом: зачем Мао Цзэ-дун превозносит Цинь Ши-хуана и сравнивает себя с ним?

Мао Цзэ-дун превозносит Цинь Ши-хуана прежде всего потому, что он сам насквозь пропитан идеями феодального монархизма. В подтверждение этому можно привести несколько ярких примеров:

1. В написанных им в 1935 г. цы (стихотворениях) «Синь-юаньчунь», формально описывающих снежный пейзаж, он сравнивал Народную революцию, руководимую Коммунистической партией Китая, с борьбой между императорами и князьями за власть над страной, а себя сравнивал с такими древними императорами, как Цинь Ши-хуан, Хань У-ди, Тан Тай-цзун, Сун Тай-цзу и Чингисхан.

2. Американский журналист Э. Сноу в изданной в 1937 г. на китайском языке книге «Сисинь маньцзи» («Записки о путешествии на Запад») приводил личную беседу с Мао Цзэ-дуном, в которой последний говорил, что он еще в молодости при чтении древних романов преклонялся перед Цинь Ши-хуаном, Хань У-ди и другими императорами древности.

3. Мао Цзэ-дун часто называл главного руководителя партии императором, а других руководителей — сановниками его величества. Еще до I пленума ЦК КПК 7-го созыва в 1945 г., когда он еще не был председателем ЦК партии, а был только председателем Военного комитета ЦК партии, он, подобно феодальным монархам, не позволял другим называть его по имени, а требовал называть себя только председателем.

⁴ См.: С ы м а Ц я н ь. Шинци («Исторические записки»).

4. Зимой 1948 г. и в начале 1949 г., когда НОАК готовилась вступить в Пекин, Мао Цзэ-дун то и дело говорил членам ЦК: «Когда в молодости читал романы, то часто думал: как это необыкновенно здорово — быть императором! Но неизвестно было, как можно стать императором. Теперь понятно! Скоро мы въедем в Пекин. Ведь как только въедем в Пекин, я стану императором, не так ли?» После вступления в Пекин он начал широко пропагандировать, что является «императором в новых условиях». Одновременно по его приказу Политуправление военного комитета ЦК официально организовало в воинских частях доклады на тему о том, что «председатель Мао является новым императором».

5. Во время беседы с делегацией французских парламентариев в 1964 г. Мао Цзэ-дун объявил себя «почитателем Наполеона».

6. Он жестоко репрессировал Тянь Ханя, У Ханя, Дэн То, Ляо Моша и других писателей, которые в своих произведениях высмеивали и осуждали тех или иных императоров, откровенно признавая при этом, что ругать императоров — значит ругать его.

И еще Мао Цзэ-дун особо превозносит Цинь Ши-хуана в силу того, что между ними есть много общего. Например:

1. Цинь Ши-хуан был крайне эгоистичным карьеристом с исключительным самомнением, а также сторонником крайнего культа личности. Он сам себя превозносил как «первого в Поднебесной» величайшего императора. Разве не является Мао Цзэ-дун таким же сторонником «сверхкульта личности»?!

2. Цинь Ши-хуан считал себя «единственным авторитетом» по всем вопросам. Он был типичным образцом личной деспотии. Он «единолично принимал решения по всем делам государства, как большим, так и малым» (Сыма Цянь, «Исторические записки», гл. «Основные записки о Цинь Ши-хуане»). Разве не таким же абсолютным деспотом является и Мао Цзэ-дун?!

3. Цинь Ши-хуан был крайне своекорыстным индивидуалистом. Называя себя «Ши-хуанди» («Первым императором»), он стремился к вечному господству своей «семейной династии» через «второго», «третьего» и т. д., вплоть до «десятитысячного» потомка-императора. Но разве Мао Цзэ-дун не мечтает тоже превратить Китай в его с Цзян Цинь «семейную империю» и передавать его по наследству от поколения к поколению?!

4. Цинь Ши-хуан был именно таким деспотом, перед которым, как писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», люди были «все равны, а именно равны нулю», поскольку всех других людей он не считал людьми. Начиная с премьеры и министров и кончая простыми подданными, все они в его глазах стоили не дороже кур, собак, коров или овец, все были его рабами, которых он мог по своему произволу казнить, бросить в тюрьму или отправить в ссылку. Разве не является Мао Цзэ-дун теперь таким же деспотом?!

5. Цинь Ши-хуан был ярким сторонником «великой Циньской небесной империи». По отношению к соседним с Циньской империей государствам и племенам он проводил политику вооруженного покорения, насильственной ассимиляции, принудительного переселения и жестоких репрессий. Разве Мао Цзэ-дун не такой же крайний великоханьский националист, а его отношение к живущим ныне в разных краях Китая национальным меньшинствам не такое же, как у Цинь Ши-хуана?!

6. На 9-м году после создания им единой Циньской империи (213 г. до н. э.) Цинь Ши-хуан распорядился сжечь книги — были сожжены «Шицзин» («Книга песен»), «Шуцзин» («Книга истории»), произведения Конфуция и представителей всех других школ, книги по истории династии Чжоу и шести нециньских государств. Остались только немногие книги

по медицине, гаданию и земледелию. Практически людям стало нечего читать. А на 10-м году (212 г. до н. э.) он приказал закопать заживо ученых (одновременно были заживо погребены более 460 ученых-конфуцианцев; даже из числа находившихся на службе при циньском дворе 70 конфуцианцев со званием «доктора» 62 человека были погребены, а в живых осталось только 8), став тем самым первым в истории свирепым деспотом, осуществившим варварское сожжение книг и бесчеловечное уничтожение ученых. Разве по количеству и охватываемой тематике книг, сожженных во время «культурной революции», и числу убитых при этом представителей интеллигенции Мао Цзэ-дун не превзошел Цинь Ши-хуана?!

Именно поэтому Мао Цзэ-дун открыто превозносит Цинь Ши-хуана и берет под защиту прежде всего его деспотическую политику «сожжения книг и закапывания ученых».

Еще более важно то, что, превознося Цинь Ши-хуана и сравнивая с ним себя, Мао Цзэ-дун преследует свои заговорщические политические цели. Рассмотрим в качестве примеров некоторые вопросы в связи с этим.

1. Согласно сласловиям Мао Цзэ-дуна, «Цинь Ши-хуан был политиком, решительно пресекавшим попытки реставрации рабовладельцев» (см. статью в «Жэньминь жибао» от 31 октября 1973 г. за подписью «Авторская группа Шэньсийского пединститута»).

Подобное утверждение свидетельствует о том, что Мао Цзэ-дуну недостает элементарных познаний в истории развития древнекитайского общества. В результате многолетних исследований фактов древней истории китайские историки доказали: при династии Шан-Инь (XVIII—XII вв. до н. э.) Китай прошел период от становления и расцвета рабовладельческого строя до его распада. В ту эпоху в случае смерти правителя или аристократа нередко приносили в жертву от нескольких десятков или сотен до 2—3 тыс. человек для «сопогребения с умершим». Уже со времен Западного Чжоу (XII—VIII вв. до н. э.) запрещалось приносить в жертву людей для «сопогребения с умершим», их заменяли глиняными и деревянными куклами, что было самым важным признаком того, что Западное Чжоу уже не являлось рабовладельческим обществом. Как свидетельствуют исторические факты, Западное Чжоу охватывало период от ликвидации Чжоу У-ваном династии Шан и основания им столицы в Гаоцзине до кануна перенесения столицы на восток Чжоу Пин-ваном (1122—771 гг. до н. э.) и было в основном эпохой феодально-крепостнического строя. В начале Восточного Чжоу, берущего начало с перенесения Чжоу Пин-ваном столицы в Лоян (т. е. с 770 г. до н. э.), примерно в течение двухсот лет, происходили постепенное разложение крепостничества, освобождение крепостных, шел процесс становления нового класса земельных собственников — помещиков. В силу неравномерного экономического и политического развития в различных государствах-княжествах, процесс этот разнился во времени и в темпах. Например, в княжестве Лу еще в 594 г. до н. э. был введен налог на количество земли (чу шуй му), а в отдаленно глухом и экономически относительно отсталом княжестве Цинь только в 408 г. до н. э. была введена рента по количеству урожая (чу чжу хэ). Однако общая тенденция развития у всех государств была единой.

В период жизни Конфуция (551—479 гг. до н. э.), согласно «Луньюю» («Беседы и рассуждения») и другим литературным памятникам, в княжествах Лу, Вэй и других крепостной строй уже разложился, крепостные уже были освобождены, новая феодально-помещичья экономика уже была создана. Власть уже находилась в руках представителей нового класса помещиков. Поэтому ко времени «Воюющих государств»

(403—221 гг. до н. э.) общество продолжало развиваться, чему способствовало также широкое применение орудий труда из железа. Именно в тот период наблюдалась картина небывалого прежде расцвета, когда развивалась экономика, культура, возникали многие философские и другие школы, которые вели свободные дискуссии. В то же время создавалась обстановка противостояния и соперничества семи царств, непрерывно ведущих между собой войны, ибо каждое из них стремилось к ликвидации всех других государств и созданию своей единой империи.

В княжестве Цинь после реформы Шан Яна, начавшейся в 356 г. до н. э. и сводившейся к ограничению прав наследственной аристократии, улучшению положения крестьян и воинов, упразднению цзинтяни (барщины), ликвидации межей (между барскими и крестьянскими полями), новая феодально-помещичья экономическая система получила дальнейшее укрепление и развитие. Ко времени создания Цинь Ши-хуаном единой феодальной империи (221 г. до н. э.) не только рабовладельческий строй уже стал историческим анахронизмом 900-летней давности, но даже крепостничество в государстве Цинь тоже относилось к прошлому с 200-летним сроком⁵. Так что в период правления Цинь Ши-хуана просто не мог возникнуть вопрос о какой-то «реставрации рабского строя». Поэтому споры между чэньсяном (премьером) Ван Гуаном и тинвэем (верховным судьей) Ли Сы по поводу того, ввести ли систему княжеств или систему округов и уездов, а также споры на аналогичную тему между одной группой конфуцианцев во главе с Шунь Юй-вэем и другой группой, возглавляемой Чжоу Цин-чэнем, касались вопроса о том, какую административную систему следовало бы ввести в империи Цинь, но вовсе не имели и не могли иметь отношения к вопросу о так называемой «реставрации и антиреставрации рабского строя».

Поскольку Мао Цзэ-дун не разбирается в характере общественного строя времен Чжоу и Цинь, ошибочно считает китайское общество до Циньской династии обществом «рабского строя» (этот термин сам является ошибочным; в марксистском учении об истории развития общества нет места какому-то обществу «рабского строя», есть только общество с рабовладельческим строем, поскольку «рабский строй» по своему смыслу должен означать общественный строй, в котором рабы занимают господствующее положение, а в истории всего человечества вообще не было такого общества), то по этой причине он извращенно толкует споры между «системой феодальных княжеств» и «системой округов и уездов» как борьбу между «реставрацией рабского строя» и «антиреставрацией рабского строя».

Отсюда видим, что маоцзэдуновское прославление Цинь Ши-хуана как некоего «политика, решительно пресекавшего реставрацию рабовладельцев», совершенно не обосновано историческими фактами.

Превознося вопреки историческим фактам Цинь Ши-хуана, Мао Цзэ-дун стремился выдать себя за «политика, решительно пресекающего реставрацию капитализма». Всем известно, что в начальный период так называемой «культурной революции» он превратил призыв бороться против горстки лиц, стоящих у власти и идущих по капиталистическому пути, в главный лозунг для шельмования и ударов против Лю Шао-ци и кадров всей партии, а в последние два года с лишним сделал призыв бороться против интриганов и двурушников, реставрирующих капитализм, главным лозунгом для шельмования и ударов против Линь Бяо и военных и политических кадров всей партии.

⁵ В данной работе нет возможности более подробно останавливаться на вопросах характера общественного строя в эпоху Чжоу и Цинь.

Различные факты со времен «культурной революции» до наших дней тем более полностью доказывают это положение. Мао Цзэ-дун не только полностью разрушил всю социалистическую надстройку китайского общества, но и целиком изменил социалистический характер народного хозяйства Китая; он разгромил руководимую Коммунистической партией Китая социалистическую государственную власть, подменил ее властью личной реакционной военно-террористической диктатуры Мао Цзэ-дуна. Ныне государственное хозяйство Китая служит не максимальному удовлетворению материальных и культурных потребностей народа, а реакционной власти Мао Цзэ-дуна и его антисоветскому, антикоммунистическому милитаризму. В то же время под вывеской совместного государственно-частного владения в государственном хозяйстве Китая сохранились элементы экономики и капитализма с гарантированным капиталом и прибылью для капиталистов, капиталисты под видом специалистов по экономике и технике находятся во главе ряда государственных предприятий. Эти факты тоже ясно изобличают националистический характер государственного хозяйства Китая.

Сельские «народные коммуны» Китая хотя и сохраняют еще название кооперированного хозяйства, однако в силу того, что сельское хозяйство лишено индустриального и финансового руководства и помощи со стороны социалистического государства, а коммуны совершенно лишены права решать вопросы производства и распределения и могут работать только следуя нуждам реакционной власти Мао Цзэ-дуна, они не имеют возможности повышать уровень материальной и культурной жизни своих членов, вследствие чего члены коммуны до сих пор все еще находятся на жизненном уровне «бедняков и низших середняков». Кроме того, коммуны фактически стали сельскими базами для организованного снабжения реакционной власти Мао Цзэ-дуна безвозмездным продовольственным обложением и дешевыми продуктами питания и сырьем, поэтому сельские народные коммуны тоже утратили социалистический характер.

Таким образом, две составные части народного хозяйства Китая, промышленность и сельское хозяйство, только в формах собственности еще сохраняют некоторые социалистические элементы, но по содержанию предмета своего обслуживания обе уже утратили социалистическую природу. Этого не скрывает и сам Мао Цзэ-дун; именно поэтому он то и дело подчеркивает, что Китай относится к развивающимся странам «третьего мира». В действительности находящийся под реакционным господством Мао Цзэ-дуна Китай не может считаться даже относящимся к этим странам. Ибо основная черта развивающихся стран состоит в том, что все эти страны выступают против империализма и его колониальной и неоколониальной политики, а передовые страны из их числа направляют свои усилия также на борьбу за некапиталистическую перспективу развития, то есть за путь к социализму. А Мао Цзэ-дун откровенно смыкается с самыми реакционными империалистическими группировками, бросает Китай в объятия империалистического лагеря.

2. Согласно славословиям Мао Цзэ-дуна, Цинь Ши-хуан «основал первую в истории Китая единую феодальную династию», был «могущественным владыкой, выполнившим дело феодального объединения всего Китая» (см. статью «Борьба между реставрацией и антиреставрацией в процессе становления династии Цинь» за подписью «Ло Сы-дин» в журнале «Хунци», № 11 за 1973 г.). Подобные утверждения показывают, что Мао Цзэ-дун относит заслугу в деле создания единой феодальной династии Цинь лично одному Цинь Ши-хуану. Это тоже не согласуется с историческими фактами.

Суть положения «основал первую в истории Китая единую феодальную династию» можно свести к двум фактам: во-первых, покорению шести государств-княжеств; во-вторых, введению системы округов и уездов.

Рассмотрим сначала вопрос о покорении шести государств. Как свидетельствуют исторические факты, первая из причин, позволивших Цинь Ши-хуану ликвидировать шесть государств, состояла в том, что он получил в наследство добротное «хозяйство», основанное Цинь Сяо-гуном и продолжавшее свое развитие и укрепление целых шесть поколений предков Цинь Ши-хуана в течение ста и нескольких десятков лет. Претворив в жизнь реформу Шан Яна, Цинь Сяо-гун не только заложил экономическую основу обогащения государства и укрепления его военной мощи, но начал также осуществление централизации политической власти, разделив страну на 31 уезд. Фань Цзунь разработал для государства Цинь такую внешнюю политику, как «дружба с дальними странами, дабы нападать на ближние», заигрывание с каждым государством в отдельности, чтобы не допустить объединения шести государств против Цинь; во внутренней политике он продолжил и развил дело, начатое Шан Яном. Цинь Ши-хуан унаследовал монаршеский трон в 13 лет. Всеми государственными делами командовал чэньсян (премьер) Люй Бу-вэй. Только к 22 годам Цинь Ши-хуан начал управлять делами государства. К тому времени основы богатства и мощи государства уже давно были заложены, на гражданских и военных должностях находилось достаточное число способных людей, так что ему оставалось только плыть по течению, раздавать команды и пожинать плоды.

Вторая из причин, позволивших Цинь Ши-хуану ликвидировать шесть государств, состояла в том, что шесть государств — соперников Циня не сумели создать действительно объединенный антицинский лагерь, в то же время в самих этих государствах произошло множество событий, благоприятствовавших Циню. Например, государство Чу с его обширной территорией и большим населением было наиболее способно соперничать с Цинем на равных; но вследствие гибели реформатора У Ци от рук заговорщиков-аристократов, Чу не только не сумело завершить реформу, подобную реформе Шан Яна в Цинь, но и лишилось столь же прославленного, как Сунь У, гениального полководца. Другим государством, которое могло бы противостоять Циню, было Чжао; однако в семье талантливого князя Чжао У-линя произошла трагедия между отцом и сыновьями, между братьями. Впоследствии войска Чжао, ведомые Чжао Куою, потерпели поражение в войне с Цинем, и циньцы погребли заживо одновременно 400 тыс. пленных солдат Чжао, после чего княжество Чжао уже больше не смогло восстановить свои силы. Кроме того, начиная со времени правления Цинь Сяо-гуна, при каждом монархе Цинь захватывало немало территории соседних государств, благодаря чему пополняло свои людские и материальные ресурсы. А ко времени Ши-хуана все шесть княжеств уже давно находились в состоянии упадка и Цинь не составляло труда побить их поодиночке.

Теперь рассмотрим вопрос о введении системы округов и уездов. Как свидетельствует история, сам факт отказа от системы княжеств и перехода к системе округов и уездов после ликвидации шести государств, тоже не был изобретением самого Цинь Ши-хуана. Еще после реформы Шан Яна государство Цинь было разделено на 31 уезд. После аннексии шести государств Циньская империя была разбита на 36 округов, а каждый округ разделен на уезды; все это было не более чем прямым продолжением политики Шан Яна. Отказ от учреждений новых княжеств и переход к системе округов и уездов способствовали становлению династии Цинь как единой феодальной империи, что отвечало политическим нуждам класса

помещиков. Потому что последний нуждался в единой государственной власти с централизованным верховным руководством во главе с императором и губернскими уездными чиновниками для управления местной администрацией, призванной в мирных условиях обеспечивать ему условия для эксплуатации и угнетения крестьян, а не в обстановке обилия княжеств и непрерывных междоусобных войн, когда «битва за местность покрывает ее трупами, битва за город переполняет его убитыми».

Единая феодальная монархия по сравнению с раздробленным на множество княжеств государством представляла собой определенный прогресс.

Однако после проведенного выше конкретного анализа конкретных событий, мы видим, что нельзя относить всю заслугу за это свершение, имевшее определенное прогрессивное значение, за счет одного Цинь Ши-хуана. Но именно так поступает Мао Цзэ-дун. Этим лишний раз обнажается крайне субъективно-волюнтаристский характер взглядов Мао Цзэ-дуна на историю.

Вместе с тем, оценивая заслуги и проступки Цинь Ши-хуана перед историей, мы не можем видеть только одну сторону его деятельности, имевшую определенное прогрессивное значение: объединение раздробленного княжествами государства в единую феодальную империю; необходимо видеть также другую сторону: какие же в действительности последствия он принес трудовому народу после создания единой феодальной империи. С точки зрения марксистов и трудящихся, вторая сторона гораздо важнее первой. Цинь Ши-хуан объединил Китай на 26 году своего правления (221 г. до н. э.). Спрашивается: от создания единой феодальной монархии до своей смерти, в течение 9 лет, сделал ли он хоть одно полезное для народа дело? Думал ли он о благе и нуждах народа? Нет. Все его помыслы и дела были направлены целиком на свои личные интересы и на учреждение «вечной империи» для себя и своего семейства. Посмотрим теперь, каковы были основные деяния Цинь Ши-хуана в этот период.

Согласно «Историческим запискам» Сыма Цяня и другим источникам, деятельность Цинь Ши-хуана в основном сводилась к следующему:

1. Присваивая себе славу и заслуги других, он посчитал себя «затмившим трех хуанов по своим заслугам, превзошедшим пять ди по своим моральным качествам»⁶, и присвоил себе титул «Цинь Ши-хуанди». Ради прославления себя и своих деяний он совершал «инспекционные поездки» по знаменитым горам и большим рекам страны, оставляя везде, где он побывал, высеченные из камня «памятники славы» в честь своих «подвигов». Для совершения этих «инспекционных поездок» по всей стране он приказал построить всюду, где он предполагал проехать, широкие и ровные тракты, способные пропустить его роскошный экипаж с шестью лошадьми и пешех и верховых охранников по обеим сторонам. На эти дорожные строительства были брошены много миллионов трудящихся, которые вымостили эти тракты не просто попусту растраченным трудом, но и своим потом, кровью и костями. Нетрудно представить также, насколько огромны были людские и материальные затраты местного населения, связанные с его проездом.

2. Хотя внутренние войны закончились, но Цинь Ши-хуан непрерывно развязывал несправедливые агрессивные войны против соседних государств и племен. Поэтому надежды народа на избавление от бедствий,

⁶ 3 хуана (Хуан-ди, Шэнь Нун, Фу Си) и 5 ди (Шао Хао, Чжуань Сюй, Ди Ку, Яо и Шунь) — сокращенное наименование полумифических «мудрых правителей» глубокой древности.

войн и солдатчины полностью рухнули. Из-за непрерывных войн увеличилась не только воинская повинность, но вместе с ней увеличилась и трудовая повинность населения, а также повинность, наложенная на их рабочий скот.

3. Поверив предсказанию звездочета: «Гибель Цинь принесут хужени»⁷, Цинь Ши-хуан не только отрядил 300-тысячную армию Мэн Тяня на непрерывные военные действия против хуженей, но постоянно мобилизовывал миллионы трудящихся на возведение Великой стены, протянувшейся на тысячи километров. В условиях холода и голода, непосильного труда и болезней подавляющее большинство их находило свою смерть на месте строительных работ. Теперь Мао Цзэ-дун рассматривает Великую стену как великую заслугу Цинь Ши-хуана; постоянно приглашает иностранных гостей посещать ее как достопримечательность. Уместно в этой связи напомнить, что при строительстве Великой стены Цинь Ши-хуан не уложил в нее ни одного кирпича, ни одного камня; Великая стена возведена на крови и костях миллионов трудящихся Китая!

4. Чтобы выстроить для себя роскошный мавзолей, Цинь Ши-хуан мобилизовал более 700 тыс. «заключенных преступников» и мастеровых людей. По завершении строительства ради сохранения тайны все 700 тыс. строителей были заживо погребены возле мавзолея.

5. Чтобы самому не быть свергнутым и обеспечить своим потомкам возможность наследования трона, Цинь Ши-хуан силой отобрал у народа все виды оружия, казнив при этом массу людей, не желавших сдать свое оружие. Собранное оружие было переплавлено в металл, из которого в Сяньяне (тогдашней столице империи) были отлиты 12 огромных «медных истуканов».

6. Для подавления недовольных его деспотическим правлением и тех, в ком он подозревал недовольство, Цинь Ши-хуан обрушивал на тысячи и сотни тысяч людей такие жестокие репрессии, как казнь, варварские пытки, заключение в темницу, ссылка, тяжелые штрафные работы, отправка в отдаленные и пограничные районы на фортификационные работы и т. д. Он проводил крайне варварскую политику, истреблял неисчислимое количество невиновных людей.

7. Пытаясь обрести бессмертие и дожить до «10 тысяч лет», Цинь Ши-хуан не останавливался перед растраниванием крупных людских и материальных средств, рассылая во все концы света различных монахов и сектантов для поисков «приемов долголетия» и «эликсира бессмертия».

8. Ради утоления своей жажды к безудержным наслаждениям и излишествам Цинь Ши-хуан заставил несколько миллионов трудящихся пролить пот и кровь свою, а со всех концов страны собрал несметное количество денег и материальных средств для строительства беспрецедентного в истории дворца «Эфан», различные сооружения и секции которого располагались на территории, протянувшейся в длину и в ширину на несколько километров, в котором были заключены красавицы, плененные во всех шести покоренных государствах, и хранились захваченные там всевозможные драгоценности. Строительство этого дворца вплоть до его смерти еще не было закончено. Когда впоследствии Сян Юй во главе своих войск занял Сяньян и поджег дворец «Эфан», то огонь пылал более трех месяцев не угасая; можно себе представить, каких размеров был дворец и потраченные на него силы и средства народа! Между различными частями дворца «Эфан» были построены воздушные эстакады и подземная сеть коммуникаций, специально предназначенные для передви-

⁷ Хужени — гунны.

жения Цинь Ши-хуана. Он не осмеливался передвигаться по земле, хранил в глубокой тайне сведения о своем передвижении, что объяснялось не только желанием «легче встречаться» с так называемыми «небожителями», но главным образом сознанием того, что из-за обилия совершенных им злодеяний он стал предметом всеобщей ненависти и в каждом человеке он видел потенциальную угрозу своей жизни. Во время одной из его «инспекционных поездок», проезжая через Боланша, несмотря на строгую охрану, попытку покушения на Цинь Ши-хуана совершил Чжан Лян, попав огромным железным молотком хоть и не в Цинь Ши-хуана, но в его «дубликата» (то есть в статиста — двойника, одетого под Цинь Ши-хуана и сидевшего в таком же экипаже, что и император). Этот факт доказывал обоснованность его постоянных опасений за свою жизнь. Несмотря на его немедленное повеление о розыске покушавшегося и десятидневную облаву по всей стране, покушавшийся так и не был найден, что красноречиво свидетельствовало о том, что покушавшийся на него Чжан Лян не только пользовался защитой людей из личной гвардии Цинь Ши-хуана, но также был укрыт людьми из народа. Цинь Ши-хуан действительно находился в положении одинокого деспота, от которого отвернулись даже люди его близкого окружения.

Что касается проводившейся им политики одурманивания народа, рассчитанной на сохранение его тиранического господства и вылившейся в таких варварских преступлениях, как известные всем «сожжение книг и закапывание ученых», то она тем более навеки обесчестила его имя и сделала его однозным, о чем мы уже говорили выше.

Именно поэтому уже на 13-м году после создания династии Цинь, то есть через год после смерти Цинь Ши-хуана (209 г. до н. э.), произошло крестьянское восстание под предводительством Чэнь Шэна и У Гуана, потрясшее до основания всю империю, а еще через три года (206 г. до н. э.) она погибла под ударами армий Сян Юя и Лю Бана.

Почему же Мао Цзэ-дун особо расхваливает Цинь Ши-хуана как «покорившего шесть государств и создавшего единую феодальную империю могущественного владыку»? Это связано с его заговорщическими расчетами в целях усиления подготовки к войне против Советского Союза и соседних государств Азии. Он, подобно правителям маньчжурской династии Цинь и реакционным милитаристам, не только всегда рассматривал территории соседних с Китаем государств — МНР, Корею, страны Индокитая, Таиланда, Бирмы, Непала и др. — как китайские, он пытается причислить также обширную территорию советского Дальнего Востока к Китаю. Развертываемые им в последние годы в широких масштабах милитаризация страны и подготовка к войне имеют целью не только захват территории СССР, но также захват и оккупацию соседних азиатских стран в попытках создания его паназнатской маоистской империи как ступени для последующей борьбы за мировое господство. Восхваление Цинь Ши-хуана нужно ему именно для самостимулирования и самовозвеличивания при осуществлении этих сумасбродных планов, а также для обмана китайского народа, который он пытается привлечь на службу своему крайне чванливому эгоизму и великодержавно-шовиннистическим устремлениям.

Почему Мао Цзэ-дун поднимает такой шум вокруг вопроса об отказе Цинь Ши-хуана от системы княжеств и введении им системы округов и уездов? Это связано с его заговором по подготовке к чисткам НОАК в еще более широких масштабах. Как все помнят, в период подготовки к «культурной революции» Мао Цзэ-дун с большой шумихой проводил «кампанию учебы у НОАК всей партией, всем народом»; это делалось для того, чтобы во время «культурной революции» использовать одни

части НОАК против других ее частей с целью «захвата власти» для него. После того как местные партийные и административные органы были разгромлены хунвэйбинами и цзаофанями, Мао Цзэ-дун вынужден был сделать командующих военными округами и провинциальными воинскими соединениями по совместительству председателями так называемых «ревкомов», а затем и руководителями «парткомов». Однако после так называемого «дела Линь Бяо» Мао Цзэ-дун стал еще более недоверчив к командующим округами, провинциальными и местными воинскими соединениями и к различным частям НОАК. Он снова собирается подвергнуть НОАК массовой репрессии и чистке. Помимо применения «ополчения», хунвэйбинов и т. п. против армии, он главным образом по-прежнему будет использовать одни части НОАК против других ее частей. Поэтому сейчас он опять усиленно занимается угрозой, обманом, «обещаниями», разжиганием раздоров, чтобы такими методами расколоть отношения товарищества между соратниками в различных частях НОАК, натравить одних военных руководителей против других. Он развертывает, с одной стороны, кампанию «НОАК учится у народа», а с другой стороны, производит массовые перемещения командного состава военных округов и провинциальных воинских частей; все это делается для того, чтобы в ходе дальнейших «критики Линь Бяо и упорядочения стиля» или второй «культурной революции» подвергать их еще более широким чистке и репрессии. Смысл его громогласного порицания «системы княжеств» заключается в том, чтобы использовать декларацию о борьбе против «сепаратных княжеств» и «неповинующихся милитаристов» как предлог для борьбы против военачальников на местах. А смысл его шумного отставания «системы округов и уездов» состоит в том, чтобы еще больше усилить личную реакционную диктатуру Мао Цзэ-дуна, дабы подготовить «общественное мнение» для преследования им кадров НОАК всех звеньев, действуя от имени «ЦК партии», «Военного комитета ЦК» и «центрального правительства».

Печать некоторых империалистических кругов последние годы часто шумела по поводу того, что в Китае, дескать, местные военачальники обладают слишком большой властью, и после смерти Мао Цзэ-дуна, как в свое время после смерти Юань Ши-кая, это чревато вспышкой междоусобицы между милитаристами. Подобные разглагольствования нацелены как раз на оказание помощи Мао Цзэ-дуну в осуществлении его упомянутого заговора.

Еще в начале так называемой «культурной революции» люди указывали, что Мао Цзэ-дун является Цинь Ши-хуаном номер два, что он еще более крупный по своим преступлениям деспотический тиран, чем Цинь Ши-хуан, а его новые «сожжение книг и закапывание ученых» являются такими же варварскими злодеяниями. В то время он еще не признавался сам, еще пытался изворачиваться. Но теперь, подобно отъявленному преступнику-рецидивисту, убийце и поджигателю, изобличенному бесчисленными свидетельскими и вещественными доказательствами, вынужденному сознаваться в своих преступлениях, Мао Цзэ-дун открыто оправдывает на страницах китайской печати Цинь Ши-хуана и практически признает себя современным Цинь Ши-хуаном.

Расхваливая Цинь Ши-хуана и сравнивая себя с ним, Мао Цзэ-дун главным образом имел целью не только воспретить людям осуждать преступления типа «сожжения книг и закапывания ученых» как Цинь Ши-хуана, так и его самого, но и «облагородить» образ Цинь Ши-хуана с тем, чтобы использовать его как новое орудие для возвышения себя и нанесения ударов по другим. Он уже превратил выступления «против Цинь Ши-хуана» и «против сожжения книг и закапывания ученых» как одно из

новых «преступлений» Ван Мина, а «осуждение Цинь Ши-хуана за сожжение книг и закапывание ученых, чтение наизусть стихотворения Чжан Цзе «Ямы книжных костров» — как одно из новых «преступлений» Линь Бяо. Такие же обвинения он может произвольно предъявить любому, против кого он замыслил преследование в «продолжении критики Линь Бяо и упорядочения стиля» или во второй «культурной революции», поскольку большинство против Цинь Ши-хуана и его зверств типа «сожжения книг и закапывания ученых»; исключение составляет только клика Мао Цзэ-дуна. Но мы верим, что выдвижение Мао Цзэ-дуном Цинь Ши-хуана, этого известного в каждой китайской семье крупнейшего деспотического тирана, в качестве своего предтечи и духовного наставника отнюдь не прибавит ему ни авторитета, ни сил; наоборот, это только умножит ненависть и сопротивление народа его реакционным «идеям» и реакционному господству.

Зачем и как Мао Цзэ-дун нападает на Конфуция

В самом деле, почему наряду с превозношением Цинь Ши-хуана ему понадобилось нападать на Конфуция? Это происходит прежде всего потому, что как Цинь Ши-хуан, так и он сам совершили такие преступления, как «сожжение книг и закапывание ученых». Различие состоит лишь в том, что по количеству сожженных книг и убитых представителей интеллигенции Мао Цзэ-дун несравненно превзошел Цинь Ши-хуана. А в таких преступных действиях, как раскапывание могилы Конфуция, разрушение его памятников, сожжение его бывшего жилища и храмов, Мао Цзэ-дун следовал по стопам Цинь Ши-хуана.

Далее, это происходит в силу того, между Мао Цзэ-дуном с Цинь Ши-хуаном и Конфуцием имеются принципиальные идейные и политические расхождения. В подтверждение этому приведем несколько наиболее очевидных примеров:

1. Конфуций считал, что «когда народ почитается как первооснова государства, государство пребывает в благополучии». Подобные политические идеи, конечно, являются архицуншественными с точки зрения Цинь Ши-хуана и Мао Цзэ-дуна — этих двух деспотичных тиранов и сторонников сверхкульты личности, почитающих исключительно себя как «сына неба», привыкших сидеть на голове народа и чинить над ним произвол.

2. Конфуций прославлял такие методы смены правителя, как добровольная уступка Яо своего поста Шуню, а Шунь впоследствии — Юю⁸, или как смещение Таном зарвавшегося Цзэ, равно как и военный поход У-вана против Чжоу-вана. Все это, конечно, как вода с огнем, несовместимо с карьеристами Цинь Ши-хуаном и Мао Цзэ-дуном, «мертвой хваткой» цепляющимися за свой трон и пытающимися увековечить свою семейную династию.

3. Конфуций ратовал за то, чтобы «монарх относился к подданным с уважением, а подданные служили монарху с преданностью» («Луньюй», кн. 4, «Ба И», п. 3).

Здесь под подданными имеются в виду не только большие и малые чиновники, но одновременно и то, что «всюду и везде землю населяют подданные монарха», то есть весь народ. Подобные политические идеи

⁸ Во времена Яо, Шуня и Юя еще не было государства. Добровольная уступка означала просто традицию выбора вождя племени.

являются как раз самыми страшными напоминаниями для всех древних и нынешних деспотов, не считающих совершенно людьми «подданных» (или, выражаясь современным языком, кадровых работников и народ).

4. Конфуций ратовал за то, чтобы дать народу возможность увеличивать численность населения, жить зажиточно и получать образование. По этому поводу в «Луньюй» имеется специальная запись:

«Прибыв в княжество Вэй в сопровождении Жань Ю, Конфуций воскликнул:

— Как много народу!

— Народу уже много. Чего еще следовало бы пожелать? — спросил Жань Ю.

— Дать им достаток. — Был ответ.

— Допустим, достаток уже достигнут. Что бы еще следовало добавить?

— Дать им образование».

(«Луньюй», кн. 16, «Цзы Лу», п. 13).

Выступал Конфуций также за бережное отношение к трудовому народу — не заставляя народ переутомляться. По этому поводу в «Луньюй» тоже имеется ясный фрагмент:

«Цзы Лу спросил, как надо управлять народом.

— Надо дать народу сперва выгоды, а затем работу,— сказал Конфуций.

— Что необходимо еще?

— Не изнурять его. — Был ответ».

(«Луньюй», кн. 16, «Цзы Лу», п. 13).

Подобные идеи с точки зрения Цинь Ши-хуана и Мао Цзэ-дуна, заботящихся только о собственных интересах и не думающих о вопросах жизни или смерти народа, конечно, являются не только неосуществимыми, но и подлежащими искоренению.

6. Конфуций ратовал за просвещение народа, был против политики одурманивания народа. Именно поэтому он говорил: «Мин кэ ши ю чжи. Бу кэ ши чжи чжи» («Луньюй», кн. 9, «Тай Бо», п. 8). Относительно этого высказывания всегда существовали два толкования (поскольку во древнему правописанию не ставили запятых). Одни интерпретировали его как «Мин кэ ши ю чжи, бу кэ ши чжи чжи», то есть, получалось: «Можно только заставлять народ работать, но нельзя давать ему знания», откуда и делали извращенный вывод о том, что Конфуций стоял за политику одурманивания народа. Такой же интерпретации придерживаются ныне и на страницах маоистской печати. Другая интерпретация: «Мин кэ ши, ю чжи; бу кэ ши, чжи чжи», то есть: «Если народ желает нести повинности, то пусть тому так и быть; если же народ не желает нести повинности, то ему надо разъяснить, что к чему». Только последнее толкование соответствует подлинному смыслу Конфуция; поскольку, как упоминалось выше, Конфуций выступал за то, чтобы в мирное время, помимо обеспечения народу зажиточной жизни, дать ему еще образование.

Конфуций стоял за просвещение народа даже в условиях войны. Он говорил: «Бросить народ в войну и не воспитывать его, значит вообще бросить его на произвол судьбы» («Луньюй», кн. 16, «Цзы Лу», п. 13).

А Цинь Ши-хуан и Мао Цзэ-дун осуществляли политику одурманивания народа с помощью таких методов, как «сожжение книг и закапывание ученых»; неудивительно поэтому, что им стали ненавистны упомянутые взгляды Конфуция.

Отсюда можно видеть то, что Цинь Ши-хуан и Мао Цзэ-дун оба против Конфуция. Упомянутые идеи Конфуция не только были более прогрессивными по сравнению с идеями Цинь Ши-хуана, жившего более 200

лет после его смерти, но они прогрессивнее и «идей Мао Цзэ-дуна», хотя последний отстоит от него более чем на 2500 лет. Конфуций говорил: «Потомок внушает чувство трепета: кто знает, будет ли он в чем-либо уступать ныне живущим». Мог ли он ожидать, что сегодня правильнее будет сказать его устами: «Потомок внушает чувство стыда: докатился же он до ретроградства даже по сравнению с жившими в глубокой древности!»

Но более важно то, что, нападая на Конфуция, Мао Цзэ-дун тоже преследует собственные политические цели. Например:

1. В статье «О преклонении перед конфуцианством и борьбе против фацзя»⁹ за подписью «Ши Луня» он утверждал, что «Конфуций был твердолобым защитником диктатуры класса рабовладельцев» (см. «Жэньминь жибао» от 25 октября или «Хунци» № 10 за 1973 г.). Такое утверждение свидетельствует о недостатке элементарных познаний у Мао Цзэ-дуна об исторической действительности той эпохи, в которой жил Конфуций. Выше мы уже говорили о том, что в эпоху жизни Конфуция не только рабовладельческий строй уже остался в далеком прошлом, но и крепостной строй тоже отходил в прошлое. Поэтому ругать Конфуция как «твердолобого защитника диктатуры класса рабовладельцев» — значит совершенно не считаться с фактами истории, и такие голословные утверждения не заслуживают серьезного опровержения.

Выступая с подобными нападками на Конфуция вопреки историческим фактам, Мао Цзэ-дун имел в виду далеко идущий замысел: с помощью мошеннических «исторических параллелей» обвинить тех, против кого он наметил обрушить свои удары как против «последователей Конфуция» в продолжении «критики Линь Бяо и упорядочения стиля» или во второй «культурной революции», затем шельмовать их как «твердолобых защитников диктатуры буржуазии» и подвергать их репрессии.

2. Мао Цзэ-дун обвиняет Конфуция в «попытке реставрировать всю систему политического строя и порядка, существовавшую при господстве аристократов-рабовладельцев Западного Чжоу», а для «подкрепления» этой нападки он фальсифицирует смысл одного высказывания Конфуция: «Кэ цзи фу ли вэй жэнь»¹⁰.

По этому вопросу подписавшийся как «Цзинь Юнь-гэ» автор статьи «Правый оппортунизм и идеи Конфуция» писал:

«Ядром идей Конфуция является «жэнь», а цель его состоит в «возрождении этикета»¹¹. Он говорил: «Самоусовершенствование ради возрождения — это и есть жэнь» («Луньюй», «Янь Юань»). Так называемое «возрождение этикета» означает стремление реставрировать всю систему политического строя и порядка, существующую при господстве класса аристократов — рабовладельцев Западного Чжоу». (См. «Жэньминь жибао» от 21 ноября или «Хунци» № 12 за 1973 г.)

В другой упомянутой выше статье, озаглавленной «О преклонении перед конфуцианством и борьбе против фацзя», высказывания по этому вопросу ее автора, подписавшегося как «Ши Лунь», полностью совпадают с высказываниями «Цзинь Юнь-гэ», что лишний раз показывает: обе статьи написаны согласно единому повелению Мао Цзэ-дуна.

Для того чтобы молодые китайские читатели имели ясное представление по этому вопросу, необходимо прежде всего вкратце разъяснить,

⁹ «Фацзя» — «закошники», сторонники легизма, одной из политических школ Древнего Китая.

¹⁰ «Самоусовершенствование в соответствии с этикетом — это и есть жэнь».

¹¹ Автор придерживается следующего толкования упомянутого высказывания Конфуция: «Самоусовершенствование ради возрождения этикета — это и есть жэнь», что неверно.

какое первоначальное значение придавалось терминам «жэнь» и «этикет» в учении Конфуция.

«Жэнь» в древности означало просто «человек». В комментарии к «Книге обрядов» говорится: «Жэнь также означает человек». И «Мэнцзы» и «Шовэнь»¹² тоже разъясняют: «Жэнь есть человек». Это все — верное толкование.

Фань Чи спросил, что значит «жэнь». Конфуций ответил: «Человеколюбие» («Луньюй», кн. 15, «Янь Цань», п. 12).

В конкретной исторической обстановке того времени «жэнь — значит человек» и «жэнь — человеколюбие» имели тот смысл, что на человека надо смотреть как на человека; то есть больше нельзя смотреть на него как на раба или как на крепостного. Между людьми должны существовать отношения, свойственные людям. Выражаясь современным языком, «жэнь» означает гуманность, гуманизм. Поэтому многие исследователи конфуцианства, начиная с древних времен, всегда считали «жэнь» прогрессивным ядром конфуцианских идей. Сам Конфуций из этого идейного ядра выводил обоснования для различных благородных деяний, начиная от самоусовершенствования человека и кончая управлением государством и установлением мира во всей Поднебесной. Непосредственно за «Вопросом Янь Юаня о „жэнь“» следовали «Вопрос Чжун Гуна о „жэнь“», «Вопрос Сыма Нью о „жэнь“» и «Вопрос Фань Чи о „жэнь“»; Конфуций каждый раз давал другой ответ. В этом проявлялось не только умение Конфуция воспитывать учеников в соответствии со способностями каждого из них, но и разнообразие содержания понятия «жэнь» в конфуцианском учении.

«Этикет» первоначально означал совокупность ритуалов, церемониал, вежливость, а также — в своем развитии и обобщении — «целесообразность» и т. д. В учении Конфуция «этикет» тоже имеет весьма широкое содержание и толкование. Из него также выводилась целесообразность различных действий от самоусовершенствования человека до управления государством и т. д.

Помня об объеме настоящей работы, мы не можем останавливаться здесь на подробном рассмотрении различных значений и разъяснений «жэнь» и «этикета», данных Конфуцием в «Луньюй». Но из вышесказанного уже можно видеть, что «жэнь» и «этикет» в конфуцианском учении не содержат в себе сфальсифицированного Мао Цзэ-дуном смысла.

Теперь сопоставим маоцзэдуновское толкование «кэ цзи фу ли вэй жэнь» с подлинным толкованием этого изречения из «Луньюй», чтобы понять, насколько его фальсификация несовместима с изначальным смыслом слов.

В «Луньюй», «Янь Юань», п. 15, читаем:

«Янь Юань спросил, что значит жэнь. Конфуций ответил:

— Самоусовершенствование в соответствии с этикетом — это и есть жэнь.

— Прошу подробнее растолковать, — сказал Янь Юань.

— Все, что не соответствует этикету, — не смотреть. Все, что не соответствует этикету, — не слушать. Все, что не соответствует этикету, — не говорить. Все, что не соответствует этикету, — не делать, — сказал Конфуций.

Янь Юань сказал:

— Хотя я не умен, но хочу поступать согласно сказанному Вами.

Спрашивается: какая связь между приведенным диалогом Конфуция с Янь Юанем и «реставрацией» всей системы политического строя и поряд-

¹² «Шовэнь» — сокращенное название книги Сюй Шэня «Шовэнь цзечжи», написанной в эпоху Восточная Хань и посвященной происхождению иероглифов и слов.

ка, существовавшей при господстве класса аристократов-рабовладельцев Западного Чжоу)? Никакой связи нет. Разговор между учителем и учеником шел только вокруг темы самоусовершенствования, не имеющей никакого отношения к фальсифицированным обвинениям Мао Цзэ-дуна.

Далее, в той же статье «Цзинь Юнь-гэ» извращенно толкует высказывание Конфуция «Чего не хочешь сам, не применяй к другим» как призыв «честно и великодушно относиться к врагу»; то есть с врагом не надо бороться, а надо великодушно прощать его и даже «сдаться на его милость». Посмотрим теперь, каков был подлинный смысл этих слов в «Луньюй».

В «Луньюй» можно найти, что Конфуций сделал это высказывание дважды. Первый раз — непосредственно за упомянутым выше «Вопросом Янь Юаня о „жэнь“», на «Вопрос Чжун Гуна о „жэнь“» ответ Конфуция состоял из пяти фраз, одна из которых и была: «Чего не хочешь сам, не применяй к другим». Отсюда видно, что в этом ответе Конфуций высказал эту фразу как объяснение «жэнь». Второй раз — на вопрос Цзы Гуна «Есть ли такое слово, которому можно следовать всю жизнь?» Конфуций ответил: «Это слово — «шу»¹³: «Чего не хочешь сам, не применяй к другим» («Луньюй», кн. 18, «Вэй Линь-гун», п. 15). Таким образом, здесь Конфуций высказал эту фразу как объяснение «шу». В обеих беседах с Конфуцием абсолютно невозможно отыскать аргументы для толкования этой фразы как призыв относиться к врагу с честностью и великодушием. Такое толкование является только фальсификацией Мао Цзэ-дуна.

Подобные ни на чем не основанные извращения и фальсификации Мао Цзэ-дуна в отношении конфуцианского учения о «жэнь», «этикете» и «чжуншу»¹⁴ еще раз выставили в неприкрытом виде его сугубо антидиалектический метод — софистику.

Статья «Цзинь Юнь-гэ» «Правый оппортунизм и конфуцианские идеи» написана как раз на этих маоцзэдуновских фальсификациях. Поэтому после того, как он демагогически изобразил идеи Конфуция о «жэнь», «этикете» и «чжуншу» как идеи реакционных рабовладельцев и призыв к капитулянтству перед врагом, он соединил идеи Конфуция с так называемыми «правооппортунистическими идеями», для которых якобы конфуцианские идеи служили идейными источниками, безапелляционно назвал идеи Конфуция «орудием, с помощью которого правые оппортунисты подрывали китайскую революцию и пытаются реставрировать капитализм в Китае». Затем, используя эти сфабрикованные идеи и концепции, автор статьи тремя большими фрагментами обрушился с клеветой и оскорблениями по адресу главных представителей КПК, в разное время выступавших против контрреволюционных «идей» и политики Мао Цзэ-дуна. Первый фрагмент специально предназначен для клеветы на Ван Миня и Пэн Дэ-хуая, второй — на Лю Шао-ци, третий — на Линь Бяо.

В действительности всем известно, что китайскую революцию предал и социалистический строй в Китае разгромил не кто другой, как сам Мао Цзэ-дун.

Отсюда видим, что, нападая на учение Конфуция, Мао Цзэ-дун имеет целью не только оправдание «сожжения книг и закапывания ученых» и прочих тиранических действий Цинь Ши-хуана и своих собственных, но также создание нового орудия для преследования людей, с помощью которого он может в продолжение «критики Линь Бяо и упорядочения стиля» или во второй «культурной революции» в любой момент обвинить

¹³ «Шу» — (здесь) представлять себя на месте другого, добродушие.

¹⁴ «Чжуншу» — преданность долгу и забота о других, честность.

любого, кого собирается преследовать, как «последователя Конфуция», что будет равносильно инкриминированию «подрыва китайской революции и попытки реставрации капитализма в Китае».

Конфуций жил в древнее время, отстоящее от сего дня более чем на 2500 лет. В силу ограничений и особенностей эпохи его учение неизбежно носило двойственный характер: отсталость, сущность которой составляет «почитание монарха», и прогрессивность, ядром которой является учение о «жэнь». Феодалы всех последующих эпох и реакционные милитаристы использовали отсталую сторону его учения; а прогрессивные мыслители и ученые преимущественно развили прогрессивную сторону его учения.

Начиная с Хань У-ди (Лю Чэ), который «упразднил все школы, почитая только Конфуция», все последующие феодальные династии, вплоть до бэйянских милитаристов и Чан Кай-ши, неизменно использовали и развивали отсталую сторону конфуцианства, сердцевину которой составляет почитание монарха, в качестве оружия для поддержания своего реакционного господства, для нанесения ударов по своим политическим противникам. «Движение 4 мая» (1919 г.) наряду с борьбой против империализма, бэйянских милитаристов и феодальных порядков выступило и с осуждением отсталой стороны конфуцианства, открыв путь новым, революционным идеям марксизма-ленинизма. В 30-е годы Чан Кай-ши использовал учение Конфуция — Мэн-цзы и буддистскую и даосскую религии на службе своему так называемому «движению за новую жизнь», которое, по существу, было видоизмененным фашистским движением. Мы, коммунисты, при разоблачении реакционных махинаций Чан Кай-ши со спекуляцией на учении Конфуция — Мэн-цзы одновременно подвергали осуждению также отсталую сторону конфуцианства. Эта историческая борьба была правильной и необходимой, ибо только так можно было ослабить и даже нейтрализовать влияние и воздействие на массы со стороны реакционных группировок, использовавших в своих интересах отсталую сторону учения Конфуция — Мэн-цзы.

Общезвестно, что отсталая сторона конфуцианства, выражающаяся в «почитании монарха и удалении чужеземцев», является важным идейным источником и составной частью «идей Мао Цзэ-дуна». «Почитание монарха» означает преклонение перед ним как перед «сыном неба»; «удаление чужеземцев» означает выделение Китая как «небесной империи». Идейным источником эгоцентризма и крайнего индивидуализма Мао Цзэ-дуна является именно идеология «сына неба», а идейным источником его крайнего национализма и шовинизма — идеология «небесной империи». К тому же, он сам говорил, что является «политиком, который внешне — конфуцианец, а внутри — даос», что равнозначно откровенному признанию себя «политиком, не устающим говорить о добродетели и морали, но думающим только о заговорах и интригах».

Мао Цзэ-дун поэтому тоже использует конфуцианство для поддержания своего реакционного господства. В этом отношении его цель не отличается от цели всех прошлых реакционных правителей Китая.

Но он сейчас применяет другой подход: использует нападки на прогрессивные концепции древнего конфуцианства, ядро которых составляет учение о «жэнь», как средство для превозношения Цинь Ши-хуана и поддержания своего реакционного господства. Это не случайно. Став предателем коммунизма и слугой империализма, Мао Цзэ-дун относится ко всем реакционным идеям и учениям, от реакционных идейных течений древности до современного фашизма, как к «компаньонам» «идей Мао Цзэ-дуна»; а марксизм-ленинизм и прогрессивные концепции древ-

него конфуцианства он рассматривает как заклятых врагов своих реакционных «идей». В действительности использование отсталой стороны конфуцианства и нападки на его прогрессивную сторону не только противоположны друг другу, но и обуславливают друг друга; оба эти действия разными путями преследуют одну цель и потому составляют две стороны одного реакционного действия.

Мао Цзэ-дун нападает не только на «жэнь» как ядро конфуцианского учения, но и на все традиционные моральные категории Китая. Особенно яростно нападает он на гуманизм, признанную всем передовым человечеством мораль. Все это доказывает, с одной стороны, полную правоту китайских коммунистов, охарактеризовавших еще во времена «кампании по упорядочению стиля» и «культурной революции» Мао Цзэ-дуна как человека, совершенно лишённого человечности, совести, морали и чувства стыда; а с другой стороны, этим он сам фактически уже вынужден признаться в том, что он действительно является человеком, не знающим ни человечности, ни справедливости, ни честности, ни доброты, ни приличия, отличающимся вероломством, цинизмом и бесстыдством, что он намерен совершить множество еще более аморальных злодеяний. Теперь в любой моральной категории он усматривает обвинение, протест и осмеяние, направленные против его действий.

Исторический опыт учит, что такие действия Мао Цзэ-дуна не только не могут помочь ему в достижении поставленных целей, а, наоборот, могут привести к результату, противоположному его ожиданию. Все реакционеры прошлого, использовавшие отсталую сторону конфуцианства для преследования прогрессивных, революционных идей и их представителей, приходили к одному концу — поражению самих реакционеров и их реакционных идей, а революционные идеи и их представители выходили из испытаний овеянными еще большей славой и добивались победы. Мао Цзэ-дун, прибегая к нападкам на прогрессивную сторону конфуцианства для преследования марксизма-ленинизма и его представителей, непременно придет, как и все реакционеры прошлого с их реакционными идеями, к тому же концу — окончательному поражению.

Ныне Мао Цзэ-дун использует «обвинение» в антипатии к Цинь Ши-хуану и симпатии к Конфуцию для преследования китайских коммунистов и интеллигенции. Это ясно показывает, что его кампания превозношения Цинь Ши-хуана и нападков на Конфуция тесно связана с его интригами, направленными на усиление борьбы против компартии и народа внутри страны и против Советского Союза и мирового коммунистического движения на международной арене.

Помимо сказанного, необходимо указать на следующее. Превознося Цинь Ши-хуана и нападая на Конфуция, Мао Цзэ-дун преследует еще две заговорщические цели. Одна из них — для отвода глаз от борьбы в настоящий момент и затуманивания характера этой борьбы: то есть он, умышленно создавая путаницу, изображает борьбу между революционными идеями и политикой марксизма-ленинизма и реакционными «идеями» и политикой Мао Цзэ-дуна как борьбу между сторонниками «за» и «против» Цинь Ши-хуана, как борьбу между сторонниками «против» и «за» Конфуция. Другая цель — обмануть народ жонглированием древними «премудростями»; поскольку не только широкие массы трудящихся Китая, но и молодое поколение интеллигенции имеют весьма скудные познания в древней письменности и древних исторических фактах, то Мао Цзэ-дуну кажется, что ему удастся путем манипуляции древней письменностью перемещать борьбу настоящего момента и древнюю историю, чтобы такими приемами одурманивания народа скрыть от народа истинное положение вещей.

В отношении подобных махинаций Мао Цзэ-дуна мы обязаны хранить бдительность и разоблачать их. К таким махинациям он может еще прибегать в будущем. К примеру, он может поручить некоторым лицам написать некоторые статьи для оправдания Шан Чжоу-вана¹⁵ и его фаворитки Та-цзи: дескать, Шан Чжоу-ван не был свирепым деспотом, он не потворствовал прихотям Та-цзи и не творил безобразий, а Та-цзи не способствовала тирании Чжоу-вана; так что гибель династии Шан вовсе не связана со злодеяниями Чжоу-вана и Та-цзи. И все это, конечно, было бы рассчитано для оправдания Мао Цзэ-дуна и Цзян Цин. Или, например, он может заняться фальсификацией учения Мэн-цзы, назвать Мэн-цзы реакционнейшим мыслителем, чтобы использовать клеймо «последователя идей Мэн-цзы» для преследования любого человека, и т. д. Но к каким бы старым интригам или новым хитросплетениям ни обращался бы еще Мао Цзэ-дун, если только мы постоянно будем применять марксистско-ленинский «детектор лжи», то непременно сумеем каждый раз распознать его подлинный замысел со всеми его «тонкостями» и «нюансами».

Сокращенный перевод с китайского

¹⁵ Известный тиран, последний правитель династии Шан (1766—1122 гг. до н. э.).

Субъективная социология — идейная опора маоизма

*Н. Г. Сенин,
доктор философских наук*

Накануне провозглашения Китайской Народной Республики Мао Цзэ-дун в статье «Банкротство идеалистического понимания истории» в тоне, исключаящем какие-либо сомнения, заявил: «Мы являемся сторонниками исторического материализма и выступаем против исторического идеализма».

С тех пор, когда была написана эта статья и когда еще не вполне ясен был облик ее автора, прошло много времени. И если тогда еще можно было в той или иной степени рассматривать Мао Цзэ-дуна как человека, «ищущего в марксизме», то дальнейшее развитие событий показало, что все его рассуждения подобного рода были лишь лицемерной маской, под которой скрывалось стремление к установлению личной власти. Тем не менее и после полного разрыва с марксизмом на деле и установления режима военно-бюрократической диктатуры в Китае Мао Цзэ-дун по-прежнему не упускает возможности шегольнуть марксистской фразой. Он не только провозглашает себя сторонником исторического материализма, но в еще большей мере претендует на то, что он творчески развил и поднял на новую высоту марксистскую социологию, причем категорические словесные заверения в причастности к марксизму, подобные вышеприведенному, являются едва ли не единственным подтверждением его претензий. На деле ни у Мао Цзэ-дуна, ни у его приверженцев нет даже сколько-нибудь цельной и последовательной концепции исторического процесса. Социология маоизма состоит из обрывков отдельных извращенно истолкованных положений исторического материализма и изречений самого Мао, специально подобранных для «обоснования» и оправдания маоистского курса на тот или иной период и его зигзагов. Прагматический подход к определению истинности для каждого конкретного случая подбираемых теоретических положений характеризует в целом субъективно-идеалистический метод маоизма в социологии. Субъективная социология, выдаваемая за марксизм и прикрываемая его авторитетом, выступает в качестве инструмента маоистской политики.

* * *

Критикуя в своей знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм» русских махистов — представителей философского ревизионизма, Ленин показал, что великая заслуга Маркса и Энгельса в области философии состоит не только в том, что они создали диалектический материализм, но и в том, что они достроили доверху, то есть распространили диалектический материализм на общественную жизнь людей и тем самым создали исторический материализм,

что явилось, по выражению Ленина, «величайшим завоеванием научной мысли...»¹.

Если до Маркса и Энгельса даже среди материалистов в области истории господствовал идеализм, объяснявший явления общественной жизни идейными мотивами людей или факторами второстепенного материального порядка (географическая среда, народонаселение и т. п.), то основоположники научного коммунизма дали подлинно материалистическое объяснение истории, указав на коренную материальную основу целей людей, идей, теорий, программ, которыми руководствуются различные общественные силы, классы, партии и отдельные личности, как выразители их интересов. Такой коренной материальной основой является открытый Марксом и Энгельсом способ производства материальных благ.

«Способ производства материальной жизни, — говорил Маркс в предисловии «К критике политической экономии», — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»² (выделено мной. — Н. С.).

Вопрос об отношении общественного сознания к общественному бытию есть основной вопрос социологии. Вся предшествовавшая марксизму философия давала ответ на этот вопрос с позиций идеализма. Маркс и Энгельс в течение почти полувека последовательно развивали материализм как в области природы, так и в области человеческого общества, «беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д.»³.

Маркс и Энгельс неустанно разъясняли материалистическую концепцию в социологии. «Мы делаем нашу историю сами, — писал Энгельс И. Блоху в 1890 г., — но... мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические и т. п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»⁴ (выделено мной. — Н. С.).

Отвечая на возражения, будто признание за экономическим фактором решающего значения в историческом развитии исключает активную роль идеологического фактора (политических, правовых, философских, художественных, религиозных и т. п. идей), Энгельс в письме К. Шмидту в 1890 г. писал: «...Хотя материальные условия существования являются *primus agens* (первопричиной. — Ред.), это не исключает того, что идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия...»⁵

Говоря в письме К. Шмидту о взаимодействии материальных (базисных) и идеологических (надстроечных) форм общественных отношений в историческом процессе, Энгельс со всей определенностью подчеркивал, что «экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим»⁶.

Эту же мысль подчеркивал много раз и Ленин, борясь против субъективно-идеалистических извращений марксизма народничеством. Маркс

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 44.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 356—357.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 395.

⁵ Там же, стр. 370.

⁶ Там же, стр. 421.

выработал материалистическое понимание истории, разъяснял Ленин, «посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»⁷.

Из приведенных высказываний видно, как основоположники научного коммунизма понимали материализм в социологии. Теперь посмотрим, как понимает соотношение общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки Мао Цзэ-дун, называющий себя подлинным сторонником исторического материализма.

У Мао всегда имеется на всякий случай два противоположных ответа на один и тот же вопрос. Не является исключением и данный случай. Он, например, с одной стороны, признает, что во взаимоотношении производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, теории и практики «...производительные силы, практика и экономический базис вообще выступают в главной, решающей роли, и кто этого не признает, — говорит Мао, — тот не материалист»⁸ (выделено мной. — Н. С.). Но наряду с этим в основе своей правильным положением Мао, с другой стороны, утверждает, что не является материалистом и тот, кто не признает, что «положение сторон якобы взаимно не меняется». «...В определенных условиях, — говорит он, — и производственные отношения, теория и надстройка, в свою очередь, выступают в главной, решающей роли»⁹.

Как и все софисты, спекулирующие на диалектике, Мао претендует на то, что он якобы преодолевает «односторонность» подхода к роли определяющих факторов общественного развития. Однако, хотя Мао и утверждает, что он выступает против «механистического материализма», на деле его плохо скрытая претензия направлена против исторического материализма, а его позиция есть не преодоление «односторонности» исторического материализма, а протаскивание хорошо известного, много раз битого, но в силу исторических причин еще живущего субъективного идеализма.

Как, например, понимает Мао общественное бытие? Он упоминает цитированное выше положение Маркса из предисловия к «Критике политической экономии» о том, что не сознание людей определяет их бытие, а общественное бытие определяет их сознание. Однако, приводя это классическое положение исторического материализма, Мао опускает идущее непосредственно перед ним другое важнейшее положение, в котором раскрывается содержание категории общественного бытия, а именно положение, что социальный, политический и духовный процессы жизни людей определяются не чем иным, как способом производства материальных благ¹⁰.

Способ производства материальных благ, как материальную основу жизни людей, как общественное бытие любой исторической формации, обуславливающее социальный, политический и духовный процессы жизни людей, Мао Цзэ-дун пытается подменить производным от материальной основы политическим фактором. Другими словами, он пытается вторичным подменить первичное. Так, в одном из своих «теоретических» рассуждений Мао говорил: «Основное положение марксизма гласит, что бытие определяет сознание, что объектив-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 134.

⁸ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 2, стр. 449.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 203.

ная реальность классовой и национальной борьбы определяет наши мысли и чувства»¹¹.

Приведенное положение является типичным образцом того, как Мао Цзэ-дун подтасовывает свои формулировки под марксистские. Бытие определяет сознание — положение, безусловно, марксистское, но попытка подмены понятия общественного бытия классовой и национальной борьбой на том основании, что они «объективно реальны», — это уже не марксизм, а ревизионистское трюкачество.

Классовая и национально-освободительная борьба относится к категории политических отношений. Вместе с правовыми, нравственными и т. п. отношениями людей в общественной жизни они принадлежат к сфере отношений «вторичных», производных от экономического строя общества, то есть общественного бытия.

Следовательно, рассматривать классовую и национально-освободительную борьбу в качестве определяющего фактора духовной жизни — значит стоять на идеалистических позициях. Не случайно, чтобы свести концы с концами в своих рассуждениях и затушевать идеалистическую трактовку категории бытия, сторонники Мао гальванизировали и стали усиленно пропагандировать формулы о «тождестве бытия и сознания» и «тождестве общественного бытия и общественного сознания», связывая их с концепцией Мао о взаимном превращении материи в дух, а духа в материю и выдавая за новый «великий вклад» в философию марксизма.

Однако напрасно маоисты тщатся выдать за «новое» то, что еще в начале века Ленин справедливо охарактеризовал как «сплошной вздор» и «безусловно реакционную теорию». Критикуя «теорию тождества общественного бытия и общественного сознания» махиста Богданова, при помощи которой он пытался «незаметным образом поправить и развить» Маркса, а на деле извратить основы исторического материализма в духе идеализма, Ленин писал: «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, — совершенно точно так же не тождественны бытие вообще и сознание вообще»¹².

Подобные манипуляции маоисты проводят и с экономическим базисом. Мао, например, относит духовную культуру к надстройке, что само по себе бесспорно. Но на чем, по его мнению, вырастает эта надстройка? Мао безоговорочно утверждает, что духовная культура вырастает на базе политики и экономики и является их отражением. «Определенная культура (рассматриваемая как система взглядов), — говорит Мао, — является отражением политики и экономики определенного общества»¹³.

«Политика и экономика данной формации определяют ее культуру»¹⁴.

«Старая политика и старая экономика — это основа старой культуры китайского народа, а новая политика и новая экономика станут основой новой культуры китайского народа»¹⁵.

Таким образом, можно видеть, что идеологические явления как надстройка имеют под собой, по Мао Цзэ-дуну, не один, как учит марксизм-ленинизм, базис, именно экономический, а два базиса: политику и экономику, причем политике Мао отдает предпочтение, повсюду ставя ее на первое место. С переходом группы Мао к особому курсу в сво-

¹¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 4, стр. 129.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 342—344.

¹³ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 203.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 204.

ей внутренней и внешней политике в конце 50-х годов политика была объявлена единственным, притом абсолютно решающим фактором всего общественного развития.

Роль и место политики в общественном развитии были определены со всей четкостью основоположниками научного коммунизма в соответствии с принципами исторического материализма. Опираясь на положение Маркса, что совокупность производственных отношений каждого общества является базисом, на котором возвышается юридическая, политическая и идеологическая надстройка, Ленин разработал проблемы взаимоотношения экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата, показал механизм их взаимодействия, раскрыл их диалектику.

Ленин дал классическое определение политике как концентрированному выражению экономики, тем самым подчеркнув, что политика как своим происхождением, так и своим назначением коренится в экономических отношениях людей и обусловлена интересами класса, стоящего у власти. «...Самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства, — говорил Ленин, — определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего государства»¹⁶.

Подчеркивая классовый характер политики, Ленин в то же время указывал на ее строго научный характер. Коммунистическая партия, отмечал Ленин как «совершенно правильную мысль», «должна действовать на *научных* основаниях»¹⁷. «Марксист, — подчеркивал он в другом месте, — должен в посылки своей политики ставить *только* точно и бесспорно доказанные факты»¹⁸.

Условием выработки научно обоснованной политики (тактики) Ленин считал «объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами...». При этом, говорил Ленин, все классы и все страны должны рассматриваться не в статическом состоянии, а в движении, движение в свою очередь должно рассматриваться не только с точки зрения прошлого, но и будущего, причем не в форме плоской эволюции, а учитывая объективно неизбежную диалектику человеческой истории. Лишь только при этом условии политика марксистской партии будет носить научный характер¹⁹.

Политику Ленин определяет как такую область человеческих отношений, которая имеет дело не с единицами, а с миллионами людей. «...Политика есть *отношение* между нациями, классами и пр.», — говорит он²⁰. Главным инструментом политики является государство. Поэтому в плане своей статьи «К вопросу о роли государства» Ленин дает следующее определение политики: «...Политика есть участие в делах *государства*, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...»²¹

Политика, являясь порождением экономических интересов определенных классов, не остается пассивным фактором. Следуя в общем и целом за развитием производства и отражая его, политика, облеченная в

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 327.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 65.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 319.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 369.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 340.

форму государственной власти, приобретает относительную самостоятельность и может выступать в качестве силы, оказывающей различное влияние на экономику. «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода, — отмечал еще в свое время Энгельс. — Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»²².

Отмечая активную роль политики в общественной жизни, Ленин говорил о «первенстве» политики над экономикой. Эту сформулированную Лениным азбучную истину марксизма следует понимать не в том смысле, что политика будто бы является определяющим фактором общественного развития, а только в том, что для строительства социалистического базиса необходима правильная политическая линия, правильный, научно обоснованный политический подход, ибо «без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»²³.

Правильный политический подход к хозяйственным вопросам — это такой подход, который направлен на строительство социализма, обеспечивает всемерное укрепление руководящего положения рабочего класса в обществе, укрепление союза рабочего класса и крестьянства.

Мероприятия, направленные на радикальные экономические преобразования, только тогда будут эффективными, когда они проводятся с учетом не только экономической готовности условий, их зрелости, но также и с обязательным учетом зрелости субъективного фактора, учетом осознанности необходимости их проведения широкими массами населения. Только в таких условиях может быть выработан правильный политический подход, выработана правильная политическая линия. В противном случае ее ожидает неминуемый провал.

Выступая против субъективизма в политике, Ленин со всей категоричностью подчеркивал: «Никаких преобразований, не назревших абсолютно в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т. е. Советы рабочих и крестьянских депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна „вводить“»²⁴.

Подчеркивая первенство политики над экономикой, Ленин в то же время указывал, что в условиях строительства социализма задача управления государством (политика) отличается той особенностью, что на первый план выступают задачи экономического характера, тогда как политические задачи остаются на втором месте. «...Самые основы, самая сущность Советской власти, как и самая сущность перехода от капиталистического общества к социалистическому, состоит в том, — подчеркивал Ленин, — что политические задачи занимают подчиненное место по отношению к задачам экономическим»²⁵.

²² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 417.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 279.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 163—164.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 130.

Социалистическая революция и установление диктатуры пролетариата есть фактор политической. Именно он создает предпосылку революции в области экономики. В отличие от капиталистического базиса, который создается в недрах феодального общества, причем буржуазная революция является последним звеном в формировании капиталистической формации, увенчивающим ее политической надстройкой в виде буржуазного государства, социалистический базис, напротив, начинает формироваться лишь после завоевания рабочим классом своего политического господства. Этим и объясняется, почему после выполнения важнейших политических задач на первый план в новом государстве ставятся задачи хозяйственные, экономика.

«Коренная задача всякого общества, переходящего к социалистическому устройству, состоит в победе господствующего класса — или, вернее, вырастающего в господствующий класс — пролетариата над буржуазией... И эта задача, — говорил Ленин еще в 1918 г., — ставится теперь перед нами в значительной степени по-новому, — совершенно не так, как ставилась она в течение многих и многих десятилетий всемирного опыта борьбы пролетариата с буржуазией. Под победой над буржуазией мы теперь, после завоеваний Октябрьской революции, после успехов в гражданской войне, можем и должны понимать уже нечто гораздо более высокое, хотя по форме более мирное: именно — победа над буржуазией должна быть осуществлена теперь, после того как эта победа политически достигнута и военным образом закреплена, — теперь эта победа должна быть достигнута в области организации народного хозяйства, в области организации производства, в области всенародного учета и контроля»²⁶.

Ленин разработал принцип диалектического соотношения политики и экономики в процессе строительства социализма. Он говорит о «политике экономики», а хозяйственное дело определяет как самую для нас интересную политику²⁷.

Успехам хозяйственного строительства Ленин придавал решающее значение не только для судьбы социализма в СССР, но и для судьбы мировой революции. В известном высказывании Ленин еще в 1921 г. подчеркнул, что «главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе навстречу и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства, — говорил Ленин, — приобретают для нас значение совершенно исключительное»²⁸.

При всей важности, первостепенности экономических задач значение политического подхода не ослабевает, пока идет борьба между двумя общественными системами, пока сохраняются классы и сохраняется государственная власть. «Конечно, — говорил Ленин в дискуссии о профсоюзах, навязанной партии Троцким и Бухариным в конце 1920 — начале 1921 г., — я всегда выражал, выражаю и буду выражать пожелание, чтобы мы занимались меньше политикой, больше хозяйством. Но нетрудно понять, что для выполнения этих пожеланий надо, чтобы не было политических опасностей и политических ошибок. Политические ошибки, которые сделаны тов. Троцким и углублены, усугублены тов. Бухариным, — отмечает Ленин, — отвлекают нашу партию от хозяйственных задач, от «производственной» работы, заставляют нас, к сожалению, терять время на исправление этих ошибок, на то, чтобы спорить

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 131.

²⁷ Там же, стр. 330.

²⁸ Там же, стр. 341.

с синдикалистским уклоном (ведущим к падению диктатуры пролетариата), спорить против неправильного подхода к профдвижению (подхода, ведущего к падению Советской власти)...»²⁹.

Разработка Лениным проблемы соотношения политики и экономики не утратила своего огромного методологического значения и по сей день. Более того, она приобрела особую остроту в последние полтора десятилетия в связи с маонистскими извращениями этой проблемы.

Маонисты провозгласили политику «верховой силой», «командной силой», «генералом», отдающим приказы всем подразделениям «великой армии», то есть государству. Политика («генерал») отдает приказы экономике («солдат») — так решают маонисты вопрос о соотношении политики и экономики. Поэтому всякие попытки требовать учета материальных потребностей населения в процессе строительства социализма заклеены маонистами как «реакционные взгляды», выдвигаемые и защищаемые якобы ревизионистами, представителями «черной линии».

Маонисты осудили принцип материальной заинтересованности в развитии социалистической экономики как буржуазный, а справедливые требования рабочих увеличить зарплату и улучшить условия жизни назвали «контрреволюционным экономизмом». Курс социалистических стран «всемерно развивать производство с целью повышения материального благосостояния трудящихся направлен, по утверждению маонистов, к реставрации капитализма в этих странах. Вспомним, как Ленин относился к подобным требованиям в первой социалистической стране. «...Когда со всех сторон мы видим новые требования, мы, — отмечал Ленин, — говорим: это так должно быть, это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни»³⁰.

Что же противопоставляют маонисты ленинской политике развития производства с целью максимального удовлетворения потребностей трудящихся? Требования терпеть трудности и лишения, консервировать бедность, выдавая ее за фактор революционности.

Маонисты главной ставкой в своей политике делают «революционизацию сознания» населения. С этой целью проводятся бесконечные массовые идеологические кампании. Даже в вопросе об обеспечении сельскохозяйственных коммун техникой, чтобы поднять в них уровень производства, маонисты на первый план ставят «революционизацию сознания», а механизации отводят второстепенное место. «Председатель Мао Цзэ-дун учит нас, — писала газета «Жэньминь жибао», — что для строительства нашей страны и укрепления коммун революционизация важнее, чем механизация. Руководствуясь этими указаниями председателя Мао Цзэ-дуна, мы должны внедрять в сознание сотен миллионов крестьян идеи Мао Цзэ-дуна, ставить революционизацию в командное положение по отношению к механизации»³¹.

Ставя политику в командное положение по отношению к экономике, маонисты в основу самой политики кладут «идеи Мао Цзэ-дуна». Субъективизм и волюнтаризм, вытекающие из «идей Мао», — самая характерная черта маоизма, его теории и практики. Занимая позиции, чуждые марксизму-ленинизму, и ревизуя с этих позиций решения VIII съезда партии и программные установки Московских совещаний представителей компартий 1957 и 1960 гг., маонисты изъяли из своего политического кур-

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 281.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 501.

³¹ Цит. по: В. Сидихменов. Классы и классовая борьба в кривом зеркале. М., 1969, стр. 46.

са вопрос о необходимости учета главных закономерностей в строительстве социализма. Вместо построения материально-технической базы социализма и создания тем самым материальных условий для преобразования других важнейших сторон жизни, маоисты выдвинули на первый план субъективный фактор, ставя в особую заслугу своего «великого учителя», что он является первым среди «марксистов», кто определил решающую роль субъективного фактора в условиях строительства социализма. В органах партийной печати, в учебниках пропагандируется тезис Мао: «прежде чем преобразовать объективный мир, нужно преобразовать субъективный мир».

Преобразование «субъективного мира» трудящихся Китая, по-маоистски, это превращение «идей Мао» в единую партийную и государственную идеологию с тем, чтобы добиться беспрекословного послушания масс, которые должны слепо следовать за Мао Цзэ-дуном в огонь и в воду, выполнять все его указания, безропотно переносить все трудности и невзгоды жизни, принимать как должное его «стратегическую линию» в отношении народных масс: «не бояться трудностей, не бояться смерти, готовиться к войне».

В коммюнике XI пленума ЦК КПК (1966), составленного при активном участии Мао Цзэ-дуна, председательствовавшего на пленуме, говорилось, что «идеи Мао Цзэ-дуна служат руководящим курсом в любой работе для всей партии и всей страны», и давалась строгая установка на широкое изучение этих «идей» по всей стране, подчеркивая при этом, что целью изучения «идей Мао» является «поиск ответа на тот или иной вопрос» и «получение немедленных и ощутимых практических результатов»³².

Развязанная по призыву и под личным руководством Мао Цзэ-дуна, как постоянно отмечается в китайской официальной печати, контрреволюционная кампания под лозунгом «культурной революции» довела до гигантских масштабов пропаганду «идей Мао». Достаточно вооружить массы «идеями Мао», чтобы не было таких чудес, которые они не могли бы совершить, — лейтмотив китайской пропаганды, заданный маоистами с «культурной революции». «До тех пор, пока мы сохраняем твердую веру в безграничную силу идей Мао, мы в состоянии совершить любое чудо. — писалось в одной из директивных статей Пекина. — Если мы будем действовать в соответствии с философскими идеями председателя Мао, мы всегда сможем держать в своих руках инициативу, чтобы преобразовать объективный мир»³³.

В другой статье. «О борьбе на философском фронте в Китае», писалось: «Идеи Мао, овладев массами, стали материальной силой, преобразующей мир... Отрицание Ян Сянь-чжэнем диалектического тождества сознания и бытия — это в конечном счете выступление против вооружения масс идеями Мао, выступление против активного преобразования мира с помощью идей Мао...»³⁴

Маоисты спекулируют на известной формуле Маркса, высказанной еще в 1844 г., гласящей, что теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Применяя эту формулу к «идеям Мао», маоисты не изменили и на сей раз своей обычной манере заимствовать марксистскую форму и наполнять ее собственным содержанием.

Конечно, можно навязать массам какую-то идею или вызвать взрыв фанатизма такой идеей, превратив тем самым ее в материальную силу.

³² См.: «Хунци», 1966, № 11, стр. 7.

³³ "Peking Review", 1970, № 43, p. 9.

³⁴ «Жэньминь жибао», 29.XII. 1970.

Но такая материальная сила, как правило, всегда направлялась в русло разрушения материальных ценностей и истребления инакомыслящих. Религиозный фанатизм, сопровождавшийся вандализмом в средние века, фашизм, анархизм — разительные тому примеры из человеческой истории.

Но Маркс имел в виду не только идеи. Он имел в виду идеи (теорию), которые в руках масс, овладевших ими, превращаются в материальную творческую силу, с помощью которой можно действительно преобразовать мир.

Разрушать старое и творить новое, продвигаться на высшие ступени общественного развития, короче говоря, изменить мир можно, по Марксу, только при помощи таких идей, такой теории, которая отвечает исторической необходимости, объективной закономерности развития мира, причем разрушение старого и творчество нового осуществляется не самими идеями, теорией, а материальной силой.

Вот как Маркс формулировал свое положение: «Оружие критики, — говорил он, — не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»³⁵

Ленин в своей статье «Удержат ли большевики государственную власть?», опубликованной накануне Октябрьской революции, писал: «Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею (социалистической революции. — Н. С.), которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму, — писал Ленин. — Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм; когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых, — когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая бы помешала большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции»³⁶.

Приведенное высказывание Ленина — прекрасная иллюстрация умелого сочетания объективных условий и субъективного фактора, когда теория действительно становится могучей материальной силой, способной преодолеть все препятствия на своем пути к «воплощению в действительность» (Маркс). И каким резким контрастом наряду с глубоконаучной ленинской постановкой вопроса о взаимоотношении объективного и субъективного выступает претенциозное маоистское резонерство о решающей роли в развитии социализма субъективного фактора, сведенного к тому же к «идеям» и указаниям Мао Цзэ-дуна!

Авантюристическая политика в области экономики, которую маоисты стали проводить с конца 50-х годов в противоречии с закономерностями социалистического развития страны, привела к серьезной деформации социалистического базиса, поставившей под угрозу революцион-

³⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 332—333.

ные завоевания китайского народа. Отказ от основного закона социализма — развития производства в целях удовлетворения все более и более растущих потребностей трудящихся — и взамен этого использование всех рычагов диктаторской власти для всемерного развития военного потенциала, преследуя достижение великодержавных целей, неизбежно влечет за собой рост социальных противоречий внутри страны, а следовательно, и попыток их насильственного разрешения со стороны маоистского режима.

Командная роль политики переносится маоистами и на свою идейную платформу. «Философия должна служить политике» — этот тезис Мао положил в основу своей концепции «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата». Согласно этой концепции, в социалистическом обществе по-прежнему существуют антагонистические классы и классовая борьба. В нем якобы продолжается борьба двух путей — капиталистического и социалистического, — и неизвестно, на чьей стороне будет победа. Отсюда делается вывод о необходимости государственной организации повседневной «классовой борьбы» на всех предприятиях страны, во всех учреждениях, во всех коллективах, вплоть до семьи. Кроме повседневной «классовой борьбы» периодически проводятся формы «классовой борьбы» в общегосударственных масштабах в виде организованных сверху массовых кампаний, которые в последние годы стали называться «культурными революциями».

Хотя маоисты и пытаются подвести под «культурные революции» своеобразную «закономерность» под видом так называемого «волнообразного» характера развития классовой борьбы, давая простор фантазии, что это, мол, «новое слово» в марксизме, им не удается скрыть от мировой общественности, что все эти в корне враждебные марксизму-ленинизму попытки суть не что иное, как всего лишь прикрытое маоистской демагогией стремление распространить на социалистическое общество законы классовой борьбы, присущие классово антагонистическому обществу.

Концепция «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата» используется маоистами в качестве идейной основы для подавления социального недовольства, расправы со своими идейно-политическими противниками, для создания в стране атмосферы страха, враждебности и взаимного недоверия, в которой легче разъединять трудящихся и проводить свою антисоциалистическую политику как внутри страны, так и за ее пределами.

Во внешней политике маоисты уже открыто проводят оголтелую антисоветскую, враждебную социализму и чуждую интересам самого китайского народа линию. Принцип классового подхода к отношениям между народами, на котором так долго спекулировали и продолжают еще спекулировать маоисты, на деле заменен географическим принципом или даже расовым.

Из арсенала антикоммунистической пропаганды маоисты подхватили миф о «сверхдержавах», придали ему свое собственное звучание и положили его в основу деления современного мира на противоположные части. Одну часть в их представлении составляют две «сверхдержавы», под которыми имеются в виду США и СССР, а другую — остальной мир.

В последнее время Пекин по тактическим соображениям стал пропагандировать «теорию» «трех миров»: первый «мир» — «две сверхдержавы», СССР и США, второй «мир» — развитые капиталистические страны, выступающие против «гегемонии сверхдержав», и третий «мир» — все развивающиеся страны, к которым маоисты относят и Китай.

Игнорируя всему миру известный факт, что США и СССР относятся к различным общественным системам, так же как и страны остального мира относятся либо к капиталистической системе, либо к так называемому «третьему миру», делать между ними перетасовку по маоистскому образцу — значит не облегчать научный анализ международной обстановки, а сознательно запутывать его.

В самом деле, если маоисты называют себя марксистами-ленинцами, то как можно совместить с этими претензиями их широко рекламируемый призыв к созданию единого фронта «малых и средних государств» (разумеется, под эгидой Китая!) для «смертельной борьбы» против двух «сверхдержав», в состав которых они включают и Советский Союз — родину ленинизма? Если маоисты считают себя сторонниками исторического материализма и претендуют на классовую позицию в международных делах, то как это можно совместить с их концепцией, что основной силой в международном революционном освободительном движении являются страны «третьего мира», а уничтожения империализма как общественной системы можно достичь лишь посредством мировой войны?

Маоисты не в состоянии дать на эти вопросы сколько-нибудь вразумительного ответа, не впадая в противоречие с принятыми посылками.

Свой разрыв с марксизмом-ленинизмом маоисты пытаются прикрыть абстрактными лозунгами, расплывчатыми формулами, которые можно наполнить любым содержанием. Они преднамеренно избегают конкретных постановок вопросов, предполагающих знакомство с обстановкой и знание дела.

Что, например, может дать авангарду революционного движения той или иной страны сформулированное Мао Цзэ-дуном и перепеваемое пекинской пропагандой на каждом шагу абстрактное положение, что «ныне главная тенденция в мире состоит в том, что народы стремятся к революции, нации — к освобождению, все люди — к свободе»? Ровно ничего. И как жалко и убого выглядят подобные претенциозные сентенции маоизма на фоне характеристики современной эпохи, разработанной коллективным разумом международного коммунистического движения. В ней не только глубоко раскрывается содержание переживаемого человечеством момента, но и отмечается, какой именно класс стоит в центре эпохи, какие конкретно революционные силы движут развитием, четко указывается направление, в котором развивается мировой революционный процесс, и вместе с тем открывается возможность для компартии каждой страны выработать свою стратегию и тактику, не противоречащую интересам других революционных отрядов.

А ведь под программными документами международного коммунистического движения когда-то стояла подпись и представителя компартии Китая. Необозримо далеко ушли нынешние китайские руководители от платформы и программных установок международного коммунизма. С мелкобуржуазным националистическим чванством маоисты, противопоставляя себя всему коммунистическому движению, пытаются теперь предстать в качестве неких законодателей мод, давать свои собственные оценки мировым событиям, диктовать свои формулы. Но что, к примеру, дает революционным партиям оценка обстановки в современном мире, содержащаяся в документах X съезда КПК, в которых разрядка напряженности за последние годы, встреченная со вздохом облегчения сотнями миллионов людей труда на всех континентах планеты, характеризуется маоистами в негативном духе, как явление «временное и поверхностное», и ей противопоставляется призыв к «колоссальным потрясениям», которые якобы являются для народов «делом хорошим, а не пло-

хим»? Для революционных сил мира — ничего, а для любителей половить рыбку в мутной воде дает что-то. Ведь, действительно, за категорией «колоссальные потрясения» легче скрыть классовый характер событий и свое к ним отношение, легче выдать реакционное за прогрессивное, контрреволюционное за революционное, черное за белое, плохое за хорошее и т. п.

Не случайно же маоисты с лютой ненавистью встретили рождение молодого национального государства в Азии — Бангладеш только за то, что Бангладеш спутала экспансионистские планы Пекина в этом районе. Не случайно также маоисты приветствовали контрреволюционный переворот в Чили и аплодируют белому террору, развязанному чилийской хунтой против демократических сил страны. Контрреволюционный переворот чилийских генералов маоисты относят к области желанных «мировых потрясений» и шлют по этому поводу приветственные телеграммы, а настоящее потрясение — завоевание почти стомиллионным народом Бангладеш своей независимости и провозглашение им своего национального государства они встречают в штыки, не хотят его признавать и, спекулируя своим положением в Совете Безопасности, препятствуют приему в ООН. С пролетарской классовой точки зрения в обоих случаях поведение маоистов нельзя расценить иначе, как предательство народов, от имени которых Пекин пытается присвоить себе право говорить.

Мы закончим тем, что маоистская социология, являющаяся лишь инструментом порочной великодержавной политики, лишена творческого созидательного начала. Она игнорирует объективные законы, которые управляют развитием человеческого общества, поэтому в ней не находится и места для идеи общественного прогресса. Что бы ни происходило в мире, по Мао, все в конечном счете останется по-прежнему: земля будет вертеться вокруг солнца, ночь будет сменяться днем, рыбы будут, как и раньше, плавать в воде, женщины будут продолжать рожать детей. Словом, мир, мол, создан и остается таким, каким он был испокон веков, и людям в нем приходится только смиренно ждать своего фатального конца. Не случайно Мао все чаще возвращается к этой мысли и повторяет, что «человечеству придет конец». Маоистская социология пессимистична по своему внутреннему содержанию. Она не имеет за собой будущего. Как свидетельствуют многочисленные факты мировой истории, с падением любого деспотического режима неизбежно падение и его шаткой идейной опоры — субъективной социологии. Маоизм в этом отношении — не исключение.

ИСТОРИЯ

К истории зарождения вооруженных сил китайской революции

М. Ф. Юрьев,
доктор исторических наук

Маоистская пропаганда, непомерно раздувая роль Мао Цзэ-дуна в организации революционной армии Китая, преследует цель укрепить культ Мао Цзэ-дуна, создать идеологическую основу для подчинения Народно-освободительной армии Китая его личному контролю, принизить роль Советского Союза в создании вооруженных сил КНР.

Ядро революционной армии Китая было создано 50 лет назад, в 1924 г., без участия Мао Цзэ-дуна, усилиями коммунистов и последователей Сунь Ят-сена. При этом решающее значение имела широкая бескорыстная помощь Советского Союза.

Создание революционной армии стало возможным после того, как в начале 1924 г. был образован единый национально-революционный фронт¹.

В решении этой исторической задачи большую помощь китайским революционерам оказало международное коммунистическое движение, в первую очередь Коммунистическая партия Советского Союза.

Помощь Советского Союза была всегда важным фактором подъема национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. Эта поддержка — морально-политическая, идеологическая, экономическая, военная — проявлялась в различных формах.

Если говорить о военной помощи Советской страны в первые послеоктябрьские годы, то в Монголии, например, решающее значение для победы народной революции 1921 г. имели совместные боевые действия монгольской Народно-революционной армии и советских войск против китайских оккупантов и белогвардейских банд.

Турецкие революционеры во главе с М. Кемалем получили от РСФСР оружие. Выдающийся советский военный деятель М. В. Фрунзе, будучи в 1922 г. в Анкаре и всесторонне ознакомившись с обстановкой на фронте, дал командованию турецкой армией рекомендации, способствовавшие разгрому интервентов.

Советские войска нанесли поражение английским оккупационным частям на севере Ирана в 1920 г., после чего партизанские отряды дженгелийцев заняли всю провинцию Гилян, где была установлена национально-революционная власть.

Советская помощь способствовала завоеванию независимости Афганистана.

Для китайского национально-освободительного движения значение военной помощи советского народа было особенно велико в связи со специфической ролью милитаризма, реакционной военщины, как опло-

¹ В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае. — «Коминтерн и Восток». М., 1969; М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968.

та империалистического господства. Это учитывал Сунь Ят-сен, проявляя заинтересованность в изучении советского военного опыта и получении советской военной помощи. В письме народному комиссару по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину от 28 августа 1921 г. он подчеркивал: «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования»². В это же время (август — сентябрь 1921 г.) представитель Коминтерна Маринг встретился с Сунь Ят-сеном в его Ставке в Гуйлине и обсуждал с ним вопросы создания в Китае единой революционной партии, а также революционной армии и школы для подготовки военных кадров.

В начале 1923 г. Сунь Ят-сен возглавил правительство в Гуанчжоу (Кантон).

Он направил в СССР делегацию, которая в течение трех месяцев (с 25 августа по 29 ноября 1923 г.) знакомилась с работой партийных и советских органов, организацией Красной Армии, с боевой и политической подготовкой ее личного состава. Желание Сунь Ят-сена использовать военный опыт и помощь Советского Союза было ясно выражено на переговорах, которые вели его представители с заместителем председателя Реввоенсовета Э. М. Склянским и Главкомом С. С. Каменевым. Во время встречи делегация обратилась со следующими просьбами:

«1. Делегация желает, чтобы Реввоенсовет послал на юг Китая возможно большее количество людей для обучения китайской армии по образцу Красной.

2. Делегация желает, чтобы Реввоенсовет дал возможность ознакомиться представителям Сунь Ят-сена с Красной Армией.

3. Делегация просит совместного обсуждения плана военных действий в Китае»³.

По возвращении в Гуанчжоу Чан Кай-ши, возглавлявший делегацию, представил доклад Сунь Ят-сену, в котором во враждебном духе характеризовал обстановку в Советской России, в частности состояние Красной Армии, призывал Сунь Ят-сена «не верить русским». Со своей стороны коммунист Чжан Тай-лэй, входивший в состав делегации, в своем докладе Сунь Ят-сену высказался за союз с СССР как силой, которая искренне поддерживает освободительную борьбу китайского народа⁴. Как известно, Сунь Ят-сен решил пойти на сближение с Советским Союзом и принять его бескорыстную помощь.

В начале октября 1923 г. по его приглашению в Гуанчжоу прибыл в качестве советника Сунь Ят-сена и партии Гоминьдан советский коммунист Михаил Маркович Бородин. В этот же период в Гуанчжоу приехали первые советские добровольцы — военные советники Я. Г. Герман, В. Я. Поляк, Н. И. Терешатов, А. И. Черепанов⁵. Цель их работы была сформулирована Сунь Ят-сеном предельно ясно. В беседе с М. М. Бородиным и советскими военными советниками он сказал: «Первая наша задача: сформировать армию по советскому образцу, подготовить плацдарм для похода на север... Мы надеемся, что вы, накопившие богатый опыт в борьбе против интервенции иностранных империалистов, изгнавшие их из своей страны, передадите этот опыт нашим курсантам — будущим офицерам революционной армии»⁶.

² «Советско-китайские отношения». М., ИВЛ, 1959, стр. 58.

³ А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае, 1924—1927. М., 1970, стр. 15.

⁴ М. С. Каница. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 97—98.

⁵ А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1971, стр. 23—24.

⁶ Там же, стр. 98—99.

В мае 1924 г. в Гуанчжоу приехал в качестве главного военного советника правительства Сунь Ят-сена известный советский военачальник комкор Павел Андреевич Павлов. П. А. Павлов много сделал для укрепления обороны Гуанчжоу от угрожавших ему контрреволюционных сил. По его предложению Советское правительство направило в Гуанчжоу вооружение, крайне необходимое войскам Гуанчжоуского правительства. «Из далекого Владивостока, проделывая путь в несколько тысяч миль, советские пароходы везли в Гуанчжоу пушки, пулеметы, винтовки и другое оружие и боеприпасы. Они проходили мимо Гонконга к устью р. Жемчужной и разгружались в укромном месте»⁷.

П. А. Павлов выдвинул идею создания Совета обороны. Это предложение было поддержано М. М. Бородиным и одобрено Сунь Ят-сеном, возглавившим Совет, П. А. Павлов получил официальное звание — военный советник Совета обороны. Он предложил программу работы Совета, включавшую создание в войсках политаппарата, направление в корпуса и дивизии представителей партии Гоминьдан; единое военное обучение комсостава войск; организацию Гуанчжоуского укрепленного района; создание броневых сил; организацию крестьянского движения в тылу противника; установление военной цензуры. Эти движения были направлены на создание условий для объединения разношерстных войск, составлявших так называемую «союзную», или «федеративную», армию Гуанчжоуского правительства.

Работа по реализации этой программы была прервана трагической гибелью П. А. Павлова (в июле 1924 г. он утонул в р. Дунцзян во время инспекционной поездки на фронт). В телеграмме Советскому правительству Сунь Ят-сен писал: «Глубоко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу. Этот храбрый, благородный сын нашей соседки Республики недаром отдал свою жизнь, он этим теснее связал отношения между Россией и Китаем, усиливая еще больше решение Гоминьдана достичь победоносного конца в борьбе за национальное освобождение»⁸.

В конце октября 1924 г. в Гуанчжоу прибыл в качестве главного военного советника правительства Сунь Ят-сена герой гражданской войны, первый кавалер ордена Красного Знамени Василий Константинович Блюхер, носивший в Китае фамилию Галин (Цзя-лунь). В 1924 г. начали работать в группе советских военных советников Д. Угер (Реми), М. Сахновская (Чубарева), П. И. Смирнов, С. В. Шалфеев, Айтыкин (Браиловский), Н. А. Шевалдин (Прибылев), Т. А. Бесчастнев, Е. А. Яковлев, Г. И. Гилев, М. Я. Гмира, И. Я. Зенек (Зебровский), Полло, И. Зильберт, Кочубеев, Ф. Г. Мацейлик, В. П. Рогачев, В. А. Степанов. Советники прибывали в Гуанчжоу и в последующие годы, так что в феврале 1926 г. их насчитывалось около 40⁹, а в апреле 1926 г., накануне Северного похода, в Южном Китае работали 58 советников разных специальностей¹⁰.

Советские советники работали и в Северном Китае, в войсках генерала Фэн Юй-сяна, начавшего в 1924 г. сблизиться с национально-освободительным движением. На Севере работали выдающиеся деятели Красной Армии В. И. Путьна, В. М. Примаков (Лин), А. Я. Ла-

⁷ А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. М., 1971, стр. 135.

⁸ Д. Быков. Комкор Павлов. М., 1965, стр. 77.

⁹ М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 39.

¹⁰ Р. А. Миrowsка я. Первое десятилетие. — «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., Изд-во «Наука», 1968, стр. 30.

пин (Сейфулли), К. Б. Калиновский, А. В. Благодатов, а также Г. Б. Скалов, А. Я. Климов, Б. И. Кузьмичев, П. Зюк (Броде), Н. Ю. Петкевич (Дюфрен), А. А. Аргентов (Марино).

Большую роль в оказании помощи национально-революционным силам Китая играли советский посол в Пекине Л. М. Карахан, военные атташе А. И. Геккер, Н. М. Воронин, А. И. Егоров, Р. В. Лонгва.

Важнейшей заслугой советников перед китайской революцией была их помощь в реорганизации разношерстных войск, составивших вооруженные силы Гуанчжоуского правительства, и образовании Национально-революционной армии. В решении этой задачи важную роль играла военная школа Гоминьдана, ставшая кузницей командного состава революционных войск.

Решение о создании «партийной армии» было принято I съездом Гоминьдана¹¹. Оно заключалось в том, чтобы национально-революционные силы Китая стали независимы в военном отношении от южных милитаристов, войска которых составляли в 1924 г. «союзную армию» Гуанчжоуского правительства. Но для выполнения этого решения необходимы были революционные военные кадры, выработка новой системы организации войск, налаживание в них политической работы, определение революционной военной стратегии и тактики. Нужна была материальная база — оружие, средства на содержание армии. Решение этих проблем было нереально без помощи Советского Союза.

Первым шагом к созданию революционных вооруженных сил была организация в Гуанчжоу военной школы. Сунь Ят-сен еще во время работы I съезда Гоминьдана создал комитет по подготовке офицерской школы¹² на острове Хуанпу (Вампу) в устье р. Чжунцзян, в 25 км от Гуанчжоу. Начальником школы был назначен Чан Кай-ши, который получил в Японии военное образование, а после возвращения из СССР приобрел репутацию «знатока» советского военного опыта. В то время он считался левым гоминьдановцем, однако его доклад, представленный Сунь Ят-сену после поездки в Советский Союз, говорил о другом. Возможно, для нейтрализации его враждебности к Советскому Союзу Сунь Ят-сен назначил комиссаром школы действительно левого деятеля, одного из руководителей ЦИК Гоминьдана и правительства Ляо Чжун-кай, выступавшего за укрепление дружбы с Советским Союзом и использование опыта строительства Красной Армии.

В 1924 г. на содержание школы Хуанпу Советский Союз предоставил 100 тыс. гуанчжоуских долларов¹³. Курсанты и бойцы сформированных на базе школы Хуанпу первых частей революционной армии были вооружены советским оружием¹⁴.

Занятия в школе Хуанпу начались 1 мая 1924 г., а 16 июня состоялось ее торжественное открытие в присутствии Сунь Ят-сена, других руководителей Гоминьдана и Гуанчжоуского правительства, а также советских военных и политических советников во главе с М. М. Бородиным.

В речи на церемонии открытия школы Хуанпу Сунь Ят-сен сказал: «Сейчас революция завершена лишь частично, а это — результат того факта, что мы не имеем революционной армии, чтобы достичь конечной цели, которую преследует революционная партия. Ввиду того

¹¹ «Сяндао», 1924, № 92; Ли Цзи-ку. Национально-революционная армия и политработа в ней. — «Революционный Восток», 1927, № 2, стр. 22.

¹² Ляо Чжун-кай. Сборник произведений. Пекин, 1963, стр. 126, прим. 1 (на кит. яз.).

¹³ А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае, 1924—1927. М., 1970, стр. 50—51.

¹⁴ М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 139.

что мы имеем только революционную партию, борющуюся за осуществление революции, но не имеем революционной армии, республика находилась и все еще находится под контролем милитаристов и политиканов, которые опустошают ее; вследствие отсутствия демократической базы наша революция не может достичь конечного успеха. Открывая сегодня эту школу, мы надеемся, что создадим революционную армию, основой которой будут курсанты этой школы. Курсанты должны стать костяком революционной армии. Если костяк будет хорошим и мы создадим революционную армию, то наша революция добьется успеха. Если же не будет революционной армии, китайская революция будет вечно терпеть поражения»¹⁵. В то же время Сунь Ят-сен связывал создание школы с задачей использования опыта Октябрьской революции: «Сопоставление итогов китайской и русской революций, выявление причин, в силу которых они принесли столь различные результаты, явилось для нас хорошим уроком. А усвоив этот урок, мы и открываем эту школу»¹⁶. В другом своем выступлении в школе Хуанпу (3 ноября 1924 г.) Сунь Ят-сен вновь подчеркнул ту же мысль: «...русские революционные методы должны служить образцом для нас»¹⁷.

Об этом же говорил и комиссар школы Ляо Чжун-кай, много сделавший для ее организации и налаживания работы советских советников. 11 мая 1924 г., вступая в должность комиссара, он сказал: «Мы знаем, что после того, как коммунистическая партия, организованная, выработавшая план действий, взяла власть в Советской России, стало возможным перестроить все государственные дела. Появилась единая организация, единая воля и единый дух, поэтому была создана новая жизнь в Советской республике»¹⁸. Обращаясь к опыту борьбы Красной Армии, Ляо Чжун-кай говорил в речи в школе Хуанпу 24 июня 1924 г.: «Русский представитель (М. М. Бородин.— М. Ю.) сказал, что революционная армия России совсем не имела жалованья, на два дня выдавали фунт хлеба, солдаты были раздеты. У них были только горячие сердца революционеров. Мы должны стать людьми революционной партии, сейчас надо отказаться от всего частного, индивидуалистического, иначе нельзя находиться в революционной армии»¹⁹.

Советники, прибывшие из СССР, приняли непосредственное участие в организации школы Хуанпу, ее работы. М. М. Бородин считался советником не только ЦИК Гоминьдана и правительства, но и школы Хуанпу. В дальнейшем М. М. Бородин неоднократно выступал перед курсантами и преподавателями, обсуждая вопросы работы школы, ее материального обеспечения, политического просвещения личного состава и т. д. В. Я. Поляк был назначен старшим советником школы, А. И. Черепанов и Н. И. Терешатов занимались строевой, стрелковой и тактической подготовкой.

Советская помощь была одним из главных факторов, обеспечивших успех работы военной школы Хуанпу. Росло количество курсантов (первый набор — 400 чел., второй — 500, третий — 800, четвертый — 2558 чел.)²⁰ и число специальностей. Курсанты первого набора

¹⁵ Сунь Ят-сен. Избр. произв. Чунцин, 1943, стр. 1041—1042 (на кит. яз.).

¹⁶ Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 469—470.

¹⁷ Сунь Ят-сен. Избр. произв. Чунцин, 1943, стр. 1039 (на кит. яз.).

¹⁸ Ляо Чжун-кай. Сборник произведений. Пекин, стр. 157—158 (на кит. яз.).

¹⁹ Там же, стр. 162.

²⁰ С. Калачев. Вампу (к четвертому выпуску Вампу — октябрь 1926 г.). — «Кантон», № 1 (10), 1927, стр. 163, 164, 170.

обучались вместе, второй набор был разделен на 3 факультета: пехотный, артиллерийский и инженерный, в третьем наборе была организована подготовка также связистов и интендантов.

Большое значение имела организация в составе школы Хуанпу политического факультета, который готовил политработников для революционных войск. Создание этого факультета усиливало позиции коммунистов и левых гоминьдановцев, которые действительно хотели применить в китайской революции опыт строительства советских вооруженных сил. Поэтому Чан Кай-ши всячески препятствовал его открытию и занятия на нем начались только в феврале 1926 г. Для обучения на политическом факультете были отобраны 460 лучших курсантов, в том числе 99 коммунистов²¹.

В подготовке политработников, разработке программ, чтении лекций, политинформациях большую роль играли китайские коммунисты Юнь Дай-ин (старший преподаватель политических дисциплин), Не Жун-чжэнь, Сяо Чу-ньюй, Чжоу Энь-лай, бывший в 1924—1925 гг. начальником политотдела школы, Сюн Сюн, занявший этот пост в 1926 г., левый гоминьдановец Дэн Янь-да, а также советские советники М. М. Бородин, В. К. Блюхер, А. И. Черепанов, И. Я. Разгон, В. А. Степанов, В. П. Рогачев, И. К. Мамаев, С. Н. Наумов, несколько лекций на тему о двух направлениях в развитии военной мысли — буржуазном и советском — прочитал во время пребывания в Гуанчжоу А. С. Бубнов (Ивановский)²².

Как вспоминал один из советников по политработе С. Н. Наумов (Калачев): «Политотдел представлял собой нечто вроде Политсекретариата начальника школы»²³. Положение изменилось после того, как в начале 1926 г. политотдел был реорганизован и укреплен. С осени 1925 г. его возглавил видный деятель гуанчжоуской организации КПК Сюн Сюн (С. Н. Наумов называет его «полковник Шэн»)²⁴.

В своей политической работе коммунисты опирались на созданное курсантами-коммунистами Чжоу И-цюнем и Ли Лао-гуном среди слушателей школы общество «Искра» («Хосин шэ»), из которого вырос Союз молодых воинов Китая, возглавлявшийся членами КПК Цзян Сян-юнем, Чжоу И-цюнем, Ван И-фэем. В. К. Блюхер подчеркивал значение этой организации, включив в «Общую сводку перспектив ближайшей работы» от 10 января 1925 г. следующий пункт: «11. Всемерное внимание к только что народившейся в Кантоне организации «Союз молодых солдат и молодых офицеров», имеющей целью сплотить революционно настроенную часть военной молодежи»²⁵.

Одновременно с укреплением военной школы началось формирование учебных подразделений — двух батальонов, позднее развернутых

²¹ С. Калачев. Вампу. — «Кантон», № 1 (10), стр. 181. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1961 г., С. Н. Наумов (Калачев) называет цифру — 500 слушателей политкласса («Советские добровольцы в первой гражданской революционной войне в Китае», М., 1961, стр. 131).

²² «Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне», стр. 131—132.

²³ «Кантон», 1927, № 1 (10), стр. 179. Об этом же писал в отчете о политработе за 1926 г. Сюн Сюн («Хуанпу жикань», 1. 1927).

²⁴ Формально начальником политотдела считался заместитель комиссара школы Шао Ли-цзы, а Сюн Сюн числился его заместителем, но именно он руководил работой политотдела. В китайской литературе политработа в школе Хуанпу связывалась почти исключительно с именем Чжоу Энь-лая. В действительности, как свидетельствуют источники, подъем политработы в школе приходится на период, когда Чжоу Энь-лай уже не был начальником политотдела, Сюн Сюн был убит в апреле 1927 г.

²⁵ А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае, 1924—1927. М., 1970, стр. 75.

в полки. Они участвовали вместе с курсантами школы Хуанпу в подавлении контрреволюционного мятежа купеческой милиции, в разгроме войск гуандунского милитариста Чэнь Цзюнь-мина, в ликвидации мятежа юньнаньских и гуансийских милитаристов. При поддержке Советского Союза из этих частей был образован 1-й корпус Национально-революционной армии. Советские военные советники непосредственно участвовали в борьбе с вооруженной контрреволюцией в Гуандуне. Так, операцией по разгрому юньнаньских и гуансийских милитаристов, попытавшихся в июне 1925 г. свергнуть Гуанчжоуское правительство, непосредственно руководил В. К. Блюхер. Советники помогли разгромить в двух Восточных походах милитариста Чэнь Цзюнь-мина, подготовить и осуществить знаменитый Северный поход.

1 июля 1925 г. было провозглашено образование Национально-революционной армии Китая в составе шести корпусов, в которые были направлены советские военные советники, а часть командных постов заняли подготовленные при участии советских военных специалистов офицеры — выпускники школы Хуанпу.

Для выработки предложений по вопросу о помощи Советского Союза Гуанчжоускому правительству в организации Северного похода в Гуанчжоу выезжала специальная комиссия во главе с членом Оргбюро ЦК ВКП(б) и Реввоенсовета, начальником Политуправления РККА А. С. Бубновым (Ивановским), в которую входили секретарь Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б) Н. А. Кубяк и представитель ВЦСПС И. И. Лепсе. План национально-революционной войны против ставленников империализма — северных милитаристов, получивший наименование Северного похода, был разработан при непосредственном участии советских военных советников во главе с В. К. Блюхером.

Национально-революционная армия получила из СССР оружие, советские военные советники делили с бойцами НРА тяготы боев, советские летчики сыграли выдающуюся роль в одной из самых важных побед Северного похода — освобождении Ухани. Китайский народ высоко ценил бескорыстную советскую помощь, самоотверженную работу советников. Особенно популярен был В. К. Блюхер. Советский посол Л. М. Карахан сообщал 1 марта 1925 г., когда заканчивался первый этап боевых действий революционных войск против гуандунского милитариста Чэнь Цзюнь-мина (1-й Восточный поход): «На имя гомиьндановского ЦИК получают телеграммы, где все кантонские генералы выражают свое восхищение и восторг нашим комсоставом, и в особенности Блюхером»²⁶. В отчете советского военного работника А. Хмелева, относящемся к периоду Северного похода, говорилось: «Галину буквально нельзя никуда выйти на улицу без того, чтобы его движение по улице не встречалось бурно выраженными овациями населения... Для китайского населения имя Галина стало нарицательным, теперь уже всех русских советников зовут Галиными»²⁷.

Эта популярность была выражением чувств благодарности народа Китая за помощь советского народа, советских коммунистов китайской революции.

В 1919 г. В. И. Ленин говорил в докладе на 2 съезде коммунистических организаций народов Востока: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение»²⁸. Работа советских

²⁶ А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае. 1924—1927. М., 1970, стр. 33.

²⁷ «Исторический архив», 1959, № 14, стр. 125.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 321.

военных и политических советников в Китае накануне и в период революции 1925—1927 гг. — яркое подтверждение этого ленинского предвидения.

После контрреволюционных гоминьдановских переворотов 1927 г. в Китае сложилась новая обстановка. Раскол единого фронта осложнил освободительную борьбу народных масс. В 1927—1928 гг. КПК, новое руководство которой возглавил Цюй Цю-бо, подняла ряд вооруженных восстаний рабочих, крестьян и солдат гоминьдановской армии. Эти восстания привели к образованию первых частей китайской Красной армии. В них участвовали Чжу Дэ (ставший командиром 4-го корпуса Красной армии), Мао Цзэ-дун (ставший комиссаром этого корпуса), Пэн Дэ-хуай и Тэн Дай-юань (соответственно командир и комиссар 5-го корпуса), Хэ Лун (командир 2-го корпуса), Сюй Сян-цян (командир 1-го корпуса), Хуан Гун-люэ (командир 3-го корпуса), Дуань Дэ-чан и Чжоу И-цюнь (командир и комиссар 6-го корпуса), Чжан Юнь-и и Дэн Сяо-пин (командир и комиссар 7-го корпуса), Фан Чжи-минь (командир 10-го корпуса), Чжоу Энь-лай, Е Тин, Линь Бо-шуй, Лю Бо-чэн, Линь Бяо, Е Цзянь-ин, Не Жун-чжэнь, Чэнь И, Дэн Цзы-хуэй, Чжан Дин-чэн, Ло Жун-хуань, Лу Дэ-минь, Пэн Бай, Су Юй, Тань Чжэн, Тань Чжэн-линь, У Юй-чжан, У Гай-чжи, Хэ Чан-гун, Чжоу Ши-ди, Чэнь Гэн, Шао Ши-пин, Юнь Дай-ин, Сюй Хай-дун и многие другие. Не случайно Мао Цзэ-дун в 1930 г. писал о «политике Чжу Дэ—Мао Цзэ-дуна, политике Фан Чжи-миня»²⁹.

Но дело не только в том, что Мао Цзэ-дун не играл в создании Красной армии Китая исключительной роли, которую он себе приписал еще в 1936 г. в беседах с Э. Сноу³⁰. Уже в 1927 г., во время восстания «осеннего урожая» в Хунани, он проявил немарксистский подход к вопросу о соотношении массового движения и военных форм борьбы и на ноябрьском пленуме ЦК КПК (1927 г.) был выведен из кандидатов в члены Временного Политбюро ЦК КПК и из Хунаньского провинциального комитета КПК за «военный оппортунизм», который в резолюции пленума был охарактеризован как «вера лишь в военные силы и в военную подготовку и план военного выступления — при отсутствии мобилизации масс и веры в массы. Таким образом, видеть в восстании лишь военные действия при недостаточной массовой борьбе — оппортунизм»³¹. Об этом же говорилось на VI съезде КПК: «В вопросе об осеннем восстании мы, несомненно, ошиблись, потому что мы недооценили значение субъективных сил, а превратили его в военную спекуляцию, в военный оппортунизм»³².

Учитывая особое значение военного фактора в китайской революции, VI съезд КПК, проходивший под непосредственным руководством Коминтерна в 1928 г. в Москве, специально обсудил военный вопрос. Военная комиссия съезда, в работе которой участвовали советские военные специалисты³³, разработала предложения по организации, стратегии и тактике Красной армии Китая. Ряд разделов политиче-

²⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., М., 1952, т. 1, стр. 195.

³⁰ E. Snow. Red Star over China. London, 1937, p. 163—167.

³¹ «Материалы по китайскому вопросу», 1928, № 1 (10), стр. 9.

³² «Стенографический отчет VI съезда КПК». М., 1930, кн. 2, стр. 79. См. также статью А. Титова «„Левый“ оппортунистическая позиция Мао Цзэ-дуна в период восстания «осеннего урожая» в Китае (1927 г.)». — «Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна». М., 1969.

³³ А. М. Горький. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов. — «Коминтерн и Восток». М., стр. 323.

ской резолюции, резолюции по крестьянскому вопросу и резолюции по организации Советской власти посвящен военному вопросу, партизанской войне, организации Красной армии³⁴.

В последующие годы Исполком Коминтерна принял ряд решений, сыгравших важную роль в становлении и развитии Красной армии Китая, из которых особое значение имела резолюция Президиума ИККИ о задачах КПК (26 августа 1931 г.). В ней говорилось, что «рабоче-крестьянская Красная армия, руководимая коммунистами, естественно, становится центром собирания, сплочения и организации революционных сил рабочих и крестьян, важнейшим рычагом подъема всего революционного движения, высшим выражением революционного кризиса в Китае и основной формой борьбы за свержение гоминьдана, силой, обеспечивающей наверняка дальнейшее мощное развитие революции»³⁵.

Коминтерн наряду с выработкой на основе китайского и международного революционного опыта ценнейших рекомендаций китайской компартии по военному вопросу направил в Китай в качестве военного советника ЦК КПК германского коммуниста — интернационалиста Отто Брауна (Ли Дэ). Работая в войсках КПК с начала 1932 г. до осени 1939 г., О. Браун сыграл большую роль в укреплении Красной армии Китая, выработке ее стратегии и тактики, руководстве боевыми действиями³⁶.

Таким образом, исторические факты свидетельствуют о том громадном значении, которое имела помощь международного коммунистического движения в лице Коминтерна и его ведущей секции — КПСС для создания вооруженных сил китайской революции.

³⁴ «Стенографический отчет VI съезда КПК» (НИИ по Китаю. На правах рукописи). М., 1930, кн. 4, стр. 17—18.

³⁵ «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая». М., ИМХ и МП, 1934, стр. 296.

³⁶ См. его интервью «Как Мао Цзэ-дун шел к власти». — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4, стр. 129—151.

Реорганизация партии по-маоистски

Г. А. Сергеева

Общезвестно, что в ходе «культурной революции» КПК, как направляющая и руководящая сила общества, была, по существу, разгромлена. В стране была установлена военно-бюрократическая диктатура, основным органом которой являлась армия. Однако вскоре маонисты убедились в том, что руководство армии неоднородно и вовсе не желает исполнять все указания группы Мао Цзэ-дуна. Боясь того, что армия становится самодовлеющей политической силой, Мао Цзэ-дун и его сторонники стали помышлять о создании новой политической партии, которая бы смогла исполнять роль инструмента военно-бюрократической диктатуры, проводника маонистской идеологии и политики.

В конце 60-х годов маонисты предпринимают немалые усилия для «упорядочения и строительства партии». В ходе этой кампании центральным идеологическим лозунгом было требование внедрить в партии «единое руководство».

Это означает, писал позднее центральный орган ЦК КПК журнал «Хунци», прежде всего руководство председателя Мао, его политической линии и установок¹. В 1969 г. проходил IX съезд КПК, который принял новый устав, официально закрепивший существенные изменения в характере партии. Были пересмотрены идейно-теоретические основы партии, марксизм-ленинизм был, по существу, подменен маонизмом. Марксизм-ленинизм маонисты использовали в качестве идеологического прикрытия. Дело в том, что и в самом уставе, и во всей пропаганде утверждалось, что «идеи Мао Цзэ-дуна» «есть марксизм-ленинизм такой эпохи, когда империализм идет к всеобщему краху, а социализм — к победе во всем мире»². Далее в Уставе утверждалось, что Мао Цзэ-дун якобы «унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм, поднял его на совершенно новый этап»³. Ясно, что каждый член КПК понимает такой подход как необходимость руководствоваться именно «идеями Мао Цзэ-дуна». Что касается самих «идей Мао Цзэ-дуна», то они уже получили название в марксистской литературе как идей анти-марксистских, мелкобуржуазных и националистических.

Прежние организационные основы партии, и прежде всего принцип демократического централизма, были заменены маонистским подходом к формированию и функционированию партийных организаций и руководящих партийных органов.

X съезд КПК (август 1973 г.) принял новый Устав КПК, однако идеологические и организационные основы, характер КПК как политической организации остались прежними, маонистскими.

Создание новой политической партии началось сверху, с созыва IX съезда КПК и назначения «на основе консультаций» на нем руководящих органов. После этого началась работа по созданию провинциальных парткомов — руководства среднего звена партийных органов. В этом процессе отразились многие моменты, характерные для нынешней КПК, идеологические и организационные основы которой составляют «идеи Мао Цзэ-дуна». Поэтому есть смысл рассмотреть процесс формирования среднего руководящего звена КПК — провинциальных парткомов — более подробно.

Первым был создан партком в провинции Хунань. Это было в декабре 1970 г., а в августе 1971 г. было завершено создание парткомов во всех 29 провинциях и автономных районах. Для провинциальных партийных конференций, на которых избирался новый состав парткомов, было характерно полное игнорирование партийной демократии, общепринятой в марксистских партиях. Конференции созывались без предварительного проведения партийных конференций низовых партийных организаций. Больше того, парткомы провинциального уровня создавались, не имея основы, поскольку многие парткомы уездных, районных и т. п. организаций еще не были созданы, и они возникли уже после образования провинциальных парткомов. Например, только в 1972 г., почти через год после создания парткома Тибетского автономного района, стало известно о создании парткомов районов Лхасы, Чамдо, Шигацзе.

¹ «Хунци», 1972, № 11.

² «IX Всекитайский съезд КПК (документы)». Пекин, 1969, стр. 102.

³ Там же.

Доклады на партийных провинциальных конференциях читались не от имени парткомов прежнего состава, а руководителями так называемых «групп партийного ядра» ревкомов. Состав новых парткомов не избирался, а формировался путем так называемых «многократных обсуждений и демократических консультаций». Иными словами, демократический принцип выборности был заменен подбором и назначением кадров сверху. О созыве провинциальных партийных съездов заранее не сообщалось, информация о конференциях появлялась только по завершении их работы. Видимо, костяк парткомов был определен еще на IX съезде КПК в апреле 1969 г., поскольку почти половина руководящего состава их была членами и кандидатами в члены ЦК КПК.

Заслуживает внимания и отсутствие какого-либо единообразия в структуре парткомов. В одних парткомах есть вторые секретари, в других — нет; в одних есть заместители секретаря, в других — нет и т. д. по всем звеньям руководства парткомов. Различались между собой парткомы провинциального уровня и по количественному составу (от 3 до 7 человек). Эти колебания объясняются, по-видимому, борьбой между группировками — так называемыми «тремя силами» на местах: военными, «революционными кадровыми работниками» и «революционными массами», и желанием найти какой-то приемлемый компромисс между ними путем соответствующего распределения руководящих постов в парткомах. Такие особенности организации парткомов свидетельствуют о больших трудностях, с которыми столкнулось маонистское руководство при их создании.

Армии была отведена ведущая роль при создании парткомов провинциального уровня, что сказалось на их составе. После завершения создания новых парткомов провинциального уровня в августе 1971 г. 22 из 29 первых секретарей были военными. Из 158 человек руководящего состава парткомов — то есть из числа первых и вторых секретарей, секретарей и заместителей секретарей — на долю военных приходилось 60%. Специфическую особенность формирования парткомов провинциального уровня в Китае, представляющую собой нарушение общепринятых норм партийного строительства, составляло сосредоточение всех видов власти в провинции в руках одних и тех же лиц, большей частью военных. Как правило, первые секретари парткомов были в то же время председателями ревкомов и командующими или политическими комиссарами соответствующих военных округов. Так обстояло дело, например, в Шэньянском, Цзинаньском, Нанкинском, Уханьском, Фучжоуском, Ланьчжоуском, Гуанчжоуском больших военных округах, в провинциях Цинхай, Шанси, Аньхой, Цзилнь, в Тибетском автономном районе. В тех же парткомах провинциального уровня, где первые секретари были гражданскими лицами, рядом с ними на посту второго секретаря или секретаря парткома обязательно стояли военные, — так было, например, в парткомах Тяньцзиня, Хэнани, Гуанси-Чжуанского автономного района.

И в настоящее время при всех происходящих изгибах в политике маонистов военные сохраняют большую власть. Концентрация власти в их руках имела двойной результат. Во-первых, военные привнесли с собой в партийный аппарат жесткую военную дисциплину, основанную на беспрекословном послушании, парткомы превратились в «аудиторию, где говорит только один», т. е. первый секретарь; он — полный хозяин положения, а всем остальным отводится роль простых исполнителей. Тем самым армия получила на местах огромную власть, чреватую опасностями для других влиятельных группировок. Отсюда — нескончаемые и на первых порах не очень результативные призывы маонистов к соблюдению «принципов демократического централизма», поддержания «коллективного руководства», к тому, чтобы «парткомы превращались в аудиторию, где выступают все, а не один»⁴. Заслуживает внимания, что призывы эти стали раздаваться еще в 1971 г. и продолжают до сих пор. Во-вторых, сосредоточение власти в руках военных сделало их могущественными «князьями» на местах, в провинциях, по территории и населению равных целым странам. Заметное развитие получила тенденция к созданию автономии на местах, что вызвало тревогу у маонистов. Полновластные первые секретари парткомов, возглавлявшие единолично все или почти все руководящие посты в провинциях, не всегда и не везде беспрекословно подчинялись указаниям Пекина. Этим объясняется появление призывов к борьбе с «поллицентризмом», «местничеством» и т. п. Явное беспокойство слышно в обращении к «местным парткомам» в журнале «Хунци»: «...Если в линии и политике проводить сверху («линии и политики Мао и ЦК КПК». — Г. С.) что-нибудь другое, это может привести к полицентризму, двоцентрию, можно оторваться от централизованного руководства партии...»⁵ В докладе Ван Хун-вэня на X съезде КПК партийным комитетам снова настоятельно рекомендовалось «не насаждать горное местничество»⁶.

Засилье военных в партийном аппарате провинциального уровня и концентрация в их руках всех видов власти в условиях мира и социализма, в условиях, когда коммунистическая партия стоит у власти, нельзя считать нормальным явлением. Оно несовместимо с общепринятыми, выработанными десятилетиями принципами партийного

⁴ «Хунци», 1973, № 9.

⁵ «Хунци», 1972, № 11.

⁶ «X Всекитайский съезд КПК (документы)». Пекин, 1973.

строительства в социалистических странах. Надо сказать, что и в самом Китае до «культурной революции» лишь один первый секретарь из 29 во всей стране держал в своих руках все виды власти, а еще четыре занимали одновременно с партийными высокими административные посты. Надо подчеркнуть, что всевластие военных на местах, приобретенное ими в ходе внутрипартийной борьбы во время «культурной революции», весьма беспокоит маоистское руководство совсем не потому, что оно представляет собой грубое нарушение норм партийного строительства, но тем, что таит в себе грозную опасность для этого руководства.

Характерно, что в течение трех с лишним лет с момента создания провинциальных парткомов, по всей видимости, все еще нет ясности в их взаимоотношениях с ревкомками. Нет и четкости в разделении функций между ними в отличие от того, что было между парткомками и народными комитетами провинций до «культурной революции». Судя по имеющейся информации, парткомы осуществляют руководящую роль: созывают совещания, издаю директивы и указания практически по всем вопросам, ущемляя тем самым полномочия ревкомов, зачастую игнорируя их. В связи с этим в маоистской пропаганде и в материалах X съезда раздаются призывы к тому, чтобы парткомы «не погрызали в мелочах», что «усиливать руководство ревкомом вовсе не означает подменять его в работе», что надо «развивать роль ревкомов» под руководством парткомов⁷ и т. п. Это также несомненно свидетельствует об опасениях Пекина по поводу чрезвычайного усиления военных.

Характерная особенность деятельности парткомов провинциального уровня в настоящее время заключается в отсутствии гласности. В печати, например, не встречаются сообщения о проведении пленумов или совещаний парткомов, статьи или выступления их руководящих работников. До «культурной революции» положение было иным: выступления секретарей провинциальных парткомов широко публиковались в печати и передавались по радио. Последний доклад секретаря провинциального парткома, опубликованный в печати, — доклад первого секретаря Хубэйского парткома Ван Жэнь-чжуна на провинциальном совещании по работе в деревне 12 февраля 1966 года⁸. Если же теперь в печати и публикуется какой-либо материал от имени парткома провинциального уровня, то он пишется анонимным авторским коллективом — «группой обозревателей», «группой корреспондентов» или «группой по обследованию». Но и количество подобных материалов постепенно сокращается: если в 1972 г. в «Хунци» находим относительно много подобных сообщений «авторских коллективов», то в 1973 г. они практически исчезают.

Однако почти ежедневно можно прочитать много статей и заметок за подписью партийных руководителей более низкого ранга — парткомов уездов, коммун, заводов, бригад, цехов и т. п. Вместе с тем на проходивших в течение 1973 г. провинциальных съездах профсоюзных, комсомольских, женских организаций, как правило, присутствовали первые секретари, а иногда и другие руководящие работники парткомов соответствующих провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, и первые секретари выступали с докладами. Вне всякого сомнения, что основой этих докладов служил директивный документ маоистского руководства, поскольку в большинстве случаев они повторяли друг друга с незначительными отклонениями в соответствии с местными условиями. По-видимому, отсутствие самостоятельных выступлений руководителей парткомов провинциального уровня отнюдь не случайное явление. Только тогда, когда имеется из Центра четкая директива и определенные указания, так что нельзя попасть в просак (как это было на провинциальных съездах общественных организаций), появлялись и санкционированные сверху выступления руководителей парткомов.

Анализ деятельности современных парткомов провинциального уровня показывает, что за прошедший период существования парткомов их руководящий состав претерпел весьма существенные изменения: часть была «вычищена», часть переведена в другие районы, часть заново кооптирована. Обо всех этих изменениях, кстати сказать, не сообщалось ни в печати, ни по радио — просто новые лица или «реабилитированные» бывшие партийные работники появлялись «явочным» порядком с новым титулом на каком-либо общественном мероприятии.

О пленумах и рабочих совещаниях провинциальных партийных комитетов можно узнать только из сообщений местных радиостанций. Например, известно, что в 1973 г. пленумы созывались в провинциях Хэйлуцзян, Цзилнь, Ляонин, Хубэй. Очевидно, что такая атмосфера секретности — явление ненормальное для функционирования органов коммунистической партии, оно говорит о неблагополучии внутри партии, о нарушении норм партийной жизни, об отсутствии духа действительной партийной демократии.

Такой вывод подтверждает и созывавшийся в августе 1973 г. X съезд КПК, который проводился так, как если бы коммунистическая партия в стране находилась в условиях подполья. Грубейшим нарушением организационных принципов коммунистической партии был порядок созыва X съезда, когда без созыва провинциальных партийных

⁷ «Жэньминь жибао», 9.IV. 1972.

⁸ «Жэньминь жибао», 7.IV. 1966.

съездов делегаты появились путем «широкого развития демократии, включая многократный обмен мнениями и консультации по поводу кандидатов в делегаты и запрос мнений у партийных и беспартийных масс в районах и организациях, выдвинувших своих кандидатов на съезд»⁹. Понятно, что подобный порядок выдвижения делегатов как нельзя более на руку маоистскому руководству, так как давал ему возможность подобрать нужный состав съезда. Однако он лишает 28-миллионную армию китайских коммунистов прислать своих действительных делегатов для участия в съезде. Такого чуждого партийной демократии порядка выборов руководящих органов маоисты намерены придержать и в будущем, о чем говорят статьи нового устава, принятого на съезде.

Хотя парткомы провинциального уровня не созывали в порядке подготовки к X съезду провинциальных партийных конференций, тем не менее, как это выяснилось только на съезде, они вели подготовительную работу по пересмотру устава партии. После Рабочего совещания ЦК КПК в мае 1973 г. по вопросу о пересмотре устава партии провинциальные парткомы, а также другие крупные парткомы, создали «группы по пересмотру устава». После будто бы «широкого запроса мнений партийных и беспартийных масс» они «официально представили в ЦК 41 проект пересмотренного устава партии»¹⁰. Во всяком случае, до съезда ни в печати, ни по радио не было сказано ни слова.

По всей видимости, после X съезда КПК парткомам провинциального уровня было дано указание развернуть кампанию за изучение документов X съезда. Вскоре агентство Синьхуа сообщило о том, что «партийные комитеты различных провинций, городов центрального подчинения и автономных районов страны... усердно изучают коммюнике X съезда партии». Вероятно, парткомы созывали и специальные пленумы по этому вопросу, однако, как всегда, их деятельность окружена завесой молчания, и известно только, что такой пленум был проведен Хубэйским провинциальным парткомом. Из отдельных сообщений печати и радио видно, что повсюду были созданы специальные учебные курсы, созывались семинары и совещания, посвященные изучению документов X съезда. Надо полагать, что партийные комитеты провинциального уровня принимали в этом самое непосредственное участие.

Характернейшей особенностью современных провинциальных парткомов является их нестабильность. Прежние парткомы, имевшие своей основой линию VIII съезда КПК, были прочным и стабильным партийным аппаратом Коммунистической партии Китая в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, прочной опорой ЦК КПК на местах. Это были сильные и авторитетные партийные органы, не скрывавшие своей работы и не менявшие каждые год-два своих руководителей. Теперешние маоистские партийные комитеты в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения не могут идти с ними ни в какое сравнение. Это непрочный организационный аппарат маоистской партии, имеющей своей основой маоистские идейно-теоретические концепции, партии, раздираемой беспринципной внутренней борьбой за власть. Подтверждением этому служат две крупные «чистки», которые за недолгое время своего существования уже претерпели парткомы: в связи «с делом Линь Бяо» (1971 г.) и в конце 1973 г. Как указывалось выше, в связи с исчезновением со сцены Линь Бяо маоистское руководство провело основательную перетряску руководящего состава провинциальных парткомов. Один за другим устранялись сторонники Линь Бяо, занимавшие в парткомах посты первых и вторых секретарей в 8 провинциях. Вторую важную перестановку маоисты провели всего через 4 месяца после X съезда КПК — в декабре 1973 г., когда из одних провинций в другие были перемещены командующие военными округами. Поскольку сосредоточение всех видов власти в одних руках было явлением повсеместным, эту акцию можно рассматривать как попытку ослабить влияние военных на местах, порвать устоявшиеся отношения военного руководства с местным партийным руководством. В результате этой реорганизации 8 командующих военными округами, одновременно занимавших посты секретарей парткомов и председателей ревкомов в соответствующих провинциях, были переведены в другие районы. Та же участь постигла секретарей парткомов еще двух провинций, тоже являвшихся военными¹¹. Таким образом, в 8 парткомах провинциального уровня снова произошла смена руководящего состава.

Менее чем за три года партийные комитеты провинциального уровня испытали существенные перемещения, что отражает общую нестабильную обстановку внутри КПК, борьбу фракций в руководящей верхушке. Эти перестановки говорят о боязни и недоверии маоистского руководства по отношению к своим же кадрам — провинциальным партийным руководителям, членам ЦК, что и приводит к частым сменам руководящего состава парткомов провинциального уровня.

Отмеченные выше специфические особенности нынешних парткомов провинциального уровня — антидемократичность их образования, засилье военных в них, атмосфера

⁹ «X Всекитайский съезд КПК (документы)». Пекин, 1973.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Жэньминь жибао», 2.I. 1974.

секретности, окружающая их деятельность говорят о том, что в этих органах руководящего партийного аппарата среднего звена, как в зеркале, отражается беспокойная внутривнутриполитическая обстановка в стране. Непрекращающаяся борьба внутри партии за власть, крайний субъективизм маоистских руководителей в проведении политической линии и достижении своих личных целей предопределяют неустойчивость партийных комитетов провинциального уровня и в будущем. При этом следует отметить, что, с одной стороны, маоистское руководство придает чрезвычайно большое значение партийным руководителям на местах — этим объясняется, например, то, что все 29 руководителей парткомов провинциального уровня были избраны в состав ЦК КПК X созыва, что 13 секретарей партийных комитетов этого уровня вошли в состав Политбюро ЦК нового созыва, а, в общем, половина руководящего состава парткомов стала членами или кандидатами в члены ЦК КПК X созыва. С другой же стороны, преследуя свои интересы, маоистское руководство, не считаясь ни с чем, крайне бесцеремонно перетасовывает этих же местных лидеров — подтверждением этому является последняя передвижка военных.

Таким образом, вновь сформированная КПК строит свою деятельность на анти-марксистских идейно-теоретических и организационных принципах. Руководство партийных органов назначается сверху. Мао Цзэ-дун и его сторонники прилагают все усилия, чтобы в партии были только люди, воспитанные в духе маоизма и великоханьского национализма. Тем не менее они не доверяют партии и, в частности, руководству провинциальных парткомов, боятся, что руководство на местах может выйти из повиновения. Потому они проводят бесконечные идеологические кампании и политические чистки, а также время от времени перетряхивают состав партийных комитетов.

В борьбе за социально-экономический прогресс

[к итогам XXX сессии
Экономической комиссии ООН
для Азии и Дальнего Востока]

И. А. Алексеев

С 27 марта по 6 апреля 1974 г. в Коломбо проходила XXX сессия Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ). Сессия была весьма представительной: в ее работе приняли участие 29 государств-членов и 4 ассоциированных члена. 17 стран прислали наблюдателей: в их числе 7 социалистических стран Европы — Венгрия, Польша, Болгария, Чехословакия, ГДР, Румыния и Югославия. В сессии участвовали и представители 16 организаций и специализированных учреждений ООН, 5 межправительственных и 14 неправительственных организаций.

На сессии ощущалось веяние перемен, проявляющихся в переходе от длительного периода напряженности и «холодной войны» к разрядке и утверждению принципов мирного сосуществования, к деловому сотрудничеству стран с различным социальным строем.

На рассмотрении сессии были вынесены важные вопросы, от решения которых во многом зависит реализация главной цели Комиссии — способствовать проведению согласованных мероприятий по обеспечению экономического развития стран Азии и Дальнего Востока и повышению уровня жизни их населения. Это в первую очередь экономическое и социальное положение в районе ЭКАДВ в 1973 г., реорганизация ЭКАДВ, деятельность Комиссии в области промышленности, планирования, торговли, транспорта и связи, рассмотрение выполнения региональных проектов, программа и порядок очередности работы ЭКАДВ на 1974 и 1975 годы.

На открытии сессии выступила С. Бандаранаике — премьер-министр Шри Ланка. Она указала на «беспрецедентный международный экономический кризис», который оказывает серьезное воздействие на экономику региона ЭКАДВ. Она предложила создать Всемирный фонд удобрений за счет возросших доходов нефтепроизводящих стран и сбора «продовольственного налога» в размере 0,5% от стоимости экспорта всех стран.

С обширным заявлением выступил Дж. Марамис. Он говорил о том, что для района ЭКАДВ тяжелые последствия имеют: рост инфляции и расстройство денежной системы; продовольственный кризис, возникший в 1973 г.; нехватка сырья и быстрое накопление валюты и капиталов производителями сырья, находящимися в выгодном положении (особенно экспортерами нефти и международными корпорациями); усиление протекционизма в развитых капиталистических странах; тенденция к уменьшению помощи, предоставляемой ими, и др.

Секретариат ЭКАДВ подготовил к XXX сессии обстоятельный документ: «Обзор экономического положения в Азии и на Дальнем Востоке». В выступлениях ряда делегаций с одобрением говорилось о том, что секретариат обратил особое внимание на массовую нищету, безработицу и неполную занятость в странах региона. Давно назрела необходимость показать масштабы этих тревожащих явлений, а также неудовлетворительность существующих в развивающихся странах района ЭКАДВ социальных структур и указать наиболее эффективные пути разрешения этих проблем.

Во многих развивающихся странах национальными богатствами фактически владеют международные корпорации, интересы которых противоположны национальным интересам этих стран. Об этом свидетельствуют, в частности, известные факты выступлений против господства иностранного капитала в Индонезии, Таиланде, Малайзии, Сингапуре, движение за национализацию ключевых отраслей экономики в ряде других стран. В результате выкачивания национальных богатств иностранным капиталом и действия других факторов, обуславливающих подчиненное положение развивающихся стран на мировом капиталистическом рынке, страны района ЭКАДВ не в состоянии обеспечить стабильный уровень накоплений. Это ограничивает возможности таких стран

проводить действительную политику комплексного развития национальной экономики и повышения на этой основе уровня жизни населения. Между тем экономические успехи стран региона, проводящих национализацию ключевых отраслей экономики, указывают на то, что такая мера экономически состоятельна и осуществима.

Представленные в обзоре Секретариата данные вызывают серьезную озабоченность. Хотя за 20 лет (1950—1970 гг.) в развивающихся странах достигнуто некоторое снижение относительного уровня неграмотности, абсолютное число неграмотных увеличивается. Еще более тревожно звучит тезис, согласно которому дальнейшее распространение образования обострит проблему занятости. Выход из положения усматривается в сужении (!) масштабов обучения в университетах, колледжах и даже в средних учебных заведениях. В ходе дискуссии представитель СССР убедительно показал, что постановка вопроса, о свертывании, а не о повышении эффективности существующих систем образования принципиально несостоятельна. Подобное решение лишь затормозит преодоление отсталости и не отвечает интересам развивающихся стран. Практика Советского Союза и других социалистических стран свидетельствует, что развитие образования служит неслучайно предпосылкой экономического развития и в сочетании с социально-экономическими преобразованиями оно позволяет ускорить преодоление отсталости. Поэтому необходимо ставить вопрос не о свертывании, а о повышении эффективности системы образования, о приведении ее в соответствие с сегодняшними и, что очень важно, завтрашними, перспективными потребностями экономического, политического и культурного прогресса развивающихся стран.

Согласно обзору, экономика в этих странах характеризуется нестабильностью, относительно низкими темпами и во многих случаях консервацией отживших социально-экономических структур. Несмотря на предпринимаемые усилия, этим странам все еще не удается существенно изменить свое положение сырьевых придатков развитых стран с рыночной экономикой. В обзоре констатируется, что во многих государствах района правительственные органы не располагают эффективными рычагами воздействия на процессы экономического развития, все еще не проведена аграрная реформа, невысока эффективность планового аппарата и органов перераспределения доходов и инвестиций в государственных масштабах.

Беспокойство вызывает положение в сельском хозяйстве: в 1971—1972 гг. средние темпы роста сельскохозяйственного производства в регионе сократились на 2,4%, а производство продовольствия на душу населения на 4,9%. Эти цифры приобретают особую значимость, если учесть, что в районе проживает 55% населения мира и 78% населения всех развивающихся стран.

«Зеленая революция» дала определенный толчок развитию сельского хозяйства, но она (об этом говорил Дж. Марамис) не улучшила и сама по себе не может улучшить положение народных масс и перестроить сельское хозяйство. Она лишь ускорила процесс расслоения аграрного населения, углубила пропасть между различными его слоями. «Зеленая революция» не накормила голодных, не обеспечила немущих. Это печальный, но закономерный исход, поскольку она не сопровождалась давно назревшими коренными социальными реформами в деревне.

Комиссия подчеркнула, что первоочередное внимание ЭКАДВ должно быть уделено мерам, направленным на преодоление серьезной нехватки продовольствия и химических удобрений. Выступавшие на сессии представители стран-членов (в том числе делегация СССР) поддержали рекомендации о создании постоянного Комитета по сельскохозяйственному развитию. Комиссия высказалась за то, чтобы этот Комитет тесно сотрудничал с ФАО (Организация ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства) и другими смежными международными организациями. Комиссия приветствовала выраженные несколькими делегациями готовность содействовать работе Секретариата в области сельскохозяйственного развития, и в частности заявление советского представителя о том, что СССР готов поделиться своим опытом путем организации семинаров и учебных курсов.

Советская делегация изложила советскую точку зрения на вопрос о путях развития сельского хозяйства, рассказала о богатом опыте, накопленном в этой области среднеазиатскими республиками и Казахстаном. Этот опыт может быть использован развивающимися странами региона. Советская делегация убедительно показала полную необоснованность утверждений о том, будто бы закупки пшеницы Советским Союзом летом 1973 г. привели к резкому увеличению цен на нее на мировом рынке.

Оживленная дискуссия развернулась вокруг вопросов промышленного развития. Из представленных сессии документов Секретариата ЭКАДВ и доклада Комитета по промышленности и природным ресурсам явствовало, что Секретариат и страны — члены Комиссии предприняли определенные шаги, направленные на дальнейшее развитие индустриализации и укрепление минерально-сырьевой и энергетической базы стран региона. Так, например, существенные успехи в развитии горной промышленности достигнуты в МНР, Индии, Иране, Австралии, Индонезии, Бирме и Шри Ланка. Большие успехи наблюдаются в разведке нефтяных ресурсов и добыче нефти в таких странах, как Иран, Индия, Бирма, Индонезия, Австралия. По-видимому, в шельфовых областях Юго-Восточной Азии, в Индонезии и Австралии в ближайшие годы будут открыты

новые месторождения нефти и газа, что значительно повысит энергетические ресурсы стран региона.

Промышленность во многих странах ЭКАДВ развивается относительно медленными темпами. В ряде случаев рост производства связан с наплывом иностранного капитала, эксплуатирующего дешевую рабочую силу и местные природные ресурсы, и не отвечает потребностям планового развития экономики принимающих помощь стран. Именно этот капитал обычно решает, где и кому продавать производимое сырье и другие товары, насколько целесообразно открытие новых или закрытие имеющихся предприятий и т. п.

В выступлении советской делегации было отмечено, что опыт экономического и социального развития многих развивающихся стран за последние полтора-два десятилетия с достаточной убедительностью подтвердил правильность приоритета индустриализации среди других важных и неотложных проблем, которые стоят перед этими странами. Индустриализация имеет определяющее значение для построения высокоразвитой, многоотраслевой и динамичной экономики и достижения экономической самостоятельности. Она создает материальные предпосылки для повышения жизненного уровня широких слоев населения, позволит решить проблему занятости, организовать рациональную структуру производства и внешней торговли. Она представляет собой, наконец, необходимое условие для сохранения и укрепления политической независимости. Из этого, однако, не следует, что индустриализацию можно проводить без всестороннего учета возможностей страны, степени развития других отраслей хозяйства, особенно сопряженных, емкости рынка и эффективности затрат. Более того, успехи индустриализации и ее воздействие на развитие других отраслей во многом зависят от состояния и структурных сдвигов в этих отраслях, то есть от комплексного развития экономики в целом. Советский делегат подчеркнул, что укрепление государственного и кооперативного секторов национальной экономики, а также проведение необходимых социально-экономических преобразований — важнейшие условия мобилизации внутренних ресурсов.

Конечно, нет единого рецепта, как об этом правильно говорилось в докладе Комитета по промышленности и природным ресурсам, однако мнение многих делегаций сводилось к тому, что развитие экономики их стран должно базироваться на крупной высокоразвитой промышленности. Что касается мелкой и средней промышленности, основанной на применении трудоемкой технологии, то на определенном этапе развития она может стать важным фактором увеличения занятости.

Интересные данные о характере помощи Советского Союза развивающимся странам Азии были приведены в выступлении главы советской делегации Р. Н. Нишанова. Представитель СССР отметил, что Советский Союз накопил богатый опыт взаимовыгодного сотрудничества с 20 странами Азии. За последние 8 лет объем экономического сотрудничества с ними вырос на 115%, в том числе за 1970—1973 гг. — на 30%. При содействии СССР в странах Азии построено и уже эксплуатируется 225 промышленных предприятий и других объектов, ведется строительство еще 175. С помощью советских специалистов в ряде стран района обнаружены промышленные запасы полезных ископаемых. Следуя ленинской политике оказания бескорыстной помощи развивающимся государствам, Советский Союз не имел и не стремится иметь собственность на территории развивающихся стран; его помощь направлена прежде всего на создание ключевых объектов экономики, а именно ведущих отраслей промышленности, энергетики, сельского хозяйства, инфраструктуры и на подготовку квалифицированных национальных кадров. На 1 января 1973 г. 76,6% экономической и технической помощи Советского Союза развивающимся странам приходилось на промышленность, в том числе 32,3% — на черную металлургию и 16% — на энергетику.

Исключительно важным элементом советского торгово-экономического сотрудничества с развивающимися странами является предоставление кредитов для строительства промышленных предприятий с оплатой этих кредитов поставками товаров традиционного экспорта развивающихся стран, а также готовыми изделиями и полуфабрикатами. Доля последних в советском импорте из некоторых азиатских развивающихся стран достигает 25—50% импорта.

Как в рамках двусторонних экономических связей, так и по линии международных организаций Советский Союз полностью признает неотъемлемый суверенитет всех стран, в том числе и над их природными ресурсами. Кроме того, мероприятия по оказанию помощи со стороны СССР обычно согласованы с экономическими планами принимающих помощь стран и осуществляются, исходя из соображений рационального использования их ресурсов. Глава индийской делегации, государственный министр торговли Индии Д. П. Чаттопадхай в своем выступлении на сессии подчеркнул, что «та помощь, которую СССР оказывает многим странам нашего региона, его заинтересованность в развитии этих стран, безусловно, носит позитивный характер».

Большую активность проявили представители стран — членов Комиссии при обсуждении актуальных вопросов делового сотрудничества. Вновь и вновь делегаты выражали озабоченность в связи с тем, что неустойчивость капиталистической валютной системы, рост инфляции, энергетический кризис и нехватка продовольствия создали значительные трудности для большинства стран региона в развитии их торговли и программа эконо-

мического строительства. Показательно, что, несмотря на рост экспорта развивающихся стран Азии на 17,2%, их доля в мировом экспорте в первом квартале 1973 г. сократилась до 8,5% по сравнению с 9,2% в 1972 г.

Делегаты Индии, Шри Ланка, Бангладеш, Индонезии, Афганистана и других стран высказывали обоснованное беспокойство из-за того, что расширению их торговли продолжают мешать высокие тарифные барьеры, а также неурегулированность во многих случаях вопроса о преференциях.

Советский Союз, другие социалистические страны, расширяя торговое сотрудничество с развивающимися государствами Азии, стремятся всемерно содействовать укреплению их политической независимости, преодолению экономической отсталости, созданию национальной экономики. Об этом убедительно свидетельствуют факты, приводившиеся в выступлении советского представителя.

Со многими странами района Советский Союз осуществляет торговлю на базе долгосрочных, в основном пятилетних, соглашений, заключенных на основе принципа наибольшего благоприятствования. В настоящее время наступает новый этап, когда мы определяем с некоторыми нашими торговыми партнерами перспективы экономических и торговых отношений на 15—20 лет вперед, что позволит странам региона с большей уверенностью планировать хозяйственное развитие на длительный срок. Советский экспорт осуществляется с учетом потребностей в развитии основных отраслей экономики путем поставок различных видов промышленного оборудования, сырья и материалов производственного назначения.

Торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество Советского Союза помогает многим странам региона в преодолении трудностей, вызванных энергетическим и продовольственным кризисом. Мы содействуем строительству в ряде стран гидро- и тепловых электростанций, увеличили в последние годы поставки нефтепродуктов.

В Афганистане и Иране при содействии СССР построены или строятся гидротехнические комплексы, позволяющие расширить орошаемые площади. В текущем году СССР увеличивает поставки удобрений; например, в Индию — в 2 раза по сравнению с 1973 г.

В 1973 г. значительно возрос импорт Советского Союза из развивающихся стран региона. Советский Союз отменил таможенные пошлины на все товары, импортируемые из развивающихся стран, и не применяет в отношении этих стран какие-либо ограничения. Советские внешнеторговые организации, выполняя рекомендации ЮНКТАД, увеличили в истекшем году закупки из развивающихся стран готовых изделий и полуфабрикатов, на долю которых в импорте СССР приходится сейчас от 20 до 50%. Закупки Советским Союзом в больших количествах изделий национальной промышленности развивающихся стран соответствуют их политике, направленной на диверсификацию экспорта. Они способствуют загрузке производственных мощностей и обеспечивают занятость.

Положительно была оценена делегациями работа Секретариата ЭКАДВ по проблемам транспорта и связи. Отмечалось, что в рамках ЭКАДВ проводится большая работа по осуществлению крупных дорожнотранспортных проектов, имеющих важное значение для всех стран региона, и что Комиссия прилагает большие усилия в организации подготовки кадров для транспорта и связи. Советская делегация информировала участников сессии, что в СССР ведется подготовительная работа к проведению семинара — ознакомительной поездки для специалистов стран Азии и Дальнего Востока по методам подготовки инженерно-технических кадров и постановки научных исследований в области железнодорожного транспорта, который Комиссия планирует провести в Советском Союзе в 1975 г.

XXX сессия одобрила также деятельность Комиссии в области статистики, и в частности по оказанию помощи странам района в налаживании первичного учета данных социально-экономических процессов, в установлении более тесного взаимодействия плановых и статистических органов на всех уровнях.

Основные итоги дискуссии по вопросам экономического и социального положения в районе выражены в принятой Комиссией без возражений «Декларации Коломбо». Декларация подтверждает ответственность и волю народов Азии и района Тихого океана продолжать развитие своей национальной экономики на принципах независимости и мобилизации собственных усилий, а также содействовать сотрудничеству между странами на основе равенства и взаимной выгоды. Подчеркивается, что Комиссия должна сохранить свою руководящую роль в региональном сотрудничестве.

Итоговый доклад сессии указал также на первоочередность передачи данных по технологии, консервации и восстановлению природных ресурсов, а также проблем судоходства, иностранных частных инвестиций и деятельности межнациональных корпораций. В докладе подчеркнута важность устранения последствий инфляции для экономики, сокращения безработицы, развития образования и подготовки кадров рабочей силы.

В ходе разработки Декларации представители Пекина настойчиво пытались протащить в нее фальшивый тезис о «коренных причинах» нищеты развивающихся стран, за которыми проглядывало стремление любым путем опорочить СССР. Никто из участников не поддержал маоистские концепции. Единство стран — членов Комиссии про-

явилось при рассмотрении рекомендаций по вопросу о рационализации структуры конференций ЭКАДВ.

Советская делегация подчеркнула, что реорганизация должна способствовать упрощению и упорядочению структуры Комиссии, повышению ее роли и эффективности. Представители СССР высказались за разработку перспективных планов деятельности ЭКАДВ. Принятая резолюция отражает предложения по рационализации структуры конференций ЭКАДВ, поддержанные большинством участников.

Комиссия утвердила резолюцию о переименовании ее в Экономическую и Социальную Комиссию для Азии и района Тихого океана.

Сессия приняла решение о включении китайского и русского языков в число рабочих языков Комиссии (до этого рабочим являлись лишь английский и французский языки).

Соответствующий советско-монгольский проект резолюции обсуждался на пленарном заседании. Никаких возражений против него не последовало, и председательствующий Т. Б. Субасингхе (Шри Ланка) объявил проект резолюции принятым. К удивлению присутствующих, уже после этого, нарушая процедурные правила, китайский представитель стал доказывать, что аргументы советской делегации «недостаточны». Однако пекинскому делегату не поддержала ни одна делегация.

Представители КНР и в ряде других случаев пытались нарушить нормальный ход сессии, навязать делегатам полемику с набившим оскомину антисоветским подтекстом. Усилия маоистов встретили твердый и решительный отпор со стороны представителя СССР. Маоисты на сессии неизменно оказывались в одиночестве, когда пытались отразить свои особые взгляды в итоговых документах.

Деятельность ЭКАДВ показывает, что эта организация может и должна явиться эффективным инструментом экономического сотрудничества. С ее помощью осуществляются такие региональные проекты, как план строительства трансасиатской автострады, трансасиатской железной дороги, разработан план комплексного освоения бассейна реки Меконг, действует Азиатский банк развития, запланирован ряд других важных проектов. Вместе с тем представленная на рассмотрение XXX сессии информация об экономическом развитии стран региона позволяет сделать вывод, что Комиссия оказалась недостаточно подготовленной ни к валютно-финансовому, ни к энергетическому кризисам.

Экономические потрясения последнего времени дают новые аргументы в пользу диверсификации экономики развивающихся государств, против односторонней ориентации на капиталистические рынки, за укрепление и стабилизацию отношений с социалистическими и другими государствами на основе долгосрочных соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве.

Укрепление и развитие торгово-экономических связей между государствами региона будет способствовать преодолению политических разногласий, поможет ликвидировать один из опасных очагов напряженности в международных отношениях. В свою очередь урегулирование политических проблем, существующих в районе ЭКАДВ, неизбежно будет стимулировать дальнейшее развитие экономического сотрудничества. Создание механизма эффективного экономического сотрудничества укрепит фундамент для системы коллективной политической и военной безопасности и явится весомым вкладом в достижение главных целей ООН: поддерживать мир и безопасность, развивать дружественные отношения между нациями и осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального и иного характера. Задача состоит в том, чтобы государства — члены ЭКАДВ проявили добрую волю и сделали новые шаги, направленные на повышение роли Комиссии в развитии экономического сотрудничества между всеми государствами района без какой бы то ни было дискриминации.

КУЛЬТУРА

Советская литература в Корее (1945-1955)

В. И. Иванова,

кандидат филологических наук

До 1945 г. произведения советских писателей попадали в Корею главным образом при «посредничестве» японских переводчиков. На корейском же языке было издано всего лишь два произведения советской литературы. Это были рассказы М. Горького «Однажды осенней ночью» (1925) и «Старуха Изергиль» (1926), вышедший под названием «Дьявол»¹. Тем не менее общение между советской и корейской литературой посредством японских переводчиков и до освобождения Кореи осуществлялось в довольно широких масштабах.

Уже с середины 20-х годов в самой Корее существовала среда, внутренне подготовленная к восприятию воздействия советской литературы. В 1925 г. возникла Корейская ассоциация пролетарских писателей. Обличение социальной несправедливости, призыв к новой, достойной человека жизни стало целью творчества таких сияжавших вскоре широкою известностью литераторов, как Ли Ги Ен, Чо Мен Хи, Кан Геон Э и др. Молодые пролетарские писатели, искавшие пути к глубокому отражению жизни, находили в советской литературе опору для утверждения новых идей в национальном искусстве.

В корейской литературной периодике 30-х годов имеется немало документальных свидетельств того, что произведения советских литераторов способствовали формированию идейно-художественных вкусов корейских пролетарских писателей.

Весьма любопытной в этом отношении представляется анкета, опубликованная в 1932 г. пролетарским журналом «Мунхак консол», на наш взгляд незаслуженно обойденная вниманием исследователей. Известные литераторы Кореи ответили на вопросы, поставленные журналом. Критики Квон Хван и Ли Мак назвали своим любимым писателем А. Серафимовича, прозанки Ли Ги Ен, Юн Ги Джон и поэт Пак Се Ен — М. Горького. Один из ведущих ныне драматургов КНДР Син Го Сон ответил, что больше других романистов ему нравится Ф. Панферов, поэту Ли Чхану — А. Безы-

менский, а Пак Се Ену — Д. Бедный. На вопрос: «Какие произведения последнего времени произвели на Вас большее впечатление?» — последовали такие ответы: «Железный поток» А. Серафимовича (ответы Квон Хвана, Юн Ги Джона, Ли Чхана, Ан Мака, Сон Ена и других), «Мать» М. Горького (ответы Сон Ена, Хам Дэ Хуна, Сон Ге Воль), «Тихий Дон» М. Шолохова (ответы Сон Ена, Ан Мака и других), «Разгром» А. Фадеева (ответ Син Ю Ина), «Цемент» Ф. Гладкова (ответ Ан Мака), стихотворения С. Есенина (ответы Ли Чхана, Ан Мака и других), стихотворение А. Безыменского «Партийный билет» (ответ Ли Чхана), стихи Д. Бедного (ответ Пак Хо)².

Особую роль в формировании творческого лица пролетарских писателей играли книги М. Горького. Корейские литераторы не раз подчеркивали, что творчество выдающегося советского писателя помогало становлению революционных традиций пролетарской литературы. «Произведения М. Горького, — писала газета «Чо-ссо мунхва», — оказали огромное влияние на формирование передовых писателей Кореи... стали для них маяком пролетарского литературного движения»³.

М. Горького считает своим наставником один из ведущих современных корейских писателей Ли Ги Ен. Еще в 1937 г. в статье, посвященной годовщине со дня его смерти, он писал о том, что сама жизнь, творческая биография М. Горького — писателя нового типа — произвели на него неизгладимое впечатление, что М. Горький помог ему осознать ту роль, которую призван сыграть пролетариат в жизни общества.

О том, как произведения М. Горького стимулировали творчество раннего Ли Ги Ена, можно судить по его двум рассказам — «Вонбо» (1928) и «Поселок бумажной фабрики» (1930). Пьеса М. Горького «На дне» дала толчок для создания рассказа «Вонбо». В основу второго рассказа «Поселок бумажной фабрики» легли мотивы романа «Мать». Соприкасаясь с произведениями М. Горького, Ли Ги Ен по-новому для корейской литера-

¹ «Хронология истории корейской литературы». Пхеньян, 1957.

² «Мунхак консол». Сеул, 1932, № 1.

³ «Чо-ссо мунхва», 18.VI. 1951.

туры решал проблемы, затронутые ею раньше.

Число действующих лиц рассказа ограничено двумя героями. Вонбо — старый крестьянин, всю жизнь честно трудившийся на клочке земли в своей деревне. На шоссе на дороге, которую он по приказу старосты расчищал от снега, его сшибла машина. Искалеченный старик отправляется в Сеул за помощью к городским врачам. В городе у него скоро кончаются деньги, и старика выбрасывают из ночлежки. Он умирает под мостом на рогоже из рисовой соломы.

С семи лет уделом Вонбо был тяжелый труд. За всю свою жизнь он не износил и пары ботинок, рис ел только по праздникам, ни разу не ездил в город: стоимость железнодорожного билета всегда была ему не по карману. Перед смертью Вонбо сравнивает свою убогую жизнь с устроенной жизнью состоятельных горожан: «Не пашут, не сеют, откуда у них деньги?» В этом рассказе Ли Ги Ен говорит о том, что честный труд сам по себе в условиях капиталистического общества не делает трудящегося человека свободным и счастливым.

Вонбо пытается выяснить у шахтера Сок Пона, с которым он познакомился в ночлежке, кто же сделал так, что он, упорно трудившийся всю жизнь, прожил ее в нищете. Сок Пон не случайно оказывается, как и Вонбо, в глухом месте — под мостом, символизирующем в рассказе городское дно. Он тоже отвержен обществом. За участие в забастовке хозяин шахты вышвырнул Сок Пона на улицу.

В уста Сок Пона автор вкладывает сатирические слова о гордом человеке. И так же, как Сатин, Сок Пон говорит о необходимости единения угнетенных. «В мире нет ничего ценнее Человека! — восклицает он. — А между тем на глазах у всех один человек постоянно унижает другого. С бедным обходятся как со скотом, потому что этот проклятый мир нужно переделать так, чтобы всем жилось хорошо... Рабочим и крестьянам надо объединиться в борьбе с господствующим классом. Помещики и капиталисты должны быть уничтожены»⁴.

«Поселок бумажной фабрики» — один из первых в корейской литературе рассказов, где предпринята попытка показать революционную борьбу пролетариата. Современники Ли Ги Ена, прогрессивные писатели На До Хян, Ли Ик Сан и некоторые другие лишь задумывались над вопросами рабочего движения, но в их творчестве не находила места борьба пролетариата. Авторы эти оставались в плену разного рода иллюзий и утопий.

Главная мысль рассказа «Поселок бумажной фабрики» — необходимость соединения социалистического сознания с рабочим движением. Так же как роман М. Горького «Мать», рассказ Ли Ги Ена начинается с

описания капиталистической каторги труда «В три часа у фабричной конторы взревел гудок. Его отрывистые звуки прорезали воздух до того, как забрезжил рассвет. Дьявольским воем разрушили мертвую тишину, сковывавшую спящий фабричный поселок».

Прихватив по миске риса, слипшегося в холодный кусок, люди стекались в трактир. Рисовая водка да кружка браги — первая вещь для похмелья, так до завтрака люди старались запастись силы для работы. Это было похоже на то, как маслом регулярно смазывают работающие машины»⁵.

Жизнь рабочих меняется с приходом на фабрику Сэн Нима — представителя передовой интеллигенции, несущей революционное сознание в массы. «Все вы хотите лучшей жизни, — говорит он рабочим, — хотя бы иметь хороший дом, одежду, но вы ничего не получите, пока фабрика принадлежит не вам, пока вы бесправны. «Что же делать?» — спросите вы. — Бороться!»

Далее в рассказе повторяются некоторые сюжетные ситуации романа «Мать»: беседа в кружке, забастовка, выступление Сэн Нима с экономическими требованиями, арест тюремное заключение, ожидание суда.

Можно по-разному оценивать идейно-художественные достоинства упомянутых выше рассказов, но бесспорно то, что творческое восприятие Ли Ги Еном опыта близко го по духу писателя побудило его к созданию первых в корейской литературе образцов революционеров, приблизило творчество корейского писателя к социалистическому реализму.

Вторая половина 30-х и 40-е годы в Корее — время военной истерии и разгула террора. Колониальные власти лихорадочно предпринимали меры для «единения нации», воспитания «подлинного патриотизма», искоренения коммунистических идей и коммунистического движения. На произведения советских авторов начались гонения. Приток наших книг резко сократился. Но интерес к ним не угасал. Советский Союз вел борьбу с фашизмом, поработившим и Корею. Советская литература привлекала корейского читателя, поскольку она отражала грандиозную битву за свободу.

Обо всем этом было сказано в приветственном письме I съезда корейских литераторов, проходившего в феврале 1946 г. в Сеуле. Это письмо было адресовано Николаю Тихонову, одному из руководителей Союза писателей СССР.

«Мы, — говорилось в письме, — считаем большой честью послать Вам слова признательности за те подвиги, которые проявили в трудной героической борьбе против фашизма советские деятели литературы и искусства. Держа в одной руке перо, а в другой винтовку, они боролись за достижение окончательной победы над фашизмом. Мы хотим выразить им благодарность, пожать

⁴ Ли Ги Ен. Мышиный огонь. Пхеньян, 1956, стр. 254.

⁵ Там же, стр. 264—265.

руку Вам лично и сказать, что нам известны Ваши заслуги в оборонных боях под Ленинградом.

Мы не можем не рассказать Вам, что с первых шагов роста наша молодая литература извлекала глубокие уроки и находилась под сильным влиянием вашей литературы. Среди собравшихся в этом зале писателей и их читателей, деятелей культуры нет ни одного человека, для которого не служили бы в его росте духовной пищей произведения А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А. Чехова, И. Тургенева.

Вам трудно себе представить, какую большую помощь в деле духовного обогащения оказали в ходе становления нашей национальной литературы творчество М. Горького, а также Ваше творчество и Ваши выдающиеся коллег: Д. Бедного, В. Маяковского, Ф. Пафферова, А. Безыменского, М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Гладкова, И. Эренбурга⁶.

С 1945 г. — года освобождения Кореи Советской Армией, начинается новый период в развитии страны. Широкий культурный и литературный взаимообмен между СССР и КНДР стал характерной особенностью этого времени. Общественно-исторические условия создали почву для активных литературных связей.

Из Советского Союза шла щедрая помощь: станки и тракторы, автомобили и хлопок, семена высокоурожайных культур и книги. Советские врачи, пришедшие с армией, с первых же часов пребывания на корейской земле включились в борьбу с оспой, холерой, чумой. Советские воины помогали строить дома и заводы, шахты и мосты. В корейской литературе этих лет было создано немало произведений, в которых любовно вписан образ советского воина. Так, в пьесе Син Го Сона «Счастливые дни» советские бойцы помогают рабочим строить металлургический завод; в повести Ли Джун Чхуна «Анна» русская медсестра самоотверженно борется с холерой, спасая жизнь корейской семьи.

Советские кинофильмы стали неотъемлемым элементом культурной жизни страны. Корейский зритель шел на демонстрацию советских фильмов, чтобы увидеть картины, еще недавно для него запретные. «Кореец, — писал критик Ким Гван Джуи, — никогда не забудет чувств, которые он испытывал, когда смотрел первые для него советские фильмы «В шесть часов вечера после войны», «Два бойца», «Жди меня». Эти фильмы рассказали ему о том, как советский человек защищал свою Родину, тосковал по родному дому»⁷. Кинофильмы сближали корейцев с миром их советского современника, раскрывали его характер борца и создателя. С

особым успехом шли фильмы «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия», «Возвращение Василия Бортникова», «Сталинградская битва». Кино помогало восприятию советской военно-патриотической литературы корейской общественностью, можно сказать, прокладывало путь этой литературе в Корею: часто интерес к произведениям советских авторов возникал вслед за фильмами.

Впервые в истории Кореи устанавливается прямое, непосредственное общение между советской и корейской литературами. Корейцы хотели больше знать о народе, который их освободил. За одно пятилетие на корейском языке было издано семьдесят названий русской и советской литературы. При выборе книг для перевода предпочтение явно отдавалось военно-патриотической литературе. Как писал журнал «Новая Корея», достоинством этой литературы было то, что она учила «преданно служить Родине, народу».

В эти годы были переведены лучшие наши произведения военных лет: «Непокоренные» Б. Горбатова, «Дни и ночи» К. Симонина, «Дорогами побед» Л. Соболева, «Радуга», «Просто любовь» В. Василевской, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Звезда» Э. Казакевича, «Буря» И. Эренбурга, «Это было в Ленинграде», А. Чаковского, «Люди с чистой совестью» П. Вершингора, «Подпольный обком действует» А. Федорова.

Не остались без внимания и другие произведения русской и советской литературы. На корейском языке были изданы: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Детство», «Мои университеты», «Мать» М. Горького, «Ревизор» Н. Гоголя, «Повести Белкина» А. Пушкина, «Дети подполья» П. Короленко.

«Из произведений, переведенных у нас, — писал журнал «Чосон мунхак», — корейский народ узнал, какую великую роль играет в мире советский народ, руководимый коммунистической партией, как он сражался в годы войны, как отстоял свою социалистическую родину, как превратил свою отсталую страну в могучее государство, как борется за мир, строит социалистическое общество»⁸.

Советская литература предстала корейскому читателю как литература нового взгляда на мир, глубокого постижения жизни. Что касается корейских писателей, то, как отмечает тот же журнал, она служила для них источником творческого опыта, школой художественного мастерства. «Произведения советской литературы, с которыми мы познакомились после освобождения, — пишет журнал, — дали возможность получить богатый опыт для изображения жизни нашего народа, овладеть принципами метода социалистического реализма»⁹.

⁶ «Корейская литература периода строительства». — Стенографический отчет о I съезде корейских литераторов. Сеул, 1946.

⁷ «Новая Корея», 1953, № 11.

⁸ «Чосон мунхак», 1957, № 11, стр. 128.

⁹ Там же, стр. 129.

На освоение лучшего в художественном наследии других народов, и прежде всего советской литературы, нацеливала писателей партия корейских коммунистов, под руководством которой началось формирование новой отечественной литературы.

25 марта 1946 г. в Корее была создана Ассоциация работников литературы и искусства Северной Кореи. В ее уставе подчеркивалось, что ассоциация создается с целью укрепления союза работников литературы и искусства, активной борьбы за строительство суверенной Кореи и демократической культуры.

Осуществление демократических преобразований, строительство новой жизни, борьба нового со старым, борьба за объединение родины, национально-освободительная борьба корейского народа в прошлом, дружба Кореи с СССР — таков был круг тем произведений корейской литературы периода мирного строительства.

Президиум ЦК ТПСК (Трудовой партии Северной Кореи) неоднократно рассматривал на своих заседаниях вопросы культурного строительства и дальнейшего развития литературы.

В мае 1947 г. Президиум ЦК ТПСК принял решение «О строительстве национально-демократической культуры в Северной Корее». В решении назывались недостатки на литературном фронте, указывалось, что некоторым произведениям корейской литературы присуща аполитичность. «Сборник стихотворений «Ынхянъ» («Благоухание») и литературный альманах «Мунджанъ токпон» («Литературные чтения»), — говорилось в решении, — свидетельствуют о том, что на культурном фронте продолжают действовать поборники теории «искусства для искусства». Партия призвала писателей бороться против рецидивов старой идеологии.

Производственная тема стала главной в литературе. Рассказы и повести этого периода посвящены формированию новой личности, пробуждению в людях творческой активности, изображению освобожденного труда как основного богатства человека в новом обществе.

Все, что писалось в эти годы, писалось искренне и с энтузиазмом. В борьбе за новый облик жизни и новое содержание художественной деятельности корейские писатели и советскую литературу воспринимали зачастую так, как это соответствовало потребностям их собственного искусства.

Так, в августе 1949 г. поэт Ли Джон Гу написал стихотворение «Я вернусь», в котором воспользовался образами стихотворения К. Симонова «Жди меня», чтобы выразить свое душевное состояние. Уже в те годы разделение страны на две части ощущалось как народная трагедия. И в своем стихотворении «Я вернусь» слова «жди меня», «только очень жди» поэт обращает главному проспекту города Сеула — Чонно¹⁰.

¹⁰ Ли Джон Гу. Стою в цветнике. Пхеньян, 1960, стр. 88—91.

Приход в литературу людей, хорошо знакомых с русской культурой, обогатил корейскую поэзию новым жанром. В этом смысле революционером в поэзии стал Чо Ги Чхон. Первым из корейских поэтов он обратился к эпическому жанру. До него в корейской поэзии не существовало поэмы как литературного жанра. Чо Ги Чхон создал такие крупномасштабные произведения, как поэмы: «Наш путь», «Песня о земле», «Пэктусан», «Песня жизни».

Поэма «Пэктусан» прозвучала гимном мужеству. Она отражает общую для литературы тех лет задачу патриотического воспитания. В 1948 г. поэма была отмечена национальной премией первой степени.

Чо Ги Чхон в Корее называли корейским Маяковским. И это не случайно. Он был одним из менее известных переводчиков его стихотворений, что не прошло бесследно и для творчества самого Чо Ги Чхона. Его стихи отличаются актуальностью тематики, политической злободневностью, тем, что поэт, считавший себя учеником В. Маяковского, воспевал величие дел и свершений народных.

Взаимодействие корейской и советской литературы никогда не ощущалось так сильно, как в годы Освободительной Отечественной войны корейского народа (1950—1953).

Правда, в тяжелые годы войны по понятным причинам снизилась активность переводческой деятельности корейских литераторов. Тем не менее именно тогда были переведены «Сталинградская битва» Н. Вирты, «Фронт» А. Корнейчука, «Рассказы о Ленинграде» Н. Тихонова, «Они стали гвардейцами» Ю. Либединского, «Счастье» П. Павленко, «Зоя и Шура» Л. Космодемьянской, «К новому берегу» В. Лациса. Советская литература помогала народу КНДР в борьбе с врагом. Об этом свидетельствуют сами корейские писатели. «Книги советских авторов, — пишет литературовед Пак Чон Сик, — «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Белая береза» М. Бубеннова, «Непокоренные» Б. Горбатова «Зоя и Шура» Л. Космодемьянской, «Радуга» В. Василевской и многие другие — в годы войны вселяли в наши сердца веру в победу.

...Роман «Белая береза», запечатлевший моральный облик советского человека, его душевную чистоту, силу и упорство, качества, которые помогли ему выстоять в битве с фашизмом, а также повесть «Радуга», разоблачившая перед миром лицо фашизма, воспевая боевой дух и уверенность в победе советского народа, учили корейского читателя «науке ненависти».

Андрей Лопухов, продолжает Пак Чон Сик, герой «Белой березы», был для нас примером самоотверженности, готовности отдать свою жизнь за Родину. Огромно то влияние, которое оказал на наше молодое поколение и на развитие нашей литературы роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Героические подвиги краснодонцев послужили примером для корейской молодежи.

В период временного отступления Народной армии в районах, оккупированных вра-

гом, несколько партизанских отрядов носило имя Молодой гвардии. Как видим, роман А. Фадеева был духовной пищей для нашей молодежи.

Советская литература о войне оказала влияние не только на прозу, но и на поэзию. Многие наши девушки и юноши охотно распевали лирические песни М. Исаковского. Эти песни иногда подказывали нашим молодым поэтам мотивы, созвучные нашей действительности.

...В тяжелые военные годы, несмотря на то что города регулярно обстреливались с воздуха, в корейских театрах ставились советские пьесы. Это ли не свидетельство учета наших драматургов у советских! Пьесы А. Корнейчука «Платон Кречет» и «Фронт», К. Симонова «Под каштанами Праги» и «Русские люди», Л. Леонова «Нашествие» оказали немалую помощь нашим драматургам¹¹.

В годы войны, по свидетельству журнала «Новая Корея», в серии «Библиотека военного времени» небольшим карманным форматом были изданы книги «Мы — советские люди» Б. Полевого, «Братья Игнатовы» П. Игнатова, «Седьмая ночь» Л. Первомайского, «Александр Матросов» П. Журбы, «В разведке» Н. Ходосова, «Сборник рассказов» В. Кожевникова и целый ряд биографических очерков о героях Великой Отечественной войны. Для партизан была издана книга А. Федорова «Подпольный обком действует», на обложке которой в целях конспирации было написано «Руководство по культивированию зеньшения».

Многие корейские произведения создавались под впечатлением от книг советских авторов, особенно А. Фадеева и В. Василевской¹².

В рассказе Им Джон Сук «Жена» трудно обнаружить общее с сюжетом повести В. Василевской «Просто любовь». В повести Чхон Се Бона «Люди сражающейся деревни» можно проследить сходство с повестью «Радуга». Вместе с тем оба эти произведения, и рассказ Им Джон Сук, и повесть Чхон Се Бона — оригинальные и подлинно национальные произведения.

Для своей повести Чхон Се Бон, сражавшийся в партизанском отряде, действовавшем в районе Ковона, выбрал тот же сюжет, что и в «Радуге», но наполнил его фактами корейской действительности.

Автор рассказывает о жизни небольшого оккупированного врагом села, о ненависти жителей к врагу, о их горячей любви к Родине. В образах своих героев писатель воплотил лучшие качества народа, не желавшего встать на колени перед врагом.

Один за другим гибнут патриоты. «Скоро здесь будет пустыня, — говорит лысый мановец-переводчик, — огромное мертвое пространство». Но ни массовые расстрелы,

ни пытки не сломили жителей села. Невозможно покорить народ, познавший счастье и свободу.

Повесть Чхон Се Бона, рассказавшая о величии и мужестве простых людей, о их любви к родине, преданности народной власти, стала одним из лучших прозаических произведений военных лет.

Тема героизма, борьбы с агрессором, патристического долга была ведущей. Показателем в этом отношении рассказ писателя Пен Хи Гына «Счастливые люди». Его героиня остается на посту во время бомбежки. Спасая оборудование завода, она получает сильные ожоги. Шрамами изуродовано ее лицо, но жених девушки любит ее, как прежде. Невеста дорога ему, как дорога искалеченная земля родины. «Счастливые люди» — говорят о молодой чете соседи. Счастливые, потому что нет более святого долга, чем бороться с врагом, и нет большего счастья для человека, чем отдать жизнь за Родину.

Под таким углом зрения были прочитаны и многие советские произведения, в том числе «Молодая гвардия» А. Фадеева. «Для молодежи нашей страны, — писала корейская критика, — нет большей радости, нет большего счастья, чем сражаться до последней капли крови, отдать все силы и способности Родине. Эта идея воплощена в повести Хван Гопа «Счастье», в романе А. Фадеева «Молодая гвардия», Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», которые так популярны у нас»¹³.

Повесть «Счастье» — одно из лучших произведений писателя-фронтовика Хван Гопа. В ней повествуется о том, как робкая провинциальная девушка, потерявшая семью во время налета американской авиации, оставляет тыловую госпиталь, где работает медсестрой, и уезжает на фронт. Основная идея повести выражена в разговоре героини с любимым. Говоря о советском фильме «Молодая гвардия», девушка спрашивает его, что, по его мнению, чувствовали герои Красной Армии, умирая. Юноша отвечает, что молодоговардейцы приняли смерть радостно: в своем подвиге они были самоотверженны до конца. Хван Гон, трактуя суть подвига краснодонцев, сделал особый акцент именно на идее самопожертвования.

Критика отмечала сходство двух этих произведений, у них единый замысел — показать мир идей и чувств молодежи, борющейся за Родину. Манера художественного изображения в романе Хван Гопа напоминает роман А. Фадеева: Хван Гон, описывая жизнь своих героев, также отбросил все мелкое, повседневное, сконцентрировал внимание на главном¹⁴.

В те годы корейские критики писали, что ориентиром в художественной практике для некоторых корейских литераторов стала и книга П. Журбы «Александр Матросов». В довоенной корейской литературе подавляю-

¹¹ «Корейская литература за 10 лет после Освобождения». Пхеньян, 1960, стр. 155.

¹² «Мунхак Ёсул», 1949, стр. 62.

¹³ «Корейская литература, идущая вперед». Пхеньян, 1960, стр. 117.

¹⁴ Там же, стр. 118.

шее большинство произведений завершалось счастливым концом: положительные общественные силы побеждали, отрицательные — терпели поражение. Однако гибель Матросова в книге П. Журбы не снижает оптимистического звучания произведения: идеалы, во имя которых герой отдает жизнь, торжествуют. Трагический конец — гибель героя — внес новое в решение проблемы положительного героя корейскими писателями.

Книги о мужестве, о стойкости в борьбе с врагом были очень нужны корейскому народу, героически сражавшемуся с агрессорами. Вот почему лучшие произведения советской литературы о войне вошли тогда в круг чтения корейцев. В перечне переводных изданий советская литература предстает во всем богатстве жанров и форм: роман, драма, очерк, публицистика. Заметный след оставили в духовной жизни Кореи очерки о советских героях. Недаром известную партизанку Чо Ок Хи называли корейской Зоей, героя республики Ким Чхан Гвора — корейским Матросовым. Имена Маринэ, Лизы Чайкиной также были для корейцев синонимом истинного патриотизма.

В июле 1953 г. в Паньмыньчжоне было заключено соглашение о перемирии. Настало время оглянуться на пройденный литературой за годы сражений путь, подвести итоги, чтобы идти вперед. Корейские писатели увидели, что на пути развития отечественной прозы военного времени наряду с несомненными успехами встречались и некоторые издержки. Появилось желание разобраться в том, что мешало поступательному движению литературы. Обилие и живость дискуссий, проходивших в писательской среде, — одна из характерных черт литературной жизни страны в послевоенные годы. Повышение художественного мастерства было провозглашено основной задачей дня. Под этим лозунгом в 1956 г. в Пхеньяне прошел II съезд корейских писателей. Выступавшие на съезде писатели говорили об изживании утвердившихся канонов, ставших прокрустовым ложем для литературы.

И после соглашения о перемирии военная тема оставалась одной из главных в корейской литературе. Послевоенная критика, анализируя творчество писателей, не раз подчеркивала то несомненное влияние, которое оказывала на них советская военно-патриотическая литература. Так, например, рецензируя новую повесть об Освободительной Отечественной войне корейского народа «Молодые бойцы» Ким Сун Сока, видный критик и литературовед Юн Се Пхен сравнивает ее с книгой М. Бубеннова «Белая береза»¹⁵. Другой известный критик Ким Мен Су, ведя разговор о путях развития малых форм корейской военной прозы, обращается к рассказу Б. Полевого «Редут Таракуля» и к повести К. Симонова «Дни и ночи»¹⁶.

¹⁵ «Чосон мунхак», 1955, № 2, стр. 136—137.

¹⁶ «Чосон мунхак», 1954, № 12.

Сопоставляя достижения писателей двух братских стран, послевоенная корейская критика обнаруживает конкретное знание советской литературы, процессов ее развития. Литературные журналы, предлагая читателям новые переводы советской литературы, в сопроводительных аннотациях и статьях уделяют большое внимание художественному мастерству писателя, его творческой индивидуальности. Так, высокая народность стиха, живость изображения русского характера подчеркивается при разборе поэмы А. Твардовского «Василий Теркин»¹⁷. Умение остро поставить психологическую проблему, показать зарождение коммунистической морали в произведении о рабочем классе отмечается как достоинство романа Ф. Гладкова «Цемент»¹⁸.

Вызывает восхищение художественная яркость новых глав «Поднятой целины» М. Шолохова¹⁹.

В послевоенное время корейские писатели стали частыми гостями нашей страны. В результате этих поездок появляются книга очерков. В 1955 г. издательство Союза корейских писателей публикует книгу Ли Ги Ена о поездке в СССР «Солнце коммунизма сияет», а также сборник статей «Великая дружба». В нем корейские писатели, побывавшие в СССР, приводят примеры плодотворности активных связей литераторов наших стран.

Решая вопрос о том, каким должно стать искусство Кореи на новом, мирном этапе развития страны, корейские литераторы пристально следили за культурной жизнью Советского Союза. Широко освещались в корейской печати материалы II съезда советских писателей. Журнал «Чосон мунхак» поместил перевод полного текста доклада А. А. Суркова «О состоянии и задачах советской литературы», приветствие ЦК КПСС съезду²⁰, а также выступления Ли Ги Ена, А. Фадеева, К. Федина²¹.

«Союз корейских писателей, — писал далее журнал, — изучает проблемы, обсуждавшиеся на II съезде советских писателей, и соответственно разрабатывает мероприятия, направленные на дальнейшее усиление своей работы».

Прежде всего ведется разъяснительная работа по материалам съезда, изучению и уяснению сущности поставленных им проблем. 14 января на собрании писателей Пхеньяна состоялось обсуждение доклада А. А. Суркова. Большой интерес слушателей вызвали выступления о творческом методе нашей литературы — социалистическом реализ-

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Чосон мунхак», 1955, № 2, стр. 195—196.

¹⁹ Там же, стр. 193—194.

²⁰ «Чосон мунхак», 1955, № 1, стр. 154—194.

²¹ «Чосон мунхак», 1955, № 2, стр. 158—185.

ме, о проблеме положительного героя, о творческой индивидуальности писателя.

...Наши писатели приняли материалы съезда как руководство к действию, как наставление при решении тех проблем, которые возникают в их работе»²².

В 50-х годах в КНДР приступили к широкому плану освоения мировой классики. Наряду с шедеврами мирового искусства из русской литературы в эти годы были переведены «Война и мир» Л. Толстого, «Что делать» Н. Чернышевского, «Избранное» и «Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Накануне» И. Тургенева, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Прочтение и осмысление русских классических произведений в Корее — особая тема, которая выходит за рамки данной статьи.

²² Там же, стр. 189.

В заключение следует подчеркнуть, что советская литература в разные периоды была созвучна общественным устремлениям корейских читателей. В колониальной Корее советская литература служила, по словам Ли Ги Ена, «маяком, осветившим путь развития пролетарской литературе». В освобожденной Корее с 1945 г. было издано 8 миллионов экземпляров книг советских писателей. «Эти книги, — говорил в своем выступлении на II съезде советских писателей Ли Ги Ен, — сыграли важную роль в идейном воспитании корейского народа в годы демократического строительства, внесли свою лепту в его борьбу в дни войны с агрессором... По ним корейские писатели изучали достижения советской литературы»²³.

²³ «Литературная газета», 26.XII. 1954.

ПУБЛИКАЦИИ

Неизвестное интервью Сунь Ят-сена

Имя Сунь Ят-сена хорошо знают в нашей стране. В. И. Ленин назвал его революционным демократом, полным благородства и героизма¹. Вся жизнь Сунь Ят-сена была посвящена борьбе за свободу и независимость Китая, за счастливое будущее китайского народа.

Советскими учеными внесен заметный вклад в изучение многогранной деятельности этого выдающегося китайского революционера, искреннего и последовательного друга нашей страны². Большое место в советском Китаеведении уделено анализу внешнеполитической теории и практики Сунь Ят-сена³. Публикация в СССР архивных документов и материалов, воспоминаний советских людей, встречавшихся с Сунь Ят-сеном, существенно обогатили наши представления об идейной эволюции китайского революционера, росте его симпатий к Советскому Союзу, в котором Сунь Ят-сен видел верного и надежного союзника нового Китая⁴.

Публикуемое интервью с Сунь Ят-сеном, помещенное в газете «Советская Сибирь»⁵ — органе Сибирского ревкома и Сиббюро ЦК РКП(б), пока не учитывалось ни в советской, ни в зарубежной историографии. Насколько известно, это единственное интервью Сунь Ят-сена, данное советским журналистам. К сожалению, газета «Советская Сибирь», публикуя данный материал, сообщила лишь, что он передан телеграфным агентством Дальневосточной Республики (сокращенно ДАЛЬТА), не назвав ни даты, ни участников встречи с Сунь Ят-сеном.

Судя по содержанию интервью, беседа представителей прессы ДВР с Сунь Ят-сеном имела место в Гуанчжоу (Кантоне) в период между 7 апреля 1921 г. — в этот день Сунь Ят-сен был избран президентом Китайской Республики — и временем, когда ему стало известно о принятом 22 апреля в Пекине решении дипломатического корпуса не признавать Сунь Ят-сена президентом страны.

Во встрече с Сунь Ят-сеном, по-видимому, принимали участие корреспондент ДАЛЬТА в Кантоне Стоянович и заведующий отделением РОСТА — ДАЛЬТА в Пекине А. Е. Ходоров, который, по словам М. И. Казанина, примерно в это время выезжал на юг и беседовал с Сунь Ят-сеном о России, революции в Дальневосточной Республике⁶.

В беседе с журналистами Сунь Ят-сен говорит о своем интересе к Советской России и Дальневосточной Республике, искренне радуется успехам советской дипломатии, с горячей симпатией относится к героической борьбе нашего народа против интервентов. Дружбу с советскими людьми Сунь Ят-сен завещал беречь и хранить как зеницу ока.

К. В. Шевелев

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 402. См. также: Г. В. Ефимов. К ленинской оценке революционных демократов Китая. — В кн.: «Ленин и проблемы истории стран Азии (Китай, Индия)». Л., 1970, стр. 3—38.

² См.: Сунь Ят-сен (Биобиблиографический указатель). М., 1966; В. Н. Никифоров. Советские истории о проблемах Китая. М., 1970; Проблемы советского Китаеведения. М., 1973, и др.

³ См.: М. С. Капица. Советско-китайские отношения. М., 1958; С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа. 1885—1925 гг.). М., 1964; его же: Сунь Ят-сен — друг советского народа. К 100-летию со дня рождения (1866—1966 гг.). М., 1966.

⁴ См.: Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964; Сунь Ят-сен. 1866—1966. К столетию со дня рождения. Сборник статей, воспоминаний и материалов. М., 1966; Сунь Ят-сен о советско-китайской дружбе (публикация Р. А. Мирвицкой). — «Народы Азии и Африки», 1966, № 2; Сунь Ят-сен о советско-китайском соглашении 1924 года (публикация С. Л. Тихвинского). — «Народы Азии и Африки», 1966, № 5, и др.

⁵ «Советская Сибирь», 17.VII. 1921.

⁶ М. И. Казанин. Записки секретаря миссии. Страничка истории первых лет советской дипломатии. М., 1963, стр. 118.

ИНТЕРВЬЮ С СУНЬ ЯТ-СЕНОМ⁷

Вскоре после избрания Сунь Ят-сена в президенты Китайской Республики нам удалось повидать его лично и побеседовать с ним на тему о происходящих событиях. Доктор Сунь Ят-сен еще крепкий, хорошо сложенный 65-летний⁸ старик; и своей непринужденной манерой держаться и спокойствием он производит впечатление сильного человека, уверенного в своих действиях и в правоте своих слов. Небольшого роста, бритый, круглый, в простой серой куртке, он похож скорее на фермера средней руки, нежели на вождя южан, которому суждено сыграть огромную роль в истории китайского народа.

Сунь Ят-сен принял нас в своем дворце — бывшей резиденции ген[ерала] Мока⁹, — откуда так часто выгоняли друг друга враждующие губернаторы южных провинций.

— Вы представители русской прессы ДВР, — обратился он к нам. — Вас, должно быть, интересуют происходящие у нас события. Если поставленные вами вопросы не будут затрагивать тех щекотливых положений, о которых еще рано говорить, то вы получите исчерпывающие ответы.

— Как Вам известно, отношение к Вашим выборам как местной, так и иностранной прессы разделилось. Последняя больше иронизирует, а та часть китайской прессы, которая против выборов, находит, что это сделано преждевременно, и не видит за Вами той силы, которая могла бы [заставить] неверующих поверить, что Вы есть действительно президент Китайской Республики, и предвещает гражданскую войну как следствие Ваших выборов. Нам хотелось бы от Вас узнать истинное положение дел и познакомиться с Вашим взглядом на настоящие события.

— Что пресса разделилась на два лагеря, — улыбаясь, сказал Сунь Ят-сен, — в этом ничего нет такого, что могло бы нас тревожить. Мы хорошо знаем наши силы и знаем, чего мы хотим. Выборы президента произведены были единогласно¹⁰, парламент потребовал от меня принять пост президента, и я подчинился.

Китайский народ устал и измучился от постоянных раздоров и междоусобных войн и настоятельно требует прекращения этих раздоров и объединения Китая в единое целое государство, и мы постараемся выполнить эту трудную, возложенную на нас историческую миссию. У нас давно уже идет борьба молодого Китая со старым, отживающим свой век Китаем, и никогда еще не были так резки¹¹ политические группировки, как в настоящее время. С одной стороны, Чжан Цзо-линь¹² — предводитель реакционных и монархических сил, идущий на поводу у японцев, и с ним его хорошо оплачиваемая армия. Вокруг него группируются все темные силы и враги Китая. Им выгоден раздор Китая¹³, и они его поддерживают. С другой стороны, мы являемся представителями молодого Китая, конституционно-демократического, и боремся за его объединение и за его мощь.

Все лучшее идет с нами, за нами стоит весь народ, и дальнейшие события покажут на деле, что мы не ошибаемся.

Мы пока не имеем большой армии, и немудрено: ведь только несколько месяцев мы снова у власти, но у нас армия будет, и хорошая армия, и милитаристы будут разбиты раз и навсегда. Организация армии идет успешно.

Наша ближайшая задача — хорошо сконструированное из лучших интеллигентных сил Китая правительство, которое смогло бы сначала объединить вокруг себя весь Южный Китай.

Из всех окружающих нас провинций лишь Гуанси, поддерживаемая Пекином, ведет против нас вооруженную борьбу, и, пока мы с вами разговариваем, их войска концентрируются на нашей границе¹⁴. Но они, несомненно, будут быстро разбиты.

⁷ Сообщение агентства ДАЛЬТА (примечание источника). Публикуемый материал является переводом, к сожалению не всегда совершенным. В квадратных скобках дана редакция публикатора. В тексте используется принятая в настоящее время транскрипция имен и названий.

⁸ Видимо, ошибка. Сунь Ят-сену тогда было 54 года.

⁹ Имеется в виду Мо Жун-синь, бывший до конца октября 1920 г. губернатором провинции Гуандун.

¹⁰ Из 222 голосов за Сунь Ят-сена было подано 213. Генерал Чэнь Цзюнь-мин получил 3 голоса.

¹¹ Так в тексте.

¹² Маршал Чжан Цзо-линь (1873—1928) — глава мукденской (фунтяньской) клики милитаристов.

¹³ Так в тексте.

¹⁴ Нам пока не удалось найти данных о времени концентрации гуансийских войск и тем самым установить более точную дату встречи Сунь Ят-сена с представителями прессы ДВР.

Слишком много недовольных среди них элементов, чтобы Тан Цзи-яо¹⁵ мог долго удержаться. Это самая беспокойная провинция из окружающих нас. Покончив с ней, мы немедленно, автоматически будем объединены с Юньнанью и Гуйчжоу, которые имеют у нас своих представителей и признают нас. Затем Хунань. Правда, эта провинция протестует против выборов, но это нас совсем не обязывает складывать наше оружие, раз мы преследуем ясно и определенно задачи объединения всего Китая. Очевидно, борьба завяжется и с ними, но мы не предполагаем встретить там особых препятствий. Провинция Хунань нам особенно нужна. Через нее мы займем Ханькоу — будущую столицу Китая, там будет резиденция нашего правительства, и оттуда мы начнем вести твердую политику со всеми врагами китайского народа: реакционерами, милитаристами и с теми «третьими» и «четвертыми» странами, которые поддерживают их. Китайский народ не потерпит раздела своей страны, и в своем желании объединиться он становится сильным и непоколебимым.

В настоящее время мы не имеем много средств, но деньги у нас будут, и мы для этого преодолеем все чинимые нам на каждом шагу препятствия. Одухотворенные идеей объединения Китая, мы умеем отказывать себе во многом. Наши депутаты парламента получают не больше 150 дол[ларов], тогда как в Пекине имели по 400 дол[ларов]. Я привожу это как пример, а их имеются сотни. Наше финансовое положение поправится гораздо быстрее, чем думают наши враги.

Вы интересуетесь также причинами, задержавшими мое официальное вступление на пост президента¹⁶. Это просто объясняется техническими затруднениями и ни в коем случае не затруднениями политического характера.

Из того, что представители дипломатического корпуса неодинакого относятся к моему назначению, еще не следует делать отрицательного вывода¹⁷. Ведь с Москвой не хотели говорить, однако теперь заключают договор за договором.

Как видите, наши задачи очень ясны и определены: это борьба за объединение Китая и борьба с японцами. И в этом поддержит нас весь китайский народ, — закончил Сунь Ят-сен.

— В прессе все время мелькают заметки о Ваших разногласиях с ген[ералом] Чэнем¹⁸ — соответствует ли это действительности?

— Вот вопрос, — ответил Сунь Ят-сен, — который так беспокоит одних и радует других. В общей работе всегда и везде бывают некоторые расхождения во взглядах хотя бы просто потому, что природа не создала всех людей одинаковыми. Бывают и у нас некоторые расхождения, но делать отсюда вывод о разрыве могут только наши общие враги, мечтающие об этом для нашего ослабления, так как задачи у нас с ген[ералом] одни и те же. Когда у нас возникают разногласия, то в этих случаях ген[ерал] подчиняется мне как главе правительства.

— Еще один вопрос. После объединения Южного Китая и учреждения столицы в Ханькоу не может ли возникнуть война с Севером?

— Нет, — категорически заявил Сунь Ят-сен. — Север принужден будет слушаться меня как президента Китайской Республики.

Теперь разрешите мне в свою очередь задать вам несколько вопросов относительно ДВР. Я очень интересуюсь происходящими событиями в России и на Дальнем Востоке. Скажите, какое различие между Советской Россией и ДВР и в чем сущность республики?

Мы постарались указать на существующее различие между буфером и Советской Россией.

— А какое поведение японских войск на оккупированной ими территории — продолжал Сунь Ят-сен, — и какое отношение правительства Читы и населения к японцам?

Мы дали должную характеристику японскому командованию, указав на тот твердый язык, каким разговаривает в настоящее время правительство Читы с ним.

Объединение всех слоев русского населения вокруг лозунга «Долой интервенцию!» произвело на Сунь Ят-сена очень сильное впечатление. Сунь Ят-сен с большим вниманием относился ко всем вопросам, касающимся Дальневосточной Республики.

¹⁵ Генерал Тан Цзи-яо (1881—1927) — военный губернатор провинции Юньнань. В феврале 1921 г. отступил на территорию Гуанси.

¹⁶ Из-за противодействия внешней и внутренней реакции Сунь Ят-сен смог заявить об официальном вступлении на пост президента Китайской Республики лишь 5 мая 1921 года.

¹⁷ Так в тексте.

¹⁸ Чэнь Цзюнь-мин (1875—1936) — военный деятель Синьхайской революции, выдававший себя за сторонника Сунь Ят-сена. В правительстве Сунь Ят-сена занимал пост военного министра. 16 июня 1922 г. совершил в Гуанчжоу контрреволюционный переворот.

ВОСПОМИНАНИЯ

Ли Да-чжао — мыслитель, революционер, интернационалист

Тин Шэн

В ноябре 1918 г. на пекинской площади Тяньаньмынь выступил оратор с пламенной речью о всемирно-историческом значении Октябрьской революции. Это был Ли Да-чжао, в то время профессор Пекинского университета. Восторженно приветствуя победу большевизма, он стал страстным пропагандистом его великих освободительных идей в Китае. Ли Да-чжао был выдающимся политическим лидером и передовым общественным мыслителем, одним из организаторов Компартии Китая.

Мне посчастливилось однажды увидеть этого замечательного и мужественного человека, оставившего у меня глубокое впечатление. С именем Ли Да-чжао связана моя молодость. Целое поколение передовых людей Китая моего возраста через труды Ли Да-чжао знакомились с марксизмом, многие из них пришли к коммунистическому движению.

В доме Ли Да-чжао, как мне рассказывали очевидцы, висело каллиграфически начертанное им изречение: «Несгибаемо нести тяжелую миссию борьбы за правое дело» и «бить искусным мастером пера». Это был девиз его жизни, которую он посвящал самоотверженной борьбе за освобождение китайского народа и неутомимой пропаганде революционных идей.

Ли Да-чжао был сторонником сначала революционно-демократических идей, затем приверженцем социализма в Китае. 13 из 38 лет своей короткой жизни он отдал этой работе наряду с практической революционной деятельностью. Он выступал с докладами и лекциями на различных собраниях, митингах и на университетских кафедрах. Его статьи и памфлеты публиковались часто в периодической печати. Проблемы китайской революции, основные положения научного социализма, вопросы русской революции и международного рабочего движения — вот главные темы его выступлений. Под влиянием Октябрьской революции и революционного движения в Китае Ли Да-чжао нашел путь перехода от революционной демократии к научному коммунизму. В чрезвычайно трудных условиях, при отсутствии в те годы и подлинной марксистской литературы, Ли Да-чжао своим революционным инстинктом постепенно подошел к пониманию главнейших черт марксизма-ленинизма. Став убежденным приверженцем этого великого учения, он неутомимо пропагандировал его в Китае. Широкие массы молодежи того времени внимательно изучали произведения и выступления Ли Да-чжао, вокруг которых шли горячие споры и оживленные дискуссии. Имя Ли Шоу-чан — Ли Да-чжао произносилось с почтением не только его сторонниками и учениками, но и его противниками. Ли Да-чжао говорил и писал популярно и доходчиво. Он никогда не мнил себя пророком, первооткрывателем истины и назидателем, а являлся терпеливым и неутомимым просветителем, искренним убеждением доводил идеи до сознания масс.

Это впечатление еще больше укрепилось у меня, когда я слушал его лекцию «О социализме» в Шанхайском университете. Это было 7 ноября 1923 г., в день 6-й годовщины Октябрьской революции. Дата, указанная в «Избранных произведениях» Ли Да-чжао (Пекин, 1959 г.) на китайском языке и соответственно в русском переводе («Избранные статьи и речи», М., 1965), неверна. Выступление состоялось не 7 сентября, а 7 ноября и было опубликовано не 3 ноября, а 13 ноября¹.

На кафедру поднялся человек среднего роста, с усами и в очках, с виду сельский учитель, в сером хлопчатобумажном халате. Это был известный профессор и политический деятель Ли Шоу-чан. Спокойным голосом он разъяснял суть научного социализма, о котором тогда еще не имели правильного представления, разъяснял политику Советской России. Он указывал, что социализм предполагает более высокую

¹ Это подтверждает в начале речи и сам Ли Да-чжао: «Сегодня, в шестую годовщину революции в Советской России...» (См.: Ли Да-чжао. Избр. произв. Пекин, 1959, стр. 476).

ступень развития общественного производства, чем капитализм, который стал уже тормозом для развития. «При социализме обилие продуктов достигается плановостью производства. Чтобы осуществить справедливое распределение, необходимо перестроить способ производства. Только при социализме люди могут жить счастливо, пользоваться всеми благами для удовлетворения потребностей материальной и духовной жизни»².

Ли Да-чжао разоблачал злостную клевету на социализм, при котором якобы люди не будут заинтересованы в труде и будут господствовать лень и тунеядство. Он указывал, что «подлинная свобода может быть только там, где есть экономическая свобода». При капитализме этой свободой пользуется только буржуазия, при социализме — весь народ. Свободный труд, от которого зависит благосостояние трудящихся, а не обогащение кучки капиталистов, будет стимулировать трудовой энтузиазм. Конечно, при этом не исключается необходимость борьбы с эгоизмом и тунеядством и прочим наследием капитализма³.

Далее Ли Да-чжао подробно остановился на экономических, культурных успехах Советского Союза, на трудовом энтузиазме рабочих, крестьян и интеллигенции этой первой в мире страны строителей социализма.

После примерно часовой речи Ли Да-чжао ответил на множество вопросов. Несмотря на разношерстный состав аудитории, его слушали с исключительным вниманием. По окончании лекции Ли Да-чжао непринужденно беседовал с окружившими его студентами, которые долго не отпускали почтенного ученого, известного революционера и вместе с тем простого, обаятельного человека. Приветственные возгласы, восторженные овации в то время не практиковались, особенно в академической аудитории. Зато провожали его с исключительной теплотой и искренним уважением. Позднее я много слышал о деятельности Ли Да-чжао, читал его произведения, но эта встреча, к сожалению, была единственной и последней. По плану он собирался прочитать курс лекций в Шанхайском университете, о котором говорил «наш университет». Однако этот план не был осуществлен и мне больше не пришлось его увидеть воочию.

Чтобы оценить идейное содержание работ Ли Да-чжао и определить их место в истории общественной мысли и общественного движения Китая, нужно основательно изучить его литературное наследие. По далеко не полным подсчетам, список его произведений с 1913 по 1927 г. насчитывает 325 работ. На русский язык переведена 51 работа. В избранные произведения, изданные на китайском языке в 1959 г., вошло 133 работы. Большая часть работ представляет собой библиографическую редкость. Их уникальные экземпляры хранятся в различных библиотеках Китая, но мы не располагаем такими крупными работами Ли Да-чжао, как курс лекций, прочитанных им в Пекинском университете по политэкономии, по истории исторической мысли.

Деятельность Ли Да-чжао не исчерпывается только дошедшими до нас произведениями. Многие из его трудов являются кратким изложением его лекций, докладов и речей, записанных слушателями, к тому же не всегда точно. Так, например, из большой лекции «О социализме», прочитанной им в Шанхайском университете, было опубликовано лишь три страницы в газете «Цзюэ» по записи, сделанной двумя слушателями. Следует отметить, что многие произведения Ли Да-чжао до сих пор не разысканы. Так, например, комплект журнала «Чжэнчжи шэнхо» («Политическая жизнь») — орган северного Бюро КП Китая, со статьями Ли Да-чжао, до сих пор не собран и не переиздан. Труды Ли Да-чжао, в частности те, которые положили начало новой исторической школе марксистского направления в Китае, ждут своего глубокого изучения.

Теоретическая, пропагандистская работа Ли Да-чжао неразрывно связана с его кипучей революционной деятельностью. Он активно участвовал в антияпонском патриотическом и антимонархическом движении 1915 г., в «движении 4 мая» 1919 г., впоследствии создал первый коммунистический кружок в Пекине. Он первый из китайских деятелей установил контакт с представителем Коминтерна. Со II съезда КПК (в I съезде КПК он не участвовал) Ли Да-чжао неизменно избирался в члены ЦК КПК, беспрерывно руководил северным Бюро КПК. В условиях жестокого террора, в логове свирепой империалистической и милитаристской реакции он руководил этой партийной организацией. Во время гражданской войны партийная организация Севера была оторвана от центра, и Ли Да-чжао приходилось действовать и решать неотложные вопросы самостоятельно.

Ли Да-чжао не был кабинетным руководителем, а являлся активным деятелем, всегда стоял на передовом фронте массовой борьбы, рисковал жизнью, если этого требовала обстановка. Возглавляя профсоюзную организацию Северного Китая, он непосредственно руководил стачечной борьбой рабочих предприятий, шахт, железных дорог, угольных копей. Был одним из руководителей забастовки Пекин-Ханькоуской железной дороги в 1923 г. Он лично возглавлял массовую антиимпериалистическую, антимилитаристскую демонстрацию 18 марта 1926 г. и был ранен при нападении по-

² См.: Ли Да-чжао. Избр. произв. Пекин, 1959, стр. 476.

³ Там же, стр. 478.

лиции и войск. Ли Да-чжао руководил также молодежной организацией, коммунистами — политработниками Народной армии.

Исключительная заслуга принадлежит Ли Да-чжао в деле создания антиимпериалистического национального единого фронта в Китае. Зимой 1921 г. в Пекин прибыл представитель Коминтерна Г. Маринг, который обсуждал с Ли Да-чжао практические пути осуществления единого фронта. Пользуясь близким личным знакомством с тогдашним ректором Пекинского университета Цай Юань-пэем (Ли Да-чжао был профессором Пекинского университета, некоторое время работал личным секретарем ректора), Ли Да-чжао решил организовать встречу с ним Г. Маринга. Цай Юань-пэй был одним из близких соратников Сунь Ят-сена по обществу «Тунмынхой», предшествовавшему гоминьдану. Во время его президентства в 1912 г. Цай Юань-пэй был министром просвещения. При встрече, которая вскоре состоялась, Маринг и Ли Да-чжао просили Цай Юань-пэя рассказать Сунь Ят-сену об идее Коминтерна и КПК создания единого антиимпериалистического фронта на основе сотрудничества гоминьдана и компартии. Это была первая попытка установить контакт с Сунь Ят-сеном. Вскоре Маринг встретился с Сунь Ят-сеном в Гуйлине (провинции Гуанси) и имел с ним дружественные беседы.

10 июня 1922 г. КПК впервые опубликовала политическую декларацию с предложением создания национального единого фронта и созыва конференции представителей всех социалистических и демократических партий и организаций, в том числе компартии и гоминьдана, для совместной выработки политической платформы антиимпериалистической и антимилитаристской борьбы. Проект декларации был передан Ли Да-чжао, который находился в то время в Пекине. Он полностью одобрил план единого фронта и содержание декларации. Ли Да-чжао подверг непримиримой критике идею создания «правительства людей доброй воли», выдвинутой Ху Ши и другими 15 либеральными буржуазными учеными и политическими деятелями, противостоявшими антиимпериалистической, антимилитаристской программе КПК. Надо сказать, что до опубликования декларации Ли Да-чжао выражал известное сочувствие идее создания «правительства людей доброй воли».

Через месяц после опубликования декларации, 10 июля 1922 г., в Шанхае состоялся II съезд КПК. Ли Да-чжао прибыл в Шанхай, когда съезд свою работу уже заканчивал. На съезде и после него среди руководства партии состоялась острая дискуссия по вопросу о форме сотрудничества компартии и гоминьдана. Одни стояли за межпартийное сотрудничество путем совместно выработанной программы и координации действий. Другие ратовали за вступление коммунистов в гоминьдан. Для разрешения этого и других политических вопросов было созвано совещание у озера Сиху (г. Ханьчжоу). В начале августа 1922 г. Ли Да-чжао, как и Маринг — представитель Коминтерна, поддержал план вступления коммунистов в гоминьдан. Сторонники этого плана явно оказались не в большинстве. Однако после терпеливого и тщательного обсуждения вопроса совещание приняло решение о вступлении коммунистов в гоминьдан в индивидуальном порядке при сохранении организационной и политической самостоятельности компартии.

13 августа 1922 г. Сунь Ят-сен прибыл из Гуанчжоу в Шанхай после мятежа генерала Чэнь Цзюнь-мина. Встретившись с Сунь Ят-сеном, Ли Да-чжао изложил свою точку зрения на современное положение в стране и рассказал о политической платформе компартии, изложил идею о необходимости создания единого фронта и реорганизации гоминьдана с участием коммунистов, о превращении его в боеспособную массовую революционную партию для руководства борьбой народных масс против империализма и милитаризма. При этом Ли Да-чжао предложил план вступления коммунистов в гоминьдан на условиях, принятых на совещании, состоявшемся ранее у озера Сиху. Сунь Ят-сен без колебаний принял это предложение, как и весь план создания единого фронта. Спустя несколько дней под личным председательством Сунь Ят-сена состоялась церемония принятия присяги по случаю вступления в члены гоминьдана группы руководящих работников КПК: Ли Да-чжао, Чэнь Ду-сю, Цай Хэ-сань и Чжан Тай-лэя. Несколько дней спустя был принят в гоминьдан Чжан Го-тао. Так фактически началось сотрудничество КПК и гоминьдана.

Дружба и сотрудничество Ли Да-чжао с Сунь Ят-сеном оказали благотворное влияние на последнее, который постепенно становился на твердую прогрессивную революционную позицию.

К моменту приезда советского представителя А. А. Иоффе в августе 1922 г. идея о трех политических курсах: союз с СССР, сотрудничество с компартией и поддержка рабоче-крестьянского движения — уже созрела у Сунь Ят-сена, что способствовало успешным переговорам его с А. А. Иоффе и опубликованию известного коммюнике Сунь Ят-сена — Иоффе в январе 1923 г. Перед встречей с Сунь Ят-сеном А. А. Иоффе имел неоднократные встречи и консультации с Ли Да-чжао в Пекине. Это также облегчило переговоры А. А. Иоффе с Сунь Ят-сеном.

В работе III съезда КПК в июне 1923 г. Ли Да-чжао принял активное участие и решительно поддержал директиву-резолюцию Коминтерна от 12 января 1923 г. «Об отношении КПК с партией гоминьдана». Вопрос о едином фронте и сотрудничестве

двух политических партий был предметом острых споров на съезде. Отвергая правую и левую позиции, Ли Да-чжао наиболее последовательно отстаивал линию Коминтерна.

В ноябре 1923 г. в работе конференции представителей организаций гоминьдана принимали участие и коммунисты, по инициативе которых были приняты первые решения по рабочему и крестьянскому вопросам. Был создан временный Центральный исполнительный комитет гоминьдана, куда вошло и несколько коммунистов. Тогда же была опубликована и декларация о его реорганизации. 25 ноября 1923 г. Сунь Ят-сен произнес по этому поводу речь о необходимости такой реорганизации и превращения гоминьдана в боеспособную дисциплинированную революционную партию. Такая реорганизация, как известно, состоялась в январе 1924 г. на первом съезде гоминьдана.

В начале января 1924 г. вместе с Шэн Хуань-янем и Гу Мын-юем (профессорами Пекинского университета — старыми гоминьдановцами) Ли Да-чжао прибыл в Гуанчжоу, помогал Сунь Ят-сену в выработке политической программы и нового устава партии. На съезде Ли Да-чжао выступил с речью, в которой говорил, что, как член компартии Китая — секции III Коммунистического Интернационала, он вступает в индивидуальном порядке в члены гоминьдана не для того, чтобы превратить его в компартию, а для того, чтобы вместе с товарищами совершить дело национальной революции в соответствии с принципами гоминьдана, строго соблюдая его дисциплину⁴. В то же время Ли Да-чжао подчеркивал, что речь не идет об отказе от организационной и политической самостоятельности компартии. Об этом говорилось в его статье о национальной революции и гоминьдане. Сунь Ят-сен высоко ценил помощь и советы Ли Да-чжао. В знак своей дружбы, подчеркивая значение сотрудничества КПК и гоминьдана, Сунь Ят-сен шел в первом ряду вместе с Ли Да-чжао при торжественном вступлении делегации в зал заседаний съезда. Это видно и на сохранившемся до нашего времени фотоснимке.

На I съезде гоминьдана Ли Да-чжао был избран членом президиума съезда, членом комиссии по редактированию манифеста съезда, членом комиссии по публикации документов съезда и пропаганды и членом ЦИК гоминьдана. После съезда он постоянно сотрудничал с Сунь Ят-сеном.

Большую роль Ли Да-чжао сыграл в борьбе Сунь Ят-сена за созыв национального собрания в 1924—1925 годах.

В октябре 1924 г. во время очередной войны между чжилийскими и фынтяньскими милитаристами генерал Фын Юй-сян, командовавший военным соединением армии У Пэй-фу, совершил переворот, переименовал свои войска в «народную армию» и изгнал из Пекина чжилийских милитаристов У Пэй-фу и Цао Куня. Воспользовавшись этим, войска фынтяньских милитаристов вступили в Северный Китай и захватили власть в Пекине. Главарь фынтяньской клики, маршал Чжан Цзо-лин, чтобы укрепить свои позиции, провозгласил известного лидера анфуистских милитаристов — Дуань Ци-жуня «временным главным правителем». Фын Юй-сян, склонявшийся в то время на сторону революции, пытался отыскать пути прекращения братоубийственной войны и укрепления собственного авторитета. Он пригласил Сунь Ят-сена на Север для начала переговоров о мирном объединении страны. Дуань Ци-жунь и Чжан Цзо-лин, рассчитывая заручиться поддержкой народа, также пригласили Сунь Ят-сена на Север под предлогом необходимости совместного осуждения государственных дел.

Сунь Ят-сен дал согласие на поездку на Север с целью созыва национального собрания и ликвидации неравноправных договоров, навязанных империалистами Китаю.

Через Шанхай и Японию Сунь Ят-сен 4 декабря 1924 г. прибыл в Тяньцзинь. 31 декабря 1924 г. он приехал в Пекин. Здесь у него состоялась встреча с Ли Да-чжао, незадолго до этого вернувшимся из Москвы, где участвовал в работах V конгресса Коминтерна в качестве делегата. Они совместно вырабатывали программу и тактику борьбы за демократические преобразования страны и разоблачали политические интриги милитаристских клик и капитулянтские заговоры правых гоминьдановцев.

Под руководством Ли Да-чжао и по его инициативе с одобрения Сунь Ят-сена 1 марта 1925 г. была созвана конференция представителей комитетов содействия созыву Национального собрания, на которой были приняты антиимпериалистические и антимилиитаристские резолюция и программа демократического преобразования страны. Я в то время работал секретарем Шанхайского комитета содействия созыву Национального собрания и был хорошо знаком с деятельностью Ли Да-чжао в этой области.

Ли Да-чжао умел замечательно сочетать нелегальную работу с легальной. Будучи профессиональным революционером, он прекрасно владел искусством конспирации, умел в то же время максимально использовать легальные возможности для связи с массами. Благодаря своему научному и моральному авторитету он пользовался большим уважением у известных политических деятелей, знаменитых ученых, по своим

⁴ Сборник речей о гоминьдане. Сб. I. Шанхай, 1927, стр. 33—34.

взглядам весьма далеких от Ли Да-чжао, если не сказать враждебных ему. Так, по рекомендации известных лидеров либеральных конституционистов Тан Хуа-луна и Сунь Хун-и он с 1916 г. работал редактором 7-й страницы (приложения) газеты «Чэньбао», где пропагандировал демократические идеи. Известный консервативный ученый и политический деятель Чжан Ши-чжао рекомендовал его в качестве профессора (с 1918 по 1927 гг.) и заведующего библиотекой в Пекинском университете (ректором в то время был Цай Юань-пэй, а заведующим учебной частью — Чэнь Ду-сю). Одновременно он читал лекции по историческому материализму и политической экономике в пекинских женских и мужских педагогических институтах и в других вузах Пекина, Ухани и других городов. Выступал также в Шанхае и Гуанчжоу. Несмотря на предельную нагрузку, Ли Да-чжао находил время для написания теоретических и публицистических статей как редактируемого им партийного журнала «Чжэнчжи шэнхо», так и для демократической прессы и энциклопедических изданий.

Образцом гибкого использования легальных возможностей является его тактика по отношению к милитаристу У Пэй-фу.

С 1907 г. по 1913 г. Ли Да-чжао учился в Байяньском политико-юридическом институте в городе Тяньцзине, где подружился с однокурсником Бо Цзянь-у, который впоследствии стал начальником политического управления войска У Пэй-фу и пользовался его исключительным доверием. При помощи Бо Цзянь-у Ли Да-чжао познакомился с этим популярным в то время «демократическим» маршалом.

Тактика Ли Да-чжао по отношению к У Пэй-фу была такова: использовать противоречия чжилийской милитаристской клики (У Пэй-фу, Цао Кунь) с кликой коммуникаций (Лян Ши-и, Е Гун-чао), подрывать влияние последней среди железнодорожников, которое было главным препятствием развития рабочего движения на железных дорогах.

Клика коммуникаций всегда была полновластным хозяином на железных дорогах и являлась самым крупным финансовым магнатом в Китае. Под ее контролем находился «Банк коммуникаций». Сколько ни менялось правительства, пост министра путей сообщения неизменно оставался за кликой коммуникаций. В 1921 г. при поддержке фынтяньской милитаристской клики (Чжан Цзо-лин) был создан кабинет из представителей клики коммуникаций во главе с Лян Ши-и. По распоряжению министра путей сообщения этого кабинета Е Гун-чао для железнодорожников были созданы школы, клуб, землячество и другие организации для противопоставления их революционному профдвижению. Вот почему борьба с кликой коммуникаций была главной задачей коммунистов на железных дорогах.

После победы У Пэй-фу над Чжан Цзо-лином в 1922 г. пал кабинет клики коммуникаций, но ее влияние сохранялось во всех инстанциях администрации железных дорог. У Пэй-фу пытался использовать коммунистов и рабочих для вытеснения влияния клики коммуникаций, выдвигая демагогический лозунг «защиты трудящихся». Таким образом, борьба с кликой коммуникаций была общим стремлением как У Пэй-фу, так и коммунистов, но, естественно, с совершенно различных позиций. В результате переговоров Ли Да-чжао с У Пэй-фу последний предложил новому министру путей сообщения Гао Энь-хуну принять 6 человек, рекомендованных Ли Да-чжао, на должности секретных ревизоров шести железнодорожных линий. После этого на Пекин-Ханькоуской, Пекин-Фынтяньской, Пекин-Суйюаньской, Тяньцзинь-Пукоуской, Чжэнтин-Таюаньской и Лунхайской железных дорогах начали действовать шесть скрытых коммунистов в качестве секретных ревизоров, облеченных большими полномочиями. Они беспощадно разоблачали махинации, злоупотребления железнодорожных чиновников из ставленников клики коммуникаций, составляли обвинительные доклады в министерство. В то же время они защищали интересы рабочих, помогали им организовать клубы, школы, профсоюзы. Коммунисты, работники профорганизации под покровительством ревизоров пользовались льготами для передвижения по железным дорогам, а часть зарплаты ревизоров (каждый из них получал больше 100 юаней в месяц) шла на покрытие расходов рабочих организаций. Ревизоры способствовали также созданию революционной профорганизации на железных дорогах.

После победы чжилийской клики над фынтяньской кликой У Пэй-фу развернул демагогическую «демократическую» кампанию: восстановил парламент 1913 г., опубликовал постоянную конституцию, создал гражданский кабинет из «хороших людей» во главе с профессором Пекинского университета Ван Чун-хуэем. Для осуществления лозунга «защита трудящихся» У Пэй-фу предлагал создать «Бюро труда» при правительстве и выработать «трудоу закон».

Воспользовавшись этим обстоятельством в июле — августе 1922 г., Всекитайский рабочий секретариат профсоюзов по инициативе Ли Да-чжао, Дэн Чжун-ся и других развернул кампанию борьбы за трудовое законодательство, выдвинув при этом 19 пунктов-требований: свобода собраний, ассоциаций и всеобщих стачек, право на коллективные договоры, на связь с международными профсоюзами, нормальные условия труда, 8-часовой рабочий день, обеспеченный минимум зарплаты, защиты труда и т. д. Эти требования были опубликованы в газетах и журналах. Для обсуждения их были созваны рабочие собрания в Таншане, Чжэнчжоу, Чанша, Пекине и других го-

родах. На пресс-конференциях с участием депутатов парламента, представителей Всекитайского рабочего секретариата профсоюзов пропагандировали принятие закона о труде. Парламент отверг этот законопроект. Отказ ввести трудовое законодательство показал, что все заверения милитаристов У Пэй-фу, Цао Куя и других об их заботе о рабочих — сплошной обман. Кроме того, это способствовало рассеиванию легалистических законодательных иллюзий среди рабочих. Выдвинутые секретариатом 19 требований превратились в программу-минимум борьбы рабочего класса.

В отличие от Чэнь Ду-сю Ли Да-чжао не строил ни малейших иллюзий в отношении милитариста У Пэй-фу. Наоборот, он вел непримиримую борьбу за интересы рабочего класса. В свою очередь У Пэй-фу понимал намерения Ли Да-чжао и других коммунистов и готовился к расправе над ними.

Забастовка в Чансиндяне нанесла ощутимый удар по главному финансовому источнику У Пэй-фу, доходу от Пекин-Ханькоуской железной дороги. В результате этой забастовки его доход сократился на 860 тыс. юаней в год. У Пэй-фу стал создавать собственную рабочую штрейкбрехерскую организацию под названием «Общество дружбы рабочих и служащих», а также «военно-учебные бригады», обучавшие солдат управлять локомотивами на случай забастовок рабочих. Все это было предвестником кровавых событий февраля 1923 г., когда У Пэй-фу, отбросив прочь «демократическую» маску, обнажил свое подлинное лицо. Ли Да-чжао гневно разоблачал злодеяния У Пэй-фу и порвал навсегда связь с Бо Цзянь-у.

У Пэй-фу готовил также расправу и над самим Ли Да-чжао, но осуществления ее откладывал до срока. В сентябре 1924 г. в стране поднялась бурная кампания против коррупции Цао Куя, незаконно ставшего президентом республики. В то же время надвигалась новая война между фынтяньскими и чжилийскими милитаристами. В середине сентября 1924 г. У Пэй-фу вызвал к себе начальника секретной службы Лю Чжэнь-дуна и показал ему секретное донесение одного его личного осведомителя, в котором сообщалось, что «профессор экономического учения Пекинского университета и редактор газеты «Чэньбао» Ли Да-чжао, около 40 лет, уроженец уезда Лотин провинции Чжили, имеет тесную связь с русским послом Караханом. В Пекинском университете существует антиправительственная организация, пропагандирующая коммунизм. Ли Да-чжао выступает против власти милитаристов, против диктатуры, против феодального строя. Особо важным, по свидетельству одного профессора Пекинского университета, является то, что Ли Да-чжао действительно приверженец Сунь Вэня, он недавно вернулся из Гуанчжоу, активно выступает против президента и вас — маршала. Он лидер компартии, и если не подвергнуть его немедленно наказанию, то может случиться большая беда»⁵. Показав донесение, У Пэй-фу добавил, что он лично знает того, о ком идет речь, хотел использовать его как образованного и способного человека, но потом узнал, что он красный. «Конечно, можно было бы не спешить карать ученых преступников, пока не истреблены военные преступники, но распространение красной доктрины, выступления против милитаризма и против междоусобной войны в настоящее время могут помешать нашим военным действиям. Поручаю лично вам (Лю Чжэнь-дуну) для исполнения, соблюдая при этом строгую тайну. Доложить мне о результате следствия после ареста»⁶.

В половине десятого вечера 24 сентября 1924 г. Ли Да-чжао вышел из советского посольства, где он был в числе приглашенных на ужин к послу Л. М. Карахану. На северной стороне посольского квартала, у моста, Ли Да-чжао был схвачен сыщиками. Его увели в управление секретной службы ставки У Пэй-фу, которое помещалось в доме № 34 по 4-й улице восточного Сыпалоу.

Допрашивал его сам начальник секретной службы Лю Чжэнь-дун. Ли Да-чжао держал себя с исключительной выдержкой и мужеством, отвергая обвинения весьма умными и находчивыми аргументами.

В портфеле Ли Да-чжао, отобранном при аресте, были найдены тексты его лекций по политической экономии, статьи для газет и журналов. Среди них были статья под названием «Подлинное лицо политики дружбы держав к Китаю» и проект воззвания «Социалистической лиги». В первом документе говорилось о лицемерной и коварной политике империалистических держав и подлинной дружбе Советской России к китайскому народу, отказавшейся от всех привилегий царского правительства в Китае и т. д. Во втором документе содержались призывы к борьбе с деспотизмом, угнетением и эксплуатацией против милитаризма и междоусобицы за свободу, равенство и т. д. Лю Чжэнь-дун считал, что этого достаточно, чтобы обвинить Ли Да-чжао в прислужничестве перед красной Россией и в антиправительственном преступлении. Ли Да-чжао с полным достоинством ответил, что, как подлинный патриот, он обличает агрессивность политики империализма, защищая в то же время мудрую внешнюю политику китайского правительства, только что восстановившего дипломатические отношения с дружественной соседней державой — Советской Россией, высоко

⁵ Чжаи Цы-си. Биография Ли Да-чжао. Пекин, 1951, стр. 37—38.

⁶ Там же, стр. 38.

цена ее справедливое, великодушное, равноправное отношение к Китаю. Разве поддержка этой политики — преступление, а не заслуга?

Отвечая на второе обвинение, Ли Да-чжао заявил, что и в проекте воззвания «Социалистической лиги» содержится лишь теоретическое положение социализма. Ведь и в Китае еще Конфуций пропагандировал «социализм». Он это называл «Мир великого единения», и он тоже, мол, отвергал милитаризм, братоубийство, всякие пороки и стоял за гуманность и благодеяния. Разве наше правительство выступает против Конфуция, поддерживая все пороки? Разве выступление против этих пороков равнозначно выступлению против правительства? «Я, — говорил Ли Да-чжао, — лично знаю маршала У Пэй-фу. При беседе со мной он также ратовал за свободу, равенство, демократию, за защиту интересов трудящихся и против всех пороков, против которых выступал и Конфуций. Так в чем мои преступления против правительства, перед законом? — спрашивал Ли Да-чжао.

После долгого раздумья Лю Чжэнь-дун решил отпустить Ли Да-чжао, заявив, что он лично относится к профессору с большим уважением, но долг службы вынуждает его выполнять приказы сверху. Слуга милитариста решил рискнуть, взять на себя ответственность и освободить арестованного. При этом он предупредил Ли Да-чжао, что о его связи с советским посольством и с Сунь Ят-сеном доносил один из профессоров Пекинского университета, и просил его соблюдать осторожность.

Существуют разные предположения и объяснения по поводу этого случая. Одно из объяснений дает сам Лю Чжэнь-дун.

После установления Народной республики в Китае, в 1951 г. Лю Чжэнь-дун, вероятно, желая показать свои «заслуги» перед компартией, передал Се Чжи-цзю — бывшему ученику и секретарю Ли Да-чжао записи допросов Ли Да-чжао 24 сентября 1924 г. и другие документы, связанные с его арестом. Эти документы он представил в качестве доказательств того, что освобождение Ли Да-чжао явилось якобы результатом пробуждения у него, Лю Чжэнь-дуна, совести, порыва благородного чувства, почеренного мужеством, умом, стойкостью и благородством этого замечательного, мудрого человека.

Однако трудно поверить Лю Чжэнь-дуну. Причины этого, по-моему, как тогда многие предполагали, состояли в том, что, во-первых, война между чилийскими и фынтяньскими милитаристами уже началась, переворот генерала Фэн Юй-сяна, бывшего одним из основных генералов У Пэй-фу, предвещал неизбежность его поражения. Воспользовавшись тем, что У Пэй-фу в это время отправился в Цюлункоу для руководства военными действиями против войска Фэн Юй-сяна, наступавшего на Пекин, Лю Чжэнь-дун, предвидя резкие изменения политической обстановки в стране, счел момент подходящим (У Пэй-фу было не до этого) для освобождения Ли Да-чжао. Лю Чжэнь-дун, вероятно, считал, что освобождение Ли Да-чжао будет выгодным для него в дальнейшем.

Во-вторых, Китай только что восстановил дипломатические отношения с Советским Союзом и заключил с ним важные соглашения. Арест и осуждение известного политического деятеля и ученого, выступавшего в поддержку этой политики, вызвали бы резкий протест китайской общественности. При этом не исключались и дипломатические осложнения.

В-третьих, вслед за кампанией против коррупции Цао Куня на посту президента в стране поднималась волна патриотического и демократического движения. Арест и осуждение общепризнанного лидера этого движения вызвали бы бурное возмущение широких масс, что было бы весьма неблагоприятно для и без того тяжелого положения чилийской клики и самого Лю Чжэнь-дуна, в частности.

Возможно, были и другие причины. Но эти моменты, несомненно, сыграли важную роль в освобождении Ли Да-чжао из-под его первого ареста в 1924 г. После этого он тут же включился в кипучую деятельность партии по подготовке нового революционного подъема в стране.

Ли Да-чжао был непримирим и принципиален в идейно-политической борьбе внутри партии. По разным причинам он редко участвовал в партийных съездах, но всегда принимал активное участие в выработке политической линии и программных документов партии. Он предпочитал деловое решение вопросов, неуклонно проводя на практике политическую линию Коминтерна и очередного съезда партии.

Ли Да-чжао был подлинным пролетарским интернационалистом, горячим борником дружбы и сотрудничества советского и китайского народов. Он понимал неразрывное единство патриотизма и интернационализма как неразрывную связь китайской революции с международной пролетарской революцией. По его мнению, подлинный интернационалист должен стремиться внести возможно больший вклад в революционное движение своей страны как неотъемлемую часть международной борьбы пролетариата и в то же время должен оказывать максимальную помощь борьбе других народов, координируя с ними действия и передавая друг другу опыт, особенно русской революции, руководимой В. И. Лениным. Ли Да-чжао был глашатаем Октябрьской революции, большевизма в Китае и считал его путеводной звездой эпохи, утверждающей новый мир красного знамени. Он призывал китайский народ идти по

русскому пути. Возглавлял массовую кампанию за восстановление дипломатических отношений Китая с Советской Россией в 1920—1921 и 1924 гг. Через него была установлена связь с Сунь Ят-сеном. Курс на союз с СССР — одна из трех политических установок Сунь Ят-сена — также был плодом усилий Ли Да-чжао. Постоянные контакты с советскими товарищами, поездка в Москву еще больше укрепили его убеждение в неценимом значении дружбы советского и китайского народов. Ли Да-чжао был основоположником интернациональных традиций китайских коммунистов и китайского пролетариата.

Ли Да-чжао был настоящим человеком, достойным этого высокого звания. Он олицетворял лучшие традиции и духовную силу своего народа. В нем сочетались качества честного, добропорядочного, скромного трудового человека с качествами волевого, отважного, самоотверженного, закаленного большевика. Он был строгим, непреклонным в принципиальных партийных вопросах и в то же время простым, задушевным в товарищеской среде, стойким и суровым с врагами, мужественным в опасности. Он мог с достоинством вести переговоры с министрами, генералами, с иностранными дипломатами, быть дружелюбным советчиком видным политическим деятелям и интеллигенции и находить общий язык с членами «красных пик», с солдатами, шахтерами и рикшами. Его можно было видеть в салонах полемизирующим с Бертраном Расселом, с Джоном Дьюи, с Ху Ши и Лян Ци-чао по вопросам философии и социологии и можно было видеть в труппах железнодорожников Чансиндяня, среди шахтеров Тяньшаньских копей, совещавшимся с рабочими о тактике и требованиях в предстоящих стачках.

Ли Да-чжао был человеком кристальной чистоты, беспредельно преданным делу партии и революции, во имя которого он не щадил свою жизнь. Он отказался временно покинуть пост, чтобы избежать ареста, подвергался жестоким пыткам в застенках, но отверг план побега, подготавливавшийся боевой дружиной коммунистов и рабочих-железнодорожников, чтобы не подвергать риску товарищей и избежать разгрома организации. Ли Да-чжао не дрогнул в минуту казни. Он мужественно встретил смерть как храбрый боец революции. Его последними словами были: «Да здравствует коммунистическая партия!»

Бурное возмущение охватило весь Китай при известии о гибели Ли Да-чжао от рук реакционеров-гоминьдановцев. Героизм Ли Да-чжао вдохновлял китайский народ на дальнейшую борьбу, приведшую его к победе, для которой он заложил первый фундамент и во имя которой он отдал свою жизнь.

В сегодняшнем маоистском Китае имя выдающегося революционера предано забвению. Мало того, его могила была осквернена хунвэйбинами, а родственники репрессированы. Но как бы ни старались маоисты, им не удастся убить память китайского народа, верным сыном которого был Ли Да-чжао.

Память о Ли Да-чжао — рыцаре китайской революции, пламенном вожак масс, выдающемся руководителе коммунистической партии — будет всегда жить в сердце китайского народа.

Видный советский коммунист, участник китайской революции

(В СВЯЗИ С 90-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. БОРОДИНА)

Составной частью нынешнего антисоветского курса китайского руководства является попытка воспитать китайскую молодежь в духе вражды и ненависти к СССР, вытравить из памяти старшего поколения воспоминания об интернациональной политике Советского Союза, который на всем сложном и извилистом пути китайской революции делил с революционным Китаем горечь неудач и радость побед.

Закономерно, что китайские революционеры стремились к контактам с Советской Россией, имея целью уяснение победоносного опыта российских большевиков в революции, гражданской войне против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов, применения его для решения проблем Китая. Так, Ли Да-чжао, один из первых китайских марксистов, коммунистов, один из организаторов в будущем КПК, отмечая международное значение Октябрьской революции, подчеркивал, что нужно «прислушиваться к вестям из новой России», «изучать большевизм». «Мы в этом мрачном Китае, — писал Ли Да-чжао, — ...словно ощущаем ее (Октябрьской революции) светлый луч... Мы должны использовать этот свет, упорно стремиться вперед, работать для блага человечества»¹.

Великий китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен, приветствуя победу революции в России, в первых же письмах советскому правительству выражал надежду на грядущее объединение усилий России и Китая².

Советское правительство со своей стороны неизменно руководствуясь ленинскими принципами советской внешней политики, провозглашенными В. И. Лениным сразу же после победы революции, на протяжении всей истории советского государства было на стороне китайского народа, его борьбы за освобождение своей страны.

В. И. Ленин и руководимая им партия большевиков, определяя политику в отношении Китая, исходила из того, что «китайскому народу, борющемуся за национальное и социальное освобождение, приходится сталкиваться с силами не только внутренней реакции, но и с внешними империалистическими силами...

В этих условиях международная помощь пролетариата, прежде всего социалистического рабоче-крестьянского государства — Советской России, становилась объективной необходимостью для победы китайской революции»³.

Поэтому помощь поднимавшемуся национально-освободительному, революционному движению китайского народа, защита китайской революции занимали важное место в советской дальневосточной политике. Так было и в годы китайской революции, и в годы борьбы китайского народа с японской агрессией.

Одной из важных форм помощи революционному освободительному движению китайского народа была работа опытных советских партийных и военных деятелей, которые в качестве советников оказывали интернациональную помощь патриотическим силам Китая в самой гуще борьбы, со всей ее спецификой и сложностью.

Первая группа советских партийных и военных деятелей, в которую входили старейшие члены большевистской партии, имевшие за плечами огромный опыт революционной борьбы, опытные военачальники Красной Армии, была направлена в Китай в 1923 г. по просьбе Сунь Ят-сена и его сподвижников. Среди них видное место занимал М. М. Бородин, человек, которому В. И. Ленин неоднократно доверял выполнение ответственных поручений партии и о котором в первых строках «Письма к американским рабочим» (1918 г.) Ленин писал следующее: «Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам»⁴.

В годы революции в Китае вместе с М. М. Бородиным в разное время работали прославленные советские военачальники — герои гражданской войны В. К. Блюхер, П. А. Павлов, А. И. Черепанов и многие другие.

М. М. Бородин родился 9 июля 1884 г. в Витебской губернии в семье бедняка.

¹ Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, стр. 67, 131, 85—86, 194—195 и др.

² Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 341—343.

³ «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, стр. 8.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 48.

Детство и ранняя юность его прошли в Латвии. В 1903 г. вступил в РСДРП. По заданию партии Бородин едет в Швейцарию, но после январских событий 1905 г. большевистская организация в Женеве направила его в Россию.

Почти весь 1905 г. Бородин — секретарь Рижского комитета РСДРП. Несмотря на молодость он уже тогда проявил себя как зрелый партийный руководитель. От рижской партийной организации Бородин был делегатом на Таммерфорской конференции большевиков, а позднее на Стокгольмском (объединительном) съезде.

Одиннадцать лет, с 1907 по 1918 гг., Бородин прожил политэмигрантом в Америке. Летом работал на фермах, зимой — на фабриках, много учился и активно участвовал в работе социалистической партии Америки.

В июле 1918 г. Бородин приезжает в Москву. Он принимает активное участие в доставке адресатам известного ленинского документа — «Письмо к американским рабочим».

В марте 1919 г. он был участником конгресса Коминтерна.

В 1923 г. Бородин получил новое партийное задание, пожалуй, самое сложное из всех, которые ему приходилось выполнять в течение всей своей жизни, он был командирован в Китай в качестве главного политического советника Сунь Ят-сена и Национально-революционного правительства, представителем партии в объятый революционным движением стране.

В начале октября 1923 г. Бородин с небольшой группой военных советников прибыл в Гуанчжоу, резиденцию Сунь Ят-сена. Это было бурное время подъема революционного движения в Китае — развивалась стачечная борьба китайского пролетариата, формировался единый антиимпериалистический фронт, сплачивавший все революционные патриотические силы для достижения национального освобождения.

Сунь Ят-сен встретил посланца советской страны и долго расспрашивал его о В. И. Ленине, русской революции.

Ознакомление Сунь Ят-сена с опытом русской революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции утвердило его в мысли, что только дисциплинированная и сплоченная партия может успешно возглавить массы в революционных преобразованиях.

Выступая на митингах, Сунь Ят-сен неоднократно призывал учиться у советских людей, перенимать опыт русской революции. «Мы должны учиться у России ее методам, ее организации, ее подготовке членов партии, только тогда мы можем надеяться на победу», — подчеркивал Сунь Ят-сен⁵.

В выступлениях и статьях последних лет жизни Сунь Ят-сен неоднократно упоминал М. М. Бородина, называя его «нашим хорошим другом», «имеющим большой опыт партийной работы».

А положение в провинции Гуандун в то время, когда советские советники только приступили к работе, было чрезвычайно сложным, в одном из своих отчетов Михаил Маркович перечислял элементы, из которых оно складывалось: «Двести тысяч войск разбросано по провинции. В какое место Гуандуна ни ткнешь пальцем, попадешь в штаб какого-нибудь милитариста. В городах шныряют агенты У Пэй-фу, Чжан Цзо-линя и других милитаристов... Гоминьдан... не функционирует как партия... Все учреждения кишмя кишат шпионами империалистов, милитаристов... Извне на Гуандун нападают всякого рода генералы, то сами, то подстрекаемые Гонконгом... Кантон — это какое-то Вавилонское столпотворение, в котором можно совершенно потеряться»⁶.

Важнейшей задачей, стоявшей перед революционным Китаем в тот период, было объединение всех объективно революционных, патриотических сил в единый фронт. Известно, что разработка основных установок политики единого фронта, определение союзников пролетариата в борьбе за национальное и социальное освобождение принадлежит В. И. Ленину, который в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» указал на «необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению» в остальных странах.

На основе ленинских указаний Коминтерн помог китайскому революционному движению выработать формы единого фронта.

Учитывая ситуацию в Китае — слабость рабочего и коммунистического движения, отчетливо выраженные антиимпериалистические тенденции в гоминьдане, опора Сунь Ят-сена в национально-освободительной борьбе на помощь СССР и готовность Сунь Ят-сена к тесному сотрудничеству с китайскими коммунистами, — Коминтерн рекомендовал в качестве организационной формы единого фронта гоминьдан, партию, пользовавшуюся авторитетом в Китае и за рубежом, партию, лидером которой был Сунь Ят-сен. Но гоминьдан не имел четкой программы, структуры и нуждался в коренной реорганизации.

Создание руководящего органа единого фронта, то есть коренная реоргани-

⁵ Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 366.

⁶ «Видные советские коммунисты — участники китайской революции». М., 1970, стр. 25—26.

зация гоминьдана, превращение его в революционную коалицию рабочего класса, крестьянства, мелкой и национальной буржуазии — все это были важнейшие звенья формирования единого фронта.

Выполнить эту задачу китайским революционерам помогли советские советники во главе с М. М. Бородиным.

Бородин в тот период участвовал в обсуждении всех важнейших вопросов в суньятсеневском гоминьдане, в подготовке основополагающих документов, в работе по подготовке съезда гоминьдана.

На состоявшемся в январе 1924 г. I Всекитайском съезде гоминьдана в докладе и выступлениях Сунь Ят-сена на съезде, а также в манифесте съезда содержалось изложение новой политической программы партии, новая трактовка «трех народных принципов» Сунь Ят-сена, выдвинутых Сунь Ят-сеном еще в 1905 г. На съезде было оформлено вступление коммунистов и членов Социалистического союза молодежи в гоминьдан.

Съезд дал новое направление внутренней и внешней политике партии, организационно оформил единый фронт всех прогрессивных сил страны, значительно содействовал общему подъему национально-освободительной борьбы китайского народа⁷.

Сунь Ят-сен высоко оценил деятельность Михаила Марковича в столь сложном вопросе, как создание органа единого фронта. 16 февраля 1924 г. Сунь Ят-сен писал в Москву Г. В. Чичерину: «Вы совершенно правы в определении основной цели моей партии — создании мощного движения китайского народа, одновременно революционного и созидательного... Мы в настоящее время работаем в этом направлении...»

В связи с этим я выражаю мою глубокую признательность за те услуги, которые товарищ Бородин оказал нам в реорганизации гоминьдана. Он был неocenим, и его визит является, по-видимому, знаменательным событием»⁸.

На протяжении всего последующего периода китайской революции важнейшей задачей М. М. Бородина и всей группы советников было оказание помощи революционным силам и в сохранении единого фронта, в укреплении левых сил во главе с КПК в гоминьдане, органах местной власти, армии.

Опыт, накопленный в годы революции, имел непреходящее значение: он облегчил китайским коммунистам процесс создания единого антияпонского фронта в следующий драматический период китайской истории, когда над страной нависла угроза японского порабощения.

Являясь советником Сунь Ят-сена, М. М. Бородин одновременно руководил проведением в жизнь программы советской помощи китайской революции на юге страны, и его усилия были направлены на поиски наиболее эффективных путей оказания реального содействия китайскому народу. Приехав в Китай, Бородин установил сразу же широкие контакты с китайскими коммунистами, особенно с членами ЦК КПК и другими китайскими товарищами, работавшими бок о бок с советскими людьми, оказывал им необходимую поддержку. Так, во время работы первого конгресса гоминьдана очень острым был вопрос о вступлении в гоминьдан коммунистов, без чего эта партия не смогла бы стать партией единого антиимпериалистического фронта. Перед обсуждением этого вопроса на пленарном заседании коммунистическая фракция приняла решение, чтобы представитель коммунистов Ли Да-чжао выступил на съезде с изложением причин, по которым коммунисты вступают в гоминьдан в индивидуальном порядке. М. М. Бородин поддержал это решение, но советовал приурочить его к тому времени, когда на заседании будет присутствовать Сунь Ят-сен. В этом проявилось правильное понимание расстановки сил на съезде, роли и авторитета Сунь Ят-сена. Действительно, присутствие Сунь Ят-сена и Ляо Чжун-кая во многом определило отношение делегатов съезда к выступлению.

В последующее время у М. М. Бородина установились товарищеские отношения с рядом руководящих работников Коммунистической партии Китая. Его резиденции в Гуанчжоу и Ухани часто бывали Цюй Цю-бо, Су Чжао-жэнь, Дэн Чжун-ся. Особенно тесные связи у него установились с Чжан Тай-лэем, который в 1925 г. был прикомандирован к Бородину в качестве помощника. С этого времени и до отъезда М. М. Бородина из Китая они постоянно работали вместе.

М. М. Бородин неоднократно подчеркивал большую роль китайских коммунистов в событиях, происходящих в стране. «Коммунисты, — говорил он в феврале 1926 г. — всегда оказывались наилучшими, наиболее преданными, наиболее честными работниками в армии, наиболее храбрыми в той или иной кампании»⁹.

Сотрудничество Бородина с китайскими коммунистами продолжалось до последних дней его работы в Китае. Несомненно, что деятельность Бородина и других наших советников и осуществлявшаяся через них помощь Советского Союза Китаю способствовали тому, что Компартия Китая из небольшой, мало заметной в стране партии в начале 20-х годов превратилась к 1927 г. в значительную политическую силу. Деятель-

⁷ См., например: С. Л. Тихвинский. Внешнеполитические воззрения и практика Сунь Ят-сена. М., 1964.

⁸ Сунь Ят-сен. Цитр. произв., М., 1964, стр. 569—570.

ность советских советников способствовала и общему политическому подъему в Китае, недаром сам Бородин считал «главным достижением всей работы на юге то, что удалось поднять на борьбу массы»¹⁰.

Создание руководящего центра единого фронта было первой из крупных проблем, которые советники помогли решить революционному Китаю. Не менее важно было помочь создать в короткое время армию, которая могла бы противостоять многочисленным армиям милитаристов, а также освободить провинцию Гуандун, которой было предназначено стать базой революции, от власти милитаристов, организовать подготовку преданных революции военных кадров.

Сама идея революционной войны, идея создания революционной армии дискутировалась на страницах китайской коммунистической печати уже в 1922 — начале 1923 г. в связи с гражданской войной в Китае, деятельностью гоминьдана и т. д.¹¹.

С мыслью о необходимости создания армии мы встречаемся в письмах Сунь Ят-сена в Москву в 1921—1923 гг. Но как китайские коммунисты, так и Сунь Ят-сен не видели конкретных путей создания армии, и заслугой Коминтерна является то, что он не только ориентировал китайских коммунистов на народно-освободительную войну, но и разглядел в военных акциях Сунь Ят-сена зародыш той вооруженной силы, которую следует создать.

Строительство национально-революционной армии Китая, которая, как известно, явилась прообразом народно-освободительной армии Китая, связано с деятельностью большого коллектива советских военных советников во главе с В. К. Блюхером.

Разработка путей создания такой армии, главным образом принципов ее политической организации, равно как и становление форм военной помощи Китаю, было заботой Бородина.

Представляя Сунь Ят-сену первую небольшую группу военных советников, он ознакомил его с системой политической работы в Красной Армии. В первых же беседах с руководителями гоминьдана он обращал их внимание на принципы организации и политической подготовки будущих офицеров национально-революционной армии Китая.

И Сунь Ят-сен пришел к выводу, что революционные китайские войска должны строиться по образцу Красной Армии советской страны, доказавшей свое превосходство над армиями иностранных империалистов. Одним из важнейших элементов армейского строительства, подготовки военных кадров стала система политической организации, политической работы среди всего личного состава армии.

До приезда основной группы советников Бородину пришлось самому выступать в роли военного специалиста при подавлении мятежа купеческих дружин — шантуаней (их тогда называли «бумажными тиграми»).

На протяжении всего периода революции он неизменно обращал внимание руководства единого фронта на политическую подготовку всех операций освободительной войны.

Позже, во время походов за освобождение провинции Гуандун от реакционеров, а потом в период Северного похода, М. М. Бородин вместе с В. К. Блюхером и другими советниками продолжал уделять серьезное внимание политической стороне дела, добиваясь, чтобы солдатам и офицерам объясняли цели каждого похода, значение победы для дела освобождения Китая, необходимость единого фронта армии и народных масс для осуществления революционных идеалов.

Советский Союз помогал революционному Китаю не только тем, что направил в эту страну высококвалифицированных военных и опытных политических советников. Несмотря на тяжелое экономическое положение, советская страна, отказывая себе в самом необходимом, помогала Китаю оружием и другими средствами.

До конца жизни Сунь Ят-сен сохранял необыкновенно дружественное, полное доверия отношение к М. М. Бородину. И не случайно, что именно ему он показал написанное завещание и письмо Советскому правительству и перед самой смертью поручил Бородину передать эти документы в Москву. В письме ЦИК СССР он писал: «Дорогие товарищи! Прощаясь с Вами, я хочу выразить мою пламенную надежду — надежду на то, что скоро наступит рассвет. Настанет время, когда Советский Союз как лучший друг и союзник будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы»¹².

После кончины Сунь Ят-сена М. М. Бородин остается в Китае в качестве советника ЦИК гоминьдана и национально-революционного правительства.

С деятельностью М. М. Бородина и группы советских советников в тот период связано создание революционной базы в провинции Гуандун, укрепление там власти национально-революционного правительства, в том числе коренное улучшение к 1926 г.

⁹ Цит. по: А. И. Черепанов. Северный поход национально-революционной армии 1926—1927 (записки военного советника). М., 1968, стр. 26.

¹⁰ Там же, стр. 25.

¹¹ См.: «Сяндао», № 85, см. также: «Коминтерн и Восток». М., 1969, стр. 265—266.

¹² Сунь Ят-сен. Избр. произв. М., 1964, стр. 556—557.

финансового положения после многих лет разрухи и произвола милитаристов, что оказало благотворное влияние на положение народных масс.

В аппарате М. М. Бородина была создана небольшая группа «молодых теоретиков», которые работали над изучением социальных проблем Китая, в том числе и аграрного вопроса.

Первые результаты работы нашли отражение в подготовленном и изданном литографическим способом труде «Аграрные отношения в пр. Гуандун». Этим же способом небольшим тиражом издавался журнал «Кантон»; печатный орган советской колонии в Китае, не потерявший своего значения и в настоящее время. На страницах журнала обсуждались злободневные проблемы того времени, в частности вопросы предстоящего Северного похода, организации власти на освобожденной территории, материалы дискуссий по проблемам китайской революции. Бородин сам принимал активное участие в выработке практических мероприятий, направленных на дальнейший размах революционной борьбы масс.

О понимании Бородиным задач, стоявших перед революционным Китаем в 1926 г., свидетельствует его доклад «Северная экспедиция — необходимый этап работы в Китае» (февраль 1926 г.), в котором отмечалось, что «на всем пути она будет проводить мероприятия, способствующие развитию рабочего и крестьянского движения, должна будет разрешить или хотя бы взяться за разрешение социальных вопросов. Особое внимание будет обращено аграрному вопросу». Бородин подошел к правильному пониманию аграрного вопроса в Китае, подчеркивая, что «только аграрная революция освободит крестьян от неслыханной эксплуатации, создаст в крестьянстве прочную базу для настоящего антиимпериалистического государства, которое одной только уступкой со стороны держав не будет довольствоваться и пойдет дальше в своей борьбе с экономической властью империализма в Китае»¹³.

Периодом наивысшего размаха национальной революции 20-х годов был этап Северного похода (вторая половина 1926 — начало 1927 г.), вместе с тем это было время, когда правые силы развернули ожесточенную борьбу против реализации заветов Сунь Ят-сена о союзе с СССР, о союзе с Коммунистической партией Китая, о поддержке рабоче-крестьянского движения.

Энергия и авторитет М. М. Бородина и других советских советников, работавших в тесном контакте с коммунистами и «левыми» гоминьдановцами, были направлены в то время на проведение в жизнь мероприятий, благоприятствовавших рабочему и крестьянскому движению, консолидации всех подлинно революционных сил, расширение состава преданных революции вооруженных сил. И действительно, по признанию китайских коммунистов — участников китайской революции, в тот период китайская революция вступила в новую фазу своего развития, фаза характеризовалась необычным ростом и активностью рабоче-крестьянского движения»¹⁴.

После измены китайской буржуазии делу китайской революции М. М. Бородин, как и другие советники, был отозван на Родину. Он покинул Ханькоу днем 16 июля 1927 г., а 17 июля в 2 часа китайские милитаристы устроили налет на его квартиру, рассчитывая расправиться с ним.

Советское правительство высоко оценило деятельность М. М. Бородина, наградив его орденом Красного Знамени. В Китае также высоко чтит память о нем. Фотографию Бородина можно было видеть в музеях КНР в течение многих лет после образования КНР рядом с фотографиями великого китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена.

Историческое значение деятельности советских советников в Китае состоит в том, что, руководствуясь решениями Коминтерна и ВКП(б) по вопросам революционного движения в Китае, они творчески донесли до китайского народа опыт Октябрьской революции и советского государства в создании революционной армии и партии, организации революционной войны. Это, несомненно, помогло китайскому народу значительно сократить путь революции к победе. Участие советских коммунистов в китайской революции, огромная поддержка, которую оказал борющемуся Китаю Советский Союз, сыграли большую роль в укреплении дружбы народов.

Имя М. М. Бородина — ветерана русского и международного революционного движения, активного участника китайской революции — прочно вошло в историю нашей партии, историю борьбы китайского народа за свободу и независимость, как пример подлинного интернационализма, беззаветной преданности идеям ленинизма!

*Ученые-китаеведы
Института Дальнего Востока АН СССР*

¹³ Цит. по: «Видные советские коммунисты — участники китайской революции». М., 1970, стр. 37.

¹⁴ Там же, стр. 38.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Новые материалы по истории Сунского времени¹

Во Франции под редакцией Фр. Обэн вышли первые два выпуска из серии работ по эпохе Сун (960—1279), посвященной памяти известного синолога Этьена Балаша (24.I.1905 — 29.XI.1963)².

Э. Балаш родился в Будапеште, получил синологическое образование в Германии и Франции в 1923—1930 гг., с 1949 г. работал в Париже, в Национальном центре научных исследований, а с 1955 г. — в Секции экономических и социальных наук Практической школы высших исследований при Сорбонне и был крупным исследователем проблем социальной и экономической истории Китая. Как пишет Фр. Обэн (вып. 1, стр. 23), его основные взгляды на китайское общество получили отражение в трех работах разных лет, сравнительно недавно переизданных и составляющих первые тома посмертного издания произведений Э. Балаша³. Докторская диссертация, защищенная им в 1930 г. в Берлине, была посвящена экономической истории эпохи Тан (618—907). Как отмечает П. Демьевиля (вып. 1, стр. 7), Э. Балаш был пионером в этой области синологии, так как в то время западные китаеведы еще не приступали к изучению экономической истории средневекового Китая, а в самом Китае, так же как в Японии, этот аспект едва начал привлекать внимание отдельных ученых. Работы же русских и советских китаеведов по этим вопросам остались малоизвестными за

¹ "Etudes Song in memoriam Etienne Balazs", Ed. Françoise Aubin. Serie 1, Histoire et Institutions, fasc. 1, 2, 180 p., Paris — La Haye, 1970—1971.

² О жизни, научной деятельности и трудах Э. Балаша см. некрологи, написанные П. Демьевилем: "T'oung Pao", Vol. 51, fasc. 2—3, 1964, p. 247—261; "Homage a' Etienne Balazs". Bordeaux, 1964. См. также: P. Demieville. Etienne Balazs (24 january 1905—29 november 1963) in memoriam. — "Etudes Song...", fasc. 1, p. 7—9.

³ E. Balazs. Chinese civilisation and bureaucracy, Yale University Press, 1964; "La bureaucratie celeste, recherches sup l'economie et la société de la Chine Traditionnelle". Paris, 1968; H. Maspero, Balazs. Histoire et institutions de la Chine ancienne des origines au XII siecle après J. — C. Paris, 1967.

рубежом. В диссертации Балаш подчеркивал важность изучения экономической системы Древнего Китая, видя в фактах экономического порядка вклад в изучение истории и общую экономическую теорию и вместе с тем средство, помогающее историку лучше понять эволюцию всей Восточной Азии в, как он выражается, новое время. В дальнейшем эта двойная цель стала главным содержанием всей его работы, и, по выражению П. Демьевиля, «у него всегда прошлое как бы оживлялось современностью и проблемы настоящего казались глубже в зеркале истории» (вып. 1, стр. 7). Можно добавить, что вообще в Западной Европе и США с тех пор едва ли кто сделал больше, чем Э. Балаш, в области изучения экономической истории китайского средневековья. Так, его переводы экономического и юридического разделов «Суй-шу»: «Ши-хо чжи» («Описание продовольствия и товаров») и «Син-фа чжи» («Описание законов и наказаний») — с обширными и ценными комментариями представляют собой важные монографии, освещающие многие проблемы экономической и социальной истории средневекового Китая⁴. Э. Балаш с молодых лет интересовался проблемами истории эпохи Сун. По словам П. Демьевиля (вып. 1, стр. 8), эта эпоха привлекала его обилием и высоким качеством имеющихся исторических источников по ней и тем, что решение проблем истории Сун, по его мнению, должно было продемонстрировать «начало нового времени» в истории Китая в ту эпоху. В 1949 г. Э. Балаш в плане научных работ, представленном им в Национальный центр научных исследований Франции, поставил на первое место обширное исследование по экономической и социальной истории Сун, включающее перевод огромного экономического раздела «Сун-ши». В 1954—1955 гг. его план вылился в серию проектов, одним из которых было создание на базе международного сотрудничества «Руководства по истории Сун».

В последнем томе этого задуманного им трехтомного собрания обобщающих статей о сунской цивилизации Э. Балаш, как указывал Фр. Обэн (вып. 1, стр. 23), предлагал не только дать сумму исследований о Сунах, но и надеялся увидеть отражение своих собственных взглядов на китайское общество, которые он из года в год развивал на своих семинарах в Практической школе высших исследований и Институте высших китаеведческих исследований в Париже.

⁴ E. Balazs. Le Traité économique du "Soui-chou". — "T'oung Pao", Vol. XLII, Livr. 3—4, 1962, p. 113—329; "Le traité juridique du "Souei-chou". Leiden, 1954, 227 p.

Как указывает Фр. Обэн, Э. Балаш на своих семинарах и в печатных работах показывал, как конфуцианство в Китае, это некогда оппозиционное учение, с течением времени превратилось в идеологию господствующего класса и (по крайней мере в идеале) этическую норму правителей. Переходя к периоду Сун, Э. Балаш старался выявить те элементы, которые привели сунский Китай, по принятой им периодизации, на зарю «нового времени» намного раньше, чем Запад. В связи с этим его постоянно занимали такие проблемы, как поиски «китайской буржуазии», появление класса купцов, развитие городской жизни, ростки «автохтонного капитализма» и др. В то же время в неодолимо косной силе бюрократической традиции, произволе фискальной системы и государственного контроля, в переплетении интересов мандарината и торговой буржуазии он обнаруживал препятствия, столкнувшие Китай с пути промышленной державы, который, казалось, открывал ему достигнутый им уровень развития технологии и науки (вып. 1, стр. 23—24). Хотя для нас многое неприемлемо в методологических установках покойного сиолога (в частности, «его точка зрения о времени зарождения в Китае капиталистических отношений), богатейший фактический материал, собранный Э. Балашем, мастерский анализ и ряд тонких и остроумных наблюдений полностью сохраняют свою ценность.

Всё издание «Исследования по Сунам» («Etudes Song»), осуществляемое в память об Э. Балаше секцией экономических и социальных наук Практической школы высших исследований при Сорбонне, как сообщают издатели, будет состоять из двух серий — «История и институты» и «Цивилизация», — которые будут появляться отдельными выпусками. Материалы, включенные в первую серию, сгруппированы по следующим большим темам: «Демография» (Хэ Бин-ди. Приблизительное определение общей численности населения Китая при Сун и Цзинь); «Дипломатия» (ст. Г. Франке. Договоры между Сун и Цзинь; Е. И. Кычанов. Войны между Северными Сунами и Си-Ся); «Военная история» (С. А. Школяр. Метательная артиллерия в эпоху Сун); «История народных восстаний» (ст. Г. Я. Смолни. Восстание тайного общества Ми-лэ-цзяо под руководством Ван Цзэ (1047—1048); И. М. Ядзак. Было ли два Сун Цзяна?); «Выдающиеся лица» (ст. Г. Франке. Исторический прецедент или случайное повторение? Коу Чжунь в 1004 и Юй Цянь в 1449 г.; К. Широкауэр. Чжу Си как администратор); «Институты» (У. Эйкхорн. Министрство церемоний, лн-бу (перевод из цзюаня 163 «Сун-ши»); Т. Грим. Введение должностей ти-цзюй-сюе-ши сы (начальников обучения) при династии Северная Сун); «Экономическая история» (Э. Балаш. Карта торговых центров Китая в конце XI века; С. Аояма. Развитие речных перевозок при Сунах); «История городской жизни» (Э. Балаш. Краткая биб-

лиография источников, которые могут служить материалом для изучения городской жизни в эпоху Сун; публикация (текст, перевод и примечания) Цзо Цзин-чжуаня «Лань-пэй лу, дневник путешествия Фань Чэн-да (1170)»; «Пособия для работы над историей Сун» («Генеалогия сунских императоров» М. ван дер Луна, «Алфавитный список нянь-хао (названий годов правления) и императоров (Сун, Ляо, Цзинь и Си-Ся)» П. Ольбрихта и «Схемы управления при Сун» Э. А. Краке-мл.). Вторая серия — «Цивилизация» — будет содержать статьи авторов из разных стран по вопросам религий и философии, искусства и литературы.

Э. Балаш намеревался составить первый том упомянутого «Руководства по истории Сун» из аннотированной библиографии источников по истории Сун и второй том — в виде биографического словаря сунских деятелей типа известного биографического словаря А. У. Хамеля «Выдающиеся китайцы Цинского периода» («Eminent Chinese of the Ch'ing Period»). В связи с этим отдельно, вне серии, готовятся сборник биографий сунских деятелей под руководством Г. Франке и библиография сунских источников под руководством Йвеса Гервута (вып. 1, стр. 9).

В вышедших двух выпусках первой серии опубликованы, помимо цитированных замечок П. Демьевиля в память об Э. Балаше (вып. 1, стр. 7—9) и введения в первую серию Фр. Обэн (вып. 1, стр. 23—29), 6 из названных выше статей, составляющих первую серию.

Демографические данные о населении сунского Китая — одним из элементов производительных сил и творце самой истории, — безусловно, представляют большую важность для изучения истории этого периода, и поэтому статья Хэ Бин-ди (Чикагский университет) о приблизительной численности населения всего Китая в эпохи Сун и Цзинь (1115—1234) (вып. 1, стр. 33—53) не может не заинтересовать китаиста, тем более что она написана известным специалистом, выпустившим книгу о народонаселении мнско-го, цинского и современного Китая⁵. Нельзя не согласиться с Хэ Бин-ди, когда он в самом начале своей работы заявляет, что для него «предпосылкой определения численности населения периода любой данной династии является попытка понять как можно полнее институционную и административную стороны такой численности населения» (вып. 1, стр. 34).

У чжурчжэньских племен, основная масса которых занималась земледелием и обычно жила в так называемых чжай (буквально: частоклах) по верхнему течению Сунгари, были распространены термины *минган* и

⁵ Ho Ping-ti. Studies on the Population of China, 1368—1953. — "Harvard East Asian Studies", 1959, № 4.

мука⁶, которые, по Хэ Бин-ди, соответственно обозначали «тысячу» и «сотню» или командиров «тысячи» и «сотни». Эти термины применялись в двух значениях: общественном и военном. После утверждения чжурчжэньской династии Цзинь в Северном Китае первый чжурчжэньский император Агуда (1115—1123) в 1116 г. установил, что 300 семей составляют мука, а 10 мука — минган. В Чжурчжэньской империи в Северном Китае минган-мука служила системой, охватывавшей не только военную, но и политическую, социальную и экономическую организацию чжурчжэней. Одна из функций минган-мука заключалась в подсчете и регистрации подвластного им населения, в том числе рабов. Что касается других этнических групп, входивших в состав Чжурчжэньской империи, то после уничтожения государства Ляо (907—1125) кидани, второй по численности после китайцев покоренный чжурчжэнями народ, были охвачены системой минган-мука, так же как китайцы и бохайцы из Южной Маньчжурии (вып. 1, стр. 34—38). Остальные китайцы и другие этнические группы подчинялись гражданской администрации. Но перепись населения проводилась по единой системе (вып. 1, стр. 38). Автор статьи детально показывает порядок проведения этих переписей. Будучи связаны с налогообложением, они, по крайней мере теоретически, должны были проводиться ежегодно, причем учитывалось все население по возрастным группам независимо от пола (вып. 1, стр. 38—39).

Как справедливо указывает Хэ Бин-ди, сунские официальные источники менее ценны для определения численности населения Китая, чем цзиньские. Полемизируя с японским исследователем Като Сигэси, который считал, что по сунской системе при регистрации учитывалось все население, но численность его сильно преуменьшалась, автор статьи приходит к выводу: «Судя по среднему размеру семей в различных префектурах, численность населения Сун не может быть приравнена к численности совершеннолетнего мужского населения, всего мужского населения или «фискального» населения. Для нашей реконструкции общей численности населения Сун официальные данные должны быть полностью отброшены» (вып. 1, стр. 47). Но зато, как он считает, в сунских официальных источниках численность семей близка к действительности, так как необходимость разверстки обременительных принудительных трудовых повинностей требовала более или менее точного учета именно семей (там же). Хотя бедняки ради того, чтобы избежать тяжелых налогов и повинностей, переходили под покровительство богатых людей, отдавая последним документы на зе-

мельные участки и регистрируясь как «члены» семей своих «покровителей», в то же время наблюдалась и противоположная тенденция, когда богачи стремились разделить свои семьи на ряд фиктивных малых семей с той же целью — уменьшить бремя налогов и повинностей. Во всяком случае, при сравнительной малочисленности богатых семей данные о семьях в эпоху Сун полезны для определения общей численности населения (стр. 47—48). Определив на основании разнообразных данных, что средний размер семьи в империи Цзинь в рассматриваемую эпоху составлял 5 человек, автор приходит к заключению, что в конце XII — начале XIII в. численность населения империи достигала приблизительно 40—50 млн. человек, а всего Китая — более 100 млн. человек (вып. 1, стр. 52). Выводы Хэ Бин-ди заслуживают внимания, но затронутая им тема, конечно, требует дальнейшей разработки.

В статье о договорах, заключенных между Сун и Цзинь (вып. 1, стр. 55—84), Г. Франке (Мюнхенский университет) справедливо отмечает, что на Дальнем Востоке, где первоначально не существовало *jus gentium* и где даннические отношения теоретически были единственной нормой международного общения, Китай постепенно и неохотно принял современные формы внешних сношений с другими странами только в XIX в. Далее автор пишет: «С другой стороны, в китайской истории есть длительные периоды, когда традиционная идеология (подчинения Китаю. — Н. М.) всей Поднебесной («Одно солнце на небе, один правитель на Земле») встречала серьезные препятствия со стороны политических фактов. Может быть, замечательно то, что мы встречаемся с договорами как средствами сформулировать совместно достигнутое соглашение о будущих политических и торговых отношениях между Китаем и его соседями именно в те периоды, когда на Дальнем Востоке существует множество государств и Китай более не был единственной сильной державой. Короче говоря, договоры заключались тогда, когда Китай не мог более навязывать свою волю соседним государствам. Один факт, что заключался договор, свидетельствует об ослаблении мощи Китая и существовании многогосударственной или двугосударственной системы (на территории Китая)» (вып. 1, стр. 56—57). Г. Франке также справедливо указывает на отличие китайской практики заключения договоров от западной. В отличие от Запада, где договор обычно представлял собой совместную более или менее торжественную декларацию сторон, освященную в средние века религиозной клятвой и подписанную их представителями, в китайской дипломатической практике договор, как правило, состоял из двух параллельных, односторонних составленных деклараций — формально независимых друг от друга торжественных клятв, принимаемых двумя или многими сторонами необязательно в присутствии их представителей страи или их уполномоченных (вып. 1, стр. 57—58).

⁶ Ср. монгольское *minguan* тысяча — основная единица социального и военного деления монгольского общества XIII—XIV вв.

Г. Франке дает ценную текстологическую характеристику дипломатических документов об отношениях между Сун и Цзинь, сохранившихся в той или иной степени полноты во многих источниках, в том числе таком важном, как «Сань-чао бэй-мэн хуэй-бянь» («Сборник о клятвах о союзе с Севером за три правления»), из 250 цзюаней Сюй Мэн-синя (1126—1207), составленном приблизительно в 1190 г. В нем подробно описываются дипломатические отношения и войны между Сун и Цзинь за период с 1117 по 1162 г. Из 5 главных договоров, заключенных Сунами с Цзинь в 1123, 1126, 1141, 1165 и 1208 гг., автор статьи дает переводы наиболее полных и надежных текстов договоров 1123 г. (вып. 1, стр. 62—69), 1126 г. (вып. 1, стр. 69—78) и 1141 г. (вып. 1, стр. 78—82), сопровождая перевод ценными замечаниями. Эти договоры в полном согласии с упомянутой выше практикой заключения соглашений или союзов представлены письмами-клятвами Сун и Цзинь 1123 и 1126 гг. и письменной клятвой Сун 1141 года. По мнению Г. Франке, соглашение 1123 г. было заключено в условиях равновесия сил между Сун и Цзинь. По условиям его Суны обязывались выплачивать чжурчжэням, как правопреемникам изгнанных из Северного Китая киданей, ежегодно 200 тыс. лян серебра и 300 тыс. кусков шелка и получали взамен район Яньцзинна с несколькими округами. А в 1126 г. чжурчжэни уже находились под знаменами сунской столицы Кайфына под командованием второго сына Агуды Во-ли-бу. Сунский Китай по договору этого года был вынужден уступить чжурчжэням три округа — Тайвань, Чжуншань и Хэцзянь, увеличить ежегодную выплату серебра до 300 тыс. лян, а поставку шелковых тканей сохранить в прежнем размере, послать сунского принца крови в чжурчжэньский лагерь в качестве заложника и признать чжурчжэньского императора по тогдашней дипломатической практике «дядей» и себя — «племянником», в терминах того времени. В 1127 г. чжурчжэни, невзирая на договор, заняли Кайфын и положили конец династии Северная Сун. В результате по договору 1141 г. Суны согласились на установление границы с Цзинь по р. Хуайхэ и выплату 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. кусков шелка на этот раз уже в качестве дани (в тексте употреблен термин «гун») в год и признали себя вассалами чжурчжэньского императора. Г. Франке справедливо видит большой рационализм (в смысле признания реального положения вещей) не только в содержании изученных договоров между Сун и Цзинь, но и в самой форме их, так как «в письмах, которыми обменялись оба государства, трудно увидеть «конфуцианство в действии» и нельзя не заметить, что цитаты из классиков и даже формул освященной веками «Цзо-чжуань» представляют собой не более чем декоративный элемент» (вып. 1, стр. 82).

Статья Е. И. Кычанова (ЛО ИВ АН СССР), автора первой монографии по исто-

рии тангутов⁷, о войнах между Си-Ся — тангутским государством на территории Северного Китая — и Сунами (вып. 2, стр. 103—118) отнесена к той же группе, что и статья Г. Франке («Дипломатическая история»), и это, пожалуй, правильно, потому что в ней много говорится о дипломатических переговорах и соглашениях между обеими странами.

В статье проанализированы причины, ход и исход семи ожесточенных и кровопролитных войн между Сун и Си-Ся, имевших место в 982—1004 гг., 1040—1044, 1070—1072, 1081—1086, 1096—1099, 1102—1107 и 1114—1119 гг. В целом в течение 54 лет из 167 лет соседства тангуты и Северные Суны вели войны друг против друга, в них участвовали десятки и сотни тысяч людей с каждой стороны (вып. 2, стр. 105—115).

Е. И. Кычанов справедливо отмечает, что все эти войны под теми или иными предлогами были начаты сунскими императорами. Он совершенно прав, когда пишет, что «первой и главной причиной этих войн было нежелание Северных Сунов допустить существование Си-Ся» (вып. 3, стр. 117 и 115). Как было указано выше, сунским правителям в отдельные периоды в трудных для империи ситуациях, например в отношениях с киданями или при конфронтации с чжурчжэнями, приходилось отступать от сиоцентристского принципа внешней политики, по которому вся Поднебесная принадлежит Китаю и «одно солнце на Небе, один правитель на Земле».

В официальной переписке внутри империи и во всей литературе китайцы продолжали ретировать другие народы как «варваров», называя, например, тех же самых чжурчжэней не иначе как «разбойниками» (лу), и во внешних сношениях применяли указанную доктрину во всех случаях, когда это только было возможно. В 960 г., после своего прихода к власти, Суны признали за правителем тангутов из дома Тоба титул вана, полученный им еще от танского императора, и право управлять тангутской территорией в качестве сунского вассала. Но, видя усиление тангутов и боясь роста их самостоятельности, китайские правители тщательно следили за положением дел в Си-Ся через своих шпионов и то и дело прибегали к военным акциям в выгодных для себя ситуациях, желая уничтожить тангутское государство в самом зародыше. Так, первая сунско-тангутская война 982—1004 гг. была начата китайцами в разгар междоусобного конфликта в тангутском государстве, вызванного нежеланием группы вождей племен признать нового правителя Тоба Ци-пэна (? — 1004), обратившегося к Китаю за помощью. Видимо, в этой войне китайцы, потерявшие ряд поражений от сильной тангутской армии, так и не добились своей главной цели — уничтожения самостоятельности тангутов и подчинения их

⁷ Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства. М., 1968, 355 стр.

своему контролю. Верные своей другой доктрине — и-и чжо-и (укрошение варваров при помощи варваров), — они привлекли на свою сторону тибетцев Лянчжоу и уйгуров Ганьчжоу, но и это не помогло. Наоборот, тангуты в ходе войны усилились и создали свое самостоятельное государство, хотя их новый правитель Дэ-мин (1004—1032) в 1006 г. согласился формально принять пост цзе-ду-ши и титул Си-пин ванга от Сунов в обмен на ежегодную выдачу ему золота, шелковых тканей, медных монет и чая. Эта уступка имела важное значение для Сунов. Как правильно отмечает в связи с этим Е. И. Кычанов, «китайцы были готовы платить и платили за формальное признание их главенства — цель, которая была краеугольным камнем их дипломатии в эпоху средневековья и их внешнеполитических доктрин и которой они добивались всеми средствами» (вып. 2, стр. 109).

Действительно, китайско-тангутская война 1040—1044 гг., одна из кровопролитнейших, была начата Сунами из-за того, что правитель Си-Ся Юань-хао (1032—1048) принял титул императора и демонстративно назвал страну Да-Ся («Великая Ся»). В ходе переговоров китайцы требовали, чтобы правитель Ся титуловался шань-юй, хан или еще каким-либо иностранным титулом, но только не называл себя тянь-цзы (сын Неба). Юань-хао соглашался принять титул у-цзу («император» по тангутски) и в сношениях с сунским императором почтительно называться «сыном». В конечном счете Юань-хао стал именоваться Ся-го чжу, «владелец государства Ся» (у Е. И. Кычанова, вып. 2, стр. 110, иероглиф *чжу* переведен как *souvegain*: «монарх», «государь», но предпочтительнее был бы прямой перевод его — «владелец»), потребовав взамен ежегодной компенсации золотом, шелком и чаем. Это устраивало китайцев. Они и сами называли правителей иностранных государств, например чжурчжунского императора и монгольского великого хана, «владельцами» (*чжу*).

Как правильно подчеркивает С. А. Школяр (ЛО ИВ АН СССР) в статье о метательной артиллерии эпохи Сун (вып. 2, стр. 119—142), проблемы средневековой китайской военной техники, особенно вопросы, относящиеся к артиллерии, предшествовавшей огнестрельному оружию, исследованы в Европе мало. Ученые обращали больше внимания на появление пороха в Китае и связанные с этим отдельные стадии развития метательных орудий. Между тем, по справедливому мнению автора, эти проблемы имеют первостепенное значение для изучения военной истории Китая (вып. 2, стр. 121).

Особенно важно знать состояние метательной артиллерии эпохи Сун. Ибо в X—XIII вв. в Китае появились первые образцы катапульта с применением смесей пороха в качестве зажигательных или взрывчатых веществ, а позднее в качестве средства метания. Развитие их было тесно связано с усовершенствованием камнеметной техники. В этот пе-

риод, переходный от камнеметов к огнестрельному оружию, метательные орудия достигли наивысшего развития и не претерпели серьезных изменений до XVI—XVII вв. (вып. 2, стр. 122).

Достаточно сказать, что в эпоху Сун существовали огромные камнеметы с рычагами — пучками бамбуковых шестов длиной свыше 8 м, которые обслуживали от 40 до 250 человек. Благодаря стандартизации деталей они в этот период изготавливались и применялись в боях в больших количествах. Надо также учесть, что именно в X—XIII вв. в результате продолжительных войн между Сунами и их северными соседями метательные орудия широко распространялись у киданей, тангутов, чжурчжэней и, позже у монголов. Например, есть сведения, что в армии Чингисхана (1206—1227) прислуга метательных орудий насчитывала 10 000 человек (вып. 2, стр. 122, 125, 127). Вопреки существующему мнению о том, что камнемет впервые упоминается в «Ши-цзине», С. А. Школяр полагает, что раньше всего о нем сообщается в трактате «Фань Ли бин-фа» Фань Ли (X в. до н. э.), в трактате Мо-цзы (V—IV вв. до н. э.) и словаре «Шо-вэнь» Сюй Шэня (I в. до н. э.) (вып. 2, стр. 123). Он показывает сунские метательные орудия в развитии, сравнивая их с их предшественниками в Китае, а также с камнеметами, существовавшими тогда в Европе и на Среднем Востоке. Особенно ценно произведенное им тщательное исследование конструкции и принципов действия различных типов сунских метательных орудий — вопросы наиболее сложные и наименее изученные. Также очень важны выводы, к которым пришел автор, изучая так называемые хо-пао (огненный камнемет) (вып. 2, стр. 137) и хуэй-хуэй пао (мусульманская пушка). Автор отвергает мнение, по которому хо-пао X—XIII вв. были огнестрельным оружием, и считает, что в то время этот термин относился только к ядрам, начиненным пороховой смесью, — он очень редко обозначал камнемет, метавший эти ядра, и только в XV в. был перенесен на «огнестрельную пушку». Хуэй-хуэй пао, построенные в 1271—1272 гг. персидскими мастерами для войск Хубилай-хана (1260—1294) и быстро принятые на вооружение Южными Сунами, на самом деле представляли не металлические пушки с жерлами, а, как показывал Фэн Цзя-шэн, камнеметы с противовесами, которые были распространены в Европе и на Среднем Востоке.

Статья Г. Я. Смолнина (ЛГУ), посвященная восстанию 1047—1048 гг. под руководством Ван Цзя в г. Бэйчжоу, так же как и другие материалы серии, весьма обстоятельна и содержательна (вып. 2, стр. 143—170). Охарактеризовав внутреннее положение сунского Китая 20—40-х годов XI в., когда наблюдался небывалый подъем классовой борьбы крестьянства и росло недовольство солдат и горожан в условиях узурпации крестьянских земель феодалами и усиления эксплуатации горожан в связи с борьбой

правительства с северными соседями, автор статьи делает следующее справедливое заключение: «Угроза, которая давила на верховную власть в связи с народными восстаниями, все более и более учащавшимися, особенно теми, которые вспыхивали близко от политических центров страны; постоянные «беспорядки» в армии, происходившие все чаще также в районах вокруг столиц; плохое состояние государственных финансов; постоянные неудачи на внешнеполитической арене; начавшаяся открытая борьба в среде господствующего класса вокруг реформ — все это также представляло собой симптомы неизбежного кризиса» (вып. 2, стр. 152).

Восстание в Бэйчжоу было поднято горожанами и солдатами гарнизона и продолжалось с 17 декабря 1047 г. по 18 февраля 1048 г., то есть в течение двух месяцев. Оно было подготовлено членами тайной религиозно-политической секты «Ми-лэ цзяо» — «Ученне Майтрени», популярного в Китае буддийского божества, которое должно было синзойти на Землю и освободить людей от мук и страданий, заменив собой будду Шакьямуни, по представлениям китайских буддистов олицетворявшего режим насилия, угнетения и несправедливости. По сигналу из Бэйчжоу другие города и районы Хэбэй должны были поднять восстания. Организаторы предполагали занять весь Хэбэй и сделать северную столицу империи Дамин своей столицей. Но восстание в Бэйчжоу под руководством Ван Цзэ, унтер-офицера из местного гарнизона, начавшееся раньше установленного срока, не получило активной поддержки со стороны соседей и было подавлено. Правительство было напугано восстанием целого города и гарнизона и было вынуждено пойти на ряд уступок населению Бэйчжоу и других районов. Император издал «манифест раскаяния» с признанием «недостатков» во внутренней политике и злоупотреблений со стороны местных чиновников и призвал обращаться к нему с предложениями о необходимых изменениях в управлении страной. Как правильно отмечает Г. Я. Смолни, «этот манифест дал дополнительный повод к оживлению деятельности реформаторов, предшествовавшей знаменитой «Новой политике» Ван Ань-ши» (вып. 2, стр. 168).

Важная статья «Было ли два Сун Цзяна?» (вып. 2, стр. 171—178) Миядзаки Итисада (Киотоский университет)⁸, как видно из ее заглавия, посвящена вопросу о личности Сун Цзяна. Сун Цзян, как известно, герой популярного романа «Речные заводы». В Китае на основании источников доказывалось, что он вполне историческая личность, жил в конце эпохи Северная Сун (960—1127), был «бандитом» (дао-цзэй), около 1119 г. появился в Шаньдуне и во главе своих 36 товарищей ограбил ряд округов в провинциях Цзиндун и Хэбэй; в период восстания Фан Ла в 1121 г. сдался правителю Хайчжоу и, вступив в карательную армию внука Тун Гуаня, посланную против Фан Ла, отличился в боях. В то же время в одном из источников сообщается, что Сун Цзян был схвачен в 1121 г. после подавления восстания Фан Ла (вып. 2, стр. 172—173).

Миядзаки Итисада убедительно доказывает, что Сун Цзян, который участвовал в карательной экспедиции против Фан Ла, с самого начала состоял воеводой в императорской армии, а тот, который ограбил округа в Дуцине и Хэбэе, и тот, который был схвачен после восстания Фан Ла, на самом деле одно и то же лицо.

Статьи, вошедшие в оба выпуска серии, основаны на отличных источниках по истории Сун, весьма обстоятельны и посвящены проблемам, не освещенным в синологии. Эти книги представляют большой научный интерес и ценный вклад в науку. В связи с этим необходимо отметить большую организаторскую и редакторскую работу Фр. Обэн, которая, взявшись за осуществление замысла покойного Э. Балаша, привлекла к написанию статей новых авторов, перевела на французский язык часть материала и снабдила серию подробным введением и научными примечаниями по отдельным вопросам.

Н. Ц. Мункуев,
доктор исторических наук

⁸ См. также более расширенную японскую версию этой работы: «Со Ка ва футари ита ка». — «Тохогаку», т. XXXIV, вып. 1 (июнь), 1967, стр. 1—11.

Монография о рабочем движении Японии*

Вышла в свет книга «Рабочее движение в Японии (1945—1971)» — первая советская монография, освещающая в хронологической последовательности весь период рабочего движения в Японии после второй мировой войны. Ее автор, доктор исторических наук П. П. Топеха, — один из пионеров изучения в нашей стране японского рабочего движения. Еще до войны он публиковал работы по этой теме, а затем изучал послевоенное рабочее движение Японии. Бывая в этой стране, ему удалось лично ознакомиться с положением рабочего класса и профсоюзным движением Японии, встречаться и беседовать со многими прогрессивными руководителями профсоюзов и учеными, посвятившими себя исследованию проблем японского рабочего движения. Итогом многолетнего труда стала рецензируемая книга.

Япония — единственная капиталистическая страна в Азии с высокоразвитой промышленностью, с многочисленным, хорошо организованным пролетариатом. Японский рабочий класс — ведущая сила в антимонаполистической борьбе внутри страны, активный союзник в международной борьбе трудящихся за мир, демократию и социальный прогресс.

Поэтому изучение и анализ послевоенного рабочего движения этой страны всегда стоит в числе первоочередных задач советского японоведения.

Монография разделена на две части: историческую и проблемную. В первой хронологически изложена история японского послевоенного рабочего движения с обобщениями и выводами автора почти по каждому отдельному периоду. В основу периодизации положены этапы развития японского капитализма. Во второй выделены актуальные проблемы движения и многое сделано для их верной оценки.

Избранная автором структура книги помогает лучше видеть как весь процесс в целом, так и более целенаправленно сосредоточиться на проблемах, имеющих важнейшее значение для его понимания.

В первой части своего исследования П. П. Топеха всесторонне анализирует историю развития японского рабочего движения, показывает, как из ослабленного, угнетенного

класса, лишённого военно-фашистским режимом элементарных прав, японские рабочие превратились в один из передовых отрядов трудящихся капиталистических стран. Автор выделил основные вехи этого процесса; проследил, как с изменением экономического базиса, форм и методов эксплуатации рабочих менялись организационные формы и тактические средства борьбы рабочего класса, происходили подъемы и спады рабочего движения; описал классовые битвы пролетариата Японии.

Освещая становление и подъем японского рабочего и демократического движения на его раннем этапе (1945—1947), П. П. Топеха отмечает, что преобразования, проведенные оккупационными американскими властями, должны были перестроить японское рабочее движение по образцу американских реформистских профсоюзов.

Уже тогда (август 1946 г.) произошло размежевание профдвижения на революционное крыло, руководимое Всеяпонским конгрессом производственных профсоюзов (Самбэцу кайги), объединившим 1,6 млн. человек, или 43% членов профсоюзов, и на реформистское, представленное Всеяпонской федерацией профсоюзов (Содомэй), объединившей 850 тыс. человек. Автор особо выделил руководящую роль Коммунистической партии Японии в тот период и значение ее влияния на формирование боевых традиций борьбы.

Профсоюзное движение тогда достигло исключительного размаха. Часто вспыхивали стачки. Профсоюзы выставляли не только экономические, но и политические требования, вплоть до свержения реакционных правительств. Нередко они устанавливали рабочий контроль над производством, боролись за демократизацию управления предприятием. Рабочий класс проявил большую революционную энергию, показал умение применять разнообразные формы и методы борьбы в зависимости от обстановки, внес вклад в международное рабочее и антиимпериалистическое движение. Нарастание революционного подъема в стране продолжалось до 1 февраля 1947 г. — даты намечавшейся всеобщей стачки, запрещенной оккупационными властями.

Характеризуя изменение оккупационной политики США (1947—1950 гг.), автор поясняет, что США, убедившись в невозможности ограничить японское рабочее движение рамками экономизма, частично лишили трудящихся тех демократических прав, которые они завоевали после войны. Был обнародован правительственный декрет, исключавший работников государственных и общественных предприятий и учреждений из сферы действия закона о профсоюзах и лишивший этот значительный отряд трудящихся (1/3 организованных рабочих Японии) права бастовать. На коммунистов и профсоюзных активистов обрушились репрессии. Одновременно при поддержке оккупационных властей возникло реформистское движение «демократизации профсою-

* П. П. Топеха. Рабочее движение в Японии (1945—1971). М., Изд-во «Наука», 1973, 360 стр.

зов» (мииндо), целью которого было расколоть профсоюзное движение, увести большую его часть на путь классового сотрудничества и антикоммунизма. Крупнейшие отраслевые профсоюзы раскалывались. Был резко ослаблен Самбэцу кайги — лидер левых профсоюзов.

Однако вскоре, в 1950—1955 гг., японским профсоюзам удалось организовать новый подъем рабочего движения. В книге освещается большое событие в истории японского пролетариата — образование 11 июля 1950 г. Генерального совета японских профсоюзов (СОХЭ), крупнейшего профцентра страны, объединившего тогда свыше 2,5 млн. человек.

В это время Коммунистическая партия Японии подверглась репрессиям, обострились внутривнутрипартийные разногласия. В связи с этим, а также по ряду других обстоятельств американские и японские власти рассчитывали, что СОХЭ, основу которого составляли профсоюзы, близкие к движению «за демократизацию», займет реформистские позиции. Однако благодаря высокому уровню японского рабочего движения новый профцентр постепенно превратился в массовую боевую организацию рабочего класса.

В дальнейшем быстрый рост японской экономики в связи с начавшейся научно-технической революцией (1955—1959) вызвал значительные изменения в положении японского рабочего класса. Автор приводит данные, как возрастала численность рабочего класса, изменялся его состав, повышалась организованность и сознательность рабочих, усиливалось сплочение рабочего класса.

Вместе с тем происходило обострение классового антагонизма между капиталистами и трудящимися. Рабочий класс Японии вступил в конфликт с монополистическим капиталом, значительно усилившимся благодаря техническому переоснащению промышленности, внедрению элементов государственного регулирования в производство, благодаря сложившемуся длительному экономическому подъему. Это со всей остротой поставило вопрос о правильном выборе форм и методов борьбы.

Объединенному наступлению капитала надо было противопоставить сопротивление всех трудящихся. Заслуга руководителей СОХЭ заключалась в том, что они сумели понять новые условия и в ходе поисков, не всегда сразу удачных, перешли сначала к тактике совместной борьбы по отраслям производства, а затем к действиям, объединяющим все отраслевые профсоюзы вместе. Так возникли «весенние наступления» японских трудящихся, начавшиеся с 1955 г. и с каждым годом вовлекавшие все большее число организованных рабочих.

Значительно возросла роль организованного рабочего класса в общенациональных демократических движениях страны. Самым ярким примером стала борьба японского народа против японо-американского военно-политического союза, облеченного в форму

так называемого «договора безопасности». Автор посвятил специальную главу (гл. V) этой славной странице японской истории — 18-месячной героической борьбе японских трудящихся масс. Так были заложены основы для единого фронта. Трудящиеся обогатились разнообразным и полезным опытом.

Развитие научно-технической революции, сопровождавшееся десятилетием промышленного подъема, поставило Японию в число ведущих капиталистических стран, превратило ее в один из трех центров империалистического соперничества (США, Западная Европа, Япония). Благодаря усилению левых сил — коммунистической и социалистической партий, а также СОХЭ — организованный рабочий класс перешел к продуманной, спланированной тактике антимонополистической борьбы — к массовым «весенним наступлениям», обеспечивавшим высокие результаты. Рабочий класс стал инициатором и главной движущей силой во всех национальных кампаниях за мир, демократию и социальный прогресс. Окрепили его интернациональные связи. Японские рабочие выступили против войны во Вьетнаме, против продления в 1970 г. военно-политического союза между Японией и США, за возврат о. Окинава; повысили их сознательность, солидарность и сплоченность.

Правящие круги Японии уже не могли бороться против рабочего движения прежними средствами, среди которых преобладали репрессии. Понадобились новые приемы, и среди них не последнее место заняла социальная демагогия. В частности, правительство Икэды в начале 60-х годов объявило о введении «10-летнего плана удвоения национального дохода», который оно рекламировало как инструмент улучшения условий жизни всех трудящихся страны.

В 1963—1964 гг. монополии совместно с министерством труда разработали «Хартину труда» («Родо кэнсё»), проповедовавшую необходимость сотрудничества труда и капитала «в общих интересах». Наконец, используя сложившуюся к концу 1969 г. обстановку, монополии разработали и стали осуществлять широкий план раскола рабочего класса с целью столкнуть рабочих на путь реформизма и антикоммунизма. Это наступление по задуманным масштабам напоминало движение 50-х годов «за демократизацию профсоюзов». Началась кампания за откол от СОХЭ всех отраслевых профсоюзов частного сектора и за объединение их в одном общенациональном реформистском центре.

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, рабочий класс Японии не допустил раскола. Уже в 1970 г. на осенних съездах отраслевых профсоюзов широкие массы членов профсоюзов осудили подобные планы.

Автор отмечает, что рост численности квалифицированных рабочих и технической интеллигенции укрепил позиции рабочего класса в борьбе против монополий. Увеличение доли молодежи придало еще большую

боевитость рабочему движению, хотя одновременно оно ставит серьезные задачи по воспитанию у молодых рабочих классового сознания, стойкости против идеологических диверсий правящих классов и их агентуры. Наконец, изменение условий найма (постепенный отход от системы пожизненного найма, от оплаты труда по возрасту и стажу работы и т. д.) разрывает те патерналистские узы, которыми предприниматели опутывали рабочих, обнажает истинные отношения между трудом и капиталом. Короче говоря, автор приходит к закономерному выводу, что, несмотря на трудности, которые возникают в рабочем движении в процессе научно-технической революции, эти изменения содействуют подъему борьбы японского рабочего движения на новую, более высокую ступень.

В заключение автор рассматривает деятельность КПЯ, направленную на всемерную поддержку СОХЕ и других боевых профсоюзных организаций. Коммунистическая партия подчеркивает, что необходимо работать не только в профсоюзах этого профцентра, но и в тех, которые входят в Домэй, среди неорганизованных рабочих. КПЯ призывает к умелому сочетанию политической и экономической борьбы, уделяя при этом серьезное внимание экономическим требованиям профсоюзов. Социалистическая партия Японии также поддерживает профсоюзы, объединенные в СОХЕ, выступает против проектов «реорганизации» профдвижения с уклоном вправо.

За последние годы между КПЯ и СПЯ развивается сотрудничество по ряду важ-

ных проблем внутренней и внешней политики, и это позволяет надеяться на то, что обе партии найдут немало точек соприкосновения в ходе борьбы за укрепление профсоюзов. Их совместные действия отвечают интересам всех трудящихся Японии.

Монография снабжена хорошим научным аппаратом. Заслуживает внимания обширная библиография книг на русском, японском и английском языках, систематизированная по тематическому принципу, что представляет большое удобство для любого читателя, интересующегося данной проблемой.

В то же время это исследование не свободно от недостатков. Прежде всего мало места уделено проблеме неорганизованных рабочих, составляющих около 60% численности японского рабочего класса, а их судьба оказывает влияние на положение всех рабочих страны. В некоторых частях книги обилие сопутствующего материала иногда уводит читателя от главной линии изложения. Наконец, не везде автор делает выходы — это относится особенно к последним главам первой части.

В целом же эти недочеты не снижают той высокой оценки, которую заслуживает данный труд.

Г. И. Подпалова,
доктор исторических наук

Силой оружия и экономическим закабалением

В 1757—1759 гг. Китай силой оружия завоевал Джунгарию и Восточный Туркестан. Завоеватели установили здесь «новую границу» — «синьцзян». Позднее этим именем была названа провинция, образованная из захваченных земель уйгуров и ойратов. Завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана сопровождалось жестоким истреблением местного населения. История этих трагических для народов Джунгарии и Восточного Туркестана лет недостаточно исследована в советском и в зарубежном Китаеведении, поэтому работа В. С. Кузнецова «Экономическая политика цинского пра-

вительства в Синьцзяне» представляет несомненный интерес*.

Экономическое закабаление Синьцзяна, подчинение хозяйства края потребностям правящей военно-феодальной касты цинской монархии осуществлялось, как показано в книге, в области сельского хозяйства, торговли и финансов.

Издrevле «присоединение» к Китаю новых земель предполагало, согласно официальным установкам, их целенаправленную колонизацию. По мнению Вэй Юаня и Гуя Цзы-чжэня — цинских сановников, которые наиболее рьяно пропагандировали идею колонизации Синьцзяна, политика заселения Джунгарии и Восточного Туркестана китайцами должна была решить две главные задачи — удержат в повиновении коренное население и осуществить заселение новых земель ханцами из густонаселенных райо-

* В. С. Кузнецов. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М., Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973.

нов собственно Китая (стр. 6, 13). «Ныне в Китае население с каждым днем растет... — писал Гун Цзы-чжэнь. — Считаю должным просить завербовать в столице побольше бродячего люда и пришлых, а также народ из провинций Чжили, Шаньдун, Хэнань, Шэньси, Ганьсу и переселить их на запад». Колонизация Синьцзяна осуществлялась традиционными для средневекового Китая методами — созданием на захваченных территориях военных поселений (бинтунь), поселений ссыльных (цзянтунь), поселков крестьян-переселенцев (хутунь) и т. п.

Содержание армии и чиновничества в Синьцзяне, колонизационные мероприятия требовали немалых средств. Изыскивать их цинский двор вменял властям на месте. «Согласно поступлениям расходовать», — гласила заповедь императора Хун-ли относительно управления завоеванным краем. Важным источником извлечения средств на казенные нужды цинские власти рассматривали сферу торговли и денежного обращения. Администрация Цинов в крае повсеместно практиковала взимание налогов с предметов купли-продажи и торговых помешаний. Одновременно правители края приспособивали сферу товарного обращения к потребностям военно-бюрократического аппарата. Была создана, например, специальная система так называемых «закупок на казенные нужды», цены на которые назначались значительно ниже, чем рыночные. Фактически это означало, что у местных торговцев отбиралась часть прибыли, а у непосредственных производителей — крестьян и ремесленников — часть прибавочного продукта.

В торговой политике цинских властей большое значение придавалось националистическим моментам. Солдатам гарнизонов, например, чай продавался по ценам значительно ниже рыночных. Дискриминационная политика китайских властей в отношении уйгуров ярко проявлялась при взимании торговых сборов. Китайские купцы платили пошлины в меньшем размере, чем уйгурские (стр. 17).

В начале XIX в. цинское правительство стремилось усилить экономическое закабаление Синьцзяна. На то были свои причины. В первой половине XIX в. в Восточном Туркестане одно за другим вспыхивали антиманьчжурские восстания. Массовые выступления коренного населения Кашгарии потрясли устои маньчжурского господства в крае. В стремлении сохранить свое господство состоял главный смысл всех экономических мероприятий, которые проводил цинский двор.

Автор рецензируемой монографии как раз и посвящает свой труд этой теме. Он детально рассматривает аграрную, торговую и финансовую политику цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в., показывает, как, ориентируясь на традиционный экономический постулат — земледелие — основа самообеспечения населения и армии, цинское правительство в Джунга-

ри добивалось расширения запашки с помощью создания поселений знаменных войск (цитунь), земли которых разрешалось сдавать в аренду. Стремясь разрешить проблему заселения Синьцзяна ханьцами, цинские власти ввели своеобразную форму пожизненного наказания преступников: их ссылали в Джунгарию и по отбытии срока зачисляли в списки колонистов, наделяя их землей и инвентарем. Применялись и другие формы принудительного переселения ханьцев. Так, после восстания Джахангира против китайского господства (1826—1827 гг.) цинский двор значительно увеличил контингент своих войск в Восточном Туркестане, создавая из них военные поселения. Чтобы выжать дополнительные средства на содержание оккупационной армии и чиновничьего аппарата в Восточном Туркестане, цинские власти попросту заносили в реестры для обложения налогами новые земельные площади, ранее в них не включенные. «Иными словами, — как справедливо заключает в связи с этим В. С. Кузнецов, — непосредственный производитель Восточного Туркестана должен был нести новые тяготы по упрочению режима социального и национального угнетения, установленного в крае Цинской империей» (стр. 53).

Подавление восстания Юсуфа в 1830 г. против ига Цинской империи привело к дальнейшей колонизации края. Средства на ее осуществление имперское правительство стремилось получить с опальных чиновников из числа местного населения. Уйгурских беков, например, попросту принуждали вносить пожертвования в цинскую казну (стр. 76). За крупные суммы их вознаграждали высокими чиновничьими рангами и должностями. Беки же компенсировали свои расходы на жертвования «за счет уйгурских крестьян и ремесленников, тем самым по существу превращая их в подневольных жертвователей» (стр. 77).

Колонизация Кашгарии рассматривалась цинским двором как средство укрепления своего господства. Цинское правительство рассчитывало с помощью насаждения хозяйств китайских колонистов расширить социальную базу своего господства. Поселенцы ханьского происхождения рассматривались также как потенциальный резерв армии. Предельно откровенно о целях такой политики говорил цинский сатрап Удун. «Сила турхенданцев, — подчеркивал он, — постепенно ослабнет, и они впоследствии не осмелятся помышлять о выступлениях против цинских властей» (стр. 60).

Государственная монополия на торговлю чаем была еще одним источником дохода китайской казны. В монографии детально разбираются происходившие в первой половине XIX в. в правительственных кругах Китая дискуссии о наиболее выгодном обложении налогом китайской чайной торговли в Джунгарии и Восточном Туркестане. Некоторыми государственными мужами предлагалось, например, чтобы чаоторговцы,

помимо уплаты пошлины при закупках чая в Ганьсу, платили еще и пошлину в Восточном Туркестане и продавали его местному населению по твердым ценам, установленным властями. Автор правильно полагает, что «в конечном счете вся шумиха с твердыми ценами имела больше политический, чем практический, характер: нужно было продемонстрировать населению Синьцзяна «заботу» властей о его благополучии и этим в какой-то мере стабилизировать положение в крае» (стр. 108).

Цинский двор особое внимание уделял торговле с мусульманскими купцами из сопредельных среднеазиатских государств, пытаясь использовать ее в качестве рычага политического давления на Коканд и Бухару, в особенности на Коканд, где нашли убежище потомки кашгарских ходжей, подымавших восстания. В 1832 г. кокандский хан дал цинскому двору гарантии сдерживать активность ходжей (стр. 136), за что кокандские купцы получили право торговать в Восточном Туркестане. В этом труде делается целый ряд уточнений характера соглашения 1832 г. и указывается на неверную его трактовку в ряде источников и исследовательских работ (стр. 138).

В монографии автор анализирует финансовую политику цинского правительства в Синьцзяне. Он делает справедливый вывод, что с начала 40-х годов XIX в. «решающим фактором, определяющим финансовую политику в Синьцзяне, явилось катастрофическое расстройство финансов империи, усугубляющееся проникновением в Китай иностранного капитала» (стр. 162).

Финансовое положение Синьцзяна отражало общее расстройство финансов китайской империи, однако оно отягощалось еще и колониальной политикой цинского правительства, которая подрывала производительные силы края. Увеличение численности

гарнизонов требовало дополнительных средств для их содержания. Хозяйство Синьцзяна, разоренное хищнической эксплуатацией цинских властей и военными действиями в ходе многочисленных восстаний, было не в состоянии дать новые, дополнительные средства. Поэтому и китайскому налогоплательщику приходилось нести дополнительные расходы на содержание военно-бюрократического аппарата в крае.

Цинское правительство в первой половине XIX в. пыталось осуществить комплекс аграрных и торгово-финансовых мероприятий, чтобы перевести цинскую армию и чиновничество края на самообеспечение. Точнее говоря, мыслилось, что расходы на их содержание будут изыскиваться на месте, без субсидий из центра. Как правильно показано в монографии, этот курс в целом провалился (стр. 164).

Книга написана на основе многочисленных китайских первоисточников. При чтении ее невольно обращается внимание на сходство цинских экономических постулатов и методов их проведения в Восточном Туркестане и Джунгарии с теориями и колониальной практикой предшествующих династий в отношении колонизации земель «варваров». К таким же методам прибегает, как показывают многочисленные факты, и китайское руководство в наши дни. В районах, заселенных ханьскими народами, маоисты преследуют те же цели, которых в свое время добивались цинские власти в Синьцзяне: форсировать колонизацию переброской «избыточного» ханьского населения из районов собственно Китая и не расходовать средства государства на содержание огромного аппарата управления и многочисленных войск.

*Е. И. Кычанов,
доктор исторических наук*

Социально-экономические проблемы китайской деревни*

Вряд ли нужно доказывать, насколько закономерен интерес исследователей современного Китая, историков, социологов,

* Л. А. Волкова. Изменение социально-экономической структуры китайской деревни, 1949—1970 гг. М., Изд-во «Наука», 1972, 198 стр.

экономистов к китайской деревне. Это определяется тем исключительным значением, которое имело и имеет по сей день сельское хозяйство в экономике страны, огромным сельским населением и рядом других экономических и демографических факторов.

За последние двадцать с лишним лет у нас издавались научные труды и популярные книги, в которых рассматривались аграрные преобразования в КНР, осуществление кооперирования в китайской деревне на разных этапах, публиковались материалы о так называемом «большом скачке», народной коммуне и процессе коммунизации, и, наконец, работы, в которых дана обстоятельная характеристика состояния важнейших отраслей экономики сельского хозяйства и возможных тенденций в их развитии.

Книга Л. А. Волковой — это исследование

всего комплекса социально-экономических изменений, происшедших в китайской деревне в течение 20 лет. Автор рассматривает обстановку и условия, в которых складывались в китайской деревне сначала сельскохозяйственная производственная кооперация, а затем система народных коммун, характеризует этапы их изменения. В этом, несомненно, большое достоинство книги.

Как всякая серьезная работа, содержащая оригинальные мысли, в которой освещаются, возможно, уже известные явления, но под своим углом зрения, она неизбежно побуждает читателей к размышлениям. Именно с таких позиций хотелось бы сделать разбор настоящей книги.

Свой анализ автор начинает с земельной реформы, выяснения различий подхода к ней в земельных законах 1947 и 1950 гг. Это имеет смысл, потому что реформа, осуществленная в КНР, выявила десятки миллионов мелких крестьянских хозяйств. Эти хозяйства даже по скромным критериям, применявшимся в Китае, были экономически маломощными. Очевидно, при таких условиях соображения экономического порядка играли важную роль и послужили основанием для политики сохранения товарных хозяйств так называемых китайских кулаков. Указывая на это, автор приводит известные доводы, содержащиеся в китайских документах того времени: 1) не дать помещику и кулаку выступить единым фронтом против реформы, иначе говоря, нейтрализовать кулака и 2) использовать возможности кулацкого хозяйства для производства необходимой продукции. Возможность перехода к такой политике автор видит в том, что внутреннее и международное положение Китая значительно улучшилось — вся территория страны, исключая Тайвань, была очищена от гоминьдановских войск — союз с СССР обеспечивал необходимые условия безопасности и т. д.

Это — правильное объяснение как условий, так и причин перехода к новой политике. Однако может возникнуть вопрос: почему же в более сложной обстановке 1947 г. кулацкие хозяйства были объектом реформы наряду с помещичьими? Исследование реформы 1947 г. представляется важным для понимания дальнейших тенденций кооперирования китайской деревни. В политическом плане реформа показала, что конфискация кулацких земель, во-первых, задела интересы немалочисленной части кадров народно-освободительной армии, принадлежавших к семьям патристически настроенных зажиточных элементов деревни; во-вторых, и это, возможно, самое существенное, удар по кулаку, особенно в районах относительного малоземелья (к югу от Хуанхе, в новых освобожденных районах), сплошь и рядом был ударом и по середняку, то есть почти по половине деревни, считая середняков, кулаков и помещиков.

Практически, как показал опыт реформы 1947 г., конфискация кулацких земель, которая постоянно задела и зажиточных середняков, делала врагом реформы всех

тех, у кого была своя земля, то есть середняков, а также многих из тех, кто в течение ряда поколений арендовал землю у кулаков и мелких помещиков.

Если учесть эти моменты, становится понятным, почему в 1947 г. была возможна конфискация земель у кулаков и ликвидация их хозяйств: была война и вопросы решались военными методами. Что же касается закона 1950 г., то это был закон, рассчитанный марксистскими силами в руководстве КПК на долгосрочную перспективу нового Китая. В этом различии подходов к реформе 1947 и 1950 гг. содержатся зачатки серьезных противоречий, обусловивших «борьбу двух линий в КПК». Приведем еще одну точку зрения на данный вопрос: «Закон 1947 г. предусматривал полную ликвидацию помещичьего землевладения на основе уравнительного передела земли по едокам в интересах прежде всего беднейшего крестьянства. Неизбежным результатом уравнительного передела была также экспроприация кулачества, так называемых кулаков старого типа».

Однако последовательно осуществить уравнительный передел земли КПК не удалось. В китайских условиях политика уравнительного передела, хотя и удовлетворяла самые неотложные нужды крестьянской бедноты, в то же самое время изолировала партию от середняка, затрудняла нормальное развитие производства на основе единоличного крестьянского землевладения. Уравнительный передел наносил серьезный ущерб также интересам национальной буржуазии и тем самым подрывал политику единого фронта. Поэтому в начале 1948 г. ЦК КПК был вынужден фактически отказаться от уравнительного передела и внести существенные поправки в «Основные положения земельного закона» (1947 г.)¹.

В соответствии с генеральной линией КПК в переходный период был взят курс на постепенный перевод деревни на рельсы социалистического развития.

Последовательное осуществление этого курса дало, как известно, положительные результаты. К середине 1955 г. в стране в группах трудовой взаимопомощи было объединено до 60% крестьянских дворов², существовало 650 тыс. сельскохозяйственных кооперативов на частной земле (то есть кооперативов полусоциалистического типа), объединявших около 17 млн. крестьянских дворов (14% их числа)³.

¹ «Новейшая история Китая (1917—1970)». М., Изд-во «Мысль», 1972, стр. 229—230.

² «Правда», 26.X. 1955.

³ «В Китае полностью отсутствует какая-либо традиция организованного кооперирования». См.: Дэн Цзы-хуэй. Сельское хозяйство Китая на пути социалистических преобразований. — «За прочный мир, за народную демократию!», 10.IX. 1954.

Однако из-за сильной отсталости Китая в технико-экономическом отношении такой путь требовал значительного времени и огромной организаторской работы КПК. Генеральной линией КПК намечалось завершение кооперирования деревни ориентировочно в 1967 г.

Такой путь явно не устраивал мелкобуржуазное крыло в руководстве КПК во главе с Мао Цзэ-дунем. Оно выступило за проведение преобразований административным путем, методами, которые применялись в военное время. Разумеется, все это прикрывалось демагогией о том, будто крестьяне «требуют» ускоренного развития преобразований, будто наметился «социалистический подъем в деревне» и только «консерваторы» не понимают этого и пытаются тормозить процессы и т. д. В результате усилив мелкобуржуазной части в руководстве КПК проведение генеральной линии КПК было сорвано.

Перейдя к рассмотрению кооперативного сектора, автор отмечает субъективизм заявления Мао Цзэ-дуна о неизбежности в «скором времени» наступления в китайской деревне «социалистического подъема». Интересен анализ действительных причин форсирования кооперирования сельского хозяйства маонистами в 1955—1956 гг., охватывающий политические и социально-экономические факторы того времени.

Автор пришел к выводу, что хотя созданные в 1955—1956 гг. кооперативы по своей социально-экономической природе являлись социалистической формой хозяйства, однако искусственное подталкивание процесса их создания неизбежно вело к грубым нарушениям важнейшего ленинского принципа добровольности объединения индивидуальных крестьянских хозяйств. Маонисты игнорировали необходимость создания идейно-политических и материально-технических условий для социалистических преобразований. Кооператив был нужен маонистам прежде всего потому, что позволял переложить на плечи крестьян бремя финансирования сельского хозяйства, сохранял низкий жизненный уровень деревни, обеспечивал жесткий контроль настроений сельского населения и т. д.

Автор обращает внимание на то, что осуществление кооперирования означает коренную перемену в организации производства, тем более что она проведена скоротечно и в основном с помощью административных мер. Такое кооперирование, естественно, было воспринято значительным числом крестьянства как насильственное мероприятие. Материально-техническая база сельского хозяйства также осталась той же, что и в индивидуальном хозяйстве. Это предопределило невозможность увеличить доход 90% членов кооперативов, о чем неоднократно говорили в своих выступлениях китайские руководители. Более того, начались волнения и выход крестьян из только что созданных кооперативов. Ускоренное кооперирование,

констатирует автор, не дало государству и средств в ожидаемых размерах, получение которых было одной из его целей. Итак, «в кооперативном движении назрел кризис» (стр. 38).

VIII съезд КПК в полной мере отразил борьбу в партии вокруг этого вопроса. На этом съезде указывалось, что после социалистических преобразований 1955—1956 гг. главным противоречием в стране стало «противоречие между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами» (стр. 38). Это положение, несомненно, отражало мнение партии, которое явилось полной противоположностью курсу маонистской экономической политики. Не случайно, что маонисты вскоре буквально обрушились на это положение съезда и продолжают массированную критику и по сей день; в частности, и в политическом докладе на X съезде КПК эта критика заняла важное место.

Рассуждая далее о возможных путях выхода из затруднений, вызванных объективно не подготовленным кооперированием, автор отмечает, что Мао Цзэ-дун не стал образовывать свою политику в деревне с объективными условиями.

Как уже отмечалось, сами по себе кооперативы, возникшие в это время, по своей сущности являлись хозяйствами социалистического типа, и имелась возможность консолидации и закрепления определенных успехов данного периода. Об этом говорилось в соответствующих постановлениях VIII съезда КПК. Однако Мао Цзэ-дун пошел на дальнейший отрыв производственных отношений в деревне от их материально-технической базы. Будучи субъективистом и оставаясь на националистических позициях, Мао Цзэ-дун приступил к насаждению народных коммун в 1958 г. как универсального, или «чудодейственного», средства для «перемены в короткий срок облика большинства районов страны». Автор справедливо замечает, что на деле слияние местных органов власти с органами управления народными коммунами давало возможность государству непосредственно участвовать в организации производства и распределении доходов в народных коммунах, а главное — позволяло распоряжаться собственностью народных коммун. По существу, это означало поглощение коллективной собственности (стр. 46). Маонисты рассчитывали достичь этого с помощью «перевода» коллективной собственности в разряд «общенародной» собственности коммун.

Исследование всех обстоятельств, связанных с организацией «социалистического подъема» в 1955—1956 гг. в китайской деревне и с ее «коммунизацией» в последующие годы, приводит к выводу об антимарксистском подходе маонистов к проблемам переходного периода.

Согласно требованию ленинского кооперативного плана, кооперирование деревни должно быть тесно увязано с индустриали-

защитой и «культурной революцией». Переделать крестьянские хозяйства «каким-нибудь быстрым способом, каким-нибудь приказом, воздействием извне, со стороны, — указывал В. И. Ленин, — было бы мыслью совершенно нелепой»⁴.

Эти ленинские слова включены в «Тезисы для изучения и пропаганды генеральной линии партии в переходный период»⁵. Ими руководствовались марксистско-ленинские силы в руководстве КПК. Однако, по Мао Цзэ-дуну, «...коммунизм мыслилось достичь, опираясь главным образом на политическое руководство партии, воспитывающей высокое сознание масс, используя народные коммуны в качестве инструмента его построения» (стр. 51). Таким образом, Мао Цзэ-дун сначала создает «коммунистические формы обществ и производства», а потом принимается за создание современной материальной базы общества. В результате все характерные черты маоистской социально-экономической политики получили концентрированное выражение в народной коммуне образца 1958 г. Это и мелкобуржуазное представление о социализме как всеобщей уравнительности, и убеждение, что именно крестьянству принадлежит ведущая роль в утверждении подобного социализма, и нежелание считаться с требованиями объективных законов общественно-экономического развития, и, наконец, подход к социализму с позиций его пригодности в кратчайшие сроки «изменить в основном облик большинства районов страны» ради обеспечения доминирующего положения в мире.

Первое же столкновение с жизнью привело к крушению «идеальной схемы» перехода к коммунизму. Уже в решениях VI пленума ЦК КПК восьмого созыва, рассмотревшего вопрос о народных коммунах, содержится отрицательное отношение к их «чудодейственной силе». «Как переход от социалистической коллективной собственности к социалистической всенародной собственности, так и переход от социализма к коммунизму обязательно должны основываться на определенном уровне развития производительных сил», — записал пленум в своем решении в 1958 г., признавая тем самым, что этот уровень на данный момент не был достигнут, и, следовательно, каждому коммунисту было ясно, что создание «коммунистических производственных отношений» в коммуне было делом преждевременным (стр. 53)⁶. Несмотря на многочисленные оговорки и славословие в адрес коммун, в данной формулировке отражено, по сути дела, осуждение маоистского авантюризма. Автор в этой связи справедливо замечает,

что «...изменения в народных коммунах, происходившие с 1959 по 1962 г., означали отступление к производственным бригадам... к методам хозяйственного руководства в деревне, практиковавшимся до создания народных коммун. Эти изменения явились наглядным доказательством того, что создание коммун противоречило объективным условиям, существовавшим в сельском хозяйстве и в стране в целом» (стр. 55). Перечисляя далее отрицательные последствия создания коммун, автор приходит к выводу: «Все это при неблагоприятных естественных условиях, сложившихся в 1959—1961 гг., и при отсутствии у государства возможности оказать существенную помощь сельскому хозяйству привело к кризису в сельском хозяйстве, а затем и во всем народном хозяйстве» (стр. 56). Итак, не сами по себе стихийные бедствия, а дезорганизация всей экономической и социальной жизни страны явилась главной причиной кризиса в народном хозяйстве.

После 1960 г. стала актуальной задача преодоления разрухи и ликвидация бедственного положения населения с продовольственным. В этих условиях IX пленум ЦК КПК в январе 1961 г. выдвинул известный лозунг «сельское хозяйство — основа народного хозяйства, а промышленность — его ведущая сила». Тем самым появление этого лозунга становится якобы понятным и оправданным обстоятельствами. Но это далеко не так. Неясность понятий «основа» и «ведущая сила» является отражением борьбы руководства. Такая формула оставляет Мао Цзэ-дуну возможность для маневрирования.

По мере того как преодолевался кризис в сельском хозяйстве, маоисты разворачивали в деревне так называемую кампанию по «социалистическому воспитанию». В ходе этой кампании они рассчитывали опереться на специально создаваемые союзы бедняков и низших середняков, стремились поставить под сомнение экономические принципы хозяйственного руководства, противопоставляя им уравнилельные принципы как «справедливые». Вместе с тем они требовали значительного увеличения фондов накопления. Низведение всех к низкому уровню обеспечения должно было выглядеть в глазах бедняков и низших середняков как акт «революционной» справедливости. Бедняки и низшие середняки и не подозревали, что Мао Цзэ-дун лишь на словах выступал за их интересы, ратуя за создание союзов бедняков и низших середняков. На деле это вело к искусственному расколу кооперированного села на враждебные «классовые группы», к выколачиванию из деревни дополнительных ресурсов. Такая политика, конечно, не имела будущего: она подрывала основы трудового энтузиазма на селе.

В связи с разворачиванием движения опоры на собственные силы, автор отмечает возрождение в условиях КНР старокрестьянской формы борьбы против давления властей на деревню: крестьяне занижали

⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 373.

⁵ «Тезисы» разработаны отделом пропаганды ЦК КПК и утверждены в декабре 1953 г. — Прим. ред.

⁶ «Материалы VI пленума ЦК КПК восьмого созыва». Пекин, 1959, стр. 26.

сведения об урожае, о посевных площадях, завывшали размеры ущерба от стихийных бедствий и т. д. «В уезде Ляньцзян в 1962 г., — пишет автор, — свободные земли, переданные в личное пользование крестьян, вместе с приусадебными участками составляли до 30% обрабатываемой площади (разрешено же было по закону лишь 5%. — Г. С.) коммун и производственных бригад, причем довольно часто пустующими землями, за счет которых производилось расширение приусадебных участков, объявлялись обрабатываемые земли» (стр. 120). Прием, давно знакомый по истории деревни до революции 1949 г. В отсутствие экономической заинтересованности следует искать ответ и на вопрос о том, почему приусадебное хозяйство в КНР, по утверждениям многих экспертов, дает 20—50% дохода крестьянской семьи.

Разумеется, подобная практика не была обусловлена отношением трудового крестьянства Китая к кооперированию, построенному на социалистических принципах. Как раз наоборот: она была вызвана и тесно связана с отходом от социалистических принципов кооперирования.

Солдаты же, «выполняя наказ председателя Мао», помогали членам коммун продавать зерно летнего урожая и масличное сырье⁷. Это свидетельствует о том, что когда маоисты считали необходимым, то они не колеблясь применяли военную силу, так сказать, в «засахаренной оболочке», чтобы изъять из деревни максимум продуктов.

Рассмотрение проблем технической реконструкции сельского хозяйства, которые особенно остро встали перед страной после провала «большого скачка», показывает, что маоистское руководство всемерно уклонялось от выделения средств на производство сельскохозяйственной техники. Оно стремилось заставить крестьян решать все проблемы, опираясь на собственные силы. В книге показано к тому же, что «небольшие размеры производственных бригад не способствовали наиболее рациональному использованию сельскохозяйственной техники, в деревнях не хватало кадров по обслуживанию и ремонту...». «Большая часть народных коммун и тем более производственных бригад не могла закупать сельскохозяйственную технику, а зачастую и не имела возможности оплатить услуги станций сельскохозяйственных машин за обработку своих полей» (стр. 94). Эти слабости особенно проявились в настоячивом проведении курса на строительство малых ирригационных сооружений. Автор приводит интересные данные о средней стоимости крупных и собственно крестьянских сооружений, которая составляла в расчете на один гектар орошения 480, 255... и 10,3 юаня! Отсюда видно, что в первых двух случаях речь шла о крупных инженерных сооружениях. Их относительная дороговизна в условиях Китая свя-

зана с высокой стоимостью промышленных материалов и оборудования. По этой же причине крестьяне вынуждены отдавать предпочтение низкосортным минеральным удобрениям, которые производят местные предприятия (40% производства минеральных удобрений, по сообщениям китайской печати, выпускается местными предприятиями); их эффективность в 5 раз ниже удобрений, производимых на фабриках. Все это тормозит развитие сельского хозяйства Китая.

Эволюция народных коммун под влиянием экономических факторов привела к восстановлению в китайской деревне размеров коллективных хозяйств, существовавших до ускоренного кооперирования, к восстановлению приусадебных участков и сельского свободного рынка, на котором крестьяне могли продавать излишки продукции своего хозяйства, восстановлению, хотя и в ограниченных пределах, принципа материальной заинтересованности. Это свидетельствует о том, что организация народных коммун осуществлялась вопреки объективным условиям, вскрывает несостоятельность экономической политики маоистского руководства, свергнувшего страну в пучину бедствий проведением политики «трех красных знамен». К аналогичному выводу приходит автор и в результате рассматривания проблем механизации деревни. «Анализ состояния материально-технической базы, характера и уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве Китая накануне и после создания коммун, — пишет автор, — дает основания утверждать, что обобществление средств производства при создании народных коммун отнюдь не диктовалось требованиями объективных законов социально-экономического развития страны. Создание коммун не только не способствовало развитию социалистических начал в китайской деревне, а, наоборот, ставило под угрозу само существование элементов социалистических производственных отношений, сложившихся в период кооперирования» (стр. 102). Далее автор переходит к характеристике производственных подразделений коммун в период после «большого скачка». Отношения собственности между большими производственными бригадами и производственными бригадами, указывает автор, «не регламентировались какими-либо определенными нормами экономических взаимоотношений» (стр. 108). То же относится и к приусадебному хозяйству крестьян. Лишение крестьян в 1958 г. права на свое подсобное хозяйство не было оформлено законодательным путем. Следует отметить, что приусадебные участки были ликвидированы вопреки постановлению о владении ими крестьянами, принятому III сессией ВСНП в июле 1956 г.

Пренебрежение юридической стороной дела вообще типично для маоистской политики. Такую политику можно было бы охарактеризовать как «юридический оппортунизм», если бы не открытое презрение маоистов к какому-либо праву вообще.

⁷ «Жэньминь жибао», 13.VI. 1967.

С 1962 г. основной хозяйственной единицей в китайской деревне становится производственная бригада, которая по своим размерам соответствовала сельскохозяйственному производственному кооперативу низшего типа образца 1954—1955 гг., «но лишь по размерам, ибо по существу (по характеру собственности на землю и другие средства производства, характеру и нормам распределения) она отличалась от сельскохозяйственных производственных кооперативов низшего типа» (стр. 109). Здесь стоит задуматься над проблемой объема производства, технической оснащенности и их соответствия характеру собственности. С этой точки зрения важно следующее замечание автора: «...большая производственная бригада, объединяющая в среднем 234 крестьянских двора, являлась чрезвычайно крупной организационной единицей в условиях преобладания примитивной ручной техники и отсутствия необходимых материальных средств и подготовленных кадров для ведения хозяйства. Поэтому производственная бригада первое время стихийно все больше приобретала хозяйственную автономию, в том числе и в использовании средств производства, номинальным собственником которых являлась большая производственная бригада» (стр. 108). «Пользование этими средствами производства, в том числе и землей, в этот период часто передавалось небольшим группам крестьянских хозяйств или даже отдельным хозяйствам» (стр. 109). Автор отмечает «...чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве... обуславливающий в значительной степени индивидуальный (частный) характер труда при коллективной, групповой собственности...» (стр. 122). Таковы пагубные социально-экономические последствия разрушительной политики маоистов в сельском хозяйстве. Но в таком случае встает вопрос о самом характере собственности в деревне КНР 60-х годов. И автор дает на него четкий ответ.

Если создание кооперативной собственности в китайской деревне означало шаг по пути к формированию социалистических производственных отношений, несмотря на отрицательное влияние на этот процесс форсированного кооперирования, то создание коммун устраняло непосредственного производителя от участия в управлении хозяйством, коллективной собственности, ибо руководители коммун становились не представителями коллектива, а государственными служащими. Они отставали и проводили линию маоистских властей на местах, все менее принимая во внимание нужды непосредственных производителей. «Огосударствление части собственности в народных коммунах, слияние в последних и функций хозяйственных коллективных организаций, и функций низшего звена государственной власти на селе позволяли решать многие хозяйственные вопросы... минуя крестьян. Использование армии для решения хозяйственных вопросов в народ-

ных коммунах и производственных бригадах, широко практиковавшееся в 1967—1968 гг., еще более усилило и закрепило отстранение крестьян от распоряжения собственностью» (стр. 114—115).

Тем самым, по сути дела, искусственно ликвидировалась грань между коллективной и государственной формами собственности в сельском хозяйстве. Между тем эта грань имеет и теоретически, и практически принципиальное значение. Как известно, перевод коллективной собственности в разряд общегосударственной влечет за собой серьезные изменения в руководстве и в планировании производства и может быть осуществлен при добровольной заинтересованности в этом членов кооператива в условиях достаточно высококоразвитого механизированного ведения хозяйства.

Раздел «Социалистическое строительство в китайской деревне» — это, по нашему мнению, лучшие страницы книги. Это, пожалуй, и первая попытка в советской литературе по китаеведению охарактеризовать как классово отличные группы современно-го китайского крестьянства, попытка разобраться в причинах и предпосылках дифференциации в китайской деревне на современном этапе. Но, очевидно, в этом разделе следовало бы более выпукло показать ограниченные рамки такой дифференциации, не ведущей к возрождению антагонистических классовых отношений. Тогда и более ярко предстал бы факт маоистской спекуляции на так называемой классовой борьбе в кооперативной деревне. Обращает на себя внимание и то, что фактически в настоящее время в китайской деревне бедноты не стало меньше, чем до 1949 г. — 70% (стр. 133).

И такое положение не только не устраняется, а сохраняется маоистами искусственно, что дает возможность «использовать бедность» для расширения накоплений, а также позволяет сталкивать различные слои деревни друг с другом.

Рассматривая организацию производства в народных коммунах в 1960—1961 гг., автор отмечает, что в этот период «за невыполнение установленных обязательств производственная бригада получала премию, большая часть которой должна была распределяться между ее членами» (стр. 137). Эта система должна была содействовать ликвидации уравнительности и т. д. «Она означала определенный прогресс по сравнению с организацией производства в народных коммунах в 1958 г. и одновременно возврат к формам организации труда в сельскохозяйственных кооперативах» (стр. 137).

Далее автор подробно рассматривает соотношение в производстве народных коммун и производственных бригад между так называемым основным и второстепенным секторами производства. К основному сектору в Китае в зерновых районах относится производство зерна, к второстепенному — все остальные виды деятельности, включая де-

ревенское ремесло и т. п. Изменение структуры валовой продукции производственных бригад, развивающих второстепенные отрасли производства в сторону повышения удельного веса последних при неизменной структуре продукции в натуральном выражении, «наводит на мысль о том, что государством в значительно большей степени безвозмездно изымается продукция зернового производства, чем продукция второстепенных отраслей» (стр. 144). Такое положение является одним из мощных стимулов к созданию самообеспечивающихся деревенских хозяйств, «стремящихся к возможно большей производственной автономии», или натурализации, своего производства. Но, как отмечается в книге, именно это направление в экономической политике и присуще группе Мао Цзэ-дуна. Маонисты пытаются игнорировать тот факт, что в зависимости от того, как они строят отношения с крестьянством, последнее строит свои отношения с государством.

«Нацеливание на создание экономически замкнутых самообеспечивающихся хозяйств в сельском хозяйстве дает лишь временный положительный эффект, заключающийся в освобождении государства в данный момент от необходимых материальных затрат в сфере сельского хозяйства. Однако проведение в жизнь принципа «самообеспеченности хозяйства», обособление и натурализация хозяйства консервируют чрезвычайно низкий материально-технический уровень сельскохозяйственного производства в Китае, не создают необходимых объективных условий для развития современного прогрессивного разделения труда, способного обеспечить рост производительного труда в китайской деревне» (стр. 145). С этим заключением автора нельзя не согласиться.

Переходя к анализу форм и методов организации и учета труда в производственных бригадах, автор указывает, что учет в них в 60-е годы практически не отличался от того, что было разработано в этой области еще группами взаимопомощи и сельскохозяйственными производственными кооперативами низшего типа в предыдущем десятилетии. Нововведение заключалось в навязывании так называемого «дачжайского метода» организации труда и его учета, окрашенном маонистским политическим критерием благонадежности. Этот метод на деле ведет к потере стремления работать лучше. Любопытен итог рассмотрения «дачжайского пути» в этой области: «Подобная форма учета труда создает предпосылки для изъятия в централизованном порядке государством значительной части не только прибавочного, но и необходимого продукта, создаваемого в сельском хозяйстве» (стр. 159). Автор отмечает фактический провал попыток повсеместного распространения «дачжайского пути» в деревнях Китая.

Анализируя систему распределения в 1958 г. в народных коммунах, автор приходит к заключению, что уравнительное

распределение было до известной степени вынужденной мерой, оно диктовалось низким уровнем производства на душу населения. В этих условиях распределение части натуральных доходов являлось формой нормирования снабжения крестьян, формой доведения до них установленной государством нормы потребления основных продуктов. Однако следует добавить, что эта вынужденная мера — бесплатное распределение — вытекала из природы организации труда и производства массовых трудовых армий в коммунах.

Если в первые годы «урегулирования» в очень сложной и многообразной борьбе все же пробивал дорогу принцип оплаты по труду, то по мере стабилизации положения в стране, выхода экономики из критического состояния после провала «большого скачка» вновь предпринимаются попытки политического и экономического характера повернуть страну на путь маонистских схем экономического развития. И вовсе не случайно, что именно в 1964 г. развертывается критика внедрения принципов оплаты по труду. Автор приводит весьма характерный образец такого рода критики: «Действия, выражающиеся в попытках путем материального стимула поднять трудовую активность членов коммун, не могут обеспечить развития социализма, напротив, они ведут к росту капитализма»⁶. Продолжая анализ, автор в подтверждение роста данной тенденции к борьбе против «экономического стимула» отмечает, что с 1964 г. распределение по едокам и по труду стало соотноситься не как 3:7, а как 7—8:3—2. Здесь хотелось бы поспорить с автором. На наш взгляд, в данном случае имело место узаконивание действительного положения, а не столь кардинальный пересмотр пропорций распределения. Вряд ли в китайской деревне тех лет да, вероятно, и теперь возможно было последовательно распределять продукт в пропорции 3:7 в пользу распределения по труду, учитывая экономико-демографические условия, а также традиционные особенности китайской деревни. Но с точки зрения борьбы тенденций в области экономической политики в китайской деревне это обстоятельство имело, конечно, не меньшее значение. Оно указывало на то, что маонистская тенденция отныне объявляет открытый вызов социалистической тенденции. Принципиальное различие здесь, очевидно, состоит в том, что если маонисты «опирались на бедность» (не на бедноту, а именно на бедность), которая, по известному выражению Мао Цзэ-дуна, «толкает на революцию», то противоположная тенденция справедливо заключается в том, что смысл борьбы за социализм, между прочим, и в борьбе против бедности, в борьбе за ее преодоление. Поэтому нельзя не согласиться с заключением автора о том, что государство в Китае тех лет заставляло деревню «опираться на свои силы» вопреки социа-

⁶ «Фуцзянь жибао», 22.XI. 1964.

листической ее природе, что «создание народных коммун в 1958 г. и последующие их изменения не только не приблизили китайское крестьянство к социализму, но и с учетом политических факторов задержали поступательное движение в этом направлении» (стр. 188).

Польский ученый о проблеме США — Китай

В 1973 г. в Варшаве издана книга Станислава Павляка «Политика США в отношении Китая (1941—1955 гг.)»¹. Критический подход автора к недавней истории политики США в отношении Китая выглядит чрезвычайно актуальным сегодня. Многие американские буржуазные историки, действуя в интересах новой политики США в отношении Китая, прилагают в настоящее время немалые усилия, чтобы показать якобы традиционно справедливый и бескорыстный характер американской политики в Китае. Автор рецензируемой книги на солидном историческом материале показывает узкокорыстные цели политики США, вступивших в войну с Японией не в защиту Китая, как любят утверждать иные американские историки, а ради сохранения своих позиций в Азии и на Тихом океане. Самой существенной для США проблемой, подчеркивается в книге, была не «защита» суверенных прав Китая, а необходимость противостояния японской политике создания «нового порядка в Восточной Азии». Китай должен был расплачиваться за хотя бы временное удовлетворение японских «аппетитов». Япония стремилась развязать себе руки в Маньчжурии, обеспечить экономические и военно-политические привилегии в других районах страны (стр. 21).

В работе уделено значительное внимание анализу места Китая в стратегии США и американском планировании послевоенного устройства на Дальнем Востоке, прослеживается эволюция американских планов в отношении Китая. До начала войны на Тихом океане Китай рассматривали в Вашингтоне как сферу «сотрудничества» с Японией на «принципах равенства», после начала войны борьба соперников шла за преимуще-

В заключение следует отметить, что книга в целом читается с большим интересом и, несомненно, является серьезным научным исследованием социально-экономических проблем китайской деревни.

Г. Д. Сухарчук,
кандидат экономических наук

ственное и исключительное влияние в этой стране. В первый период войны при планировании политики Вашингтона с Китаем доминировали соображения военно-стратегического характера. Автор рассказывает об усилиях США, направленных на мобилизацию ресурсов Китая с целью использования их на нужды войны. По мере приближения конца войны американские интересы в Китае, как отмечается в книге, перемещались из сферы военно-стратегической в сферу политическую — упорядочение внутреннего положения в Китае, укрепление позиций Чан Кай-ши (стр. 42, 44, 65).

Интересными являются те разделы работы, где читатель знакомится с разногласиями в среде инициаторов и проводников политики США в отношении Китая периода второй мировой войны, в частности между генералом Хэрли — руководителем американской посреднической миссии в переговорах между КПК и Гоминьданом, с одной стороны, и американскими профессиональными дипломатами — с другой. Последние ратовали за более активные контакты США с КПК, критически относились к чанкайшистскому режиму. «Если русские вступят в войну на Тихом океане, — С. Павляк приводит заключение профессионального дипломата Дж. Дэвиса, — мы должны предпринять решительные меры, чтобы политически завоевать китайских коммунистов, нежели позволить им перейти полностью на сторону русских» (стр. 117, 118). Внимание ряда американских дипломатов действительно было сосредоточено в то время на поиске средств, с помощью которых они стремились оторвать КПК от СССР. Инициаторы этой политики США упали в связи с этим на национализм Мао и его сторонников. Мао Цзэ-дун в своих выступлениях того времени, с одной стороны, подчеркивал историческое значение успехов советских вооруженных сил в Маньчжурии, которые, согласно его же словам, помогли «китайскому народу выбросить агрессора», с другой — призывал членов КПК к новым усилиям в направлении развития собственных сил и к «опоре прежде всего на самих себя». Он говорил: «Опираясь на силы, которые сами организуем, мы сможем победить китайских и иностранных реакционеров» (стр. 126). Уже тогда в лозунг «опора на собственные силы» Мао вкладывал явно националистическое содержание, что впоследствии стало одним из главных моментов идейно-теоре-

¹ Stanisław Pawlak. *Polityka Stanów Zjednoczonych wobec Chin (1941—1955)*. Warszawa, 1973.

тического обоснования великодержавной политики маоистов.

Дж. Дэвис, на которого ссылается автор, выпустил в 1972 г. книгу, где, пожалуй, более подробно, нежели в материалах, подготовленных им ранее, прослеживается позиция сторонников гибкой политики в отношении Китая. После своего 16-дневного пребывания в Яньани в 1944 г. Дэвис, как он сам об этом пишет, пришел к выводу о том, что коммунисты стали добиваться «идеологической автономии». Мао был, несмотря на внешнюю оболочку, подчеркивает Дж. Дэвис, националистом².

Предположения профессиональных американских дипломатов, считавших, что в случае вступления СССР в войну против милитаристской Японии позиции КПК в значительной мере укрепятся, оправдались. Вступление Советской Армии в войну на Тихом океане создало, отмечает С. Павляк, благоприятные условия для деятельности КПК и руководимых ею воинских подразделений (стр. 123). В этих условиях чанкайшты, поддержанные американской стороной, предприняли ряд мер политического и военного характера с целью воспрепятствовать росту влияния КПК, укреплению ее позиций в стране. После разгрома милитаристской Японии США, используя авиацию и военно-морской флот, перебросили, как показано в работе, с юга Китая в центральные и приморские районы, где концентрировались японские вооруженные силы, полумиллионную армию Чан Кай-ши (стр. 128).

В первые послевоенные годы Китай оказался на втором месте в списке американских приоритетов. Глобальные интересы США связывались американскими политиками с противостоянием прежде всего Советскому Союзу в Европе, где приходили в непосредственное столкновение интересы двух противоположных социальных систем. Именно это обстоятельство в значительной мере сковывало инициаторов политики США в отношении Китая, опасавшихся глубокой вовлеченности в китайские дела, что могло, по их расчетам, нанести ущерб объединенным действиям империалистических сил на главном участке столкновения империализма и социализма. Именно в этой плоскости рассматривает С. Павляк деятельность посреднической миссии генерала Маршалла на переговорах между КПК и Гоминьданом (1946 г.). Маршалл предлагал политическое решение — урегулирование гражданского конфликта мирными средствами — при одновременном военном и экономическом укреплении гоминьдановского Китая в качестве объекта американской экспансии и плацдарма в Восточной Азии в конфронтации с Советским Союзом и другими социалистическими странами (стр. 179). Амери-

канская помощь (номинальная стоимость поставок военного снаряжения и экономической помощи с момента капитуляции и до марта 1949 г. составила 2007 млн. долл.) не могла остановить наступательное движение китайской революции (стр. 379—380).

Рассматривая отношения Соединенных Штатов Америки к Китайской Народной Республике (1949—1955), автор приходит к выводу, что победа китайской революции и образование КНР, победа в КПК интернационалистской линии, определившей курс на сотрудничество китайских коммунистов с СССР, вынудили США пересмотреть стратегические цели своей дальневосточной политики. В связи с этим Павляк обращает особое внимание читателя на провал американских планов создания зависящего от США Китая, выступающего в роли основного для них опорного пункта в Азии, в качестве противовеса Японии и важного звена в политике «окружения» Советского Союза (стр. 243). В работе справедливо подчеркивается характер постепенного отхода США от прежних установок в дальневосточной политике, отмечается выжидательная позиция американской стороны. Эта позиция, согласно авторской концепции, была продиктована главным образом намерением США затормозить процесс советско-китайского сближения. Американское правительство, как отмечается, уже было осведомлено о докладе Мао Цзэ-дуна на II пленуме ЦК КПК 7-го созыва и о его работе «О демократической диктатуре народа», определившей основные внешнеполитические принципы, согласно которым КНР stanovилась на путь сотрудничества с СССР. Но инициаторы американской политики, учитывая националистические тенденции во взглядах Мао Цзэ-дуна, его стремление к руководящей роли в мировом национально-освободительном движении, пытались воспрепятствовать советско-китайскому сотрудничеству (стр. 249—251).

Историки еще не раз обратятся к проблемам внешнеполитического курса США начала 50-х годов, то есть кануна войны в Корее. Ведь именно в это время в политике США по отношению к Китаю активно противоборствовали две тенденции: помощь и поддержка Чан Кай-ши, с одной стороны, поддержка и провоцирование националистических элементов в КПК с целью отрыва китайских коммунистов от Советского Союза — с другой. Преобладание интернационалистских сил в политике КПК повлекло на укрепление первой тенденции в политике США по отношению к Китаю. «Изменение курса американской политики в отношении КНР и переход от политики выжидания, оттяжки решения проблемы признания КНР, — пишет С. Павляк, — к активной политике непризнания Центрального Народного правительства стало ясным особенно после подписания советско-китайского договора в Москве» (стр. 257—258).

В работе шаг за шагом прослеживается эволюция китайской политики США от

² John Paton Davies. *Dragon by the Tail, americans, british, japanese and russian encounters with China and one another*. New York, 1972, p. 364, 369.

прямой военно-политической конфронтации к «сдерживанию», включающему элементы дипломатических переговоров.

Последние части книги посвящены анализу китайско-американской конфронтации 50-х годов и началу (1954 г.) двусторонних встреч представителей США и КНР (первоначально в Женеве, а затем в Варшаве). Оценивая совокупность проблем политики США в отношении Китая в период корейской войны, автор называет эту политику «политикой явной агрессии в отношении КНР» (стр. 303).

Война в Корее выходила далеко за рамки регионального конфликта. Военно-политическое столкновение в Корее в концентрированной форме отражало противоборство двух лагерей — социализма и империализма. Крушение агрессивных планов США в Корее показывало возросшее значение для судеб мира единого фронта социалистических стран, международного коммунистического и национально-освободительного движений. США оказались перед выбором. Как справедливо отмечено в работе, «необходимость выработки новых принципов в отношениях с Китаем происходила из положения, сложившегося в Азии и за ее пределами в результате несомненного поражения Соединенных Штатов в Корее» (стр. 312). Система американско-китайских отношений определялась переплетением элементов военно-политической конфронтации («сдерживание коммунизма») и переговоров. Эта система сохранялась, по мнению автора, в неизменной форме до 1958 г., а в несколько модифицированной — до 1971 г. (стр. 315).

В первые годы после образования КНР Соединенным Штатам не удалось, как отмечает автор, использовать против Советского Союза и других социалистических стран националистические силы в КПК. КНР вместе с другими социалистическими государствами активно боролась против империализма. Дружественные отношения между двумя соседними государствами — Советским Союзом и КНР — полностью отвечали коренным интересам китайского народа. Исторические примеры, на которые автор обращает внимание читателя, весьма убедительно подтверждают это положение. Разве не опасения перед возможным ответным ударом со стороны Советского Союза остановили США от открытого вторжения в Китай в годы войны в Корее? Разве не общая линия всего социалистического содружества не позволила Соединенным Штатам навязать большую войну Китаю в Тайваньском проливе в 1955 и 1958 гг.? Станислав Павляк дает утвердительный ответ на эти вопросы.

Заключение рецензируемой книги, несомненно, вызовет интерес у читателя, и в первую очередь потому, что у автора глубоко аргументирован подход к эволюции политики США в отношении Китая. В качестве важнейшей причины рассматривается

рост антисоветских тенденций во внешней политике КНР. Заключение охватывает проблемы специального исследования. Автор стремится показать поэтапное ослабление напряженности в отношениях между США и КНР как результат роста взаимопонимания между США и националистическими элементами в КПК. С этой точки зрения авторский замысел вполне оправдан и может служить основой для дальнейшей работы в области исследования американско-китайских отношений. Антисоветские тенденции во внешней политике КНР зиждутся — и это подтверждает работа С. Павляка — на национализме, что проявилось еще в годы второй мировой войны и на что делали ставку определенные круги в США при осуществлении своей китайской политики. Заключительный раздел книги ярко показывает, по существу, какой вред нанесла интересам социалистического содружества, интересам китайского народа политика маоистов на мировой арене. «Изменения в американской политике в отношении Китая, поначалу незначительные и осторожные, — пишет автор, — становились заметными по мере усиления расколывающей деятельности китайского руководства в международном рабочем движении, а также отхода КНР от социалистического содружества» (стр. 360, 361). На переговорах послов США и КНР в Варшаве во время пребывания у власти администрации Кеннеди Вашингтон заверил Пекин в том, что не поддержит вторжения Чан Кай-ши на континент. Это были первые реальные шаги американской дипломатии, основанные, как справедливо отмечает автор, на «надеждах того, что в политике КНР, где стали высвистать свой голос настроенные в националистическом духе круги, будут происходить благоприятные с точки зрения США перемены» (стр. 361).

Администрация Джонсона, продолжая, по существу, в китайских делах линию своих предшественников, рассматривала антисоветскую направленность внешней политики Пекина в качестве одного из решающих факторов, определяющих политику США в Азии. Так, например, министр обороны США Р. Макнамара — на его позиции — оттачивает внимание читателя С. Павляк — в своем выступлении перед палатой представителей американского конгресса 27 января 1964 г. убеждал конгрессменов в том, что в результате антисоветской политики Мао Цзэ-дуна КНР не будет в состоянии начать в 1964 г. какой-либо крупной военной кампании в Юго-Восточной Азии. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Джонсон отдал приказ о бомбардировках ДРВ, тщательно взвесив позицию Китая. «Администрация ожидает, — подчеркивал американский президент в своей телеграмме на имя посла США в Сайгоне Луджа, — что после обострения отношений между СССР и КНР акции против ДРВ пойдут успешнее, нежели до него». Эта телеграмма помещена в недавно опубликован-

ных в США документах Пентагона³. Знакомство автора с этими документами, несомненно, принесет ощутимую пользу в его дальнейшей исследовательской работе. Автор приходит к выводу о том, что в 60-х годах США активизировали шаги в направлении расширения и углубления диалога с Китаем. Расчеты ряда политических деятелей в США, уповавших на антисоветизм маоистов, говорили о том, что инициаторы нового курса в китайских делах смотрят на американо-китайскую нормализацию отнюдь не как на средство «поддержания всеобщего мира». В Вашингтоне ожидали от Китая, подчеркивает автор, «отречения от враждебности в отношении США, а также стремилась к отрыву КНР от социалистического содружества... Китайские руководители не отнеслись негативно к американским авансам» (стр. 362).

³ "The Secret History of the Vietnam war, The Complete and Unbridged series as published by the New York Times". "The Pentagon Papers", The New York Times Company. Toronto, New York — London, 1971, p. 285.

Уроки истории свидетельствуют о том, что антисоветизм маоистов, предоставляя империалистам возможность для различного рода политических спекуляций на мировой арене, наносил и наносит значительный вред делу социализма, рабочего и национально-освободительного движения различных стран мира.

В условиях разрядки международной напряженности все большее число политических деятелей в США начинает осознавать необходимость мирного сосуществования между двумя социальными системами. Но подлинная разрядка — а иной альтернативы в условиях существующих реалий быть не должно — зависит от установления духа взаимопонимания и доверия в отношениях между различными странами, и прежде всего между США и СССР. Попытки определенных кругов империалистических государств использовать антисоветизм Пекина в глобальной политике отнюдь не служат этому справедливому делу.

*В. Б. Воронцов,
доктор исторических наук
В. В. Дашков*

Братские коммунистические и рабочие партии разоблачают

Весь процесс мирового развития в нашу эпоху убедительно свидетельствует о том, что не может быть действительной борьбы за социализм, так же как и действительной борьбы против империализма, если она направлена на подрыв социалистического содружества. Поэтому характер отношения к Советскому Союзу, к социалистическому содружеству со стороны государств, политических партий и течений был и остается единственно объективным критерием для определения их места и роли в противоборстве мировых сил прогресса и реакции. Этот критерий позволяет точно установить подлинное классовое содержание внешней политики КНР, антисоциалистическую направленность, реакционный смысл продолжающейся с конца 50-х годов эволюции курса маоистов на международной арене.

На 25-м году существования КНР, как никогда раньше, бесспорным становится тот факт, что синтезирующим моментом стратегии маоистского режима, как и стратегии империализма, выступает антисоветизм, являющийся воплощением враждебности мировой реакции к социалистическим и всем другим революционным силам современности.

Ведя разнузданную пропаганду мелкобуржуазных доктрин антисоциализма и антисоветизма, вступая в прямой сговор с империализмом, предавая интересы развивающихся стран, маоисты проводят раскольнический курс в мировом коммунистическом движении.

Такой курс маоистов, противоречащий принципам социализма и пролетарского интернационализма, решительно разоблачается и осуждается печатью братских коммунистических и рабочих партий, последовательно отстаивающих марксистско-ленинские позиции.

Предательство интересов социализма. «Деятельность Пекина, прямо направленная против наших жизненных интересов, с течением времени приобретает все более диверсионный характер. Это диверсия тройкого вида.

Во-первых, маоисты не прекращают попыток расколоть отдельные коммунистические партии мира, подорвать их единство, цинично приписывая причины различных трудностей и неудач революционной борьбы положениям марксизма-ленинизма, атакуемым ими самими, решениям международных совещаний нашего движения. Не останавливаясь перед грубыми нападениями на отдельные партии, они одновременно поддерживают самых ярых врагов трудящихся масс, как, например, кровавую военную хунту в Чили.

Во-вторых, китайское руководство следит за каждой инициативой и каждым шагом нашего содружества на международной арене, противопоставляя им свою диверсионную альтернативу, рассчитанную на торможение процессов разрядки и сотрудничества. Маоисты входят в политическое соглашение и идут на союз с наиболее реакционными силами и сторонниками холодной войны в борьбе против конструктивных между-

народных решений. Ярким примером этого была яростная борьба Пекина против нормализации отношений между социалистическими странами и Бонном при полной поддержке маонистами ревизионистских тенденций в ФРГ.

В-третьих, китайское руководство является одним из главных поставщиков лжи и клеветы, служащих антисоциалистической пропаганде, которая усердно их использует.

Критика маонизма, разоблачение его позиций и замыслов — общая обязанность, вытекающая не только из явной противоположности позиций КПК и политики Советского Союза и других стран социалистического содружества, но также из угрозы, которую создает маонизм для мира во всем мире, и международной разрядки. На крымской встрече в прошлом году, а затем на декабрьском идеологическом совещании братские партии констатировали, что явный вред политики и пропаганды Пекина общему делу социализма и мира требует от нас активной и согласованной борьбы в теоретической и политической области».

(Из доклада члена Политбюро ЦК ПОРП, секретаря ЦК ПОРП тов. Я. Шидлека. "Nowe Drogi", № 5, 1974)

«Убедительной иллюстрацией политических зигзагов Пекина является его подход к основным проблемам современности. Беспринципная игра маонистов проявилась особенно ясно в оценке, которую они дали расстановке классовых сил на мировой арене. Их точка зрения по основному противоречию в современную эпоху и вытекающим из него выводам о главных движущих силах мирового революционного процесса, по мирному сосуществованию государств с различным общественным строем и другим актуальным политическим вопросам раскрывает не только непоследовательность китайского руководства, но и их порочный, утилитарный подход к оценке современного политического положения».

«Метаморфозы маонистов не являются плодом простой идейной эволюции. Они используются для оправдания действий пекинского руководства — разрыва связей с социалистическим содружеством, конфронтации с Советским Союзом».

«Работническо дело», 14. VI. 1974 (НРБ)

Антисоветизм маонистов. Успехи Советского Союза и других социалистических стран в борьбе за дальнейшее оздоровление международной атмосферы, достигнутые на основе Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, наглядно продемонстрировали миролюбивым народам, что социализм и мир представляют собой одно целое и что мир может быть обеспечен путем единых и сплоченных действий. Однако они вызвали беспокойство и страх у китайских руководителей, которые в этом видят опасность для своих великодержавных целей и поэтому продолжают разжигать антисоветскую кампанию.

«Под предлогом «опасности с севера» Пекин раздувает военную истерию в собственной стране и на антисоветской основе блокируется с мировой реакцией. Пекинские руководители стали приверженцами самой махровой реакции и разоблачили себя как ярые враги социализма... Народы решительно отвергают попытки пекинских руководителей помешать успешному ходу совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе... Антисоветизм китайских руководителей — это не случайное явление. Нет ничего нового в том, что они всегда разжигают антисовет-

скую истерию, когда сталкиваются с особенно большими трудностями как на международной арене, так и внутри страны».

“Neues Deutschland”,
26. I. 1974 (ГДР)

«Принципы мирного сосуществования... находят все большее признание в мире. Однако все еще существуют силы, которые яростно сопротивляются уменьшению международной напряженности. К ним в последние годы полностью присоединилось теперешнее руководство КНР. Пекин, став прямым союзником реакции, решительно выступает против политики социалистических государств. Материалы X съезда КПК показывают, что маоисты считают сейчас главным своим противником Советский Союз, его объявляют «врагом более опасным, нежели империалистические государства». Руководство Китая усиливает антисоветскую направленность своей политики, всеми доступными силами пытается помешать миролюбивой политике социалистического лагеря, устанавливает все более тесное взаимодействие с империалистическими кругами. Эти действия равносильны открытию второго фронта против социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, против народов, борющихся за свое национальное освобождение и независимость».

«...Любое предложение СССР о сохранении и укреплении мира во всем мире, о расширении сотрудничества и взаимопонимания между народами и государствами встречает яростные нападки со стороны Пекина».

«Естественно встает вопрос: почему же маоисты, которые так много кричат об «опасности с севера», не откликаются на многочисленные советские предложения о заключении договора о ненападении, на призыв улучшить межгосударственные отношения? Ответ прост: потому что они сами не верят в ими же придуманную «опасность агрессии», так же как никакой разумный европеец не верит в «опасность» наступления советских дивизий на Париж, Рим, Бонн или Лондон».

«Работническо дело», 24. III. 1974 (НРБ)

«Все же те, кто действительно заинтересован в укреплении мира в Европе и во всем мире, не могут оставаться равнодушными к политическому курсу, который проводит маоистское руководство.

Маоисты не перестают устрашать Запад несуществующей «советской опасностью» и даже выражают протесты относительно участия коммунистов в составе парламентских делегаций буржуазных стран, приезжающих в Китай. С другой стороны, они приглашают и гостеприимно встречают крайне правых реакционных политиков, таких, например, как лидер консервативной партии Великобритании Э. Хит или председатель ХСС Штраус, и других представителей реакционных кругов, которые стремятся затормозить развитие позитивных политических процессов в Европе».

«Попытки китайских деятелей создать нервозность и посеять недоверие в отношениях между странами чехословацкая общественность решительно осуждает».

«Ни псевдомарксистская, ни псевдореволюционная фразеология маоистов не могут скрыть конкретные цели Пекина. Точно так же как экстремисты в капиталистических странах, маоисты боятся могучего процесса разрядки напряженности, усиливающегося антиимпериалистического движения, ускоряющего мировой революционный процесс, борьбу за социальную справедливость и общественный прогресс, за демократию и социализм.

Маоистские руководители очутились на одной платформе с представителями самых реакционных политических кругов капиталистических стран».

“Rudé právo”.
3. VII. 1974 (ЧССР)

Предательство интересов китайского народа. В настоящее время в Китае ведется общеполитическая кампания «критики Конфуция и Линь Бяо». Она свидетельствует о том, что пекинские лидеры, осуществляющие провозглашенный X съездом КПК лозунг о проведении неоднократно и впредь «культурных революций», уподобляет китайский народ «чистому белому листу», на котором можно писать все, что угодно.

«Нынешняя кампания наглядно показывает, что группа пекинских правителей скрывает от народа банкротство политики Мао, приведет экономику и политику КНР в тяжелое состояние, и жестоко преследует всех, кто не одобряет ее антинародный курс. X съезд КПК... не принял никакой программы общественного и экономического развития страны. Съезд не выполнил и задачу примирения и смягчения противоречий и борьбы между группировками в самом пекинском руководстве. КНР, население которой составляет четвертую часть всего населения земного шара, в настоящее время производит лишь около 3 процентов всей мировой промышленной продукции. Однако, несмотря на столь низкий уровень экономического развития, китайские правители в погоне за вооружением ныне 40 процентов государственного бюджета направляют на военные цели. Все это самым отрицательным образом влияет на национальную и культурную жизнь китайских трудящихся. Очередная кампания, проводимая под видом «критики Конфуция и Линь Бяо», приводит китайский народ в состояние духовного смятения и кризиса. Подобный метод решения своих политических противоречий для китайских руководителей не нов. За критикой и нападками на Конфуция скрывается недовольство «левых» некоторыми тактическими изменениями в области политики... В целях придания кампании более острого характера, они тесно связывают ее с Советским Союзом, стремясь сильнее разжечь вражду к стране Советов».

«Унэн», 21. III. 1974 (МНР)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, СООБЩЕНИЯ

Билал Назым —

поэт-патриот

**[к 150-летию
со дня рождения
выдающегося
уйгурского поэта]**

Славный сын уйгурского народа, замечательный поэт Билал Назым родился весной 1824 г. в г. Кульдже. Сведения о его жизни весьма скудны и дают лишь общее представление о том, как складывался творческий путь поэта. Первоначальное образование Билал получил в доме отца, затем поступил в одно из кульджинских медресе, где в течение долгих лет изучал творения великих поэтов Востока: Рудаки, Низами, Джамин, Навои.

Человек, страстно любящий свой народ, преданный родине, Назым не мог быть сторонним наблюдателем событий, потрясавших страну.

Времена были трудные. Народы Синьцзяна, подвергавшиеся гнету китайских поработителей и собственных феодалов, поднимались на борьбу за национальное освобождение, за социальное равенство и справедливость. В течение XIX в. в Синьцзяне имели место семь крупных восстаний (1814, 1816, 1825—1827, 1830, 1847, 1857 и 1864 гг.), направленных против господства маньчжуро-китайских властей. Главной движущей силой этих восстаний было уйгурское крестьянство, выступавшее с антифеодальными требованиями*.

Вместе со своим братом Джалалом Билал Назым с оружием в руках вступил в ряды восставшего народа. После победы восстания, с 1864 г., он был проповедником (имамом) в мечети, но на склоне лет отошел от религии. Точная дата его кончины и место погребения неизвестны, хотя и есть данные о том, что прожил он более 70 лет и похоронен в Яркенде (ныне г. Панфилов).

Основные лирические произведения в жанре газелей Назым написал в годы учебы в

медресе. Позднее, собрав их в один диван, поэт дал ему название «Газалият» (т. е. собрание газелей). Диван Билала неоднократно переписывался от руки и получил широкую известность. Воспевая красоту человека, любовь (что характерно для традиционного жанра газелей), он в то же время выдвинул ряд прогрессивных для своего времени идей, отстаивая равенство, свободу личности, критикуя несправедливость.

Многие поэты того времени в силу своих идейно-политических и религиозно-этических воззрений по-разному высказывали свои взгляды на мир, отношение к действительности. Поэты, стоящие на позициях мистики, в лирических произведениях проповедовали любовь к потустороннему миру и призывали к отрешению от земной жизни, восхваляли деяния пророков.

Такие настроения не оказали существенного влияния на поэзию Билала Назыма. Глубокое и вдумчивое изучение жизни, влияние прогрессивных литературных течений привели его к правильному пониманию назначения литературы. В его поэзии главное не обращение к пророкам, а гуманистические идеи. Он утверждал право человека на счастье, справедливость борьбы за светлое будущее. Отдавая дань любовным мотивам в поэзии, поэт понимал любовь как облагораживающую силу, как самую нежную и возвышенную часть души человека. Поэт не мыслит жизни без любви, он не признает за человека того, кто в любви корыстен, а человека, неспособного на большую любовь, называет «абдукарыном», то есть подобным животному, «рабом своего желудка». Билал считает, что не всякому дано любить, но тот, кто любит, должен быть готовым на любые трудности во имя любви.

Таким образом, он продолжил лучшие традиции уйгурской поэзии, идущие от Абдураима Низари, ибо в центре внимания его творчества стоит совершенно земной человек, а не пророки и ангелы — человек мечтающий, исполненный светлых надежд и помыслов. Вот почему Билал Назым не только непревзойденный мастер интимной лирики, но в первую очередь поэт, посмеявшийся раскритиковать пороки своей эпохи, показать гнилость клерикальной аристократии, встать на защиту бедняков и, что особенно ценно, вместе со своим народом вставший с оружием в руках на борьбу за его освобождение.

В произведениях Билал непосредственно касался причин восстаний: говорил о тяжелой жизни трудового народа, о безжалостном китайском гнете.

О борьбе с феодалами и об антикитайских выступлениях уйгуров Назым рассказал в книге «Повесть о Назугум» и поэмах «Чанмуза Юсупхан» и «Война мусульман против китайцев».

* Н. Кутлук ов. Национально-освободительное движение 1944—1949 гг. в Синьцзяне как составная часть народно-демократической революции Китая. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1963, стр. 5.

«Если это письмо дойдет до вас вечером, то не дожидайтесь утра, если же оно дойдет утром, то не дожидайтесь вечера и немедленно казните ее», — такой приказ, свидетельствует Билал в «Повести о Назугум», последовал из Пекина в ответ на запрос губернатора Синьцзяна о судьбе красавицы Назугум, активной участницы восстания 1825 года. В повествование о ней включены песни, сочиненные Назугум. И по сей день Назугум, подобно таким героиням уйгурского народа, как Ипархан, Маомхан, Ризвангуль и другие, исключительно популярна в народе, и многие уйгуры нанзусть знают ее песни, переданные потомкам Билалом Назымом.

Другое произведение Билала Назыма «Чанмуза Юсупхан» является новаторским и по содержанию, и по форме.

Каким смелым надо было проявить себя в ту пору, раскрывая алчность, грязь, ханжество и лицемерие духовенства в лице авантюриста Юсупхана! Нет сомнения в том, что Билал рассказал не о каком-то исключительном случае, а показал типичное явление своего времени. Продажность религиозных деятелей, фанатизм, одурманивание и обман трудящихся — это наблюдалось повсюду, и, прочитав поэму «Чанмуза Юсупхан», мы можем отчетливо представить себе целую эпоху в жизни уйгурского народа.

Третье крупное эпическое произведение Билала Назыма — написанная в строго традиционном духе поэма «Война мусульман против китайцев».

Как известно, история уйгурского народа, особенно история последних двух веков, — это история его борьбы с китайско-маньчжурскими захватчиками. Не удивительно поэтому, что целый ряд произведений уйгурской литературы посвящен именно этой теме. Пожалуй, наиболее выдающимся из них является поэма Билала Назыма, повествующая о грандиозном народном восстании 1864—1867 гг. Оно охватило значительную часть Восточного Туркестана. На борьбу с китайскими поработителями поднялись не только уйгуры Восточного Туркестана, но и дунганский народ. Объединенными силами уйгуры и дунгане потеснили китайский гарнизон и овладели целым рядом городов и важных населенных пунктов Восточного Туркестана.

Китайский губернатор Восточного Туркестана пытался внести разлад между уйгурами и дунганцами, а когда это не удалось, попытался переманить на свою сторону султана Мазамзата, чтобы подавить восстание его руками. Однако Мазамзат не выступил против восставшего народа. Восстание набирало все большую силу, в него включались новые сотни тысяч дехкан, доведенных до отчаяния маньчжуро-китайскими поработителями.

И все же в ходе восстания среди некоторых руководителей — выходцев из имущих классов и духовенства — не прекращались распри. Билал Назым разоблачал их как жалких прихвостней, для которых важнее

всего не общее дело — освобождение, а личная слава и богатство. Поэт понимал, что цели народа и цели верхов противоположны, а потому писал: «Не подумайте, что все это дела народа, это проделки верхушки».

Вместе с тем поэт восторженно отзывался о подвигах истинных патриотов, о свободолюбии и мужестве дехкан — этих бесстрашных воннов, презирающих смерть.

Возвеличивая народ, Билал Назым стремился к тому, чтобы его творчество было близко и понятно простым людям. Он писал:

Пусть подает виночерпий вино
И Назым, выпив, пусть играет на своем
нае.
Пусть услышит народ звуки этого нае,
Пусть услышит народ мелодию
словья...

Выразитель интересов широких народных масс, Билал Назым в поэме «Война мусульман против китайцев» мечтал и верил, что придут времена, когда его родина избавится от тяжелого гнета. Он говорил в своих песнях: «Не плачьте, люди, выпавшее нам на долю горе устранилось». Он лучше многих других политических деятелей Синьцзяна того времени понимал чаяния крестьянства и скорбно вопрошал: «Где жены у этого народа, где мука для испечения хлеба?»

Билал Назым был образованнейшим человеком своего времени. Он прекрасно знал восточную поэзию и ее выдающихся представителей. В газелях поэта мы нередко встречаем строки, исполненные в духе традиций Лейли и Меджнун, Рустама, Фархада и других прославленных поэтов. Сам он считал себя, судя по всему, учеником Абдурахмана Джамии и Алишера Навои. Билал писал, что однажды во сне увидел Абдурахмана Джамии и после этого признал его своим учителем. В газелях и поэме «Война мусульман против китайцев» он часто упоминает Алишера Навои.

Творчество Билала Назыма дорого уйгурскому народу, оно любимо и почитаемо им. Советские уйгуры изучают произведения своего классика со школьной скамьи. В Алма-Ате издан сборник его произведений. На уйгурском, русском, казахском, узбекском, немецком языках опубликованы статьи и исследования о его творчестве. Однако на территории Синьцзян-уйгурского автономного района КНР его произведения запрещены. Пекинские власти, осуществляя политику великоханьского шовинизма, всеми мерами пытаются лишить народы Синьцзяна всего, что составляет их национальную гордость. Билал Назым опасен им своим свободолюбием и ненавистью к поработителям. Он им опасен и потому, что по сей день его произведения передаются из уст в уста. Любовь к поэту не искоренить: он верил в свой народ и смело отстаивал его права. Поэтому, пока живут на земле уйгуры, бессмертен будет и Билал Назым.

М. К. Хамраев,
доктор филологических наук

Научная конференция «Движение 4 мая»

6 мая 1974 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась научная конференция, посвященная 55-летию «движения 4 мая» 1919 г. С докладами и сообщениями выступили сотрудники Института Дальнего Востока и Института востоковедения АН СССР.

Конференцию открыл заместитель директора ИДВ АН СССР канд. филол. наук В. А. Кривцов; во вступительном слове он подчеркнул, что объективное исследование различных аспектов «движения 4 мая» облачает фальсификаторский характер концепций современной маоистской историографии.

В докладе «Советская Россия и «движение 4 мая» 1919 г. Р. А. Миrowsкая уделила основное внимание отношению Советского государства к поднимавшемуся в Китае национально-освободительному движению. Она отметила, что вопрос о связи борьбы пролетариата передовых стран с борьбой за национальное освобождение народов колониальных и зависимых стран, вопрос о союзе между этими силами был разработан в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Идея союза пролетарского государства с силами национального освобождения стала одной из основ международной политики нашей страны. Отсюда понятно, говорит докладчик, какое значение придавала Советская власть установлению связей с теми силами на Востоке, которые символизировали движение за преобразование восточных стран.

О начале антимпериалистического «движения 4 мая» в Москве стало известно во второй половине августа 1919 г. Патриотический подъем в Китае, естественно, нашел полное понимание и сочувствие в Советской стране.

Здесь уместно указать, говорит докладчик, что буржуазная историография нередко утверждает, будто бы советская программа в отношении Китая сложилась после начала «движения 4 мая». Докладчик документально доказывает, что эта программа была разработана значительно раньше и сообщена китайским властям еще в декабре 1917 г. Широкий резонанс в Китае получило известное Обращение Совнаркома РСФСР «К китайскому народу и правительствам южного и северного Китая» (июль 1919 г.), подготовленное до «движения 4 мая». Советская страна с самого начала выступила посылительницей принципиально новых начал международных отношений, основанных на подлинном равноправии, уважении суверенитета и независимости стран. Как известно, эта политика Советской страны получила самую высокую оценку у прогрессивной общественности Ки-

тая. Обращение Совнаркома РСФСР было воспринято в Китае как помощь в начавшейся борьбе за национальную независимость и социальный прогресс.

В заключение она отметила, что разносторонние советско-китайские контакты, вне сомнения, способствовали более глубокому знакомству с опытом и практической деятельностью советского государства, с марксизмом-ленинизмом и что они оказали положительное воздействие на развитие освободительного движения в Китае.

Воспоминаниями о «движении 4 мая» поделился А. Г. Крымов. Волна патриотического «движения 4 мая», свидетелем и участником которого он был, докатилась и до глухой китайской деревни, где он учился в школе. Школьники распространяли прокламации, расклеивали лозунги и плакаты, устраивали в волостном центре летучие митинги. Однако их пламенные речи тогда еще не производили особого впечатления на присутствующих. С прибытием на летние каникулы студентов из городов агитационная работа приобрела новые формы, например «вэньминьсы», то есть театральные представления своего сочинения, весьма примитивные с точки зрения драматургии, но насыщенные патриотическим содержанием.

«В жаркий июньский вечер 1919 г. в буддистском храме зрители собрались на представление. Перед началом студент, прибывший из города, произнес речь, по окончании которой разбил две красивые фарфоровые вазы японского производства в знак призыва к бойкоту японских товаров. Публика пришла в восторг.

Сама пьеса была посвящена трагической судьбе Кореи и призывала к сплочению в борьбе с японскими империалистами. Такая агитация была очень доходчива и пользовалась колоссальным успехом.

Вскоре я уехал в Шанхай и поступил на работу в китайскую аптеку. «Движение 4 мая» было уже на исходе, но страсти еще не остыли. До этой отсталой кустарной мастерской тоже дошли новые веяния. В октябре 1919 г. к забастовке примкнули и работники аптеки, где я работал, с требованием увеличения зарплаты. Забастовка была моим боевым крещением, — говорил А. Г. Крымов, — хотя смысла и значения ее я в то время осознать еще не мог. Однако заплатить за нее мне пришлось дорого. Оказалось, что директорский сынок донес отцу о моих «бунтарских настроениях» и о распространении мною листовок. Директор меня тут же уволил.

Отец рассказчика очень тяжело перенес этот «позор», грозился утопить сына в реке, завязав в мешок, согласно будто бы семейным традициям. Укрываясь от «смертной казни», А. Г. Крымов читал, правда плохо понимая, «крамольные журналы» «Чжэцзянская волна», «Новая молодежь», которые давал брат, вскоре вступивший в комсомольскую организацию в Шанхае. Работая в ломбарде учеником-посильщиком, он продолжал получать от брата «крамольную» литературу,

из которой узнал Маркса, Ленина, Ли Да-чжао, Чэнь Ду-сю, о Советской России и коммунизме, а через несколько лет стал комсомольцем и коммунистом и принимал активное участие в революционном движении.

В заключение А. Г. Крымов сказал: «Когда я вспоминаю «движение 4 мая», передо мной вырисовываются четкие контуры огромных исторических событий, всколыхнувших страну,— событий, которые заставили каждого китайца призадуматься, переоценить все до сих пор считавшееся незыблемым, осмыслить все происходящее, все окружающее. Воспоминания об этих майских событиях переносят меня к далеким юным годам, когда я страстно, с огромным энтузиазмом, с чувством больших надежд встречал солнечную китайскую весну».

С докладом «Движение 4 мая» и китайский рабочий класс выступила Т. А. Акатова. «Движение 4 мая» отразило внутренние социально-экономические сдвиги в Китае в годы первой мировой войны, а также те новые веяния, которые принесла с собой великая победа Октября. Оно явилось вехой и в развитии собственно рабочего движения и всего национально-революционного процесса, развернувшегося в Китае после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России. С этого времени национальная революция в Китае неразрывно связана со становлением китайского пролетариата и с мировым революционным процессом.

Докладчик остановилась на некоторых чертах китайского рабочего класса, проявившихся уже в «движении 4 мая» и сказавшихся на последующем развитии рабочего движения в Китае, а именно концентрации промышленного пролетариата на крупных предприятиях в главных центрах страны и роли гнета иностранного империализма.

Сообщение Е. Ю. Стабуровой было посвящено рассмотрению социалистических течений в Китае накануне «движения 4 мая». Автор показывает, что интерес к социализму в разных его формах (движение Сунь Ят-сена, группа Цзян Кан-ху, анархизм) ширился непрерывно, несмотря на жесточайшие репрессии режима Юань Ши-кая, а позднее клики Аньфу. После «движения 4 мая» идеи научного социализма вытесняют домарксистские социалистические направления.

Г. С. Каретина осветила политику милитаристов в период «движения 4 мая».

Политическая обстановка в Китае накануне «движения 4 мая» характеризовалась приходом к власти милитаристов как в центральном правительстве, так и в провинциях. Хотя формально после смерти Юань Ши-кая единство Китая было восстановлено, междоусобная борьба продолжалась. Соперничества милитаристов стали институтом, который претендовал на решающее слово в политике, своеобразным «вторым парламентом», диктовавшим свою волю президенту и законному парламенту.

В докладе о «движении 4 мая» и рождении новой китайской литературы В. Ф. Соколкин отметил, что наиболее общей харак-

теристикой литературы и вообще культуры периода «4 мая» является ее оценка как антиимпериалистической и антифеодалской. Однако в этом определении указывается лишь направление и объекты борьбы, которую вела новая литература, а не идеалы, ее воодушевлявшие, и не идейно-эстетическая природа ее новаторства. Основываясь на работах Ли Да-чжао и других деятелей периода «4 мая», можно сказать, что главными требованиями, предъявлявшимися к новой литературе, были общественная полезность, реализм, гуманизм, свобода от оков реакционной идеологии, демократизм. Ее отличали также интернационализм, ощущение живой связи и преемственности по отношению к мировой прогрессивной культуре.

Передовые писатели «4 мая» ориентировались на простой народ. Реальное содержание этого понятия было еще ограниченным, классовый подход к понятию «народ» только еще зарождался. Но само стремление к демократизации литературы было глубоко прогрессивным. Оно требовало постановки действительно важных для жизни народа вопросов: демократизации языка, включения в сферу изображаемого широких слоев «угнетенных и униженных». При этом существенным в отличие от литературы предшествовавшего периода является то, что возникает и укрепляется сознание специфичности судеб этих людей, каждый из которых страдает по-своему и по-своему ищет выхода. В этом проявилась свойственная культуре «4 мая» антифеодалская и гуманистическая в своей основе борьба за «освобождение личности».

Новую литературу отличали тяга к реалистическому постижению противоречий жизни и ее тесная связь с политической и идеологической борьбой.

Реализм стал магистральным направлением литературы, особенно прозы периода «4 мая». Ведущими представителями его стали Лу Синь, Е Шэн-тао, Ван Тун-чжао, Сюй Ди-шань. Основу конфликтов, изображенных в их произведениях, составляло разительное несоответствие между надеждами, порожденными «движением 4 мая», и реальной действительностью милитаристского, помещичьего, торгашеского Китая тех лет.

Характеризуя главную линию поэзии «4 мая» как линию критического реализма, не следует упускать из виду, что она не сводилась лишь к критике общественных пороков. В ней было и положительное, жизнеутверждающее начало. В произведениях названных писателей мы находим изображение людей, уже вступивших в противоборство с силами прошлого.

Основными истоками критического реализма в литературе «4 мая», отметил докладчик, были традиции обличения социального зла, издавна существующие в китайской поэзии, драме и прозе, а также зарубежная, главным образом русская, западноевропейская и японская литература, систематическому знакомству с которыми положила начало культура «4 мая».

Трезвый и глубокий взгляд на жизнь, нетерпимость к лжи и несправедливости, гуманизм и интернационализм — таковы заветы, оставленные реалистической литературой периода «4 мая». В настоящее время в китайской печати понятия «писать правду», «гуманизм» подвергаются нападкам, китайский народ все еще лишают доступа к подавляющей части мирового и отечественного культурного наследия, в том числе к произведениям почти всех писателей «4 мая». Но это лишь свидетельство о силе и жизненности подлинного искусства, соприкосновение с которым губительно для худосочной «культуры», создаваемой сейчас в КНР.

В докладе об особенностях поэзии «4 мая» С. Д. Маркова отметила, что в период «движения 4 мая» поэзия оказалась той областью литературы, в которой бурные события тех лет нашли, пожалуй, особо яркое выражение.

Еще в конце прошлого века сторонники «революции в поэзии» пытались расшатать устой старого стихосложения, однако сделать это удалось только их преемникам в период «движения 4 мая».

Первой публикацией, предлагавшей конкретные шаги для революции в поэзии, была статья Лю Бань-нуна «Мои взгляды на литературные реформы» (начало 1917 г.). Поэт настаивал на необходимости отказаться от старых рифм и создать новые, нарушить строго установленный в классической поэзии размер стиха — словом, произвести коренную перестройку поэтической формы. Строжайшие правила классического стихосложения стали серьезным препятствием для выражения раскованности чувств, молодого энтузиазма новых поэтов.

Родоначальниками новой поэзии явились Лю Бань-нун, Шэнь Инь-мо, Юй Пин-бо, Кан Бай-цин и другие поэты. В газетах и журналах, выходивших на «байхуа», в коллективных сборниках печатали новые стихи

Вэнь И-до, Лю Да-бай, Го Мо-жо, Тянь Хань, Се Бин-синь, Сюй Чжи-мо и многие другие. Все это были литераторы разных направлений, впоследствии часть их порвала с прогрессивным течением в литературе, однако в начале 20-х годов антифеодалный порыв увлекал всех.

Отказавшись от старых стихотворных форм, поэты обратились к свободному стиху. Однако стихи свободной формы не воспринимались на слух как поэзия: их нельзя было традиционно-привычно петь или декламировать, а умеющих читать в Китае было слишком мало. Поэзия, создаваемая для широких масс, оказывалась для них недоступной. Все это вызвало дальнейшие поиски в области стихосложения, стремление упорядочить метрическую сторону стиха, усиление внимания к народной песне и традициям национальной классики. Однако в период подъема «движения 4 мая» полное отрицание всех правил в свободном стихе было явлением закономерным и, несомненно, прогрессивным. Именно в это время был заложен фундамент основного — революционного — направления новой китайской поэзии.

В 60-х годах вся эта поэзия была перечеркнута маоистами, а ее создатели, многие из которых отдали свою жизнь в революционной борьбе, были объявлены врагами нового Китая, проповедниками буржуазной идеологии. Судьбы многих из них нам не известны. И тем не менее новая китайская поэзия, родившаяся в эпоху «движения 4 мая», погибнуть не может; культура народа, по выражению В. И. Ленина, объективно «неустраима», какие бы тяжкие времена ей ни пришлось переживать.

В кратком выступлении А. А. Антиповского было привлечено внимание к связи между литературой «4 мая» и творчеством таких прогрессивных японских писателей начала XX в., как Исикава Такубоку.

Памяти Цюй Цю-бо

Советская общественность широко отметила 75-летие со дня рождения видного деятеля международного коммунистического движения, одного из руководителей КПК, талантливого публициста и литератора Цюй Цю-бо (1899—1935).

Общество советско-китайской дружбы, Институт Дальнего Востока АН СССР и Институт востоковедения АН СССР провели вечер памяти выдающегося китайского коммуниста-интернационалиста. Вступительное слово произнес директор Института Дальнего Востока АН СССР, чл.-корр. АН СССР М. И. Сладковский. Доклад о жизни и дея-

тельности Цюй Цю-бо сделал доктор исторических наук Е. Ф. Ковалев*.

В Институте востоковедения АН СССР состоялась научная конференция отдела Китая и сектора литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, посвященная 75-летию со дня рождения Цюй Цю-бо.

Открывая конференцию, заместитель директора института профессор В. М. Солнцев охарактеризовал Цюй Цю-бо как коммуниста-интернационалиста, выдающегося пропагандиста марксизма в Китае, разностороннего ученого, талантливого журналиста и писателя, чье наследие представляет огромный интерес для Китаеведов различных специальностей — экономистов, историков, философов, литературоведов и лингвистов.

С докладом «Жизненный путь Цюй Цю-бо» на конференции выступил заведующий отделом Китая, доктор исторических наук Л. П. Делюсин.

«Цюй Цю-бо — литературный критик» — тема доклада кандидата филологических

* Этой же теме посвящена его статья «Коммунист-интернационалист Цюй Цю-бо». — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2.

наук М. Е. Шнейдера. Он отметил выдающийся вклад Цюй Цю-бо в ознакомление китайских читателей с русской классической и советской литературой. Вместе с тем, подчеркнул докладчик, значительное место в творческом наследии китайского литератора занимают литературоведческие работы, теоретические и литературно-критические статьи. В них он одним из первых в Китае начал систематически знакомить китайскую творческую интеллигенцию с марксистской эстетикой, ленинскими взглядами на искусство, на классическое наследие, на принципы партийного руководства развитием культуры, литературы и искусства. Позднее главным препятствием на пути распространения и утверждения марксистско-ленинской эстетики среди китайской художественной интеллигенции стала националистическая, «лево»-вульгаризаторская линия в литературе и искусстве, сформулированная Мао Цзэ-дуном в его яньаньских «Выступлениях» 1942 года.

Говоря об утверждении марксистской методологии в китайском литературоведении и художественной критике 30-х годов, докладчик остановился прежде всего на статьях Цюй Цю-бо, содержащих анализ произведений современных ему китайских писателей. Наиболее значительной и зрелой из работ этого рода является «Предисловие к сборнику избранных публицистических произведений Лу Синя» (1933 г.), в котором критик-марксист первым в китайском и мировом литературоведении определил место и выдающуюся роль Лу Синя в создании современной китайской литературы, раскрыл творческие традиции великого художника слова и показал их непреходящее значение для будущего. В «Предисловии» нашли свое воплощение ленинские идеи о культурном наследии. По мнению докладчика, своим творчеством, разработкой важнейших проблем теории и практики революционного литературного движения в Китае Цюй Цю-бо оказал глубокое влияние на многих китайских писателей и деятелей культуры. Его литературное наследие имеет огромное значение для осмысления истории китайской литературы новейшего времени, для определения в ней места литературного движения 30-х годов, извращенного и полностью перечеркнутого ныне маоистами.

Кандидат исторических наук Т. Н. Акатова в докладе «Цюй Цю-бо и шанхайские события 30 мая 1925 года» отметила важную роль Цюй Цю-бо в шанхайском Совете профсоюзов, руководившем революционным выступлением пролетариата, которое послужило началом революции 1925—1927 годов. Цюй Цю-бо был также главным редактором ежедневной газеты «Жэсюэ жибао» («Горячая кровь»), которая впервые вышла 4 июня 1925 года. Всего увидели свет двадцать четыре номера газеты, после чего она была закрыта властями. Газета отстаивала интересы рабочего класса, воспитывала трудящихся в духе пролетарской солидарности и ненависти к империалистическим угнета-

телям. В многочисленных статьях, корреспонденциях и передовицах, помещаемых в газете «Жэсюэ жибао», Цюй Цю-бо откликался на самые животрепещущие вопросы, которые волновали народные массы, поднявшиеся на революцию.

Проблемам художественного перевода посвятил свой доклад «Цюй Цю-бо — поэт-переводчик» доктор филологических наук Л. Е. Черкасский. На примерах переведенных Цюй Цю-бо стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Тютчева и других русских и советских поэтов докладчик раскрыл лабораторию высокого художественного мастерства китайского переводчика, показал его глубокое проникновение в тексты оригиналов. Перевод пушкинских «Цыган», выполненный Цюй Цю-бо в начале 30-х годов, является никем в Китае не превзойденным образцом переводческого искусства.

Актуальной проблеме «Дружба Лу Синя и Цюй Цю-бо» был посвящен доклад В. В. Петрова (Восточный факультет ЛГУ). Как известно, со времени «культурной революции» жизнь и деятельность Лу Синя в китайской печати всячески искажается и фальсифицируется, а его дружба с Цюй Цю-бо и другими коммунистами-интернационалистами полностью замалчивается. Основываясь на тщательном изучении дневников Лу Синя, воспоминаний его друзей и близких, а также других достоверных источников и материалов, В. В. Петров убедительно показал, что в течение двух с лишним лет, вплоть до трагической гибели революционера, Лу Синя и Цюй Цю-бо связывала большая и глубокая дружба, основанная на личной симпатии, а главное — на общности политических и литературных интересов. Благодаря их совместным усилиям окрепла организационно, теоретически и творчески Лига левых писателей Китая. После гибели Цюй Цю-бо именно Лу Синь бережно собрал и издал значительную часть литературного наследия своего друга.

С воспоминаниями о встречах с Цюй Цю-бо на конференции выступил профессор А. Г. Крымов, который близко знал этого замечательного человека. Он рассказал о преподавательской деятельности Цюй Цю-бо в Шанхайском университете в начале 20-х годов. Его блестящие лекции по теории научного социализма, его книги по философии, политической экономии и истории международного рабочего движения вызвали неизменный интерес у китайских революционеров, студентов, в числе которых был в те далекие годы и А. Г. Крымов. Он часто встречался с Цюй Цю-бо и впоследствии — и в дни революционных событий «движения 30 мая» 1925 г., и в Москве в 1928—1930 гг. во время совместной работы в Коминтерне. Докладчик охарактеризовал Цюй Цю-бо как принципиального, стойкого большевика-ленинца, непримиримого к врагам рабочего класса и вместе с тем чуткого и отзывчивого товарища.

М. Г. Теплицкий

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ОТТО БРАУНА

15 августа 1974 г. в Берлине скончался ветеран международного коммунистического и рабочего движения, немецкий коммунист-интернационалист, мужественный борец против фашизма, большой друг Советского Союза Отто Браун (он же Вагнер К. О., Ли Дэ, Хуа Фу).

Отто Браун родился 28 сентября 1900 г. в местечке Исманинг (близ Мюнхена). Революционную деятельность он начал еще студентом учительской семинарии. В 1918 г. О. Браун вступил в «Союз Спартака» и в апреле 1919 г. сражался на баррикадах Баварской Советской Республики. Террор германской реакции принудил его продолжать революционную деятельность в подполье. Он не раз подвергался арестам и приговаривался к тюремному заключению.

В 20-х годах Отто Браун, работал в аппарате ЦК КПГ, был секретарем подпольного окружного комитета в Тюрингии.

Весной 1928 г. он совершил поразительный по дерзости и хладнокровию побег из печально знаменитой Моабитской тюрьмы и по решению ЦК КПГ уехал в Советский Союз. Здесь О. Браун внимательно изучал революционный опыт большевистской партии и военное дело.

В 1932 г., после окончания военной академии имени М. В. Фрунзе, Исполком Коминтерна, по просьбе ЦК КПК направил О. Брауна в Китай в качестве военного советника. Там он пробыл семь лет, с 1932 по 1939 гг., все время находясь в гуще революционных событий, сначала в Шанхае, затем в центральном советском районе на юге Китая. Вместе с китайской Красной Армией он совершил Великий поход с юга на северо-запад Китая. Верный принципам пролетарского интернационализма, О. Браун принимал непосредственное участие в вооруженной борьбе китайского пролетариата и крестьянства за свободный социалистический Китай.

Он помогал руководству КПК и командованию китайской Красной Армии в разработке тактических приемов и стратегических замыслов. Принимал самое деятельное участие в разработке и проведении важных операций, увенчавшихся выходом Красной Армии на север Шэньси, например по сдерживанию натиска гоминьдановских войск во время пято-

го похода, по организации прорыва укрепленных гоминьдановских заградительных линий и др.

Нельзя переоценить его заслуги в деле повышения боеспособности Красной Армии, подготовки квалифицированных командных кадров. И никакие попытки маоистских фальсификаторов истории преуменьшить заслуги О. Брауна, его участие в освободительной борьбе Китая, не смогут стереть память о нем среди истинных борцов за победу социализма в Китае.

В ходе фракционной внутрипартийной борьбы Мао Цзэ-дун и его приспешники ложно обвинили О. Брауна во всех неудачах китайской Красной Армии. Но Отто Браун был и остался пламенным коммунистом-интернационалистом.

В своей книге «Китайские записки (1932—1939)», изданной в ГДР в 1973 г. (перевод ее скоро будет опубликован в Советском Союзе), он с большим уважением пишет о китайских коммунистах, о героической китайской Красной Армии и совместной борьбе за свободный, социалистический Китай. С возмущением и горечью он говорит о фальшивой, авантюристической, антипартийной деятельности Мао Цзэ-дуна и его группы, узурпировавших руководство КПК.

Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. О. Браун находился в Советском Союзе и вместе с советским народом вел мужественную борьбу против немецкого фашизма.

За большие заслуги перед революционным коммунистическим и рабочим движением он удостоен орденов Карла Маркса, Отечественной войны 1-й степени и других наград ГДР и СССР.

До конца своей жизни О. Браун оставался верным другом Советского Союза и советского народа, пламенным коммунистом-интернационалистом.

Светлая память об Отто Брауне, видном деятеле немецкого и международного коммунистического движения, выдающемся коммунисте-интернационалисте навсегда сохранится в сердцах советских людей.

НОВЫЕ КНИГИ

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» АН СССР выпустила следующие книги, посвященные вопросам истории, экономики, философии и филологии стран Дальнего Востока.

С л а д к о в с к и й М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974, 2600 экз., 2 р. 52 к.

В книге освещаются ранние связи народов, населяющих территорию советского Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии, с соседними народами, проживающими на территории современного Китая, а начиная с XVII в. и до 1917 г. — с народами собственно Китая. Экономические отношения рассматриваются автором во взаимосвязи с развитием общих межгосударственных отношений и с учетом состояния экономики соседствующих народов на различных исторических этапах.

С м о л и н Г. Н. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII вв. М., 1974, 1500 экз., 3 р. 60 к.

На большом фактическом материале китайских источников (так называемых династийных историй и др.) раскрывается антифеодальное содержание борьбы крестьян в средневековом Китае, подробно характеризуются пути и формы этой борьбы. Тщательный анализ феодальной экономики и положения крестьянства в исследуемый период позволил автору впервые в марксистской исторической литературе по-новому поставить ряд важных теоретических вопросов о роли крестьянства в развитии средневекового общества. Многие выводы автора убедительно опровергают основные догмы маоистских теоретиков по крестьянскому вопросу.

Е р м а ч е н к о И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974, 1700 экз., 1 р. 07 к.

Рассматривается история маньчжуро-монгольских отношений в XVII в. На основе китайских и других источников периода правления маньчжурской династии Цин в Китае автор воссоздает, проанализировав структуру монгольского общества того времени, картину отношений между маньчжурскими правителями и княжествами Южной Монголии с момента их возникновения и до завоевания маньчжурами (к середине 30-х годов XVII в.), а также освещает агрессивную политику правителей Цинской империи в отношении Северной Монголии. Особое внимание автор уделяет формам и методам маньчжурской дипломатии, с помощью которых Цины осуществляли захват Южной и Северной Монголии, а также положению монголов в составе Цинской империи XVII в.

Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. Сборник статей. М., 1974, 1750 экз., 1 р. 32 к.

В сборнике освещаются малоисследованные вопросы истории аграрных отношений и крестьянских движений в Китае, в частности аграрных отношений I—III вв. н. э., и истории народных, крестьянских вооруженных восстаний, начиная с XI в. и кончая периодом буржуазной революции 1911—1913 гг. Все статьи сборника основаны на китайских источниках.

История и культура Китая. Сборник статей памяти академика В. П. Васильева. 1974, 7000 экз., 1 р. 81 к.

Сборник состоит из двух частей. В первой собраны статьи, освещающие многообразную научную и педагогическую деятельность В. П. Васильева, во второй — статьи, касающиеся различных сторон истории и культуры Китая. Среди последних большое место занимают работы, в которых анализируется социальная структура, идеи и институты старого Китая, показывается специфика китайской культуры, проводится сравнение между идеологическими системами Китая и иных цивилизаций.

Яцковская К. Н. Дэшдоржийн Нацагдорж. Жизнь и творчество. М., 1974, 2500 экз., 71 к.

Книга посвящена жизни и творчеству крупнейшего монгольского писателя и общественного деятеля Д. Нацагдоржа (1906—1937) — человека яркой судьбы и большого таланта. Он сочетал в своем творчестве национальные традиции с достижениями европейской культуры. Его короткий творческий путь отмечен новаторскими произведениями в поэзии, прозе, драматургии. Они принесли ему славу одного из основоположников современной монгольской литературы.

Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Сборник статей. М., 1974, 1300 экз., 1 р. 34 к.

В сборнике рассматривается широкий круг проблем, связанных с изучением литератур Дальнего Востока: особенности различных жанров, характер средневековой литературы этого региона, тенденции литературного развития в новое время. Большое место занимают вопросы поэтики, а также динамика литературных процессов. Показана взаимосвязь литератур Дальнего Востока от ранних истоков до наших дней.

Гуревич И. С. Очерк грамматики китайского языка III—V вв. М., 1974, 1250 экз., 1 р. 32 к.

«Очерк» посвящен описанию грамматики китайского языка III—V вв. — периода, называемого в исследованиях по истории китайского языка переходным от древнекитайского к среднекитайскому, так как в нем, с одной стороны, сохранились почти без изменений некоторые явления, характерные для грамматического строя классического древнекитайского языка, и, с другой — возникли некоторые новые явления, ставшие потом обычными в среднекитайском языке.

Основным материалом, на базе которого написана работа, являются буддийские сутры, переведенные на китайский язык в III—V вв. и записанные языком, близким к разговорному. В качестве дополнительных источников используются оригинальные китайские произведения этого периода.

Вновь собранные драгоценные парные изречения. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарии Е. И. Кычанова. М., 1974, 5000 экз., 74 к.

Тангутский ксилограф XII в. никогда ранее не публиковался в советской печати и полностью не переводился. Несмотря на небольшой объем, в нем представлены почти все известные в наше время типы тангутских изречений (пословицы, поговорки, народные афоризмы, присловия и т. п.). Переводу предпослана вступительная статья, в которой автор освещает принципы тангутского стихосложения, кратко излагает историю тангутского книгопечатания и отмечает роль народов Центральной Азии в развитии книгопечатания на Дальнем Востоке.

Цзи Юнь. Заметки из хижины «Великое в малом». Перевод с китайского. М., 1974, 4200 экз., 2 р. 10 к.

Сборник рассказов и заметок видного китайского писателя XVIII в. занимает значительное место в истории китайской литературы. Сочинение до настоящего времени полностью не переводилось на другие языки. Переводу предпослано предисловие, в котором исследуются жизнь и творчество автора, а также дан очерк истории развития жанра. В приложение включены указатели сюжетов, имен и географических названий.

Поспелов Б. В. Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974, 6700 экз., 1 р. 32 к.

В книге рассматриваются вопросы развития буржуазной философской и социологической мысли послевоенной Японии. Наряду с этим освещаются некоторые проблемы распространения в Японии материалистической философии, борьбы против «левого» и правого ревизионизма в области философии.

Большое внимание уделено критике социал-реформистских социологических теорий. Специальные разделы книги посвящены полемике, ведущейся в настоящее время в философских и социологических кругах Японии по поводу высказываний и практической деятельности маоистов. Касаясь современных проблем, автор затрагивает отдельные идейно-философские аспекты японо-китайских отношений.

Лазарев Л. М., Полякова Н. А., Смирнов Б. В., Печать, радио и телевидение Японии. Краткий справочник. М., 1974, 1500 экз., 38 к.

Авторами собраны как общие сведения о газетно-журнальном деле, радио и телевидении в одной из крупнейших капиталистических стран мира, так и справочные данные о многочисленных органах столичной и провинциальной прессы, газетных трестах, радио- и телекомпаниях.

Экономика современной Японии. Сборник статей. М., 1974, 7600 экз., 1 р. 06 к.

Освещается ряд актуальных и малоисследованных в советской японоведческой литературе проблем. В сборник включены статьи, характеризующие ведущую монополистическую группу Японии — концерн «Мицубиси», рынок рабочей силы Японии в условиях научно-технической революции, роль научных исследований и их использование монополиями в производстве. Рассмотрены внешнеэкономические связи Японии, в частности новые явления в экспорте и импорте капитала, а также экономические взаимоотношения Японии и США. Авторами статей использовано много интересного и нового материала, главным образом на японском языке.

Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми., М., 1974, 5500 экз., 2 р. 64 к.

Книга написана выдающимся советским востоковедом. Она включает отдельные очерки, написанные в 20—50-х годах, многие очерки печатаются впервые. В книге большое внимание уделено развитию литературного процесса, проблемам поэтики, жанров, стиля, эстетики, анализу отдельных произведений. Заканчивается книга статьями о русско-японских связях, об изучении русских классиков в Японии.

Кодзан Есиэнгэ. Современная философия. Заметки в «духе Ямато». Перевод с японского. М., 1974, 10 000 экз., 77 к.

В книге (впервые на русском языке) публикуются две работы видного современного японского философа-марксиста. Первая написана в 1937 г.,

но не потеряла своей ценности, оставаясь и сегодня образцом боевой пропаганды марксистско-ленинской философии и острой полемики с японскими философами-идеалистами. Второе произведение, написанное в 1969 г., направлено против идеологии японского милитаризма.

Книга снабжена послесловием и комментариями.

Вахрушев В. В. Неоколониализм — орудие империализма. М., 1974, 6800 экз., 74 к.

Работа посвящена анализу политики империализма в отношении развивающихся стран. В ней всесторонне анализируются новые политические и экономические методы (включая использование международных экономических организаций), посредством которых империалистические державы стремятся сохранить зависимое положение стран «третьего мира».

**ЧИТАЙТЕ, ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЖУРНАЛ**

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА»

Основная задача журнала — освещать политику Советского Союза на Дальнем Востоке, направленную на укрепление мира и безопасности в этом районе.

На страницах журнала находят отражение вопросы экономики, политики, идеологии, истории, культуры стран и народов Дальнего Востока.

Значительное место в журнале отводится социалистическим странам Дальнего Востока, их экономическим достижениям и росту их международного авторитета, борьбе СССР и этих стран против политики империалистических государств в данном районе.

Издание журнала, который выходит на русском, английском и японском языках, вызвано растущим интересом советской и зарубежной общественности к проблемам Дальнего Востока.

Вы можете подписаться на журнал в любое время и получать его с очередного номера.

Периодичность журнала — 4 номера в год.

Подписная цена на год — 2 руб.

Индекс 70758

Сдано в набор 28. VI. 1974 г. Подписано к печати 14. VIII. 1974 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 7^{3/4}. Печ. л. 21,7 Уч.-изд. л. 22,94
Изд. № 18864. А09181 Заказ 1382. Цена 50 коп. Тираж 15 000.
Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21
Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
30	13 сверху	империалистических	империалистских
32	21 снизу	призывала	призвала
36	19 сверху	нынешней	нынешний
148	21 снизу	Мин	Минь
175	2 снизу	См. сноску № 33	А. М. Григорьев (далее как в тексте)
207	8 сверху	подготовка	подготовке